

А • ПУШКИН

СТИХОТВОРЕНИЯ • ПОЭМЫ •

СКАЗКИ •

Александр Сергеевич Пушкин

**Стихотворения. Поэмы.
Сказки**

(БВЛ. Серия вторая #103)

БВЛ, том 103.

В сборник вошли избранные стихотворения, поэмы великого русского поэта А. С. Пушкина, а также его знаменитые сказки.

Содержит цветные иллюстрации.

Вступительная статья, примечания Д. Благого

Содержание

#1	0022
Гений национальной и всемирной литературы	
Лирика и поэмы Александра Пушкина	0021
Стихотворения	0100
#1	0100
К другу стихотворцу	0100
Осгар	0107
Красавице, которая нюхала табак	0114
Казак	0116
К студентам	0119
К Батюшкову	0122
Воспоминания в Царском Селе	0126
Романс	0136
Городок (К ***)	0138
Батюшкову	0154
Лицинию	0155
Старик	0162
Наполеон на Эльбе (1815)	0163
К Пущину (4 мая)	0169
Мечтатель	0172
Мое завещание друзьям	0175
Воспоминание (К Пущину)	0178
Моя эпитафия	0180
Сраженный рыцарь	0180
К Дельвигу (Ответ)	0183

Слеза	0185
Роза	0186
«Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...»	0187
К бар. М. А. Дельви́г	0188
Тень Фонвизина	0189
Гроб Анакреона	0202
Послание к Юдину	0204
Усы Философическая ода	0213
Сон (Отрывок)	0215
Окно	0228
Осеннее утро	0229
Наездники	0231
Певец	0233
К Морфею	0234
Желание	0235
Друзьям	0236
Заздравный кубок	0236
Амур и Гименей	0238
Шишкову	0240
Пробуждение	0243
Любопытный	0244
Надпись к беседке	0245
К Каверину	0245
Элегия	0246
Безверие	0248
Дельви́гу	0254
В. Л. Пушкину	0256

Князю А. М. Горчакову	0257
Прощанье	0261
Разлука	0263
«Простите, верные дубравы!..»	0264
К ***	0265
«Краев чужих неопытный любитель...»	0266
К ней	0267
Вольность Ода	0269
Торжество Вакха	0273
Кн. Голицыной, посылая ей оду «Вольность»	0277
«Когда сожмешь ты снова руку...»	0278
Выздоровление	0279
Жуковскому	0281
К портрету Жуковского	0282
Мечтателю	0283
К Н. Я. Плюсковой	0285
Сказки Noël	0286
К Чаадаеву	0288
На Карамзина	0289
История стихотворца	0289
Дорида	0290
Н. Н (В. В. Энгельгардту)	0291
Орлову	0293
К Щербинину	0295
Деревня	0297
Домовому	0301
Русалка	0302

Недоконченная картина	0305
Уединение	0305
Веселый пир	0306
Всеволожскому	0306
Стансы Толстому	0309
Возрождение	0310
Послание к кн. Горчакову	0311
Добрый человек	0314
Мадригал М....ой	0314
Дориде	0315
«Мне бой знаком — люблю я звук мечей...»	0316
Юрьеву	0317
«Увы! зачем она блистает...»	0318
К ***	0319
«Мне вас не жаль, года весны моей...»	0320
«Погасло дневное светило...»	0321
Дочери Карагеоргия	0324
Черная шаль	0325
Нереида	0328
«Редет облаков летучая гряда...»	0329
К портрету Чаадаева	0330
К портрету Вяземского	0331
На Аракчеева	0331
«Как брань тебе не надоела?...»	0332
Земля и море	0332
Муза	0333
«Я пережил свои желанья...»	0334

Война	0335
Из письма к Гнедичу	0337
Кинжал	0339
В. Л. Давыдову	0342
Дева	0344
Катенину	0345
Чаадаеву	0346
К моей чернильнице	0352
«Кто видел край, где роскошью природы...»	0356
Дионея	0358
«Умолкну скоро я!.. Но если в день печали...»	0359
«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»	0360
Наполеон	0363
«Гречанка верная! не плачь, — он пал героем...»	0368
К Овидию	0369
Приметы	0377
Кокетке	0378
Алексееву	0380
Десятая заповедь	0382
«Хоть, впрочем, он поэт изрядный...»	0383
Баратынскому Из Бессарабии	0384
Друзьям	0385
Песнь о вещем Олеге	0386
«Люблю ваш сумрак неизвестный...»	0393

Гречанке	0394
Из письма к Я. Н. Толстому	0396
Послание цензору	0397
Иностранке	0406
«Наперсница волшебной старины...»	0407
Ф. Н. Глинке	0408
Адели	0409
Узник	0410
Птичка	0411
Царское Село	0412
«Кто, волны, вас остановил...»	0413
Ночь	0414
«Завидую тебе, питомец моря смелый...» .	0415
«Надеждой сладостной младенчески дыша...» .	0416
Демон	0417
«Простишь ли мне ревнивые мечты...» . .	0418
«Свободы сеятель пустынный...» {281} . . .	0421
Кн. М. А. Голицыной	0422
Телега жизни	0423
«Недвижный страж дремал на царственном пороге...»	0424
«Все кончено: меж нами связи нет...»	0429
Давыдову	0430
Прозерпина	0431
Из письма к Вульффу	0433
К Языкову	0434
Разговор книгопродавца с поэтом	0436

К морю	0444
Коварность	0447
«О дева-роза, я в оковах...»	0449
«Туманский прав, когда так верно вас...»	0449
Виноград	0451
Фонтану Бахчисарайского дворца	0451
«Ночной зефир...»	0453
#160	0453
«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...»	0454
Дружба	0456
Подражания Корану Посвящено П. А. Осиповой	0456
«Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...»	0465
Чаадаеву	0467
Аквилон	0468
«Пускай увенчанный любовью красоты...»	0469
Второе послание к цензору	0470
«Полу-милорд, полу-купец...»	0475
«Не знаю где, но не у нас...»	0475
«Охотник до журнальной драки...»	0476
Сожженное письмо	0477
Козлову	0478
Желание славы	0479
П. А. Осиповой	0481
«Храни меня, мой талисман...»	0482

Андрей Шеньё Посвящено Н. Н. Раевскому

0483

К *** 0495

Жених 0496

«Если жизнь тебя обманет...» 0504

Вакхическая песня 0505

«Цветы последние милей...» 0506

19 октября 0506

«Всё в жертву памяти твоей...» 0516

Зимний вечер 0516

«Вертоград моей сестры...» 0518

«В крови горит огонь желанья...» 0519

Буря 0519

С португальского 0520

«О муза пламенной сатиры!...» 0522

«Сказали раз царю, что наконец...» 0523

Друзьям 0524

Совет 0525

Прозаик и поэт 0526

Жив, жив курилка! 0526

Ex ungue leonem 0527

Соловей и кукушка 0528

Движение 0529

«Воспитанный под барабаном...» 0530

«От многоречия отрекшись добровольно...»

0530

«Нет ни в чем вам благодати...» 0531

«Под небом голубым страны своей родной...»

0531

К Вяземскому	0533
К Языкову	0534
Песни о Стеньке Разине	0535
Признание	0538
Пророк	0540
Няне	0541
«Как счастлив я, когда могу покинуть...» .	0542
«Каков я прежде был, таков и ныне я...» .	0544
И. И. Пущину	0545
Стансы	0546
Ответ Ф. Т***	0547
Зимняя дорога	0548
К**	0549
Мордвинову	0550
Золото и булат	0552
«Во глубине сибирских руд...»	0552
Соловей и роза	0553
«Есть роза дивная: она...»	0554
Ек. Н. Ушаковой	0554
Княгине З. А. Волконской	0555
«В степи мирской, печальной и безбрежной...»	0556
Арион	0557
Ангел	0558
«Какая ночь! Мороз трескучий...»	0559
Кипренскому	0562
Поэт	0563

«Близ мест, где царствует Венеция златая...» . . .	
0564	
«Всем красны боярские конюшни...»	0565
Послание Дельвигу	0567
«Блажен в златом кругу вельмож...»	0574
19 октября 1827	0575
Талисман	0576
Эпиграмма (Из антологии)	0577
Друзьям	0578
«Кто знает край, где небо блещет...»	0580
To Dawe, Esq r	0583
Воспоминание	0584
Ты и вы	0585
«Дар напрасный, дар случайный...»	0586
«Еще дуют холодные ветры...»	0587
«Кобылица молодая...»	0588
Ее глаза	0589
«Не пой, красавица, при мне...»	0590
К Языкову	0591
Портрет	0592
Наперсник	0593
«Счастлив, кто избран своенравно...»	0593
Предчувствие	0594
Утопленник	0595
«Рифма, звучная подруга...»	0599
«Ворон к ворону летит...»	0601
«Город пышный, город бедный...»	0602
19 октября 1828	0603

«В прохладе сладостной фонтанов...»	0603
Анчар	0605
Ответ Катенину	0607
Ответ А. И. Готовцовой	0608
Цветок	0609
Поэт и толпа	0610
Щербинину	0613
Е. Н. Ушаковой	0614
«Подъезжая под Ижоры...»	0615
Приметы	0616
Эпитафия младенцу	0617
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	0617
Калмычке	0618
Из Гафиза (Лагерь при Евфрате)	0619
Олегов щит	0620
«Зорю бьют... из рук моих...»	0621
«Был и я среди донцов...»	0622
Дон	0623
«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...»	0625
Зимнее утро	0629
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	0630
«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...» . .	0631
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»	0632
Кавказ	0634
Обвал	0636
Монастырь на Казбеке	0637
Делибаш	0638

«Когда твои молодые лета...»	0639
К бюсту завоевателя	0640
Эпиграмма	0641
«Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...»	0642
«Как сатирой безымянной...»	0643
Сапожник (Притча)	0643
Эпиграмма	0644
Собрание насекомых	0645
#291	0645
Циклоп	0646
«Что в имени тебе моем?..»	0646
Ответ	0647
«В часы забав иль праздной скуки...»	0648
Сонет	0649
К вельможе	0650
Новоселье	0658
«Когда в объятия мои...»	0659
Поэту	0660
Мадона	0661
Бесы	0662
Элегия	0665
Ответ анониму	0666
Труд	0668
Царскосельская статуя	0669
«Глухой глухого звал к суду судьи глухого...»	0669
Дорожные жалобы	0670
Прощание	0672

Паж, или Пятнадцатый год	0673
«Румяный критик мой, насмешник толстопузый...»	0675
«Я здесь, Инезилья...»	0677
Рифма	0678
Отрок	0679
Заклинание	0679
Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы	0681
Герой	0682
«В начале жизни школу помню я...»	0685
На перевод Илиады	0689
«Для берегов отчизны дальней...»	0689
Отрывок	0690
Из Barry Cornwall	0691
«Пред испанкой благородной...»	0692
Моя родословная	0693
Цыганы	0697
«Перед гробницею святой...»	0698
Клеветникам России	0700
Бородинская годовщина	0703
Эхо	0707
«Чем чаще празднует лицей...»	0708
«Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...»	0710
«И дале мы пошли — и страх обнял меня...»	0711
Мальчику (Из Катулла)	0715

В альбом А. О. Смирновой	0716
В альбом к ж. А. Д. Абамелек	0717
Гнедичу	0718
Красавица	0720
К ***	0721
В альбом	0722
(Из Ксенофана Колофонского)	0723
«Бог веселый винограда...»	0724
«Юноша, скромно пируй, и шумную Вакхову влагу...»	0725
Вино (Ион Хиосский)	0725
Гусар	0726
«В поле чистом серебрится...»	0731
«Сват Иван, как пить мы станем...»	0732
Будрыс и его сыновья	0734
Воевода	0738
«Когда б не смутное влеченье...»	0741
«Колокольчики звенят...»	0741
Осень (Отрывок)	0742
#352	0742
«Не дай мне бог сойти с ума...»	0749
«Я возмужал среди печальных бурь...»	0751
«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»	0752
«Он между нами жил...»	0753
Песни западных славян	0754
(Из Анакреона) Отрывок	0803
Ода LVI (Из Анакреона)	0804

Ода LVII	0805
«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...»	0805
Полководец	0806
Туча	0811
Из А. Шенъе	0812
«Кто из богов мне возвратил...»	0813
Странник	0815
«... Вновь я посетил...»	0822
«Я думал, сердце позабыло...»	0825
На выздоровление Лукулла Подражание латинскому	0826
Пир Петра Первого	0828
Подражание арабскому	0830
Д. В. Давыдову	0831
Мирская власть	0832
(Подражание италиянскому)	0834
(Из Пиндемонти)	0835
«Альфонс садится на коня...»	0837
«Отцы пустынники и жены непорочны...»	0839
«Когда за городом, задумчив, я брожу...»	0840
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»	0842
Художнику	0844
«Была пора: наш праздник молодой...»	0845
На статую играющего в свайку	0849
На статую играющего в бабки	0849

«От меня вечер Леила...»	0850
Поэмы	0851
Руслан и Людмила	0851
Кавказский пленник Повесть	0963
Гавриилиада	0996
Братья разбойники	1026
Бахчисарайский фонтан	1035
#6	1036
Цыганы	1060
Граф Нулин	1086
Полтава	1102
#10	1102
Тазит	1166
Домик в Коломне	1178
Анджело	1197
Медный всадник Петербургская повесть	1241
Сказки	1262
Сказка о попе и о работнике его Балде	1262
Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди	1271
Сказка о рыбаке и рыбке	1308
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях	1317
Сказка о золотом петушке	1338
Алфавитный указатель произведений	1347

**А. ПУШКИН
СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ
СКАЗКИ**

Гений национальной и

всемирной литературы

Лирика и поэмы Александра Пушкина

«Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет!..» Немало сказано за полтора с лишним века замечательных слов о Пушкине-человеке и о Пушкине-поэте. Но так поэтически задушевно и так психологически точно, как Тютчев в этих строках, не сказал, пожалуй, никто. И вместе с тем выраженное в них языком поэзии полностью соответствует научной истине, подтверждено временем, строгим судом истории.

Первый русский национальный поэт, родоначальник всей последующей русской литературы, начало всех начал ее — таково признанное место и значение Пушкина в развитии отечественного искусства слова. Но к этому следует добавить еще одно и весьма существенное. Пушкин смог добиться всего этого потому, что впервые — на достигнутом им высочайшем эстетическом уровне — подымал свои творения на уровень «просвещения

века» — европейской духовной жизни XIX столетия и тем самым полноправно вводил литературу русскую в качестве еще одной и значительнейшей национальносамобытной литературы в семью наиболее развитых к тому времени литератур мира.

Александр Сергеевич Пушкин родился 26 мая (6 июня по н. ст.) 1799 года в Москве. В семье его родителей — типичных представителей столичного дворянства того времени — интересовались литературой и театром. Сергей Львович, отец поэта, и сам писал стихи на французском языке. Дядя поэта, Василий Львович Пушкин, был довольно известным в свое время стихотворцем. В московской гостиной Пушкиных неоднократно бывали Карамзин и Дмитриев, а также наиболее талантливые представители литературной молодежи — Батюшков и Жуковский. Однако литературные интересы и занятия отца и даже дяди по существу носили дилетантский характер. Детей С. Я. Пушкин воспитывал на обычный тогда для дворянских кругов чужеземный лад: сдал на руки гувернеров-ино-

странцев.

Пушкин горько жаловался позднее на недостатки своего «проклятого» воспитания, отрывавшего его от родного языка, родного народа. Но, помимо французов-воспитателей, в детстве около него были и простые русские люди: крепостной дядька Никита Козлов, черты которого, несомненно, отразились в Савельиче из «Капитанской дочки», и мастерица меткой и яркой народной речи няня Арина Родионовна. О ее сказках и песнях, «затверженных от малых лет», в которых, по словам Пушкина, звучал голос родины, он вспоминал даже незадолго перед смертью (в набросках к стихотворению «Вновь я посетил...»). «Проклятое» воспитание давало себя знать: первые литературные опыты мальчика Пушкина были на французском языке.

Осенью 1811 года Пушкин начал учиться в только что созданном Царскосельском лицее. Вскоре грянула Отечественная война. И самого Пушкина и его друзей-лицеистов охватило величайшее патриотическое воодушевление. Отныне, как правило, он стал писать на русском языке, ощутил себя русским поэтом. В

Лицее вскоре создалась весьма насыщенная литературно-творческая атмосфера: возникли литературные кружки, выпускались рукописные журналы. Пушкин скоро сделался душой литературного лицейского мирка. Уже в 1814 году в «Вестнике Европы» появляется стихотворение четырнадцатилетнего Пушкина — сатирическое послание «К другу стихотворцу». Несмотря на традиционность жанра, фразеологии, даже самого содержания этих стихов, в них отчетливо звучат начинающие уже в эту пору складываться литературные убеждения молодого поэта. Автор предъявляет к «хорошим стихам» требование общественной полезности и выражает твердую решимость посвятить себя литературе — стать писателем, хотя это и не сулит ему никакого житейского благополучия и преуспевания. К самому началу следующего, 1815 года относится и первый громкий триумф Пушкина-поэта, связанный с произведением, в значительной своей части посвященным Отечественной войне 1812 года, — с «Воспоминаниями в Царском Селе».

Чтение «Воспоминаний» на лицейском эк-

замене явилось одним из самых волнующих эпизодов литературной биографии Пушкина, навсегда запечатлевшимся в его сознании и в значительной степени определившим его дальнейшую жизненную судьбу. Особое значение тому, что произошло, придало присутствие на экзамене крупнейшего русского поэта прошлой эпохи Державина. Прослушав пушкинские «Воспоминания в Царском Селе», Державин предугадал, что в смуглом и кудрявом отроке, с восторженным трепетом прочитавшем перед ним свои стихи, зреет его подлинный исторический преемник, растет, как он уверенно твердил, «второй Державин». Одобрение Державина произвело огромное впечатление и на окружающих, и на самого Пушкина. К этому времени в журналах уже было напечатано несколько его стихотворений, но только под «Воспоминаниями в Царском Селе» он поставил свою полную подпись: *Александр Пушкин*. «Воспоминания» были проникнуты горячим патриотическим чувством, отражавшим общее настроение передовых людей того времени. Но уже и в эту пору гордость великим историческим подви-

гом русского народа сочетается в поэте с гражданским негодованием к его угнетателям — с ненавистью к «рабству» («К Лицинию», 1815).

Школьные годы были временем и литературного ученичества Пушкина, поражавшего товарищей необыкновенной начитанностью, замечательной осведомленностью в самых разнообразных явлениях русской и в особенности французской литературы. В первых его стихотворениях сказываются различные воздействия; начинающий поэт как бы трогает то те, то другие струны — от иронии Вольтера до меланхолии Оссиана. Однако в выборе литературных учителей скоро начинают проявляться определенные влечения и вкусы. В ранние лицейские годы (1813–1814) он пишет в основном в духе и стиле Батюшкова. Стихи «Российского Парни», певца радости, неги и любви, как называет его мальчик Пушкин, пленяют его античной грацией, стройностью, изяществом поэтической формы и вместе с тем особой романтической мечтательностью, не заключающей в себе ничего потустороннего, окрашенной в подчеркнуто «земные» то-

на. Все это вполне гармонировало с пушкинскими настроениями дней его «золотой весны». Но под влиянием внешних впечатлений и внутреннего созревания поэта дни «беспечности», ничем не омрачаемой радости бытия быстро проходят. С 1815 года в поэзии Пушкина начинают нарастать «унылые», элегические ноты, столь характерные для раннего русского романтизма и получившие наиболее полное художественное выражение в лирике Жуковского. Следом за Жуковским на условном языке традиционных элегических образов и мотивов (неразделенная любовь, одиночество, безвременное увядание, ранняя могила) Пушкин начинает «выговаривать» свои первые «жалобы на жизнь», свои первые обиды и разочарования, свою неудовлетворенность окружающим. Но в то же время ему остается совершенно чужда мистическая окрашенность романтизма Жуковского, его фантастика в духе средних веков.

Прохождение школы Батюшкова — Жуковского, двух поэтов, у которых культура русского стиха достигла наивысшего для того времени совершенства, имело чрезвычайно

важное значение и для развития художественного мастерства Пушкина. На двойной основе — стиха Батюшкова с его пластичностью, скульптурностью, «зримостью глазу» и стиха Жуковского с его музыкальностью, богатством мелодических оттенков, способных передавать тончайшие движения души и сердца, — синтетически вырабатывается тот качественно новый, небывалый по своей художественности пушкинский стих, первые образцы которого мы встречаем уже в некоторых лицейских произведениях поэта и который с таким несравненным блеском даст себя знать в его последующем творчестве.

Еще на лицейской скамье Пушкин стал активным участником той ожесточенной литературной борьбы, которая разгорелась между приверженцами старых и новых литературных течений — членами реакционного литературного общества «Беседа любителей русского слова» и кружка воинствующей литературной молодежи «Арзамас». Не имея возможности присутствовать на заседаниях «Арзамаса», Пушкин громил в своих стихах «друзей непросвещенья», поборников «тьмы»,

«угрюмых певцов» «Беседы». Эти стихи — колыбель Пушкина-полемиста, бойца, автора политических эпиграмм, сатирических посланий к цензору.

В поисках отечественных образцов Пушкин обращается к одной из самых прогрессивных традиций предшествовавшей ему литературы — к писателям так называемого «сатирического направления» XVIII века, произведения которых были наиболее связаны с жизнью, заключали в себе больше всего элементов народности и реализма: автору «Недоросля» — Фонвизину, «бесценному шутнику» — Крылову. Очень важно, что уже в эти годы Пушкин знакомится и с произведениями первого русского революционного писателя Радищева, многие суждения которого оказывают несомненное влияние на формирование литературных взглядов Пушкина-лицейста.

Окончив в 1817 году Лицей и зачислившись на службу в Коллегию иностранных дел, Пушкин поселяется в Петербурге. Вырвавшись из шестилетнего лицейского «за-

точенья», поэт не только жадно предается «светским» развлечениям, но и активно включается в литературную и общественную жизнь столицы: посещает заседания «Арзамаса», вступает в дружеское объединение «Зеленая лампа» — литературный филиал ранней тайной политической организации «Союз благоденствия».

К этому времени в стране все более сгустилась правительственная реакция, и в то же время в передовых кругах дворянства усиливались оппозиционные настроения. Начали возникать тайные общества, подымалась первая волна назревающего движения дворянских революционеров — будущих декабристов. Ближайшие лицейские друзья Пушкина — И. И. Пущин, В. Д. Вольховский — сразу же по окончании Лицея вступили в первое тайное общество «Союз спасения». По авторитетному свидетельству Пущина, полностью разделял его политические взгляды и Пушкин.

Беспечно-веселые стихи Пушкина этой поры, славящие радости земного бытия, Вакха и Киприду, были не только проявлением из-

бытка молодости, кипящих жизненных сил, но и своеобразной формой протеста против ханжества и мистицизма, которыми были охвачены круги высшего придворного общества во главе с Александром I и которые определяли антипросветительскую правительственную политику конца 10-х — первой половины 20-х годов. Юродствующему «большому свету» — «вельможам», «святым невеждам», «изношенным глупцам», «почетным подлецам» — Пушкин противопоставляет в своих стихах «тесный круг друзей» — «философов и шалунов», «счастливых беззаконников», «набожных поклонников Венеры»; «кривляню придворной мистики» — «святую библию харит» — кощунственную в глазах святош и пользовавшуюся большой популярностью в декабристских кругах поэму Вольтера «Орлеанская девственница». Все чаще и настойчивее в его стихах в одном ряду со словами «Вакх», «Амур», «Венера» появляется и слово «свобода». Такое сочетание было реальной и характерной чертой времени — периода, когда на шумных сборищах дворянских «либералистов» тосты в «честь Вакха,

Муз и красоты» и чтение стихов перемежались вольнолюбивыми разговорами, а подчас и смелыми революционными проектами. Примерно такой характер носили и заседания «Зеленой лампы» и «сходки» в домах у будущих декабристов, со многими из которых Пушкин в эту пору близко сошелся.

В тайное общество, о существовании которого Пушкин догадывался, он не был принят. По свидетельству Пуцина, дружески, можно сказать, братски расположенного к поэту, «подвижность пылкого его нрава, сближение с людьми ненадежными» «пугали» членов тайного общества. Позднее Пуцин иначе взглянул на все это. Упомянув о «ненормальном быте» Пушкина по выходе из Лицея, об его шумном рассеянно-светском существовании, он продолжает: «...видно, впрочем, что не могло и не должно было быть иначе; видно, нужна была и эта разработка, коловшая нам, слепым, глаза». Действительно, «светские» впечатления Пушкина послелицейского периода дали ему богатейший материал для изображения той шумной и пестрой сутолоки, той картины праздного и праздничного

петербургского быта, которую так ярко нари-
сует он позднее в первой главе «Евгения Оне-
гина» — типической картине «жизни светско-
го молодого человека» того времени. Пушкин,
по укоризненным словам Пущина, «кружил-
ся в большом свете», но он же и настойчиво
рвался из этого круга. Задыхаясь в атмосфере
придворного и светского ханжества, мракобе-
сия, самодурства, низкопоклонства, лести, ка-
рьеризма, поэт страстно искал людей высо-
кой гражданской настроенности-«с душою
благородной, возвышенной и пламенно сво-
бодной». Таких людей поэт находил среди де-
ятелей тайного общества, и тем больше пере-
живал недоверие, которое чувствовал с их
стороны. «Он затруднял меня опросами и рас-
спросами, — рассказывает Пущин, — от кото-
рых я, как умел, отделялся, успокаивая его
тем, что он лично, без всякого воображаемого
им общества, действует как нельзя лучше для
благой цели». Выйдя из Лицея, Пушкин и в са-
мом деле почти сразу же стал энергично и в
высшей степени успешно действовать «для
благой цели». Образцами передовой, высоко-
идейной литературы являются «вольные»

стихи Пушкина, в которых он предстает в качестве поэта-трибуна, пламенного провозвестника идей назревающей дворянской революционности.

Позднее Пушкин ставил себе в особую заслугу, что он «вославил свободу» вслед за Радищевым. И действительно, в написанных в первые же послелицейские годы стихотворениях «Вольность» и «Деревня» он с небывалой дотоле художественной яркостью и силой снова подымает основные радищевские темы — резко ополчается против самодержавия и крепостничества. В программно-политическом отношении оба эти стихотворения умереннее радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» с имеющимися в нем призывами к всенародному восстанию против самодержавия, к расправе крестьян над помещиками. В первом из них, названном так же, как и революционная ода Радищева, «Вольность», Пушкин, осуждая и казнь народом французского короля Людовика XVI, и убийство дворянами-заговдрщиками Павла I, выступает за ограничение самодержавия «законом» — конституцией. Во втором — «Дерев-

ня» — выражает горячее желание увидеть зарю «просвещенной свободы» и «рабство, падшее по манию царя». Но силой ненависти к «самовластительным злодеям» на троне, гневным и негодующим гражданским чувством при виде угнетенного «диким барством» народа стихи Пушкина оказывали громадное революционизирующее воздействие.

В то же время в пушкинских «вольных» стихах с огромной эмоциональной силой проявились и обаятельные черты, присущие лучшим представителям революционной молодежи: восторженно-страстное горение, пламенный революционный патриотизм, горячая вера в торжество «святой вольности». В наиболее совершенной художественной форме Пушкин запечатлел эти черты в своем первом послании 1818 года «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), человеку особенно близкому в то время поэту. Заключительные его строки исполнены такого чудесного молодого порыва, проникнуты таким благородным и высоким воодушевлением, что это стихотворение прозвучало как своего рода первое объяснение в любви Родине и

Свободе.

В сатирических песенках — «ноэлях» — и в многочисленных эпиграммах этого времени Пушкин бичевал и конкретных носителей зла: от «кочующего деспота», надевавшего на себя «лицемерную» либеральную маску, «венчанного солдата» — Александра I и царского «друга и брата», «притеснителя» всей России — ненавистного Аракчеева до всякого рода царских «холопов при звезде», духовных и светских носителей реакции. Не меньшей популярностью пользовались и острополитические «крылатые словечки», которые Пушкин, по свидетельству современников, во «всеуслышание» произносил в театре и других публичных местах. Именно здесь-то, в этих беглых экспромтах и мгновенно — на лету — возникавших эпиграммах, с особой яркостью и силой сказывалась политическая настроенность Пушкина и в то же время с особенным блеском проявлялось его меткое и беспощадное остроумие — умение несколькими рифмованными строчками навеки пригвоздить противника к позорному столбу.

Отчетливо сказалась в «вольных» стихах

Пушкина и его творческая эволюция. Ода «Вольность», в которой, отталкиваясь от анакреонтической «легкой поэзии», Пушкин взывает к музе высокой гражданской лирики — «грозе царей», «гордой певице» свободы, написана в стиле классицизма, но классицизма революционного, радищевского. «Деревня», начатая в духе сельской сентиментальной идиллии, своей второй, социально-обличительной частью начисто снимает карамзинскую идилличность и также обретает черты, подобные революционной «чувствительности» радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». Наконец, послание «К Чаадаеву» является ярчайшим образцом зарождающегося в последних стихотворных произведениях Радищева русского революционного романтизма. Вместе с тем эти три стихотворения, хотя и разные по своему стилю, непосредственно, хронологически и по существу, зачинают в русской литературе политическую поэзию декабристов. Именно этим и объясняется, что Пушкин первым из всех своих вольнолюбивых друзей и единомышленников подвергся преследованиям правитель-

ства. Сначала Александр I хотел отправить поэта, считавшего себя преемником Радищева, вслед Радищеву же в Сибирь; и лишь благодаря настойчивым усилиям и хлопотам высоко ценивших Пушкина Чаадаева, Жуковского, расположенного к нему Карамзина и других удалось заменить эту суровую кару более легкой — ссылкой на юг. По первоначальному проекту царя другим возможным местом ссылки Пушкина намечался Соловецкий монастырь. Это говорит о том, что наряду с политическим вольномыслием Пушкину вменялась в вину и антирелигиозная настроенность, о которой имеются свидетельства ряда современников. Боевым духом протеста против мракобесия и мистицизма проникнуто и первое законченное эпическое произведение Пушкина — поэма «Руслан и Людмила», задуманная и начатая им еще в Лицее.

Ни над одним своим произведением, за исключением «Евгения Онегина», не работал он так долго и так упорно. Уже одно это показывает, какое большое значение он придавал своей поэме, явившейся первым, до конца осуществленным крупным его стихотворным

произведением с широким эпическим содержанием. В поэме было немало традиционно-го. Сам Пушкин вспоминал в связи с ней Вольтера как автора «Орлеанской девственницы», в свою очередь, своеобразно использовавшего традицию рыцарской поэмы итальянского поэта эпохи позднего Возрождения Ариосто «Неистовый Роланд». Хорошо были известны Пушкину и опыты русской ироико-мической, шутовой и сказочно-богатырской поэмы последней трети XVIII — начала XIX века. Следы всего этого можно без особого труда обнаружить в «Руслане и Людмиле». Но это именно только следы. В целом же поэма Пушкина, использовавшего в порядке широкого художественного синтеза самые разнообразные опыты своих предшественников, — произведение, пусть еще во многом юношески незрелое, но глубоко новаторское.

«Руслан и Людмила» не является литературной переработкой какого-либо одного фольклорного источника. Широко используя в своей новой поэме еще с детства, со слов няни, запомнившиеся сказочные эпизоды, образы и мотивы, поэт свободно и непринужден-

но смешивает и перемежает их с прочитанным, с литературными реминисценциями. Но, несмотря на достаточно ограниченную в этом отношении романтическую «народность» пушкинской поэмы, уже в ней стал ощутим народный «русский дух», она «Русью пахнет».

В намеренно заимствованном из «Двенадцати спящих дев» Жуковского эпизоде «Руслана и Людмилы» (пребывание Ратмира в замке дев) Пушкин вступает в прямое единоборство с «певцом таинственных видений», «обличает» его в «прелестной лжи», пародийно переключая «небесное» в сугубо «земное». Но и независимо от этого сказочно-фантастическая романтика пушкинского произведения, условность которой не только сразу очевидна, но и неоднократно иронически подчеркивается поэтом, прямо противоположна религиозно-средневековой романтике Жуковского. Поэма жизнерадостна, оптимистична, полностью соответствует духу русских народных сказок с их торжествующими в конечном счете положительными героями, с их победой добра над злом.

«Реалистичность» изображения героев и романтический «историзм» «Руслана и Людмилы» еще так же относительно, как и «народность» поэмы. Но для русской литературы того времени даже и это являлось выдающимся художественным открытием. Взамен окутанной туманами, озаренной таинственным лунным сиянием балладной действительности Жуковского перед нами хотя и условно сказочный, но яркий, полный красок, движения мир, пестрый и разнообразный, как сама жизнь. С этим разнообразием содержания связано жанровое и стилистическое новаторство произведения. Наряду с эпическим в нем присутствовало и ярко выраженное лирическое начало — личность автора-рассказчика, который скреплял весь этот разнохарактерный материал в единое художественное целое.

Поэма написана в русле поэтического языка Батюшкова и Жуковского, развивавших традиции «нового слога» Карамзина, в основу которого было положено то, что Ломоносов называл «средним штилем». Это сближало литературный язык с разговорной речью, но

и вносило в него существенные ограничения в духе салонно-дворянской карамзинской эстетики. В «Руслане и Людмиле» Пушкин не раз снимает эти ограничения, заимствуя, когда он считает это нужным, языковой материал из сферы «высокого штиля» и вместе с тем смело черпая слова, выражения, обороты из «низкого штиля», народного просторечия. Случаи эти не так уж многочисленны, но по той негодующей реакции, которую они вызвали со стороны не только «классиков», но и карамзинистов, видно, как велико было принципиальное их значение. «Стихотворный язык богов должен быть выше обыкновенного, простонародного», — заявлял в этой связи один из критиков. А другой прямо сравнивал грациозно-шутливую поэму Пушкина с мужиком «в армяке, в лаптях», втершимся в «Московское Благородное Собрание» и «закричавшим зычным голосом: здорово, ребята!». Прогрессивными литературными кругами поэма, наоборот, была восторженно принята. Пушкин утверждал ею романтический принцип творческой свободы писателя от всякого рода педантических теорий и «пра-

вил», литературных условностей, закостеневших традиций. В поэме, по словам Белинского, было заключено «предчувствие» «нового мира творчества»; этим она и открывала новый, пушкинский период в истории русской литературы.

20 марта 1820 года Пушкин читал у Жуковского заключительную песнь «Руслана и Людмилы»; а через неделю с небольшим петербургский генерал-губернатор Милорадович, по внушению Аракчеева, дает распоряжение полиции добыть текст оды «Вольность». Это было началом грозы, вскоре разразившейся над головой поэта: в начале мая Пушкин выехал в далекую южную ссылку, сначала в Екатеринослав, затем после четырехмесячной поездки с семьей генерала Раевского по Кавказу и Крыму к месту назначенной ему службы — в Кишинев.

Жизнь Пушкина резко изменилась. Поэт был вырван из привычного круга друзей и знакомых, из столичной обстановки. Вместо петербургских улиц перед ним были дикие и суровые горы Кавказа, бесконечные морские просторы, залитое ослепительным южным

солнцем Крымское побережье. «Искателем новых впечатлений», «бежавшим» от столь прискучившего ему и презируемого им петербургского светского общества, ощущал себя поэт. Жадно, как и все передовые его современники, начинает он читать именно в эту пору произведения Байрона, что, естественно, усиливало романтическую настроенность Пушкина. Ярко сказалась она в первом же его лирическом стихотворении периода южной ссылки, которое он начал писать ночью на корабле, по пути из Феодосии в Гурзуф, — элегии «Погасло дневное светило...». Проникновенно-лирическое, сотканное из «волнений и тоски», горьких воспоминаний о «ранах сердца» и мечтательных порывов к новому, неизвестному, стихотворение представляет собой один из замечательнейших образцов русской романтической лирики. Музыкальным рефреном его является образ волнующегося моря, в котором как бы объективируется мир души поэта-романтика и который будет сопровождать Пушкина в течение всего южного периода его творчества. Обращением к морю — «угрюмому океану» — он начинается, проща-

нием с морской «свободной стихией» заканчивается («К морю», 1824).

В том же августе 1820 года, когда была завершена Пушкиным элегия, принимается он за работу над своей первой южной поэмой «Кавказский пленник». В «Руслане и Людмиле» поэт уносился «на крыльях вымысла» в мир светлой сказки древних лет. Новая поэма обращена к реальной жизни, к современности. Сам Пушкин подчеркивал не только глубоко лирическую, субъективную окрашенность своей поэмы, но и прямую автобиографичность (в смысле общей «душевной» настроенности) образа ее «главного лица». Неудачу разработки характера героя он прямо склонен был объяснять тем, что действовал здесь субъективно-лирическим методом («списал» его с самого себя), подсказанным ему гремевшими в эту пору по всей Европе «восточными» поэмами Байрона. «Кавказский пленник», как и вскоре написанный «Бахчисарайский фонтан», по позднейшим словам самого Пушкина, «отзывается чтением Байрона, от которого, — добавляет поэт, — я с ума сходил». Но уже в «Кавказском плен-

нике» при несомненном сходстве с Байроном обнаруживаются и существенные от него отличия, которые в дальнейшем будут все углубляться и нарастать и придадут творчеству Пушкина не только совсем иной по отношению к великому английскому поэту, но во многом и прямо противоположный характер.

В лиро-эпических поэмах Байрона, как почти и во всем его творчестве, преобладающим являлось лирическое, глубоко личное, субъективное начало. В «Кавказском пленнике» наряду с лирическим началом — потребностью самовыражения — сказывается пристальное внимание поэта к окружающей действительности, зоркое в нее вглядывание, умение верно воспроизвести хотя бы некоторые ее черты. Об образе Пленника Пушкин замечал: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века». Замечание это показывает, что и в этот период своего творчества Пушкин уже ставит перед собой задачу художественного отражения объективной действи-

тельности, хочет дать в лице главного героя поэмы образ, типичный для современности, наделенный «отличительными чертами» своей эпохи.

Однако субъективно-романтический метод изображения «главного лица» вступал в противоречие с замыслом Пушкина — воспроизвести типический образ героя-современника. Это «был первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил», писал поэт позднее о Пленнике. Но уже и этот еще «неудачный опыт» был замечательным художественным достижением Пушкина. В своем разочарованном герое-свободолюбце при всей субъективности и недостаточной художественной зрелости его образа поэту все же удалось уловить характерные особенности целой исторической эпохи.

«Исторической» является поэма Пушкина и по своей проблематике. Столкновение вольнолюбивого героя с общественной средой — глубоко не удовлетворяющим его, презираемым им «светом» — разрешается Пушкиным в соответствии с излюбленной сюжетной схемой романтиков: бегство из мира культуры в

мир первобытной, «естественной» жизни. «Отступник света, друг природы», герой-одиночка, страстно ищущий «свободы», покидает «родной предел» и летит «в далекий край» — на дикий, первобытный Кавказ. Эта коллизия была в высшей степени характерна для начала 20-х годов XIX века — преддекабрьского периода русской общественной жизни.

Еще сильнее непосредственные впечатления от действительности сказываются во внефабульных частях поэмы — описаниях природы Кавказа и нравов горцев. Природа и быт Кавказа показаны в пушкинской поэме по преимуществу с романтической их стороны. И вместе с тем «местные краски» в «Кавказском пленнике» отличаются замечательной верностью действительности. «Не понимаю, каким образом мог я так верно... изобразить нравы и природу, виденные мною издали», — удивлялся позднее, при втором посещении Кавказа, сам поэт.

Литературно-общественное значение «Кавказского пленника» неизмеримо больше значения «Руслана и Людмилы». В своей первой южной поэме Пушкин дает образец воль-

нолюбивого романтического произведения лирико-повествовательного типа, открывая этим новую и важную страницу в духовной жизни русского общества — полосу «новейшего романтизма». Двадцатитрехлетний Пушкин становится во главе современной ему литературы, ведя ее теперь за собой. Вместо шутливо-сказочной романтики «Руслана и Людмилы» Пушкин обрел «Кавказским пленником» и для самого себя, и для всей русской литературы глубокий источник романтики в самой действительности. Всем этим объясняется неслыханная литературная популярность «Кавказского пленника», огромное количество вызванных им подражаний, наконец, самое утверждение жанра романтической поэмы в качестве основного, ведущего жанра русской литературы 20-х годов.

«Неудача» создания в «Кавказском пленнике» художественно-типического образа героя-современника приостановила на некоторое время дальнейшие попытки поэта написать повествовательное произведение на современном материале. Его новая поэма, «Бахчисарайский фонтан», тоже о прошлом; но ес-

ли в «Руслане и Людмиле» старина в основном облечена в форму сказки, здесь она дается в форме воспроизведения хотя и легендарного, но все же рассказа о былом. Как и «Кавказский пленник», поэма тесно связана с непосредственными, на этот раз крымскими впечатлениями Пушкина. Романтичность сюжета, в основу которого положено местное предание об исключительной по страстности и силе, преображающей душу любви крымского хана к плененной им польской княжне, яркая живописность образов — разочарованного и мрачного Гирея, неистово-страстной Заремы, которой противопоставлен ангельски чистый облик Марии, глубокая эмоциональность тона, нарочито таинственная недоговоренность повествования — все это делает «Бахчисарайский фонтан» произведением, наиболее отвечающим поэтике «байронической» поэмы. Вместе с тем поэт делает здесь весьма плодотворную для его последующего творческого развития попытку не субъективно-лирического, как в образе Пленника, а более объективного, драматизированного изображения характеров. Этот первый опыт

еще не вполне удался. Пушкин позднее сам иронизировал над «мелодраматичностью» образа Гирея; но он же отмечал, что «сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство». Однако отсутствие и в этой поэме, как и в «Руслане и Людмиле», живой, непосредственной связи с современностью, видимо, не удовлетворяло поэта. Можно думать, что именно поэтому он считал ее «слабее» «Кавказского пленника».

Годы ссылки сыграли важную роль в идейно-творческом развитии поэта. Период расцвета пушкинского романтизма был и периодом его стремительного интеллектуального роста, временем упорного труда, раздумий, чтений, настойчивых стремлений «в просвещении стать с веком наравне».

На юге поэт был окружен деятелями гораздо более решительного и радикального Южного тайного общества; встречался с вождем его, Пестелем, общение с которым произвело на него очень сильное впечатление. По справедливым словам Вяземского, Пушкин хотя «и не принадлежал к заговору, который приятели таили от него, но он жил и раскалялся в

этой жгучей и вулканической атмосфере». В этой атмосфере, еще сильнее накаляемой буржуазно-национальными революционными движениями начала 20-х годов в ряде европейских стран, мысль и чувство поэта все больше революционизируются.

Тема «вольнлюбивых надежд» — порывов к свободе, «святой вольности» — составляет одну из основных тем творчества Пушкина периода южной ссылки. Тема эта пронизывает собой южные поэмы. Снова и снова звучит она в пушкинской лирике (стихотворения «Кинжал» и «Наполеон», 1821; «Узник», 1822; «Птичка», 1823).

Однако политическая обстановка той поры не оправдывала романтических надежд Пушкина на победу «народов» над «королями». Политика Священного союза, созданного для подавления национально-освободительных и революционных движений, явно торжествовала: к 1823 году очаги народно-освободительных движений — революция в Неаполе, испанская революция, восстание греков под предводительством Ипсиланти — один за другим были растоптаны; в России свиреп-

ствовала аракчеевская реакция. «Смотря на запад Европы и вокруг себя», поэт вопреки своим первоначальным ожиданиям и надеждам всюду видел мрачную картину побежденных «народов» и торжествующих «королей».

По-прежнему страстно призывая революционную «грозу», которая разрушила бы «гибельный оплот» самодержавия и крепостничества, поэт все меньше верит в возможность близкой революционной бури. Настроения скептицизма и пессимизма этой поры нашли яркое выражение в стихотворении «Демон» — о льющем в душу «хладный яд» «зломном гении», который не верил ни любви, ни свободе, презирал вдохновение, звал прекрасное мечтой и на все взирал с язвительной насмешкой. Горькое разочарование, неверие в возможность торжества свободы звучат и в написанной тогда же «притче» о сеятеле («Свободы сеятель пустынный...»).

Поэт вначале склонен был видеть причину неудач и крушения революционных стремлений в пассивности, долготерпении и покорности самих «народов». Романтический культ героя-одиночки, «мужа судеб», противо-

поставляемого «покорным рабам», звучит в ряде стихотворений Пушкина этой поры. Однако действительность вносила существенные поправки в эти романтические иллюзии: «герои» при ближайшем рассмотрении оказывались вовсе не так героичны. Уже в стихотворении «Наполеон» (1821), написанном после получения известия о смерти Наполеона, Пушкин осознал глубоко эгоистическую природу наполеоновского героизма. Образ «могучего баловня побед» еще окружен романтическим ореолом, но в то же время герою-индивидуалисту Пушкин противопоставляет высокий патриотический подвиг русского народа, «сердца» которого не постигнул и не разгадал надменный завоеватель, народа, самоотверженно отстаивавшего свою независимость и свою родную страну.

Неоднократно бывал Пушкин в эту пору свидетелем и активного протеста народа против угнетателей. Протест этот носил стихийный, бунтарский характер, но он наглядно показывал, что русское крестьянство вовсе не так уж смиренно и покорно подставляет себя под ярмо и бич. Со всем этим непосредствен-

но связан и один из интереснейших замыслов Пушкина, относящихся к 1821–1822 годам, — создание большой поэмы о волжских разбойниках. По не вполне ясному для нас причинам Пушкин, согласно его собственным словам, уничтожил всю поэму, за исключением небольшого отрывка, опубликованного им позднее под названием «Братья разбойники».

«Братья разбойники» — первый, еще романтический опыт разработки Пушкиным темы народного, крестьянского протеста, которая займет такое значительное место в дальнейшем его творчестве. Но чем больше росли интерес и сочувственное внимание Пушкина к простому народу, к крестьянству, тем острее и болезненнее стал он ощущать резкую разобщенность между народом и передовой дворянской интеллигенцией. Перед поэтом все настойчивее встают в качестве основных, актуальнейших вопросов, связанных с «духом века» и настоятельно требующих своего разрешения, с одной стороны, проблема отношений между народом и представителями передового дворянства, с другой — проблема народных движений, роли народа в истории.

Именно на основе этой проблематики создаются значительнейшие произведения творчества Пушкина 20-х годов: последняя его романтическая поэма «Цыганы», начатая в январе 1824 года на юге, в Одессе, и оконченная в Михайловском в конце того же года, и его величайшие реалистические создания — роман в стихах «Евгений Онегин» и историческая трагедия «Борис Годунов».

Сюжет и «главное лицо» поэмы «Цыганы» — как бы новая вариация «Кавказского пленника». Но психологический облик героя поэмы Алеко развит значительно больше и гораздо последовательнее. О свободолюбии Пленника упоминалось самым общим и неопределенным образом. В патетических репликах Алеко Земфире об этом говорится прямо. Тому, что в поэме именуется «оковами просвещения», цивилизованной «рабской» жизнью, «неволей душных городов», людям, как стадо, скученным за «оградой», лишенным очарования природы, стыдящимся своих естественных чувств, торгующим своей свободой, противопоставляется вольная жизнь «дикого», кочевого племени.

Гораздо резче и рельефнее дан в «Цыганах» и второй член антитезы — то вольное существование, в условия которого Алеко попадает. Свободные от оседлой, устоявшейся жизни, от сковывающей собственности, земли, дома, от связанных со всем этим «законов», цыгане являют собой как бы предельное выражение искомой героем романтической «вольности». Но самое важное и существенное, что отличает «Цыган» от «Кавказского пленника», — совершенно иные отношения, в которые становятся «просвещенный», цивилизованный герой и «дикое», первобытное племя.

Алеко — незаурядный, резко выделяющийся из окружающей среды человек, обладающий многими положительными качествами — острокритическим умом, способностью к большим чувствам, сильной волей, смелостью, решительностью. Он глубоко не удовлетворен окружающим, искренне и страстно ненавидит рабский и торгашеский строй современного ему общества. Бунт его против общества — это бунт во имя вольности против рабства, во имя «естественности», «приро-

ды» — против общественных отношений, основанных на «деньгах и цепях» и сковывающих, порабащивающих мысль и чувства человека. Алеко здесь — с лучшими людьми своего времени. Не случайно как вся поэма, так и образ самого Алеко породили такой живой и сочувственный отклик у Рылеева и других декабристов. Но рвущийся из «оков просвещения», из «неволи городов», пламенный и решительный вольнолюбец, не признающий власти «судьбы», идущий ей наперекор, Алеко оказывается игралищем «страстей», их «послушным» рабом. По ходу поэмы раскрывается глубоко эгоистическая, «злая» природа этих страстей, порожденная тем самым собственническим строем, на который он так яростно ополчается. Со всей наглядностью это проявляется на отношениях Алеко к Земфире. Земфира — предельное выражение степной, цыганской свободы. Эту свободу она вносит и в свое чувство. Мгновенно и своенравно увлеклась она Алеко; два года была ему «подругой», но затем его любовь ей прискучила. Тут-то и пробуждаются злые «страсти» в душе Алеко, все те инстинкты, которые вскормле-

ны его прошлым, его классом, общественной средой. Требующий для себя безграничной свободы, Алеко ни в какой мере не склонен уважать свободу других. Вольнолюбец становится насильником. Проповедник вольности оказывается беспредельным эгоистом, злым ревнивцем, собственником, рассматривающим, как неотъемлемо принадлежащую ему, неотчуждаемую вещь, жизнь и судьбу другого человека — женщины, свободно предававшейся ему, пока она его любила. Так вскрываются в поэме злобные, античеловечные «страсти» — сокровенная суть, изнанка души и характера героя, совершающего под влиянием их страшное преступление.

«Оставь нас, гордый человек!» — этот суровый финальный приговор старика цыгана относится не к одному лишь Алеко. «Гордый человек» — «байронический» герой вообще. Это тот представитель «молодежи 19-го века», тот «современный человек» — детище современного ему общества, развернутую характеристику которого Пушкин даст позже, в седьмой главе «Евгения Онегина».

Не меньшим, чем обрисовка и раскрытие

характера «современного человека», замечательным достижением Пушкина является изображение народной среды — цыган. Характеры всех трех цыганских персонажей пушкинской поэмы строятся и разворачиваются на образах и мотивах народно-песенного творчества. Уже Радищев выдвинул положение о тесной связи между тоном и настроением народных песен и народной «душой» — национальным характером. Пушкин в «диком напеве» песни Земфиры ищет и обретает ключ, дающий ему возможность проникнуть в «душу» народа, в тайники национального характера. Наряду с почти одновременно писавшимися «Подражаниями Корану», «Цыганы» представляют собой первый замечательный образец пушкинского умения проникать в дух чужой национальности, которое с такой силой скажется в его последующем творчестве.

«Цыганы» — одно из первых русских произведений, влияние которых вышло за пределы отечественной литературы, — не только получили исключительно высокую оценку Проспера Мериме, который перевел их про-

зой на французский язык, но, несомненно, отозвались (образом Земфиры) в его прославленной новелле «Кармен». В отношении творческого развития самого Пушкина очень важно, что в «Цыганах» он начинает переходить от субъективно-лирического восприятия действительности к объективно драматическому ее воспроизведению. Не только по своей фабуле, по разработке характеров Алеко и Земфиры, но и по своему словесному воплощению поэма драматизирована. «Только с «Цыган» почувствовал я в себе призвание в драме», — свидетельствовал позднее сам Пушкин.

В период южной ссылки литературная слава Пушкина все растет. Каждое новое его произведение вызывает живейший отклик. Романтические поэмы создают ему исключительную популярность. По всей стране в бесчисленных списках ходят его запретные «вольные» стихи. Тем настороженнее и неприязненнее следят за поэтом царь Александр I и его окружение. Придравшись к нескольким строчкам перехваченного поли-

цией частного письма Пушкина, в котором он высказывал атеистические взгляды, поэта перебрасывают в июле 1824 года с юга, из Одессы, в «далекий северный уезд», в имение его матери — вотчину Ганнибалов — село Михайловское.

Пушкин очень трудно пережил заточение в глухое деревенское захолустье. Однако именно в русской деревне, в тесном общении с простыми людьми, с няней Ариной Родионовной Пушкин так непосредственно, как никогда до этого, прикоснулся к той почве, которая является источником подлинного богатства, — к родной земле, к простому народу. Именно это оказало самое благотворное влияние на всю духовную жизнь поэта, закалило и укрепило его душевные силы, в частности послужило одним из могучих стимулов к необыкновенно яркому проявлению его творческой энергии в формах развивающегося, все крепнущего и усиливающегося художественного реализма. «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить», — писал Пушкин одному из друзей в июле 1825 года, в самый разгар своей

работы над «Борисом Годуновым». Слова эти можно с полным основанием отнести и ко всему пушкинскому творчеству этих лет.

Михайловский период составляет новый и важнейший этап в идейно-художественном развитии поэта. По количеству, многообразию и вместе с тем художественной полноценности созданных произведений последние месяцы 1824 года и 1825 год превосходят решительно все, с чем мы сталкивались в предыдущие периоды, а из последующих уступают лишь знаменитой, ни с чем не сравнимой болдинской осени 1830 года. За весьма небольшое время — всего около шестнадцати месяцев — Пушкиным были завершены начатые на юге «Цыганы», писались очередные главы «Евгения Онегина», созданы «Борис Годунов», «Граф Нулин», «Сцена из Фауста»; наряду с этим написано множество стихотворений, в числе которых «Разговор книгопродавца с поэтом», цикл «Подражания Корану», «Андрей Шенье», «19 октября», «Жених». Уже из этого перечня видно, как широк и разнообразен был размах пушкинского творчества в этот период.

Необычайной зрелости и высоты достигает в это время пушкинская лирика. Некоторые друзья Пушкина, прямо связанные с деятельностью тайных организаций, даже склонны были считать широту диапазона пушкинской лирики ее недостатком. «Любовь ли петь, где брызжет кровь...» — не без укоризны писал поэту В. Ф. Раевский в стихотворном послании к нему из Тираспольской крепости, своеобразно — в революционном духе — продолжая гражданскую традицию ломоносовского «Разговора с Анакреоном» — предпочтения личным, интимным чувствам «пользы общества». По этому пути идет и сам Пушкин в «Андрее Шенье». Поскольку вопрос ставится здесь о необходимости в данных исторических условиях выбора между личным и гражданским, на него дается ответ в духе Ломоносова: в пушкинском стихотворении поэт-гражданин, певец «свободы» торжествует над самим собой, как «певцом любви, дубрав и мира» — поэтом-анакреонтиком.

Лирика михайловского периода во многом непосредственно примыкает к южной лирике. В прощальном обращении «К морю» поэт

обещает не забывать «торжественной красы» морской «свободной» стихии. И действительно, гул «романтического» моря продолжает звучать во многих михайловских стихах Пушкина. Особенно ощутим он в страстных излияниях-монологах поэта из «Разговора книгопродавца с поэтом» (1824), во многом напоминающих эмоциональную атмосферу первых южных поэм и представляющих собой один из самых ярких образцов пушкинского романтизма. Но уже в этом стихотворении в лице двух его антагонистов — пламенного романтика-поэта и трезвого, рассудительного книгопродавца — дано прямое, в лоб столкновение мечты и действительности, поэзии и прозы, причем кончается оно тем, что поэт, хотя и не сдавая своих основных позиций, вынужден признать правоту собеседника.

Лирика Пушкина в эту пору подымается на качественно новую ступень не романтической, — окутанной «черной шалью», одетой в черкесские бурки или «яркие лохмотья» цыган, — а реальной русской народности. Одним из замечательных произведений в народном русском духе является написанное

Пушкиным в михайловский период стихотворение «Жених» (1825). Стихотворение облечено в форму баллады, но Пушкин имел право придать ему обозначение: «простонародная сказка». Бытовая и психологическая атмосфера, образы отца, жениха, разбойника, свахи, наконец, язык пушкинской «простонародной сказки» — все это русское, народное. К тому же русскому народному миру принадлежит насквозь деревенский и насквозь песенный — не только по прямому включению в него народно-песенных мотивов, но и по своему общему тону и по ритмическому дыханию — «Зимний вечер» (1825). Вместе с нарастанием народности творчества Пушкина нарастает его реализм, происходит окончательное утверждение пушкинской «поэзии действительности».

В середине декабря 1825 года Пушкин пишет новую, но на этот раз уже никак не романтическую, а всецело и сугубо реалистическую, шутливо-сатирическую и пародийную поэму-повесть в стихах «Граф Нулин», в которой была развернута необыкновенно точ-

ная — «фламандская» — картина русской помещной действительности.

Мужлан-помещик, главным занятием которого является охота, его супруга, томящаяся в «глуши» от ничегонеделанья и скуки, бойкая горничная Параша — все они взяты из самой гущи барского быта того времени и с исключительной живостью перенесены поэтом в его стихи. Но тут же в основных персонажах — молодой помещице, получившей воспитание во французском «благородном пансионе у эмигрантки Фальбала», и в особенности в образе предельно пустого и ничтожного, легкомысленного и фатоватого графа Нулина — Пушкин беспощадно расправился с раболепством перед «иностранщиной», которое издавна укоренилось в кругах дворянства.

«Граф Нулин» был подготовлен всем ходом предшествовавшего развития поэта. В начале третьей главы «Евгения Онегина», набросанной почти за два года до этого в Одессе, Пушкин, задумываясь над дальнейшим ходом и характером своего творчества, предсказывал свое «обращение» от стихов «к смиренной

прозе». Писать в прозе он стал позднее. Но в соответствии с «прозой» жизни, будничной бытописью, составляющей основное содержание «Графа Нулина», уже и в этой поэме он по существу начинает говорить «прозаическим» языком. С особенной силой этот язык «прозы» сказался в той выразительнейшей картинке, которую, отвлекшись от чтения нескончаемого «сентиментального романа» о чувствительной и чинной любви Армана и Элизы, Наталья Павловна наблюдает из окна своего барского дома. Схватка между козлом и собакой, мокрый петух, утки, которые полощутся в луже, баба, которая идет через грязный двор повесить на забор выстиранное ею белье, — нельзя резче подчеркнуть контраст между миром сентиментальных романов, в который по пансионской привычке погружена героиня, и окружающей ее реальной обстановкой. Не удивительно, что подобные «картины» вызвали крайнее возмущение на страницах того самого «Вестника Европы», в котором поэма «Руслан и Людмила» сравнивалась с мужиком в Благородном Собрании. Столь же резко выступивший в нем против пушкин-

ского «Графа Нулина» критик Надеждин возмущался именно тем, что «природа» здесь изображена «во всей наготе своей». Однако в этом-то и заключалась величайшая новаторская «дерзость» поэмы Пушкина, которая находится на прямом пути к творчеству Гоголя — автора «Миргорода» и «Мертвых душ» и его последователей, писателей «натуральной школы».

Свою позднейшую заметку о «Графе Нулине» Пушкин заканчивал многозначительными словами: «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. «Граф Нулин» писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения». Действительно, в тот самый день, когда Пушкин завершал свою стихотворную повесть, в Петербурге, на площади перед памятником Петра, происходило то, чего поэт так жадно ждал, о чем так страстно мечтал, — первое в России вооруженное выступление дворянских революционеров против «самовластья», против царизма. Недели через две после этого до Пушкина дошли глубоко потрясшие его известия о декабрьской

катастрофе — разгроме новым царем, Николаем I, восстания декабристов. Затем последовали сообщения о многочисленных арестах, следствии и, наконец, о жестоком приговоре — к смертной казни, сибирской каторге.

Поэт долго не мог оправиться. О чем бы он ни писал, мысль о его «друзьях, братьях, товарищах», как он называл декабристов, неотступно владела им. «Великой скорбию томим», он создает один из драгоценнейших перлов своей поэзии — стихотворение «Пророк». Существует ряд авторитетных свидетельств, что первоначально стихотворение имело другую, резко политическую концовку, сохранившуюся в памяти нескольких современников и прямо направленную против царя — «губителя» декабристов.

После расправы над декабристами положение Пушкина внешне улучшилось. Следствие по делу декабристов, воочию показавшее исключительно большую агитационную роль пушкинских политических стихов, вместе с тем установило его непричастность к декабристским организациям. Николай I решил продемонстрировать свою «справедливость»

и сделал «либеральный» жест. Осенью 1826 года он вызвал Пушкина из ссылки, весьма «милостиво» обошелся с ним, заверил, что намерен постепенно провести сверху ряд намечавшихся декабристами важных государственных реформ; в ответ на жалобы поэта на цензурные притеснения заявил, что сам будет его цензором. Пушкин поверил Николаю, как поверили и многие из допрашивавшихся им декабристов. На самом деле все это обернулось хитро рассчитанной ловушкой. Поэта, обладавшего огромной властью над сердцами и умами современников, спокойнее было держать подле себя, на короткой привязи с тем, чтобы попытаться, как это цинично советовал царю шеф жандармов Бенкендорф, соответствующим образом «направить его перо». Поскольку же это не удавалось, николаевская «свобода» оказалась хуже александровской неволи. Пушкин был отдан под явную опеку Бенкендорфа и тайный надзор полиции, следовавшей за ним по пятам, следившей за малейшим его движением, за каждым словом; против поэта возбуждалось одно следственное дело за другим. Личная цензура царя ока-

залась не облегчением, а новым и притом уже совершенно непреодолимым обременением: спорить с «высочайшим» цензором было так же немыслимо, как некому было апеллировать на его решения. К тому же это не всегда освобождало Пушкина и от обычной цензуры. «Ни один из русских писателей не притеснен более моего», — писал он незадолго перед смертью Бенкендорфу.

Крайне удручала Пушкина и сложившаяся в стране общественная атмосфера. Революционность декабристов была сломлена. Новое поколение дворянских революционеров — «детей декабристов», как называли себя позднее Герцен и Огарев, — еще не подросло. У поэта завязались было дружеские отношения с кружком московской литературной молодежи, душой которого был вольнолюбивый поэт-романтик Дмитрий Веневитинов. Кружок с 1827 года стал издавать при участии Пушкина журнал «Московский вестник». Однако поэт решительно не сочувствовал увлечению членов кружка идеалистической немецкой философией и стал отходить от журнала. Пушкина все сильнее охватывало чувство

острого одиночества, тяжелой тоски. Это не могло не наложить резкого отпечатка на его творчество.

Новая общественно-политическая обстановка ставила перед передовыми современниками новые вопросы и задачи. В крушении восстания декабристов особенно трагически сказалась уже раньше горько ощущавшаяся Пушкиным разобщенность между революционной дворянской интеллигенцией и народом. «Невозможны уже были никакие иллюзии, — замечал Герцен, — народ остался безучастным зрителем 14 декабря. Каждый сознательный человек видел страшные последствия полного разрыва между Россией национальной и Россией европеизированной. Всякая живая связь между обоими лагерями была оборвана, ее надлежало восстановить, но каким образом? В этом-то и состоял великий вопрос». Восстановление связи с народом было тем необходимее, что идеологи реакции, стремясь привлечь народ на свою сторону, создали реакционную теорию так называемой «официальной народности», усиленно насаждавшуюся ими в литературе. Стремлением

разрешить «великий вопрос», сочетавшимся с настойчивой борьбой против «официальной народности», и направлялась в основном литературная деятельность последекабрьского Пушкина.

Новая проблематика требовала новых средств для своего художественного выражения. Однако необходимо было время для их органического созревания. За всю вторую половину 20-х годов (от возвращения из ссылки до болдинской осени 1830 года) им было создано всего лишь одно крупное законченное произведение — поэма «Полтава». Основной художественной формой творчества Пушкина является в эту пору небольшое, преимущественно лирическое стихотворение. Уже сложившиеся к этому времени разнообразные виды богатой пушкинской лирики продолжали в эти годы свое дальнейшее развитие; наряду с этим ее тематический и жанровый диапазон еще более расширился. По-прежнему важнейшим разделом поэзии Пушкина являются гражданские, политические стихи («Стансы», послание в Сибирь — «Во глубине сибирских руд...», «Арион», «Друзьям», «Ан-

чар»)). Не менее видное место продолжает занимать в поэзии Пушкина личная, любовная лирика, окрашивающаяся во все более альтруистические тона. В то же время в лирике Пушкина начинают все сильнее звучать философские мотивы — раздумья о смысле и цели жизни, мысли о смерти. К стихам этого рода примыкает тесно связанный с новой, последекабрьской общественно-политической обстановкой и находящийся как бы на стыке между личной и гражданской лирикой цикл стихотворений о поэте и его назначении, об отношении между поэтом и обществом.

Все более одиноким начинает ощущать себя Пушкин и в своей литературной работе. Глубоко новаторское значение его творчества, которым он закладывал прочные основы одного из величайших явлений мирового художественного слова — русского реализма, — встречало все меньше понимания со стороны окружающих. После опубликования в 1829 году «Полтавы» и грубой статьи о ней Н. И. Надеждина восторженное отношение к поэту со стороны подавляющей части критики круто меняется. Отдельные сочувственные

высказывания заглушаются резким и шумным осуждением большинства критиков не только из лагеря «классиков», но через некоторое время из лагеря «романтиков». В связи с выходом в свет в начале 1830 года очередной, седьмой главы «Евгения Онегина», являющейся одним из самых замечательных образцов пушкинской «поэзии действительности», Булгарин, который с благословения и поощрения Бенкендорфа начал прямую и гнусную травлю Пушкина, крикливо заявляет о «совершенном падении» его таланта.

Неисчерпаемый запас духовной мощи нужен был Пушкину, чтобы не свернуть с избранного им творческого пути. В концовке стихотворения «Чернь» (1828), впоследствии названного им «Поэт и толпа», отклонив призывы «черни» служить ей своим творчеством, он демонстративно заявлял, что поэты рождены «не для житейского волненья, не для корысти, не для битв», а «для вдохновенья, для звуков сладких и молитв». Позднее некоторые критики, в особенности Писарев, ошибочно считали эти стихотворения выражением антидемократических настроений Пушки-

на, его «аристократического» пренебрежения к потребностям и нуждам широких народных масс; а приверженцы реакционной теории так называемого «искусства для искусства» неправомерно пытались использовать их в своих целях, объявляя Пушкина своим идейным вождем и вдохновителем. Действительно, на этих стихах, в особенности на концовке «Черни», как и на перекликающемся с ней одним из последних стихотворений Пушкина — «Из Пиндемонти» (1836), сказываются прямо или косвенно тягостные переживания поэтом своего одиночества, непонимания современниками, лежит на них печать и некоторого общественного пессимизма. Но прежде всего и больше всего они были своеобразным ответом Пушкина на попытки царя и, в особенности, Бенкендорфа, поддерживаемые продажными журналистами, вроде Булгарина, «направить его перо» в правительственном духе, заставить его служить реакции.

В отличие от других поэтов-современников, замкнувшихся в эту пору в кругу узколичных переживаний, Пушкин преодолевал те пессимистические настроения, которые

звучали в ряде его стихов второй половины 20-х годов. Минорная лирика уныния, безнадежности, отчаяния как бы снималась мажорными аккордами лирики общественно-политической. За «Зимней дорогой» поэт слагает «Стансы» («В надежде славы и добра...») и послание декабристам в Сибирь («Во глубине сибирских руд...»); за стихотворением «В степи мирской, печальной и безбрежной...» пишется «Арион»; за стихотворениями «Воспоминание» и «Дар напрасный, дар случайный...» создается поэма «Полтава». Отражив в пессимистических стихах не только свои личные переживания, но и тягчайший кризис всего своего поколения, то «всеобщее уныние», о котором свидетельствовал Герцен, — настроения после декабрьского «тупика», — Пушкин стремится в своих произведениях на общественно-политические темы найти из него выход.

И в этих произведениях не могли не отозваться те резкие изменения, которые произошли в общественно-политической обстановке страны после декабрьской катастрофы. Но лирика Пушкина никак не утрачивает

своей вольнолюбивой сущности. В послании в Сибирь поэт стремится вдохнуть «бодрость и веселье» в сердца своих братьев, друзей, товарищей не только надеждой на то, что «темницы рухнут», но и утверждением великого исторического значения их дела: «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление». В стихотворении «Арион», написанном в связи с первой годовщиной казни декабристов, Пушкин в форме прозрачной аллегории не только объявляет себя литературным соучастником — певцом — декабристов («Пловцам я пел»), но и подчеркивает свою верность общим с ними чаяниям и идеалам («Я гимны прежние пою»). Примерно через полтора года после «Ариона» создается одно из самых значительных и по существу своему глубоко гражданских стихотворений Пушкина «Анчар», в котором, как бы развивая слова Радищева о «зверообразном самовластии», «когда человек повелевает человеком», поэт с исключительной силой раскрывает бесчеловечный — обезчеловечивающий и раба и владыку — характер таких социальных отношений, которые основаны на рабстве и угнете-

нии.

Прямое — и для того времени бесспорно прогрессивное — общественно-политическое значение имело настойчивое обращение Пушкина в эти годы к образу и теме Петра I. Именно этот образ возникает почти сразу же после возвращения поэта из ссылки в «Стансах» («В надежде славы и добра...»). Это было первое в новых условиях литературно-политическое выступление Пушкина, в котором дается своеобразный «наказ» новому царю и одновременно определена новая позиция поэта. Ввиду принципиальной важности этого произведения, неверно понятого многими современниками как измена Пушкина своим прежним убеждениям, следует остановиться на нем подробно.

Молодой Пушкин был воспитан на идеях философов-просветителей XVIII века, считавших, что преобразование общества может быть достигнуто в результате деятельности «просвещенного монарха», который, обладая громадными возможностями, вытекающими из его верховной власти, вполне способен такое преобразование осуществить. Именно в

связи с этим особое внимание просветителей — и на Западе и у нас — привлекала к себе личность и деятельность царя-преобразователя Петра I, являвшегося как бы наглядным историческим подтверждением правильности и осуществимости их политической концепции. Просветительская концепция, мы видели, отразилась и в ранних «вольных» стихах Пушкина. Позднее, в период южной ссылки, Пушкин отошел от нее, делая ставку не на монархов, а на борющиеся с ними «народы». Но уже тогда, как было сказано, у него стали возникать сомнения в эффективности такого пути. Трагическая неудача освободительного движения декабристов утвердила его в этих сомнениях. В записке «О народном воспитании», которую в качестве своего рода экзамена на политическую благонадежность Николай I поручил написать Пушкину почти сразу же после возвращения его из ссылки (экзамена, который поэт не выдержал: записка совершенно не удовлетворила царя), он достаточно точно сформулировал свое понимание «трагедии» декабризма. Она заключалась, по его словам, в «ничтожности

замыслов и средств», то есть в малочисленности участников движения, в отсутствии в нем народа, по сравнению с «необъятной силой правительства».

И мысль Пушкина снова обратилась к пути, указанному философами-просветителями. В облике Николая I, в манере его обращения с поэтом, в либеральных политических посулах Пушкину почудилось сходство с Петром I, как почудилось оно и некоторым декабристам. Направить «необъятную силу» царя в прогрессивном направлении, всячески укрепить его в намерении идти по пути обещанных им преобразований, подчеркивая «семейное сходство» с его «пращуром», ставя ему в пример личность и деятельность Петра, — в этом и заключается как пафос «Стансов», так и непосредственная побудительная причина возникновения у Пушкина петровской темы, которая становится одной из основных тем его последекабрьского творчества. В то же время стихотворение не заключало в себе ничего «верноподданнического». Дать понять, что начало николаевского царствования «мрачили» не только «мятежи», но и «казни»,

значило выразить гласное осуждение казни декабристов. Но Пушкин этим не ограничивается. Призыв к Николаю быть «незлобным памятью», заключающий собой «Стансы», был не менее смелым призывом «милости к падшим», то есть сосланным на каторгу декабристам, — мотив, который будет отныне все снова и снова звучать в различных произведениях Пушкина и который сам поэт в стихах о «памятнике нерукотворном» назовет в числе своих основных прав на благодарную память народа.

Надежда посредством своих призывов убедить Николая пойти путем преобразований была так же утопична, как и вообще пушкинские иллюзии в отношении нового царя. Но независимо от того «Стансы» были проникнуты безусловно прогрессивным духом. Недаром так высоко оценил их в своих знаменитых пушкинских статьях Белинский, причисляя к «перлам поэзии Пушкина».

Осуществлением замысла Пушкина создать большое историческое произведение из эпохи Петра явилась написанная в 1828 году

поэма «Полтава».

В «Полтаве» Пушкин снова обратился к столь характерному для его до-декабрьского творчества жанру стихотворной поэмы. Однако новая поэма Пушкина принципиально и существенно отличалась от всего ранее им в этом роде созданного.

В «Полтаве» Пушкин дал произведение совершенно нового типа — реалистическую историческую поэму, синтетически вобравшую в себя элементы не только эпопеи и романтической поэмы, но и трагедии (сцены-диалоги между Мазепой и Марией, монологи Мазепы) и романа. Причем широкий синтез самых разнообразных жанров был осуществлен Пушкиным в значительной степени именно на основе романа, романтическая фабула беззаконной любви Марии и Мазепы дала возможность развернуть яркую картину данной исторической эпохи. В предисловии к первому изданию «Полтавы» и в последующих заметках о ней поэт настойчиво подчеркивает, что в своей поэме он стремился быть полностью верным истории. Так это и было на самом деле. В романической фабуле своей поэ-

мы, хотя она и основана на реальных событиях, Пушкин, правда, допускает элементы художественного домысла и даже в отдельных случаях отступает от исторических фактов (например, замена имени героини, которая на самом деле звалась Матреной). Зато во всем остальном он полностью опирается на тщательно изученные им исторические источники и материалы, какими он только мог в ту пору располагать.

Однако гораздо значительнее этой фактической точности художественный историзм «Полтавы» — наличие в ней подлинно исторических, то есть обусловленных эпохой и ее в себе олицетворяющих, образов-характеров. В биографии Мазепы особенно потрясли Пушкина эпизоды обольщения стариком-гетманом своей крестницы и казни им ее отца. Они были восприняты поэтом как «разительная историческая черта», дававшая психологический ключ к пониманию характера самого Мазепы. «Сильные характеры и глубокая трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня», — писал он позднее. Этот трагический эпизод Пушкин и положил

в основу своей поэмы, разработав его с исключительной силой и глубиной. Замечательным художественным достижением автора «Полтавы» является образ Марии с ее женским очарованием и «неженской душой» — один из самых чарующих образов женщин в пушкинском творчестве, особенно восхитивший Белинского. В своем роде не менее значителен и характер Мазепы, «развитый» Пушкиным во всей его мрачной и вместе с тем трагической глубине. Эпизод из личной жизни Мазепы — «губителя» отца Марии и ее самой — объясняет его политический облик. С этим органически связана и необычная структура поэмы, и не понятая большинством критиков, включая даже Белинского, и в самом деле исключительно своеобразная ее композиция. Романтическая фабула художественно закономерно сплетается, как это имело место и в историческом романе, с повествованием о важнейших исторических событиях эпохи, которыми автор по всему ходу поэмы как бы аккомпанирует рассказ о любви Марии и Мазепы и которые после трагического исхода этой любви начинают звучать во

весь голос, образуют собой мажорный финал. Злодей в личной жизни, Мазепа выступает и как злодей политический. Обманщик и предатель своей возлюбленной в 3-й и последней песне поэмы — картине Полтавской битвы — предстает как обманщик и предатель своей страны, народа. В то же время исключительно яркое, динамическое описание Полтавской битвы отнюдь не является чужеродным эпоейным привеском к романтической поэме, а составляет важнейшую, органическую часть всего идейно-художественного замысла автора.

Победа под Полтавой была критическим, решающим моментом в истории всего петровского времени. От исхода борьбы с Карлом XII зависело существование России как великой державы. Тем недопустимее и преступнее была продиктованная личными, корыстно-эгоистическими целями измена Мазепы. И вот «честолюбцу, закоренелому в коварствах и злодеяниях», этому лжегерою, не любящему родины и готовому предать народ, контрастно противопоставляется Пушкиным в 3-й песне «Полтавы» фигура героя-полковод-

ца, царя-патриота Петра, за которым ощущимо стоит и вся мужаящая, крепнущая, закаляющаяся, как булат под «тяжким млатом» суровых исторических испытаний, «Россия молодая».

Петр как исторический деятель и как личность — полная противоположность и Карлу и Мазепе. Карл — «воинственный бродяга», исторический авантюрист, который возмечтал по-своему повернуть ход исторических событий: разорвать на куски и подчинить себе созидающееся могучее, многонациональное российское государство. Изменник Мазепа в своих действиях движим только личными честолюбивыми замыслами, и он одинок: украинские народные массы его не поддержали, за ним пошла только небольшая кучка его приверженцев. Петр делает свое дело для народа вместе со всей «Россией молодой». Из душного и мрачного мира мелких интересов, эгоистических целей и узколичных страстей — «отвратительного» мира Мазепы, в котором, по словам самого Пушкина, нет «ничего утешительного», поэт выводит нас на просторы большого национально-исторического

и народного подвига. В этом и смысл необычного построения поэмы Пушкина, с полной отчетливостью раскрывающийся в ее эпилоге. Все, что движимо узколичными, эгоистическими целями, хищническими и корыстными страстями, преходит, теряется без остатка. Только большими делами на благо родины и народа исторический деятель может создать себе вовеки нерушимый «огромный памятник» — вот что говорит поэт не только сюжетом, образами, но и самой композицией своей героико-патриотической поэмы, заключавшей в себе, подобно «Стансам» 1826 года, и новый урок Николаю I.

Высокий общественный пафос, патриотический дух, выбор поэтом в качестве предмета изображения события огромного национально-исторического значения в сочетании с глубоким историзмом — правильным освещением эпохи, исторического хода вещей (в частности, утверждением нерушимой связи русского и украинского народов), исторических характеров — во всем этом сказывается новое качество «Полтавы» по сравнению со

всеми предшествовавшими ей поэмами как самого Пушкина, так и его предшественников и современников. В этом подлинная народность поэмы, органически проявляющаяся и в ее стиле. Больше того, в историческом оптимизме «Полтавы», воссоздавшей один из самых героических моментов русской истории, пронизанной патриотической верой в мощь и крепость становящейся русской нации, в силы народа, поэт обрел могучее противоядие тем настроениям отчаяния и тоски, тем пессимистическим мотивам, которые окрасили собой ряд его стихотворений 1826–1828 годов. Имела «Полтава» и важное общественное значение. Победно торжествующий тон поэмы, подчеркиваемый самим звучанием ее стиха — мажорного четырехстопного ямба, героического размера од Ломоносова, обогащенного всем несравненным стихотворным пушкинским мастерством, исполненного энергии и вместе с тем простоты, — все это в период тяжелой общественной депрессии вселяло бодрость в сердца, порождало уверенность в том, что силы нации не сломлены, что молодая Россия, отстоявшая на поле Полтавского

боя свое право на существование, давшая достойный отпор внешнему врагу, сумеет перетерпеть и выпавшие на ее долю новые испытания, одолеет тяжкий гнет реакции и порабощения.

В «Полтаве» Пушкин творчески соприкоснулся с героическим прошлым русского народа. Вскоре по окончании поэмы поэт становится живым свидетелем его героического настоящего. В том же апреле 1828 года, когда Пушкин приступил к работе над «Полтавой», началась война России за освобождение греков от турецкого ига, вызвавшая горячее сочувствие в прогрессивных европейских кругах. Просьба поэта о включении его добровольцем в действующую армию была оскорбительно отклонена. Продолжавшееся недоверие власти к певцу декабристов вставало преградой и на пути его к личному счастью.

«Беспечный, влюбчивый», как он сам себя называл, Пушкин увлекался много и многими. Но неприкаянность, бесприютность его личной жизни по возвращении из ссылки все больше угнетали его. Он все чаще подумывал

о доме, семье, любящей и любимой жене, детях. В том же 1828 году пошли толки о предстоящей женитьбе его на дочери видного вельможи, директора публичной библиотеки и президента Академии художеств А. Н. Оленина А. А. Олениной. Но женитьба расстроилась из-за политической неблагонадежности поэта. Вскоре в его сердце вспыхнуло новое большое чувство — к его будущей жене, юной московской красавице Натали Гончаровой. Но и тут на его предложение был дан уклончивый ответ. Тогда Пушкин, не спрашивая разрешения царя, отправился на Закавказский фронт.

Величественная и суровая природа Кавказа, героика ратной жизни, оживленное общение со многими сосланными в «теплую Сибирь» «братьями, друзьями, товарищами» поэта — декабристами — все это оказало на него самое благотворное действие, вызвало новый прилив творческой энергии. Им пишется вторая кавказская поэма «Тазит» — плод не только зрелого художника-реалиста, но и проницательного мыслителя-историка; создается цикл великолепных кавказских стихов, одно

из самых проникновенных любовных стихотворений — «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». В лирике поэта, жадно глотнувшего во время своего самовольного «путешествия в Арзрум» свободы, вновь со всей силой зазвучали жизнеутверждающие, мажорные звуки: стансы «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», где горькая дума о неминуемой смерти снимается благословением новой, «младой жизни», расцветающей у гробового входа отцов; блистательное, напоенное морозом и солнцем «Зимнее утро».

Но самым наглядным, самым убедительным ответом на непрекращавшиеся толки критиков о «совершенном падении» пушкинского таланта явилась воистину золотая болдинская осень 1830 года, когда был дописан «Онегин», созданы «Повести Белкина», «маленькие трагедии» и многое другое. Тогда же Пушкин пишет шуточную и полемическую повесть в стихах «Домик в Коломне», в которой демонстративно вводит в область поэзии жизнь петербургской окраины, бесхитростный и простой быт ее обитателей — городских мещанских низов. В этой поэме «вся Ко-

ломна и петербургская природа живая», восторгался Гоголь. И действительно, «Домик в Коломне» в творчестве самого Пушкина стоит на пути к «Медному всаднику», а в движении всей русской литературы — на прямом пути к «Петербуржским повестям» Гоголя.

В последующие годы Пушкин создает целый ряд новых, выдающихся стихотворных произведений, таких, как сказки, как примыкающая к ним драма «Русалка», как «Песни западных славян», как некоторые небольшие стихотворения, принадлежащие к шедеврам его поэзии («Пора, мой друг, пора...», «Не дай мне бог сойти с ума...», «Вновь я посетил...», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»).

Но поэзия Пушкина 30-х годов существенно отличается от поэзии предыдущего периода все более явственным ослаблением в ней «личной», лирической стихии, все более осязаемым выдвиганием на первый план «объекта» — эпического начала, все большим усилением элементов «прозы».

Особое и исключительно важное место принадлежит здесь поэме «Медный всадник», которой Пушкин придал многозначительный

подзаголовок: «Петербургская повесть». Действительно, «Медный всадник» представляет собой своеобразнейший синтез героической поэмы о величии и мощи царя-преобразователя и реалистического рассказа о скорбях и несчастьях «маленького человека» — бедного петербургского чиновника.

В «Медном всаднике» получает дальнейшее углубление и развитие столь интересовавший Пушкина образ Петра I. В 30-х годах, задумав написать «Историю Петра», он много работал над материалами по петровской эпохе, изучал не только всю историческую литературу о Петре, но и архивные документы. Петр все отчетливее представал теперь поэту в двойном аспекте — не только создателя новой российской государственности, полководца и крупнейшего государственного деятеля (Петр «Стансов», «Полтавы» и «Арапа Петра Великого»), но и «самовластного помещика», о котором Пушкин несколько позднее замечал, что некоторые его указы, «кажется, писаны кнутом». Это отразилось в том углубленном понимании сущности исторической деятельности Петра, которое дано в «Медном

всаднике». Узколичным стремлениям бедного петербургского чиновника, Евгения, в поэме противопоставлены повелительные требования исторической и государственной необходимости, следуя которым Петр и заложил новую столицу — город «под морем». Но в то же время в поэме — гневный протест одного из простых людей, походя раздавленных «горделивым истуканом» — «грозным» и «ужасным» царем-самодержцем.

Евгений — «человек обыкновенный». Потомок впавшего в ничтожество древнего и славного рода, он в момент действия поэмы рядовой представитель столичного люда, петербургской разночинной бедноты, малая клеточка в общем государственном организме. Но Пушкин сталкивает в лоб это малое с самым сильным и властным, с «кумиром» русского самодержавия. В результате произведение Пушкина приобретает далеко идущий, почти символический смысл. «Медный всадник» предстает как поэма и о прошлом, и о настоящем, и о будущем России. Поэт понимает и славит всемирно-историческое значение дела Петра, «прорубившего окно в Евро-

пу», но самодержавная тирания ему глубоко враждебна. Борьба против этой тирании в данное время, считает Пушкин, безумна, безнадежна. Но эпизод «бунта» Евгения против Медного всадника на Сенатской площади, не заключающий в себе никакой прямолинейной аллегории, но влекущий за собой целую цепь конкретно-исторических ассоциаций, является прозрением в будущее. В поднятом кулаке Евгения, в его произнесенной сквозь стиснутые зубы угрозе Медному всаднику: «Ужо тебе!» — приговор русскому «самовластью», прорицание его неотвратимой грядущей судьбы, предвестие времени, когда уже не одиночка — «безумец бедный» Евгений, а масса, народ восторжествуют. Не случайно в своих творческих тетрадах этой поры Пушкин рисует фальконетовский памятник, но без всадника: говоря словами царя Бориса Басманову в пушкинском «Борисе Годунове», конь сбил седока.

Все это и обуславливает единственное в своем роде художественное своеобразие произведения Пушкина, в котором поэзия и про-

за, ода и новелла сплавлены в одно нерасторжимое целое, где «петербургская повесть» о судьбе бедного чиновника является в то же время грандиозной, исполненной глубокого философского и социально-исторического значения поэмой о судьбах всей России.

Как создание искусства слова «Медный всадник» — в том же вершинном ряду, что и такие величайшие творения Пушкина, как «Евгений Онегин», «Борис Годунов», маленькие трагедии, «Капитанская дочка»[1]

Д. БЛАГОЙ

Стихотворения

{1}

К другу стихотворцу

{2}

*Арист! и ты в толпе служителей
Парнасса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пе-
гаса;
За лаврами спешишь опасною
стезей,
И с строгой критикой вступаешь
смело в бой!*

*Арист, поверь ты мне, оставь пе-
ро, чернилы,
Забудь ручьи, леса, унылые моги-
лы,
В холодных песенках любовью не
пылай;
Чтоб не слететь с горы^{3}, скорее
вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и
будет;
Их напечатают — и целый свет
забудет.*

Быть может и теперь, от шума
удалясь
И с глупой музою навек соединясь,
Под сенью мирною Минервиной
эгиды[2]
Сокрыт другой отец второй «Те-
лемахиды»^[4].
Страшися участи бессмысленных
певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздних дань поэтам
справедлива;
На Пинде лавры есть, но есть
там и крапива.
Страшися бесславия! — Что, если
Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Гели-
кон,
С презреньем покачав кудрявой го-
ловою,
Твой гений наградит — спаси-
тельной лозою?
Но что? ты хмуришься и отве-
чать готов;
«Пожалуй, — скажешь мне, — не
трать излишних слов;
Когда на что решусь, уж я не от-
ступаю,

И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне, как хочет,
целый свет,
Сердись, кричи, бранись, — а я так
поэт».

Арист, не тот поэт, кто рифмы
плесть умеет
И, перьями скрипя, бумаги не жа-
леет.
Хорошие стихи не так легко пи-
сать,
Как Витгенштеину⁽⁵⁾ французов
побеждать.
Меж тем как Дмитриев, Держа-
вин, Ломоносов.
Певцы бессмертные, и честь, и
слава россов,
Питают здравый ум и вместе
учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет
едва родясь!
Творенья громкие Рифматова,
Графова⁽⁶⁾
С тяжелым Бибрусом гниют у
Глазунова⁽⁷⁾;
Никто не вспомнит их, не ста-

нет вздор читать,
И Фебова на них проклятия пе-
чать.

Положим, что, на Пинд взобрав-
шись счастливо,
Поэтом можешь ты назваться
справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя
прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой
уже текут
За то, что ты поэт, несметные
богатства,
Что ты уже берешь на откуп го-
сударства,
В железных сундуках червонцы хо-
ронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и
спишь?
Не так, любезный друг, писатели
богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны
палаты,
Ни чистым золотом набиты сун-
дуки:
Лачужка под землей, высоки чер-
даки

Вот пышны их дворцы, великопепны залы.

Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;

Катится мимо их Фортуны колесо;

Родился наг и наг ступает в гроб Руссо^{8};

Камозэнс^{9} с нищими постелю разделяет;

Костров^{10} на чердаке безвестно умирает,

Руками чуждыми могиле предан он:

Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

Ты, кажется, теперь задумался немного.

«Да что же, — говоришь, — судя о всех так строго,

Перебирая всё, как новый Ювенал, Ты о Поэзии со мною толковал;

А сам, поссорившись с Парнасскими сестрами^{11},

Мне проповедовать пришел сюда стихами?

Что сделалось с тобой? В уме ли

ты, иль нет?»
Арист, без дальних слов, вот мой
тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами
простыми,
Священник пожилой и с кудрями
седыми,
В миру с соседями, в чести, до-
вольстве жил
И первым мудрецом у всех издав-
на слыл.
Однажды, осушив бутылки и ста-
каны,
Со свадьбы, под вечер, он шел
немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали
простяки,
Настави грешных нас — ты пить
ведь запрещаешь
Быть трезвым всякому всегда по-
велеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сего-
дня сам...»
— «Послушайте, — сказал священ-
ник мужикам,
Как в церкви вас учу, так вы и по-

*ступайте,
Живите хорошо, а мне — не под-
ражайте».*

*И мне то самое пришлось отве-
чать;
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чув-
ствуя охоты,
Проводит тихой век без горя, без
заботы,
Своими одами журналы не тяг-
чит,
И над экспромптами недели не
сидит!
Не любит он гулять по высотам
Парнасса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого
Пегаса,
Его с пером в руке Рамаков⁽¹²⁾ не
страшит;
Спокоен, весел он, Арист, он — не
пиит.*

*Но полно рассуждать — боюсь
тебе наскучить
И сатирическим пером тебя за-
мучить.*

Теперь, любезный друг, я дал тебе совет,
Оставишь ли свирель, умолкнешь,
или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным — хорошо, спокой-
ным — лучше вдвое.

1814

Осгар

{13}

По камням гробовым, в туманах
полуночи,
Ступая трепетно усталую ногой,
По Лоре путник шел, напрасно
томны очи
Ночлега мирного искали в тьме
густой.
Пещеры нет пред ним, на берегу
угрюмом
Не видит хижины, наследья рыба-
ря;
Вдали дремучий бор качают вет-
ры с шумом,
Луна за тучами, и в море спит за-
ря.

Идет, и на скале, обросшей влаж-
ным мохом,
Зрит барда старого — веселье
прошлых лет:
Склонясь седым челом над вою-
щим потоком,
В безмолвии времен он созерцал
полет.
Зубчатый меч висел на ветви
мрачной ивы.
Задумчивый певец взор тихий об-
ратил
На сына чуждых стран, и путник
боязливый
Содрогся в ужасе и мимо поспе-
шил.

«Стой, путник! стой! — вещал пе-
вец веков минувших, —
Здесь пали храбрые, почти их
бранный прах!
Почти геройства чад, могилы
сном уснувших!»
Пришлец главой поник — и, мни-
лось, на холмах
Восставший ряд теней главы
окровавленны
С улыбкой гордою на странника

склонял.

«Чей гроб я вижу там?» — вещал
иноплеменный
И барду посохом на берег указал.

Колчан и шлем стальной, к утесу
пригвожденный,
Бросали тусклый луч, луною озла-
тясь.

«Увы! здесь пал Осгар! — рек ста-
рец вдохновенный, —
О! рано юноше настал последний
час!

Но он искал его: я зрел, как в рат-
ном строе

Он первья стрелы с весельем
ожидал

И рвался из рядов, и пал в кипя-
щем бое:

Покойся, юноша! ты в брани слав-
ной пал.

Во цвете нежных лет любил Ос-
гар Мальвину,

Не раз он в радости с подругою
встречал

Вечерний свет луны, скользящий
на долину,

И тень, упадшую с приморских
грозных скал.
Казалось, их сердца друг к другу
пламенели;
Одной, одной Осгар Мальвиною
дышал;
Но быстро дни любви и счастья
пролетели,
И вечер горести для юноши на-
стал.

Однажды, в темну ночь зимы по-
рой унылой,
Осгар стучится в дверь красавицы
младой
И шепчет: «Юный друг! не медли,
здесь твой милый!»
Но тихо в хижине. Вновь робкою
рукой
Стучит и слушает: лишь ветры с
свистом веют.
«Ужели спишь теперь, Мальви-
на? — мгла вокруг,
Валится снег, власы в тумане ле-
денеют.
Услышь, услышь меня, Мальвина,
милый друг!»

Он в третий раз стучит, со скры-
пом дверь шатнулась.
Он входит с трепетом. Несчаст-
ный! что ж узрел?
Темнеет взор его, Мальвина со-
дрогнулась,
Он зрит — в объятиях изменницы
Звигнел!
И ярость дикая во взорах закипе-
ла;
Немее и дрожит любовник мо-
лодой.
Он грозный меч извлек, и нет уже
Звигнела,
И бледный дух его сокрылся в
тьме ночной!

Мальвина обняла несчастного ко-
лена,
Но взоры отвратив: «Живи! — ве-
щал Осгар, —
Живи, уж я не твой, презренна
мною измена,
Забуду, потушу к неверной стра-
сти жар».
И тихо за порог выходит он в
молчанье,
Окован мрачною, безмолвною

тоской —

Исчезло сладкое навек очарова-
нье!

Он в мире одинок, уж нет души
родной.

Я видел юношу: поникнув головою,
Мальвины имя он в отчаянье шеп-
тал;

Как сумрак, дремлющий над без-
дною морскою,

На сердце горестном унынья
мрак лежал.

На друга детских лет взглянул он
торопливо;

Уже недвижный взор друзей не
узнавал;

От пиршеств удален, в пустыне
молчаливой

Он одиночеством печаль свою пи-
тал.

И длинный год провел Осгар среди
мучений.

Вдруг грянул трубный глас! Оде-
нов сын, Фингал,

Вел грозных на мечи, в кровавый
пыл сражений.

Осгар послышал весть и бранью
воспылал.
Здесь меч его сверкнул, и смерть
пред ним бежала;
Покрытый ранами, здесь пал на
грудю тел.
Он пал — еще рука меча кругом
искала,
И крепкий сон веков на сильного
слетел.

Побегли вспять враги — и тихий
мир герою!
И тихо все вокруг могильного
холма!
Лишь в осень хладную, безмесяч-
ной порою,
Когда вершины гор тягчит сырая
тьма,
В багровом облаке, одеяна туманом,
Над камнем гробовым уныла
тень сидит,
И стрелы дребезжат, стучит
броня с колчаном,
И клен, зашевелиясь, таинственно
шумит».

Красавице, которая нюхала табак

*Возможно ль? вместо роз, Амуром
насажденных,
Тюльпанов, гордо наклоненных,
Душистых ландышей, ясминов и
лилей,
Которых ты всегда любила
И прежде всякий день носила
На мраморной груди твоей, —
Возможно ль, милая Климе-
на,
Какая странная во вкусе переме-
на!..
Ты любишь обонять не утренний
цветок,
А вредную траву зеленую,
Искусством превращенную
В пушистый порошок!
Пускай уже седой профессор Гет-
тингена,
На старой кафедре согнувшись ду-
гой,
Вперив в латинщину глубокий ра-
зум свой,
Раскашлявшись, табак толче-*

ный

Пихает в длинный нос иссохшею
рукой;

Пускай молодой драгун усатый
Поутру, сидя у окна,
С остатком утреннего сна,
Из трубки пенковой дым гонит
сероватый;

Пускай красавица шестидесяти
лет,

У граций в отпуску и у любви в от-
ставке,

Которой держится вся прелесть
на подставке,

Которой без морщин на теле ме-
ста нет,

Злословит, молится, зевает
И с верным табаком печали забы-
вает, —

А ты, прелестная!., но если уж
табак

Так нравится тебе — о пыл вооб-
раженья! —

Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточенье,
Я в персты нежные твои попастьъ-
ся мог,

Тогда б я в сладком восхище-

ные
Рассыпался на грудь под шелко-
вый платок
И даже... может быть... Но что!
мечта пустая.

Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!..

1⁸¹⁴

Казак

{14}

Раз, полнощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки,
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис, —
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна серебрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девица-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,

Напои коня».

*«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому
Коню дать воды».*

*«Ах! небось, девица красна,
С милым подружись!»
«Ночь красавицам опасна».
«Радость! не страшись!*

*Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!*

*Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».*

*Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал казак.*

Поскакали, полетели.

*Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.*

1814

К студентам

{15}

*Друзья! досужный час настал,
Все тихо, все в покое;
Скорее скатерть и бокал;
Сюда, вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол ученых дураков —
Мы полем овладеем;
Под стол холодных мудрецов —
Без них мы пить умеем!
Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай, изберем
Скорее президента:
В награду пьяным он нальет
И пуни, и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой.*

Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale! [3]
Ты Эпикура младший брат,
Твоя душа в бокале,
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам!
Дай руку, Дельвиг, что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой лежишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей,
Бутыль вином налита,
За здравье музы нашей пей,
Парнасский волокита!
Остряк любезный^[16], по рукам!
Полней бокал — до суха,
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга!
А ты, красавец молодой,
Сиятельный повеса^[17],
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее — завеса.
Хоть я студент, хоть я и пьян,
Но скромность почитаю —
Придвиньте ж пенистый стакан,
На брань благословляю!

А ты, повеса из повес^{18},
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
 Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
 За здравие Платова^{19},
В казачью шапку пунишь нальем, —
 И пить давайте снова!
Товарищ милый, друг прямой^{20},
 Тряхнем дружнее руку,
Оставим в чаше круговой
 Педантам сродну скуку:
Не в первый раз с тобой мы пьем,
 Не в первый и бранимся;
Но чашу дружества нальем —
 И снова помиримся.
С тобой тасуясь без чинов,
 Люблю тебя душою —
Наполни кружку до краев, —
 Рассудок, бог с тобою!..
Но что я вижу? всё вдвоем,
 Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом,
 Покрылись очи мраком!
Где вы, товарищи? где я?
 Скажите, Вакха ради.
Вы дремлете, мои друзья,
 Склонившись на тетради.

Писатель за свои грехи,
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм^{21}, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее!

1814

К Батюшкову

{22}

Философ резвый и пшит,
Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых аонид,
Почто на арфе златострунной
Умолкнул, радости певец?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Расстался с Фебом наконец?

Уже с венком из роз душистых,
Меж кудрей вьющихся, златых,
Под тенью тополов ветвистых,
В кругу красавиц молодых,
Заздравным не стучишь фиалом,
Любовь и Вакха не поешь,
Довольный счастливым началом,
Цветов парнасских вновь не
рвешь;
Не слышен наш Парни россий-

ский!..

Пой, юноша, — певец тиисский^{23}
В тебя влиял свой нежный дух.
С тобою твой прелестный друг,
Лилета^{24}, красных дней отрада:
Певцу любви любовь награда.
Настрой же лиру. По струнам
Летай игривыми перстами,
Как вешний зефир по цветам,
И сладострастными стихами,
И тихим шепотом любви
Лилету в свой шалаш зови.
И звезд ночных при бледном свете,
Плывущих в дальней вышине,
В уединенном кабинете,
Волшебной внемя тишине,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливец милый, орошай;
Но, упоен любовью страстной,
И нежных муз не забывай;
Любви нет боле счастья в мире:
Люби — и пой ее на лире.

Когда ж к тебе в досужный час
Друзья, знакомые сберутся
И вины пенные польются,

От плена с треском свободясь —
Описывай в стихах извивых
Веселье, шум гостей болтливых
Вокруг накрытого стола,
Стакан, кипящий пеной белой,
И стук блестящего стекла.
И гости дружно стих веселый,
Бокал в бокал ударя в лад,
Нестройным хором повторяют.

Поэт! в твоей предметы воле,
Во звучны струны смело грянь,
С Жуковским пой кроваву брань
И грозну смерть на ратном поле.
И ты в строях ее встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как росс, питомцем славы пал!
Ты пал, и хладною косою
Едва скошенный, не увял!..[4]

Иль, вдохновенный Ювеналом,
Вооружись сатиры жалом,
Подчас прими ее свисток,
Рази, осмеивай порок,
Шутя, показывай смешное
И, если можно, нас исправь.
Но Тредьяковского оставь
В столь часто рушимом покое.

Увы! довольно без него
Найдем бессмысленных поэтов,
Довольно в мире есть предметов,
Пера достойных твоего!

Но что!.. цевницею моею,
Безвестный в мире сем поэт,
Я песни продолжать не смею.
Прости — но помни мой совет:
Доколе, музами любимый,
Ты пиэрид горишь огнем,
Доколь, сражен стрелой незри-
мой,
В подземный ты не снидешь дом,
Мирские забывай печали,
Играй: тебя молодой Назон^{25},
Эрот и грации венчали,
А лиру строил Аполлон.

Воспоминания в Царском Селе

{26}

*Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол
и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в
сень дубравы
Чуть дышит ветерок, уснувший
на листьях,
И тихая луна, как лебедь велича-
вый,
Плывет в серебристых обла-
ках.*

*С холмов кремнистых водопа-
ды
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются
наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чер-
тоги,
На своды опершись, несутся к об-
лакам.*

Не здесь ли мирны дни вели зем-
ные боги?

Не се ль Минервы росской^{27}
храм?

Не се ль Элизиум полнощный^{28},

Прекрасный Царскосельский
сад,

Где, льва^{29} сразив, почил орел^{30}
России мощный

На лоне мира и отрад?
Промчались навсегда те времена
златые,
Когда под скипетром великия же-
ны
Венчалась славою счастливая
Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе
рождает

Воспоминанья прежних лет;
Возрев вокруг себя, со вздохом
росс вещает:

«Исчезло все, великой нет!»
И, в думу углублен, над злачными
брегами

Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух.

Протекишие лета мелькают пред очами,

И в тихом восхищенье дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалою

Вознесся памятник^{31}. Ширяся крылами,

Над ним сидит орел молодой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые

Вкруг грозного столпа трикратно обвились;

Кругом подножия, шумя, валы седые

В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой^{32}.

О, сколь он для тебя, кагульский берег, поносен!

И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о росски исполнины,

*В боях воспитанны средь бранных
непогод!*

*О вас, сподвижники, друзья Екате-
рины,*

Пройдет молва из рода в род.

*О, громкий век военных спо-
ров,*

*Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и
Суворов,*

*Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похи-
щали;
Их смелым подвигам страшась,
дивился мир;*

*Державин и Петров^[33] героям
песнь бряцали*

Струнами громозвучных лир.

*И ты промчался, незабвен-
ный!*

*И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать — есть смертного
удел.*

*Блеснул кровавый меч в неукроти-
мой длани*

Коварством, дерзостью венчанно-
го царя;
Восстал вселенной бич — и вскоре
новой брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись пото-
ком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит
во сне глубоко
Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады в мгле
пылают,
И небо заревом оделось вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит
плуг.

Идут — их силе нет препоны,
Все рушат, все свергают в
прах,
И тени бледные погибших чад
Беллоны,
В воздушных съединясь пол-
ках,
В могилу мрачную нисходят
непрестанно

Иль бродят по лесам в безмолвии
ночи...

Но клики раздались!.. идут в дали
туманной! —

Звучат кольчуги и мечи!..

Страшишься, о рать иноплемен-
ных!

России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на
дерзновенных,

Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок
час паденья!

Ты в каждом ратнике узришь бо-
гатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в
пылу сраженья

За Русь, за святость алтаря.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет, все ме-
стью, славой дышат,

Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозный пир; мечам до-
бычи ищут,

И се — пылает брань; на холмах

гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами
стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились. Русский — победитель!

И вспять бежит надменный
галл;
Но сильного в боях небесный все-
держитель

Лучом последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель посе-
дельный^{34};

О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости
пределы!

Увы! на башнях галл кремля!..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золо-
тые,

Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей от-
чизны!
И вас багрила кровь и пламень по-
жирал!

И в жертву не принес я мщенья
вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пы-
лал!..

Где ты, краса Москвы стогла-
вой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся ве-
личавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак
унылый страшен
Исчезли здания вельможей и ца-
рей,
Все пламень истребил. Венцы за-
тмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепе-
тала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной,
летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях берега и

светлы рощи:

Все мертво, все молчит.

*Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны
выи*

*Десница мстящая творца.
Взгляни: они бегут, озреться не
дерзают,
Их кровь не престаёт в снегах ре-
ками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад
и смерть сретают,
А с тыла гонит русский меч.*

*О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы в могилы
пали.*

*О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и
Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и
закон,
В гордыне возмечтав мечом низ-
вергнуть троны?*

Исчез, как утром страшный

сон!

В Париже росс! — где факел
мщенья?

Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой
примиренья

Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в от-
даленье,
Москва в унынии, как степь в пол-
нощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но
спасенье

И благотворный мир земле.

О скальд России^{35} вдохновен-
ный,

Воспевший ратных грозный
строй,
В кругу товарищей, с душой вос-
пламененной,

Греми на арфе золотой!
Да снова стройный глас героям в
честь прольется,
И струны гордые посыплют огонь
в сердца,
И ратник молодой вскипит и со-

дрогнется

При звуках бранного певца.

1814

Романс

Под вечер, осенью ненастной,
В пустынных дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Все было тихо — лес и горы,
Все спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинном сем творенье,
Вздохнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих,
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты к груди не прильнешь моей.
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Мне вечный стыд вина моя, —
Меня навеки ты забудешь;
Но не забуду я тебя!

Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!»
Ты спросишь: «Где мои родные?»
И не найдешь семьи родной.

Несчастный! будешь грустной ду-
мой

Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня...

Ты спишь — позволь себя,
несчастный,
Прижать к груди в последний раз.
Закон несправедливый, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
Бледна, трепещуща, уныла,

*К дверям приблизилась она:
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвортила
И скрылась в темноте ночной.*

1⁸¹⁴

Городок **(К ***)**

*Прости мне, милый друг.
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.
На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великий град Петра,
От утра до утра
Два года все кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая, веселился
В театре, на пирах;
Не ведал я покоя
Увы! ни на часок,
Как будто у наля
В великий четверток^{36}
Измученный дьячок.*

Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;
Уж вытолкал за дверь
Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной
И в тишине святой
Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливом.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,

Невидимый для взора,
Лепечет у забора.
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит стук докучный;
Здесь грома вовсе нет;
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожною клюкой
В калитку постучится...

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот;
Блажен, кто на просторе
В укромном уголке
Не думает о горе,
Гуляет в колпаке,
Пьет, ест, когда захочет,
О госте не хлопочет!
Никто, никто ему
Лениться одному
В постеле не мешает;

Захочет — аонид
Толпу к себе сзывает;
Захочет — сладко спит,
На Рифмова^{37} склоняясь
И тихо забываясь.
Так я, мой милый друг,
Теперь расположился;
С толпой бесстыдных слуг
Навеки распростился;
Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над палкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут.
Сын Мома^{38} и Минервы,
Фернейский злой крикун^{39},
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Из детства стал пиит;
Всех больше перечитан,

Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежный друг,
Арьоста, Тасса внук^{40} —
Скажу ль?.. отец Кандида —
Он все: везде велик
Единственный старик!
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекий в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен^{41}!
Ты здесь — и Дмитрев нежный^{42},
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя.
Но вот наперсник милый

Психеи^{43} златокрылой!
О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!
Воспитанны Амуром,
Вержье^{44}, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят
И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок.)
Здесь Озеров^{45} с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фонвизин и Княжнин^{46}.
За ними, хмурясь важно,
Их грозный Аристарх^{47}
Является отважно
В шестнадцати томах.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Кладбище обрели
На самой нижней полке
Все школьнически толки,
Лежащие в пыли,

Визгова сочиненья^{48},
Глупона псалмопенья^{49},
Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенье
И прозе и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненье...
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненья,
Презревшие печать.
Хвала вам, чады славы,
Враги парнасских уз!
О князь, наперсник муз^{50},
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знанье света
И слога чистоту,

И в резвости куплета
Игриву остроуту.
И ты, насмешник смелый^{51},
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил;
И ты, замысловатый
Буянова певец^{52},
В картинах толь богатый
И вкуса образец;
И ты, шутник бесценный^{53},
Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игривой Талье дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я — с Чернавкой
Подщипа слезы льет;
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятенье
Плененные цари,
Забыв войну, сраженья,
Играют в кубари...

Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой^{54},
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намараннные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик — Свистов!^{55}
Твой дар ценить умею,
Хоть, право, не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

О вы, в моей пустыне
Любимые творцы!
Займите же отныне
Беспечности часы.
Мой друг! весь день я с ними,
То в думу углублен,

То мыслями своими
В Элизий пренесен.
Когда же на закате
Последний луч зари
Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,
И шорох по лесам,
Мой гений невидимкой
Летает надо мной;
И я в тиши ночной
Сливаю голос свой
С пастушьёю волынкой.
Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
«Бессмертен ввек пиит!»

Но ею мне ль гордиться,
Но мне ль бессмертьем льстить-
ся?..
До слез я спорить рад,

Не бьюсь лишь об заклад,
Как знать, и мне, быть может,
Печать свою наложит
Небесный Аполлон;
Сияя горним светом,
Бестрепетным полетом
Взлечу на Геликон.
Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире вздохнет.

Покамест, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижусь я под окном
С бумагой и с пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию младой
Напрасно пламенею?
Иль юности златой

Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы
В юдоли, где расцвел
Мой горестный удел?..
Певца сопутник милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью
И с чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвения тропой;
И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись
И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огонь в сердца,
И граций стан прелестный,
И снег ее лица;
Представь, что, на коленях

Покоюсь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилась она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устах,
Горит лицо прекрасной,
И слезы на глазах!..
Почто стрелой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманет — и пропал
Беглец невозвратимый!
Не слышит плач и стон,
И где крылатый сон?
Исчезнет обольститель,
И в сердце грусть-мучитель.

Но все ли, милый друг,
Быть счастья в упоенье?
И в грусти томный дух
Находит наслажденье:
Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихою рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть;
Люблю с моим Мароном⁽⁵⁶⁾
Под ясным небосклоном

Близ озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставляя знак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.
Или, для развлечения,
Оставляя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты^{57} собирает
Со всех она сторон,
Все сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку,

Играя, разломал, —
Старушка все расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает все свое;
А я сижу смиренно
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда Свистова
В столице я внимал,
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал,
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье!

Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным,
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откусать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С очаковской медалью^{58}
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью,

Где роты впереди
Летел на встречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палашом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать,
Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою,
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы,
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что еельских цереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,
А с ними крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.
Но, друг мой, если вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами,
(И слово уж сдержу)
Я с сельскими попами

Батюшкову

{59}

В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,
И светлой Иппокреной
Сыздетства напоенный,
Под кровом вешних роз,
Поэтом я возрос.

Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно;
Нескладно хоть играл,
Но музам не скучал.

А ты, певец забавы
И друг пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
Стезю полетев,

*Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.*

*Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар.
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних лар^{60},
И, с дерзостным Икаром
Страшась летать недаром,
Бреду своим путем:
Будь всякий при своем^{61}.*

1815

Лицинию

{62}

*Лициний, зришь ли ты: на быст-
рой колеснице,
Венчаный лаврами, в блестящей
багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий моло-
дой
В толпу народную летит по мо-
стовой?
Смотри, как все пред ним смирен-
но спину клонят*

Смотри, как ликторы^{63} народ
несчастный гонят!
Льстецов, сенаторов, прелестниц
длинный ряд
Умильно вслед за ним стремится
усердный взгляд;
Ждут, ловят с трепетом улыбки,
глаз движенья,
Как будто дивного богов благо-
словенья;
И дети малые, и старцы в седи-
нах,
Все ниц пред идолом безмолвно
пали в прах:
Для них и след колес, в грязи напе-
чатленный,
Есть некий памятник почетный
и священный.

О Ромулов народ^{64}, скажи, дав-
но ль ты пал?
Кто вас поработил и властью
оковал?
Квириты гордые под иго прекло-
нились.
Кому ж, о небеса, кому поработи-
лись?
(Скажу ль?) Ветулию! Отчизне

стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет
мужей;
Любимец деспота сенатом сла-
бым правит,
На Рим простер ярем, отечество
бесславит;
Ветулий римлян царь!.. О стыд, о
времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с поник-
шею главою,
В изорванном плаще, с дорожною
клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмурен-
ный идет?
«Куда ты, наш мудрец, друг исти-
ны, Дамет!»
«Куда — не знаю сам; давно молчу
и вижу;
Навек оставлю Рим: я рабство
ненавижу».

Лициний, добрый друг! Не лучше
ли и нам,
Смиренно поклонясь Фортуне и
мечтам,

Седого циника⁽⁶⁵⁾ примером научиться?

С развратным городом не лучше ль нам проститься,

Где все продажное: законы, правда,

И консул, и трибун, и честь, и красота?

Пускай Глицерия, красавица молодая,

Равно всем общая, как чаша круговая,

Неопытность других в наемну ловит сеть!

Нам стыдно слабости с морщинами иметь;

Тщеславной юности оставим блеск веселий:

Пускай бесстыдный Клит, слуга вельмож Корнелий

Торгуют подлостью и с дерзостным челом

От знатных к богачам ползут из дома в дом!

Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;

Во мне не дремлет дух великого народа.

Лициний, поспешим далеко от за-
бот,
Безумных мудрецов, обманчивых
красот!
Завистливой судьбы в душе пре-
зрев удары,
В деревню пренесем отеческие ла-
ры!
В прохладе древних рощ, на берегу
морском,
Найти нетрудно нам укромный,
светлый дом,
Где, больше не страшась народно-
го волнения,
Под старость отдохнем в глуши
уединенья,
И там, расположась в уютном
уголке,
При дубе пламенном, возженном
в камельке,
Вспомнив старину за дедовским
фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким
Ювеналом,
В сатире праведной порок изобра-
жу
И нравы сих веков потомству об-
нажу.

О Рим, о гордый край разврата,
злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья,
наказанья.
Предвижу грозного величия конец;
Падет, падет во прах вселенныя
венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны
длани,
И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак
глубокий;
И путник, устремив на груди
камень око,
Воскликнет, в мрачное раздумье
углублен: «
Свободой Рим возрос, а рабством
погублен».

1815

Царское Село. Вид на Садовую улицу и
Лицей.
Раскрашенная литография А. Е. Мар-
тынова.

*Начало 1820-х годов.
Государственный музей А. С. Пушкина.
Москва.*

Старик

{66}

*Уж я не тот любовник страст-
ный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста молодого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!*

1815

Наполеон на Эльбе (1815)

{67}

*Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась
тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько
пробегала*

*Туманная луна;
Уже на западе седой, одетый
мглою,
С равниной синих вод сливался
небосклон.
Один во тьме ночной над дикою
скалою*

*Сидел Наполеон.
В уме губителя теснились мрач-
ны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь
ковал
И, к дальним берегам возведши
взор угрюмый,
Свирепо прошептал:*

*«Вокруг меня все мертвым
сном почило,
Легла в туман пучина бурных*

волн,
 Не выплывет ни утлый в море
челн,
 Ни голодный зверь не взвоят
над могилой —
 Я здесь один, мятежной думы
полн...

 О, скоро ли, напелясь под руля-
ми,
 Меня помчит покорная волна
 И спящих вод прервется ти-
шина?..
 Волнуйся, ночь, над эльбскими
скалами!
 Мрачнее тмись за тучами,
луна!

Там ждут меня бесстрашные
дружины.
Уже сошлись, уже сомкнуты в
строй!
Уж мир лежит в оковах предо
мною!
Прейду я к вам сквозь черные пу-
чины
И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнет брань! за галльскими
орлами,
С мечом в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я гро-
мами
И сокрушу Европы дивный щит!..

Но вокруг меня все мертвым сном
почило,
Легла в туман пучина бурных
волн,
Не выплывет ни утлый в море
челн,
Ни гладный зверь не взвоят над
могилой —
Я здесь один, мятежной думы
полн...

О счастье! злобный обольсти-
тель,
И ты, как сладкий сон, сокрылось
от очей,
Средь бурей тайный мой хра-
нитель
И верный пестун с юных дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело

И скрыло дерзостной рукою
В венцах лавровое чело!
Давно ли с трепетом народы
Несли мне робко дань свобо-
ды,

Знамена чести преклоня;
Дымилась грома вокруг меня,
И слава в блеске над главою
Неслась, прикрыв меня кры-
лом?..

Но туча грозная нависла над
Москвою,

И грянул мести гром!..
Полнощи царь молодой! ты двиг-
нул ополченья,
И гибель вслед пошла кровавым
знаменам,

Отозвалось могущего паде-
нье,

И мир земле, и радость небе-
сам,

А мне — позор и заточе-
нье!

И раздроблен мой звонкий
щит,

Не блещет шлем на поле
браней;

В прибрежном злаке меч

забыт

И тускнет на тумане.

И тихо все кругом. В безмолвии

ночей
Напрасно чудится мне смерти за-
выванье,

И стук блистающих мечей,

И падших ярое стенанье

—

Лишь плещущим волнам внимает
жадный слух;

Умолк сражений клик
знакомый,

Вражды кровавой гаснут
громы,

И факел мщенья потух.

Но близок час! грядет минута ро-
ковая!

Уже летит ладья, где грозный
трон сокрыт;

Кругом простерта мгла
густая,

И, взором гибели сверкая,
Бледнеющий мятеж на палубе си-
дит.

Страшись, о Галлия! Европа! мще-

нье, мщенье!
Рыдай — твой бич восстал — и
все падет во прах,
Все сгинет, и тогда, в всеобщем
разрушенье,
Царем воссяду на гробах!»

Умолк. На небесах лежали мрач-
ны тени,
И месяц, дальних туч покинув
темны сени,
Дрожащий, слабый свет на запад
изливал;
Восточная звезда играла в океане,
И зрелась ладья, бегущая в тумане
Под сводом эльбских гроз-
ных скал.
И Галлия тебя, о хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные ца-
ри.
Но зришь ли? Гаснет день, мгно-
венно тьма сокрыла
Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина над бездною
седою,
Мрачится неба свод, гроза во
мгле висит,

*Все смолкло... трепещи! погибель
над тобою,
И жребий твой еще со-
крыт!*

1815

**К Пущину
(4 мая)**

{68}

*Любезный именинник,
О Пущин дорогой!
Прибрел к тебе пустынный
С открытою душой;
С пришельцем обнимися —
Но доброго певца
Встречать не суетися
С парадного крыльца.
Он гость без этикета,
Не требует привета
Лукавой суеты;
Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостям пирушку;
На столик воцаной
Поставь пивную кружку*

И кубок пуншевой.
Старинный собутыльник!
Забудемся на час,
Пускай ума светильник
Погаснет ныне в нас;
Пускай старик крылатый⁽⁶⁹⁾
Летит на почтовых:
Нам дорог миг утраты
В забавах лишь одних!

Ты счастлив, друг сердечный!
В спокойствии златом
Течет твой век беспечный,
Проходит день за днем;
И ты в беседе граций,
Не зная черных бед,
Живешь, как жил Гораций,
Хотя и не поэт.
Под кровом небогатым
Ты вовсе не знаком
С зловецим Гиппократом,
С нахмуренным попом;
Не видишь у порогу
Толпящихся забот;
Нашли к тебе дорогу
Веселость и Эрот;
Ты любишь звон стаканов
И трубки дым густой,

*И демон метроманов
Не властвует тобой.
Ты счастлив в этой доле.
Скажи, чего же боле
Мне другу пожелать?
Придется замолчать...*

*Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок, наливай!^{70}
Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш.
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш!*

Мечтатель

По небу крадется луна,
На холме тьма сидит,
На воды пала тишина,
С долины ветер веет,
Молчит певица вешних дней
В пустыне темной рощи,
Стада почилы средь полей,
И тих полет полнощи;

И мирный неги уголок
Ночь сумраком одела,
В камине гаснет огонек,
И свечка нагорела;
Стоит богов домашних лик
В кивоте небогатом,
И бледный теплится ночник
Пред глиняным пенатом.

Главою на руку склонен,
В забвении глубоком,
Я в сладки думы погружен
На ложе одиноком;
С волшебной ночи темнотой,
При месячном сиянье,
Слетают резвою толпой

Крылатые мечтанья,

И тихий, тихий льется глас;
Дрожат золотые струны.
В глухой, безмолвный мрака час
Поет мечтатель юный;
Исполнен тайною тоской,
Молчаньем вдохновенный,
Летает резвою рукой
На лире оживленной.

Блажен, кто в низкий свой шалаш
В мольбах не просит счастья!
Ему Зевес надежный страж
От грозного ненастья;
На маках лени, в тихий час,
Он сладко засыпает,
И бранных труб ужасный глас
Его не пробуждает.

Пускай, ударя в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны вьются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за славой.

Нашел в глуши я мирный кров
И дни веду смиренно;
Дана мне лира от богов,
Поэту дар бесценный;
И муза верная со мной:
Хвала тебе, богиня!
Тобою красен домик мой
И дикая пустыня.

На слабом утре дней златых
Певца ты осенила,
Венком из миртов⁽⁷¹⁾ молодых
Чело его покрыла,
И, горним светом озарись,
Влетала в скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью.

О, будь мне спутницей молодой
До самых врат могилы!
Летай с мечтаньем надо мной,
Расправя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Пленяйте ум... обманом
И милой жизни светлу даль
Кажите за туманом!

И тих мой будет поздний час:

И смерти добрый гений
Шепнет, у двери постучась:
«Пора в жилище теней!..»
Так в зимний вечер сладкий сон
Приходит в мирны сени,
Венчаный маком и склонен
На посох томной лени...

1⁸¹⁵

Мое завещание друзьям

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь...
Прости навек, очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приблизьтесь, о друзья мои,
Благоговенье и вниманье!
Устройте завтра шумный ход,
Несите радостные чаши
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши.
Зовите на последний пир
Семелы⁽⁷²⁾ радостного сына,
Эрота, друга наших лир,
Богов и смертных властелина.
Пускай веселье прибежит,

Махая резвою гремяшкой,
И нас от сердца рассмешит
За полной пенистой кружкой.
Пускай игривою толпой
Слетят родные наши музы;
Им первый кубок круговой.
Друзья! священны нам их узы;
До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета
Не выйдут из руки поэта
Фиалы братской череды;
В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.
И брякнут перстни золотые
В завет любви в последний раз.
Где вы, подружки молодые?
Летите — дорог смерти час.
В последний раз, томимый нежно,
Забуду вечность и друзей,
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней!

Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой
И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой,

Подайте грозд Анакреона;
Он был учителем моим;
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона...
Простите, милые друзья,
Подайте руку, до свиданья!
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
Приди, певец мой дорогой⁽⁷³⁾,
Воспевший Вакха и Темиру,
Тебе дарю я лень и лиру;
Да будут музы над тобой...
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пушкин, ветреный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец!
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!

На тихий праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить...

*Стекитесь резвою толпою,
Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
«Здесь дремлет юноша мудрец,
Питомец нег и Аполлона».*

1⁸¹⁵

Воспоминание (К Пущину)

{74}

*Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом, пенистом вине?*

*Как, укрывшись молчаливо
В нашем темном уголке,
С Вакхом нежились лениво,
Школьной стражи вдалеке?*

*Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошевых?*

Закипев, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдруг педанта^[75] глас ужасный
Нам послышался вдали...

И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно —
Всюду по полу разлиты
Пуши и светлое вино.

Убегаем торопливо —
Вмиг исчез минутный страх!
Щек румяных цвет игривый,
Ум и сердце на устах,

Хохот чистого веселья,
Неподвижный, тусклый взор
Изменяли час похмелья,
Сладкий Вакха заговор.

О друзья мои сердечны!
Вам клянуся, за столом
Всякий год в часы беспечны
Поминать его вином.

Моя эпитафия

*Здесь Пушкин погребен; он с музой
молодую,
С любовью, леностью провел весе-
лый век,
Не делал доброго, однако ж был
душою,
 Ей-богу, добрый человек.*

1⁸¹⁵

Сраженный рыцарь

*Последним сияньем за рощей го-
ря,
Вечерняя тихо потухла заря,
 Темнеет долина глухая;
В тумане пустынном чернеет ре-
ка,
Ленивой грядюю идут облака,
 Меж ими луна золотая.*

*Недвижные латы на холме ле-
жат,
В стальной рукавице забвенный
булат,
 И щит под шоломом заржа-*

вым,
Вонзились шпоры в увлажненный
мох,
Копье раздробленно, и месяца рог
 Покрыл их сияньем кровавым.

Вкруг холма обходит друг сильно-
го — конь;
В очах горделивых померкнул
огонь,
 Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень
долин
И смотрит на латы — конь вер-
ный один,
 И дико трепещет, и стонет.

Во тьме заблудившись, пришелец
идет,
Невольную робость он в сердце
несет,
 Склонясь над дорожной клю-
кою,
Заботливо смотрит в неверную
даль,
Приблизился к латам и звонкую
сталь
 Толкает усталой ногою.

Хладеет пришелец, — кольчуги
звучат.

Погибшего грозно в них кости
стучат,

По камням шелом покати-
лся,
Скрывался в нем череп... при звуке
глухом

Заржал конь ретивый — скок лё-
том на холм, —

Взглянул... и главою склонил-
ся.

Уж путник далече в тьме бродит
ночной,

Все мнится, что кости хрустят
под ногой...

Но утро денница выводит —
Сраженный во брани на холме ле-
жит,

И латы недвижны, и шлем не
стучит,

И конь вокруг погибшего хо-
дит.

К Дельвигу (Ответ)

{76}

Послушай, муз невинных
Лукавый клеветник!
В тиши полей пустынных,
Природы ученик,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою...
И я главой поник
Пред милой суетою.
Жуковский, наш поэт,
На то мне дал совет
И с музами сосватал.
Сначала я играл,
Шутя стихи марал,
А там переписал,
А там и напечатал,
И что же — рад не рад —
Но вот уже я брат
Теперь тому, другому,
Что делать, виноват!..
Предатель, с Аполлоном
Ты, видно, заодно;
А мне прослыть Прадоном^{77}
Отныне суждено.

Везде беды застану!
Увы мне, метроману,
Куда сокроюсь я?
Изменники друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья
Тисненью предают, —
Бумагу убивают!
Поэта окружают
С улыбкой остряки.
«Признайтесь, — нам сказали, —
Вы пишете стишки;
Увидеть их нельзя ли?
Вы в них изображали,
Конечно, ручейки,
Конечно, василечек,
Лесочек, ветерочек,
Барашков и цветки...»

О Дельвиг! начертали
Мне музы мой удел;
Но ты ль мои печали
Умножить захотел?
Меж лени и Морфея
Беспечных дух лелея,
Еще хоть год один
Позволь мне полениться

И негой насладиться, —
Я, право, лени сын!
А там, хоть нет охоты,
Но придут уж заботы
Со всех ко мне сторон:
И буду принужден
С журналами сражаться,
С газетой торговаться,
С Графовым восхищаться...
Помилуй, Аполлон!

1815

Слеза

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на доро-
гу? —

Гусар мой спросил. —
Еще по ней ты, слава богу,
Друзей не проводил».

К груди поникнув головою,
Я скоро прошептал:
«Гусар! уж нет ее со мною!..»

Вздохнул — и замолчал.

*Слеза повисла на реснице
И канула в бокал.
«Дитя, ты плачешь о девице,
Стыдись!» — он закричал.*

*«Оставь, гусар... ох, сердцу больно.
Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
Чтоб отравить бокал!..»*

1⁸¹⁵

Роза

*Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.*

«Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...»

{78}

*Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,
Отрадой тихую, восторгом упи-
вался...*

*И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиде-
нья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки
тень!..*

К бар. М. А. Дельви́г

{79}

Вам восемь лет, а мне семна-
дцать било.
И я считал когда-то восемь лет;
Они прошли. В судьбе своей уны-
лой,
Бог знает как, я ныне стал поэт.
Не возвратитъ уже того, что бы-
ло,
Уже я стар, мне незнакома ложь:
Так верьте мне — мы спасены
лишь верой.
Послушайте. Амур, как вы, хорош;
Амур дитя, Амур на вас похож —
В мои лета вы будете Венерой.
Но если только буду жив,
Всевышней благостью Зевеса,
И столько же красноречив —
Я напишу вам, баронесса,
В латинском вкусе мадригал,
Чудесный, вовсе без искусства

Не много истинных похвал,
Но много истинного чувства.
Скажу я: «Ради ваших глаз,

О баронесса! ради балов,
Когда мы все глядим на вас,
Взгляните на меня хоть раз
В награду прежних мадригалов».

Когда ж Амур и Гименей
В прелестной Марии моей
Поздравят молодую даму,
Удастся ль мне под старость
дней
Вам посвятить эпиталаму^{80}
?

1815

Тень Фонвизина

В раю^{81}, за грустным Ахероном,
Зевая в рощице густой,
Творец, любимый Аполлоном,
Увидеть вздумал мир земной.
То был писатель знаменитый,
Известный русский весельчак,
Насмешник, лаврами повитый,
Денис, невежде бич и страх^{82}.
«Позволь на время удалиться, —
Владыке ада молвил он, —
Постыл мне мрачный Флегетон
И к людям хочется явиться».

«Ступай!» — в ответ ему Плу-
тон;

И видит он перед собою:
В ладье с мелькающей толпою
Гребет наморщенный Харон
Челнок ко берегу; с подорожной
Герой поплыл в ладье порожной
И вот — выходит к нам на свет.
Добро пожаловать, поэт!

Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременился^{83}.
Все идет той же чередой;
Все так же люди лицемерят,
Все те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно снят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь, в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;

Все столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

Вздыхнул Денис: «О боже, боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка:
Весь свет бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен.
Но где же братии-поэты,
Мои парнасские клеветы,
Питомцы граций молодых?
Желал бы очень видеть их».
Небес оставя светлы сени,
С крылатой шапкой набекрени,
Богов посланник молодой^{84}
Слетает вдруг к нему стрелой.
«Пойдем, — сказал Эрмий поэту,

—
Я здесь твоим проводником,
Сам Феб меня просил о том;
С тобой успеем до рассвету
Певцов российских посетить,
Иных — лозами наградить,
Других — венком увить свирели».
Сказал, взвились и полетели.

Уже сокрылся ясный день,
Уже густела мрачна тень,
Уж вечер к ночи уклонялся,
Мелькал в окошки лунный свет,
И всяк, кто только не поэт,
Морфею сладко предавался.
Эрмий с веселым мертвецом
Влетели на чердак высокий;
Там Кропов^[85] в тишине глубокой
С бумагой, склянкой и пером
Сидел в раздумье за столом
На стуле ветхом и треногом
И площадным, раздутым слогом
На наши смертные грехи
Ковал и прозу и стихи.
«Кто он?» — «Издатель «Демокрита»!
Издатель, право, пресмешной,
Не жаждет лавров он пиита,
Лишь был бы только пьян порой,
Стихи читать его хоть тяжело,
А проза, ох! горька для всех;
Но что ж? смеяться над бедняжкой,
Ей-богу, братец, страшный грех;
Не лучше ли чердак оставить
И далее полет направить
К певцам российским записным?»

«Быть так, Меркурий, полетим».
И оба путника пустились
И в две минуты опустились
Хвостову прямо в кабинет.
Он не спал; добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик кряхтел,
Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу.
Сидит; перо в его зубах,
На ленте анненской^{86} табак,
Повсюду разлиты чернила,
Сопит себе Хвостов унылый.
«Ба! в полночь кто катит ко
мне?
Не брежу, полно ль, я во сне!
Что случилось с бедной головою!
Фонвизин! ты ль передо мною?
Помилуй! ты... конечно, он!»
«Я, точно я, меня Плутон
Из мрачного теней жилища
С почетным членом адских сил
Сюда на время отпустил.
Хвостов! старинный мой дружи-
ще!
Скажи, как время ты ведешь?
Здорово ль, весело ль живешь?»
«Увы! несчастному поэту, —

Нахмурясь отвечал Хвостов, —
Давно ни в чем удачи нету.
Скажу тебе без дальних слов:
По мне с парнасского задору
Хоть удавись — так в ту же пору.
Что я хорош, в том клясться рад,
Пишу, пою на всякий лад,
Хвалили гений мой в газетах,
В «Аспазии»^{87} боготворят.
А все последний я в поэтах,
Меня бранит и стар и млад,
Читать стихов моих не хотят,
Куда ни сунусь, всюду свист —
Мне враг последний журналист,
Мальчишки надо мной хохочут.
Анастасевич^{88} лишь один,
Мой верный крестник, чтец и сын,
Своею прозой уверяет,
Что истукан мой увенчает
Потомство лавровым венцом.
Никто не думает о том,
Но я — поставлю на своем.
Пускай мой перукмахер снова
Завьет у бедного Хвостова
Его поэмой заказной
Волос остаток уж седой,
Геройской вооружась отвагой,
И жизнь я кончу над бумагой

И буду в аде век писать
И притчи дьяволам читать». *Денис на то пожал плечами;*
Курьер богов захохотал
И, над свечой взмахнув крылами,
Во тьме с Фонвизиным пропал.
Хвостов не слишком изумился,
Спокойно свечку засветил —
Вздыхнул, зевнул, перекрестился,
Свой труд доканчивать пустился,
Поутру оду смастерил
И ею город усыпил.

Меж тем, поклон отдав Хвостову,
Творец, списавший Простакову,
Три ночи в мрачных чердаках
В больших и малых городах
Пугал российских стиходеев.
В своем боскете князь Шальной⁽¹⁸⁹⁾,
Краса писателей-Морфеев,
Сидел за книжкой записной,
Рисуя в ней цветки, кусточки,
И, движа вздохами листочки,
Мочил их нежною слезой;
Когда же призрак столь чудесный
Очам влюбленного предстал,
За платье ухватясь любезной,

О страх! он в обморок упал.
И ты, славяно-росс надутый,
О Безглагольник пресловутый⁽⁹⁰⁾,
И ты едва не побледнел,
Как будто от Шишкова взгляда;
Из рук упала Петриада,
И дикий взор оцепенел.
И ты, попами воскормленный,
Дьячком псалтири обученный,
Ужасный критикам старик⁽⁹¹⁾!
Ты видел тени грозный лик,
Твоя невинная другиня⁽⁹²⁾,
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страха пала ниц.
И ежемесячный вздыхатель⁽⁹³⁾,
Что в свет бесстыдно издает
Кокетки старой кабинет,
Безграмотный школяр-писатель,
Был строгой тенью посещен;
Не спас ребенка Купидон;
Блюстителю чести муз усердный
Его журил немилосердно
И уши выдрал бедняка;
Страшна Фонвизина рука!

«Довольно! нет во мне охоты,

Сказал он, — у худых писцов
Лишь время тратить; от зевоты
Я снова умереть готов;
Но где певец Екатерины?»
«На берегах поет Невы».
«Итак, стигийския долины
Еще не видел он?» — «Увы!»
«Увы? скажи, что значит это?»
«Денис! полнощный лавр отцвел,
Прошла весна, прошло и лето,
Огонь поэта охладел;
Ты все увидишь сам собою;
Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика».
Они летят, и в три мига
Среди разубранной светлицы
Увидели певца Фелицы.
Почтенный старец их узнал.
Фонвизин тотчас рассказал
Свои в том мире похождения.
«Так ты здесь в виде привиденья?..

—
Сказал Державин, — очень рад;
Прими мои благословенья...
Брысь, кошка!.. сядь, усопший
брат;
Какая тихая погода!..
Но, кстати, вот на славу ода, —

Послушай, братец». И старик,
Покашляв, почесав парик,
Пустился петь свое творенье,
Статей библейских преложенье;
То был из гимнов гимн прямой.
Чета бесплотных в удивленье
Внимала молча песнопенье,
Поникнув долу головой:

«Открылась тайн священных
дверь^[94]!..
Из бездн исходит Луцифер,
Смиренный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал, как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!..
Благословен господь наш бог!»...

«Ого! — насмешник мой воскликнул, —
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров^[95];
Что сделалось с тобой, Держа-

вин?

И ты судьбой Невтону равен^{96},
Ты бог — ты червь, ты свет — ты
ночь..^{97}.

Пойдем, Меркурий, сердцу больно;
Пойдем — бешуся я невольно».
И мигом отлетел он прочь.

«Какое чудное явленье!» —
Фонвизин спутнику сказал.
«Оставь пустое удивленье, —
Эрмий с усмешкой отвечал. —
На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый возгремел^{98},
И гневом Пиндар Холмогора
И тайной завистью горел.
Но Феб услышал глас укора,
Его покоить захотел,
И спотыкнулся мой Державин
Апокалипсис преложить.
Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?»

«Пора домой, — вещал Эрмию
Ужасный рифмачам мертвец, —
Оставим наскоро Россию;

Бродить устал я наконец».
Но вдруг близ мельницы стуча-
щей,
Средь рощи сумрачной, густой,
На берегу реки шумящей
Шалаш является простой:
К калитке узкая дорога;
В окно склонился древний клен,
И Фальконетов Купидон^{99}
Грозит с усмешкой у порога.
«Конечно, здесь живет певец, —
Сказал, обрадуясь, мертвец, —
Взойдем!» Взошли и что ж узре-
ли?
В приятной неге, на постеле
Певец пенатов молодой
С венчанной розами главой,
Едва прикрытый одеялом,
С прелестной Лилою дремал
И, подрумяненный фиалом,
В забвенье сладостном шептал.
Фонвизин смотрит изумленный.
«Знакомый вид; но кто же он?
Уж не Парни ли несравненный,
Иль Клейст^{100}? иль сам Анакре-
он?»
«Он стоит их, — сказал Мерку-
рий, —

Эрата, грации, амурь
Венчали миртами его,
И Феб цевницею златою
Почтил любимца своего;
Но, лени связанный уздою,
Он только пьет, смеется, спит
И с Лилой нежится младою,
Забыв совсем, что он поит».
«Так я же разбужу повесу», —
Сказал Фонвизин, рассердясь,
И в миг отдернул занавесу.
Певец, услыша вещей глас,
С досадою весь в пуху проснулся,
Лениво руки протянул,
На свет насилу проглянул,
Потом в сторонку обернулся
И снова крепким сном заснул.
Что делать нашему герою?
Повеся нос, идти к покою
И только про себя ворчать.
Я слышал, будто бы с досады
Бранил он русских без пощады
И вот изволил что сказать:
«Когда Хвостов трудиться ста-
нет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на лад».

Гроб Анакреона

*Всё в таинственном молчанье;
Холм оделся темнотою;
Ходит в облачном сиянье
Полумесяц молодой.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине;
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, здесь почит в мире
Сладострастия мудрец.
Посмотрите: на порфире
Оживил его резец!
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: «Я сед и стар,
Жизнью дайте ж насладиться;
Жизнь, увы, не вечный дар!»
Здесь, подняв на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.
Здесь готовится природе*

Долг последний заплатить:
Старец пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить.
Вкруг любовника седого
Девы скачут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы и хариты
В гроб любимца увели;
Плющем, розами увиты,
Игры вслед за ним пошли...
Он исчез, как наслажденье,
Как веселый сон любви.
Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

Послание к Юдину

{101}

Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихий глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать.
Но можно ль резвому поэту,
Невольнику мечты молодой,
В картине быстрой и живой
Изобразить в порядке свету
Все то, что в юности златой
Воображение мне кажет?

Теперь, когда в покое лень,
Укрыв меня в пустынную сень,
Своею цепью чувства вяжет,
И век мой тих, как ясный день,
Пустого неги украшенья
Не видя в хижине моей,
Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей
И, счастливый самим собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю завтра, ни вчера,
Доволен скромною судьбою
И думаю: «К чему певцам

Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирные пустые вазы,
Драгие куклы по углам?
К чему им сукны Альбиона^{102}
И пышные чехлы Лиона^{103}
На модных креслах и столах,
И ложе шалевое в спальней?
Какая нужда в зеркалах?
Не лучше ли в деревне дальней,
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке,
С которым роскошь незнакома,
Где можно в праздник отдох-
нуть?»
О, если бы когда-нибудь
Сбылись поэта сновиденья?
Ужель отрад уединенья
Ему вкушать не суждено?
Мне видится мое селенье,
Мое Захарово^{104}; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят.

Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона
И глухо тополы шумят, —
Туда зарею поспешаю
С смиренным заступом в руках,
В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах;
Вот здесь под дубом наклонен-
ным
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах.
Вблизи ручей шумит и скачет,
И мчится в влажных берегах,
И светлый ток с досадой прячет
В соседних рощах и лугах.
Но вот уж полдень. В светлой за-
ле
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит.
Соседи шумною толпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся; чаш внимаем звону:
Все хвалят Вакха и Помону
И с ними красную весну...

Вот кабинет уединенный,
Где я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивых красот,
Вдали нахмуренных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу немолчную гремит,
И — помнится — зовется Славой,
—

Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и молодой...
Вот мой камин — под вечер тем-
ный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной
Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда^{105} читать,
Или в минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потом свои творенья...
Вот здесь... но быстро привиде-
нья,
Родясь в волшебном фонаре,
На белом полотне мелькают;
Мечты находят, исчезают,
Как тень на утренней заре.
Меж тем как в келье молчаливой

Во плен отдался я мечтам,
Рукой беспечной и ленивой
Разбросив рифмы здесь и там,
Я слышу топот, слышу ржанье.
Блеснув узорным чепраком,
В блестящем ментии^{106} сиянье
Гусар промчался под окном...
И где вы, мирные картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты,
Огни во стане догорают;
Меж них, окутанный плащом,
С седым, усатым казаком
Лежу — вдали штыки сверкают,
Лихие ржут, бразды кусают,
Да изредка грохочет гром,
Летя с высокого раската^{107}...
Трепещет бранью грудь моя
При блеске бранного булата,
Огнем пылает взор, — и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.
О вы, отеческие лары,
Спасите юношу в боях!
Там свищет саблей он зубчатой,

Там кивер зыблется пернатый;
С черкесской буркой на плечах
И молча преклонясь ко гриве,
Он мчит стрелой по скользкой
пиве
С сигарой дымною в зубах...

Но, лаврами побед увиты,
Бойцы из чаши мира пьют.
Военной славою забытый,
Спешу в смиренный свой приют;
Нашед на поле битв и чести
Одни болезни, костыли,
На век оставил саблю мести...
Уж вижу в сумрачной дали
Мой тесный домик, рощи темны,
Калитку, садик, ближний пруд,
И снова я, философ скромный,
Укрылся в милый мне приют
И, мир забыв и им забвенный,
Покой души вкушаю вновь...

Скажи, о сердцу друг бесценный,
Мечта ль и дружба и любовь?
Доселе в резвости беспечной
Брели по розам дни мои;
В невинной ясности сердечной
Не знал мучений я любви,

Но быстро день за днем умчался;
Где ж детства ранние следы?
Прелестный возраст миновался,
Увяли первые цветы!
Уж сердце в радости не бьется
При милом виде мотылька,
Что в воздухе кружит и вьется
С дыханьем тихим ветерка,
И в беспокойстве непонятном
Пылаю, тлею, кровь горит,
И все языком, сердцу внятным,
О нежной страсти говорит...
Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая Сушкова^{108}?
Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуночи унылой,
В часы денницы золотой.
То на конце аллеи темной
Вечерней, тихую порой,
Одну, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой,
Твой шалью стан не покровенный,
Твой взор, на груди потупленный,
В щеках любви стыдливый цвет.
Все тихо; брезжит лунный свет;

Нахмурясь топол шевелится,
Уж сумрак тусклой пеленой
На холмы дальние ложится,
И завес рощицы струится
Над тихо спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты в рощице со мною,
На костыли мои склонясь,
Стоишь под ивою густою;
И ветер сумраков, резвясь,
На снежну грудь прохладой дует,
Играет локоном власов
И ногу стройную рисует
Сквозь белоснежный твой по-
кров...

То часом полночи глубоким,
Пред теремом твоим высоким,
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую —
Готовы сани; мрак густой;
Все спит, один лишь я тоскую,
Зову часов ленивый бой...
И шорох чудится глухой,
И вот уж шепот слышу сладкой,

—
С крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша; идет украдкой,
И дева друга обняла.

Помчались кони, вдаль пусти-
лись,
По ветру гривы распустились,
Несутся в снежной глубине,
Прижалась робко ты ко мне,
Чуть-чуть дыша; мы обомлели,
В восторгах чувства онемели...
Но что! мечтанья отлетели!
Увы! я счастлив был во сне...

В отрадной музам тишине
Простыми звуками свирели,
Мой друг, я для тебя воспел
Мечту, младых певцов удел.
Питомец муз и вдохновенья,
Стремясь фантазии вослед.
Находит в сердце наслажденья
И на пути грозящих бед.
Минуты счастья золотые
Пускай мне Клофо⁽¹⁰⁹⁾ не совет:
В мечтах все радости земные!
Судьбы всемогущее поэт.

Усы

Философическая ода

Глаза скосив на ус кудрявый,
Гусар с улыбкой величавой
Вкруг пальца завитки мотал;
Мудрец с обритой бородою,
Качая лысой головою,
Со вздохом усачу сказал:

«За уши ус твой закрученный,
Вином и ромом окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знает бритвы; выписною
Он вечно лоснится сурьюю,
Расправлен гребнем и рукой.

Гордись, гусар! но помни вечно,
Что все на свете скоротечно —
Летят губительны часы,
Румяны щеки пожелтеют,
И черны кудри поседеют,
И старость выбелит усы».

1⁸¹⁶

Царское Село. Каскады.
Раскрашенная литография А. Е. Мар-

*тынова.
Начало 1820-х годов.
Государственный музей А. С. Пушкина.*

Сон (Отрывок)

{110}

Пускай поэт с кадилъницей на-
емной
Гоняется за счастьем и молвой,
Мне страшен свет, проходит век
мой темный
В безвестности, заглохшею тро-
пой.
Пускай певцы гремящими хвала-
ми
Полубогам бессмертие дают,
Мой голос тих, и звучными стру-
нами
Не оглашу безмолвия приют.
Пускай любовь Овидии поют,
Мне не дает покоя Цитерея^{111},
Счастливых дней амуры мне не
вьют:
Я сон пою, бесценный дар Морфея,
И научу, как должно в тишине
Покоиться в приятном, крепком
сне.

Приди, о лень! приди в мою пустыню.

Тебя зовут прохлада и покой;
В одной тебе я зрю свою богиню;
Готово все для гостьи молодой.
Все тихо здесь — докучный шум
укрылся

За мой порог; на светлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И в темный ниш, где сумрак воцарился,

Чуть крадется неверный свет
дневной.

Вот мой диван. Приди ж в обитель
мира;

Царицей будь, я пленник ныне
твой.

Все, все твое: вот краски, кисть и
лира —

Учи меня, води моей рукой.

А вы, друзья моей прелестной
музы,

Которыми любви забыты узы,

Которые владычеству земли,

Конечно, сон спокойный предпочли,

О мудрецы! дивиться вам умея,

Для вас одних я ныне трон Морфея
Поэзии цветами обовью,
Для вас одних блаженство воспою.
Внемлите же с улыбкой снисхожденья
Моим стихам, урокам наслажденья.

В назначенный природой неги час
Хотите ли забыться каждый раз
В ночной тиши, средь общего молчанья,
В объятиях игривого мечтанья?
Спешите же под сельский мирный кров,
Там можно жить и праздно и беспечно,
Там прямо рай; но прочь от городов,
Где крик и шум ленивцев мучит вечно.
Согласен я: в них можно целый день
С прелестницей ловить веселья тень;

В платок зевать, блистая в мод-
ном свете;
На бале в ночь вертеться на пар-
кете,
Но можно ли вкушать отраду
снов?
Настала тень, — уснуть лишь я
готов,
Обманутый призраками ночны-
ми,
И вот уже, при свете фонарей,
На бешеной четверке лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится Спесь под окнами мои-
ми.
Я дремлю вновь, вновь улица дро-
жит —
На скучный бал Рассеянье ле-
тит...
О боже мой! ужели здесь ложат-
ся,
Чтобы всю ночь бессонницей тер-
заться?
Еще стучат, а там уже светло,
И где мой сон? не лучше ли в село?
Там рошица листочков трепета-
ньем,
В лугу поток таинственным

журчаньем,
Златых полей, долины тишина —
В деревне все к томленью клонит
сна.

О сладкий сон, ничем не возму-
щенный!

Один петух, зарею пробужденный,
Свой резкий крик подымет, мо-
жет быть;

Опасен он — он может разбу-
дить.

Итак, пускай, в сералях удаленны,
Султаны кур гордятся заключен-
ны

Иль поселян сзывают на поля:
Мы спать хотим, любезные дру-
зья.

Стократ блажен, кто может
сном забыться

Вдали столиц, карет и петухов!
Но сладостью веселой ночи снов
Не думайте вы даром насладить-
ся

Средь мирных сел, без всякого
труда.

Что ж надобно? — Движенье, гос-
пода!

Похвальна лень, но есть всему
пределы.

Смотрите: Клит, в подушках по-
седельный,

Размученный, изнеженный, боль-
ной,

Весь век сидит с подагрой и тос-
кой.

Наступит день; несчастный, за-
дыхаясь,

Кряхтя, ползет с постели на ди-
ван;

Весь день сидит; когда ж ночной
туман

Подернет свет, во мраке рассти-
лаясь,

С дивана Клит к постеле попол-
зет.

И как же ночь несчастный прове-
дет?

В покойном сне, в приятном сно-
виденье?

Нет! сон ему не радость, а муче-
нье;

Не маками, тяжелою рукой

Ему Морфей закроет томны очи,

И медленной проходят чередой

Для бедного часы угрюмой ночи.

Я не хочу, как общий друг Бершу⁽¹¹²⁾

Предписывать вам тяжкие движения:

Упрямый плуг, охоты наслаждение.

Нет, в рощи я ленивца приглашу:
Друзья мои, как утро здесь прекрасно!

В тиши полей, сквозь тайну сень дубрав

Как юный день сияет гордо, ясно!
Светлеет все; друг друга перегнав,
Журчат ручьи, блестят берега безмолвны;

Еще роса над свежей муравой;
Златых озер недвижно дремлют волны.

Друзья мои! возьмите посох свой,
Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине,

И в долгу ночь глубока ваш будет сон.

Как только тень оденет небо-склон,
Пускай войдет отрада жизни на-

шей,
Веселья бог с широкой, полной ча-
шей,
И царствуй, Вакх, со всем двором
своим.
Умеренно пируйте, друзья, с ним:
Стакана три шипящими волнами
Румяных вин налейте вы полней;
Но толстый Ком с надутыми ще-
ками,
Не приходи стучаться у дверей.
Я рад ему, но только за обедом,
И дружески я в полдень уберу
Его дары; но, право, ввечеру
Гораздо я дружнее с его соседом.
Не ужинать — святой тому за-
кон,
Кому всего дорожке легкий сон.
Брегитесь вы, о дети мудрой ле-
ни!
Обманчивой успокоенья тени.
Не спите днем: о горе, горе вам,
Когда дремать привыкли по ча-
сам!
Что ваш покой? бесчувствие глу-
боко.
Сон истинный от вас уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты;

Ваш целый век — несносное том-
ленье,
И скучен сон, и скучно пробужде-
нье,
И дни текут средь вечной темно-
ты.

Но ежели в глуши, близ водопа-
да,
Что под горой клокочет и кипит,
Прелестный сои, усталости на-
града,
При шуме волн на дикий берег сле-
тит,
Покроет взор туманной пеленою,
Обнимет вас и тихою рукою
На мягкий мох преклонит, осе-
нит, —
О! сладостно близ шумных вод за-
бвенье.
Пусть долее продлится ваш по-
кой,
Завидно мне счастливца насла-
жденье.

Случалось ли ненастной вам по-
рой
Дня зимнего, при позднем, тихом

свете,
Сидеть одним, без свечки в каби-
нете:
Все тихо вокруг; березы больше
нет;
Час от часу темнеет окон свет;
На потолке какой-то призрак
бродит;
Бледнеет уголь, и синеватый дым,
Как легкий пар, в трубу, вьясь,
уходит;
И вот, жезлом невидимым своим
Морфей на все неверный мрак на-
водит.
Темнеет взор; «Кандид» из ваших
рук,
Закрывшись, упал в колени вдруг;
Вздохнули вы; рука на стол ва-
лится,
И голова с плеча на грудь катит-
ся,
Вы дремлете! над вами мира
кров:
Нежданный сон приятней многих
снов!

Душевных мук волшебный исце-
литель,

Мой друг Морфей, мой давний
утешитель!

Тебе всегда я жертвовать любил,
И ты жреца давно благословил:
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный неги час,
Когда, в углу под вечер притаясь,
Я призывал и ждал тебя в покое...
Я сам не рад болтливости своей,
Но детских лет люблю воспоми-
нанье.

Ах! умолчу ль о мамушке моей^{113},
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одея-
нье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне
станет

О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из
глины

Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два сту-

чало, —
Все в душу страх неволью поселя-
ло.
Я трепетал — и тихо наконец
Томленья сна на очи упадало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слета-
ли,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских
пустыней
Встречал лихих Полканов и Доб-
рыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Но вы прошли, о ночи безмя-
тежны!
И юности уж возраст наступил...
Подайте мне Альбана^{114} кисти
нежны,
И я мечту молодой любви вкусил.
И где ж она? Восторгами роди-
лась,
И в тот же миг восторгом ис-
требилась.
Проснулся я; ищу на небе день,

Но все молчит; луна во тьме со-
крылась,
И вокруг меня глубокой ночи тень.
Но сон мой тих! беспечный сын
Парнаса,
В ночной тиши я с рифмою не
бьюсь,
Не вижу ввек ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый двор каких-то старых
муз.

Я не герой, по лаврам не тос-
кую;
Спокойствием и негой не торгую,
Не чудится мне ночью грозный
бой;
Я не богач — и лаем пес приврат-
ный
Не возмущал мечты моей прият-
ной;
Я не злодей, с волненьем и тоской
Не зрю во сне кровавых привиде-
ний,
Убийственных детей предрассуж-
дений,
И в поздний час ужасный бледный
Страх
Не хмурится угрюмо в головах.

Окно

*Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел — дева у окна
Одна задумчиво сидела,
Дышала в тайном страхе грудь,
Она с волнением глядела
На темный под холмами путь.*

*«Я здесь!» — шепнули торопливо.
И дева трепетной рукой
Окно открыла боязливо...
Луна покрылась темнотой. «
Счастливец! — молвил я с тос-
кою, —
Тебя веселье ждет одно.
Когда ж вечернею порою
И мне откроется окно?»*

Осеннее утро

{115}

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с милою любви моей мечтой
Последнее исчезло сновиденье.
С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, сияет бледный день

А вокруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный.
Уже нигде не встретил я прекрас-
ной,
Я не нашел нигде ее следов.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя незабвенной;
Я звал ее — лишь глас уединенный
Пустых долин откликнулся в да-
ли.
К ручью пришел, мечтами при-
влеченный
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ несрав-
ненной.
Уж нет ее... до сладостной весны

Простился я с блаженством и с душою.

Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опусте-
лых,
Там день и ночь кружится мерт-
вый лист,
Стоит туман на нивах пожелте-
лых,
И слышится мгновенный ветра
свист.

Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели минувших дней заба-
вы!
Забыты вы... до сладостной вес-
ны!

Наездники

Уж полем всадники спешат,
Дубравы кров покинув зыбкой,
Коней ласкают и смирят
И с гордой шепчутся улыбкой;
Сердца их радостью горят,
Огнем пылают гневны очи;
Лишь ты, воинственный поэт,
Уныл, как сумрак полуночи,
И бледен, как осенний свет.
С главою, мрачно преклоненной,
С укрытой горестью в груди,
Печальной думой увлеченный,
Он едет молча впереди.
«Певец печальный, что с тобою?
Один пред боем ты уныл,
Поник бесстрашною главою,
Бразды и саблю опустил.
Тебя ль мы зрели под мечами
С спокойным, дерзостным челом,
Всегда меж первыми рядами,
Все там, где битвы падал гром?
Ужель, невольник празднои неги,
Отрадней мир твоих полей,
Чем наши бурные набеги
И ночью бранный стук мечей?»

Но медленно певец печальный
Главу и взоры приподнял,
Взглянул угрюмо в сумрак даль-
ный
И вздохом грудь поколебал.
«Глубокий сон в долине бранной;
Одни мы мчимся в тьме ночной.
Предчувствую конец желанный,
Меня зовет последний бой.
Расторгну цепь судьбы жестокой,
Влечу я с братьями в огонь;
Удар падет... — и одинокой
В долину выбежит мой конь...
О вы, хранимые судьбами
Для сладостных любви наград;
Любви бесценными слезами
Благословится ль ваш возврат?
Но для певца никто не дышит,
Его настигнет тишина;
Эльвина смерти весть услышит,
И не вздохнет об нем она...
В минуты сладкого спасенья,
О други, вспомните певца,
Его любовь, его мученья
И славу грозного конца».

Певец

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной
тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный
тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий
глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

К Морфею

*Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забывать любовь до новой ночи!*

Желание

*Я слезы лью; мне слезы утешенье;
И я молчу; не слышен ропот мой,
Моя душа, объятая тоской,
В ней горькое находит наслажде-
нье.*

*О жизни сон! Лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиде-
нье;*

*Мне дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру любя!*

Друзьям

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

1⁸¹⁶

Заздравный кубок

Кубок янтарный
Полон давно,
Пеной угарной
Блещет вино.
Света дорожке
Сердцу оно;
Но за кого же
Выпью вино?

Здравие славы
Выпью ли я?

Бранной забавы
Мы не друзья!
Это веселье
Не веселит,
Дружбы похмелье
Грома бежит.

Жители неба,
Феба жрецы!
Здравие Феба
Пейте, певцы!
Резвой камены
Ласки — беда;
Ток Иппокрены
Просто вода.

Пейте за радость
Юной любви —
Скроется младость,
Дети мои...
Кубок янтарный
Полон давно.
Я — благодарный —
Пью за вино.

Амур и Гименей

{116}

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вас новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого мальчика с повязкой?
Слепого?.. Вот? Помилуй, Феб!
Амур совсем, друзья, не слеп:
Но шалуну пришла ж охота,
Чтоб, людям на смех и назло,
Его безумие вело.
Безумие ведет Эрота:
Но вдруг, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затею:
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею...
А что такое Гименей?
Он сын Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и ленивый,
Ворчит и дремлет целый век,
А впрочем добрый человек,
Да нрав имеет он ревнивый.
От ревности печальный бог
Спокойно подремать не мог;
Все трусил маленького брата,

За ним подсматривал тайком
И караулил супостата
С своим докучным фонарем.
Вот мальчик мой к нему подходит
И речь коварную заводит:
«Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умней!
Забудь, товарищ мой любезный,
Раздор смешной и бесполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возьми ж повязку в память, милый,
А мне фонарь свой подари!»
И что ж? Поверил бог унылый.
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы
Обнову брату затянул.
Гимена скучные дозоры
С тех пор пресеклись по ночам;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотам;
Спокоен он, но брат коварный,
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет неблагодарный
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном

Фонарь любовнику вручает
И сам счастливица провожает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь...
Пойми меня, мой друг Елена,
И мудрой повести поверь!

1816

Шишкову

{117}

Шалун, увенчанный Эратой^{118} и
Венерой,
Ты ль узника манишь в владения
свои,
В поместье мирное меж Пиндом
и Цитерой,
Где нежился Тибулл^{119}, Мелецкий^{120}
и Парни^{121}?
Тебе, балованный питомец Апол-
лона,
С их лирой соглашать игривую
свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали
колыбель.
Друзей любить открытою ду-

шою,
В молчанье чувствовать, пленяться красотой —
Вот жребий мой; ему я следовать готов,

Но, милый, сжался надо мною,

Не требуй от меня стихов!
Не вечно нежиться в приятном ослепленье:

Докучной истины я поздний вижу свет.

По доброте души я верил в упоенье

Мечте, шепнувшей: ты поэт, —

И, презря мудрые угрозы и советы,
С небрежной леностью нанизывал куплеты,

Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, я, трезвый меж друзьями,

Бывало, пел вино водяными стихами;

Мечтательных Дорид и славил и бранил,

Иль дружбе плел венок, и дружество зевало

*И сонные стихи впросонках вели-
чало.*

*Но долго ли меня лелеял Апол-
лон?*

*Душе наскучили парнасские заба-
вы;*

*Не долго снились мне мечтанья
муз и славы;*

*И, строгим опытом невольно
пробужден,*

*Уснув меж розами, на тернах я
проснулся,*

Увидел, что еще не гения печать

*—
Охота смертная на рифмах лепе-
тать,*

*Сравнив стихи твои с моими,
улыбнулся:*

И полно мне писать.

Пробуждение

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокий
Во тьме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,
Вновь упоенный,

*Пускай умру
Непробужденный.*

1⁸¹⁶

Любопытный

— Что ж нового? — «Ей-богу, ничего».

— Эй, не хитри: ты, верно, что-то знаешь.

*Не стыдно ли, от друга своего,
Как от врага, ты вечно все скрываешь.*

Иль ты сердит: помилуй, брат, за что?

*Не будь упрям: скажи ты мне
хоть слово...*

*«Ох! отвяжись, я знаю только то,
Что ты дурак, да это уж не ново».*

1⁸¹⁶

Надпись к беседке

*С благоговейною душой
Приблизься, путник молодой,
Любви к пустынному приюту.
Здесь ею счастлив был я раз —
В восторге сладостном погас,
И время самое для нас
Остановилось на минуту.*

1⁸¹⁶

К Каверину

{122}

*Забудь, любезный мой Каве-
рин,
Минутной резвости нескромные
стихи^{123}.*

*Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;*

Молись и Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой^{124}, с портиком^{125}, и с книгой,
и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

1817

Элегия

{126}

Опять я ваш, о юные друзья!
Печальные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.
Все те же вы, но время уж не то же:
Уже не вы душе всего дорожке,
Уж я не тот... невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Навек ушла — и жизни скоротеч-

ной
Луч утренний бледнеет надо
мною.
Отверженный судьбой несправед-
ливой,
И ласки муз, и радость, и покой —
Я все забыл; печали молчаливой
Рука лежит над юною главой...
Перед собой одну печаль я вижу!
Мне скучен мир, мне страшен
дневный свет,
Иду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак, — я радость
ненавижу,
Во мне застыл ее минутный след.
Чтоб отогнать угрюмые страда-
нья,
Напрасно вы несете лиру мне:
Минувших дней погаснули мечта-
нья,
И умер глас в бесчувственной
струне.
Опали вы, листья вчерашней розы!
Не доцвели до завтрашних лучей.
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольно льются
слезы,
И вяну я на темном утре дней.

О дружество! предай меня за-
бвенью;
В безмолвии покорствую судьбам,
Оставь меня сердечному муче-
нью,
Оставь меня пустыням и слезам.

1817

Безверие

{127}

О вы, которые с язвительным
упреком,
Считая мрачное безверие поро-
ком,
Бежите в ужасе того, кто с пер-
вых лет
Безумно погасил отрадный сердцу
свет;
Смирите гордости жестокой ис-
ступленье.
Имеет право он на ваше снисхож-
денье.
С душою тронутой внемлите
брата стон,
Несчастный не злодей, собою
страждет он.
Кто в мире усладит души его му-

ченья?

Увы! он первого лишился утешенья!

Настигнет ли его глухих судеб удар,

Отъемлется ли вдруг минутный счастья дар,

В любви ли, в дружестве обнимет он измену

И их почувствует обманчивую цену:

Лишенный всех опор, отпавший веры сын

Уж видит с ужасом, что в свете он один,

И мощная рука к нему с дарами мира

Не простирается из-за пределов мира...

Напрасно в пышности свободной простоты

Природы перед ним открыты красоты;

Напрасно вокруг себя печальный взор он водит:

Ум ищет божества, а сердце не находит.

Несчастия, страстей и немо-
щей сыны,
Мы все на страшный гроб, родясь,
осуждены.
Всечасно бранных уз готово разру-
шение,
Наш век — неверный день, минут-
ное волнение,
Когда, холодной тьмой объемля
грозно нас,
Завесу вечности колеблет смерт-
ный час,
Ужасно чувствовать слезы по-
следней муки —
И с миром начинать безвестную
разлуку!

Тогда, беседуя с раскованной ду-
шой,
О вера, ты стоишь у двери гробо-
вой,
Ты ночь могильную ей тихо освещает
И ободренную с надеждой отпуска-
ешь...
Но, други! пережить ужаснее дру-
зей!
Лишь вера в тишине отрадою сво-

ей

Живит унывший дух и сердца ожи-
данье:

«Настанет! — говорит, — назна-
чено свиданье!»

А он, слепой мудрец! при гробе
стонет он,

С отрадой бытия несчастный
разлучен,

Надежды сладкого не внемлет он
привета,

Подходит к гробу он, взывает...
нет ответа.

Видали ль вы его в безмолвных
тех местах,

Где кровных и друзей священный
тлеет прах?

Видали ль вы его над хладною мо-
гилой,

Где нежной Делии таится пепел
милый?

К почившим позванный вечерней
тишиной,

К кресту прикинул он бесчув-
ственной главой,

В слезах отчаянья, в слезах оже-
сточенья,

В молчанье ужаса, в безумстве

исступленья,
Рыдает — и меж тем под сенью
темных ив,
У гроба матери колена прекло-
нив,
Там дева юная в печали безмя-
тежной
Возводит к небу взор болезненный
и нежный,
Одна, туманною луной озарена,
Как ангел горести является она;
Вздыхает медленно, могилу обни-
мает —
Все тихо вокруг нее, а кажется,
внимает.
Несчастный на нее в безмолвии
глядит,
Качает головой, трепещет и бе-
жит;
Но тайно вслед за ним немая ску-
ка бродит.
Во храм ли высшего с толпой на-
рода входит,
Там умножает он тоску души
своей.
При пышном торжестве священ-
ных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком

хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье;
Он бога тайного нигде, нигде не
зрит,
С померкшею душой святыне
предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к
умиленью,
С досадой тихому внимает он мо-
ленью.
«Счастливы! — мыслит он, —
почто не можно мне
Страстей бунтующих в смирен-
ной тишине,
Забыв о разуме и немощем и
строгом,
С единой верою повергнуться пред
богом!»
Напрасный сердца крик! нет, нет!
не суждено
Ему блаженство знать! безверие
одно,
По жизненной стезе во мраке
вождь унылый,
Несчастливого влечет до хладных
врат могилы,
И что зовет его в пустыне гробо-
вой —

Кто ведает? но там лишь видит
он покой.

1817

Дельвигу

{128}

Любовью, дружеством и ле-
нью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты по-
эт.
Наперснику богов не страшны бу-
ри злые:
Над ним их промысел высокий и
святой;
Его баюкают камни молодые
И с перстом на устах хранят его
покой.
О милый друг, и мне богини песно-
пенья
Еще в младенческую грудь
Влияли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать
умел,

И лира стала мой удел.
Но где же вы, минуты упое-
нья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдох-
новенья!
Как дым, исчез мой легкий
дар.
Как рано зависти привлек я взор
кровавый
И злобной клеветы невидимый
кинжал!
Нет, нет, ни счастьем, ни
славой,
Ни гордой жаждою похвал
Не буду увлечен! В бездействии
счастливым
Забуду милых муз, мучительниц
моих;
Но, может быть, вздохну в вос-
торге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

В. Л. Пушкину

{129}

Что восхитительней, живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней кратких дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав, и нег, и граций,
Как жил бессмертный трус^{130} Го-
раций
В тибурских сумрачных лесах^{131};
Не знают света принужденья,
Не ведают, что скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен
миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла!

Князю А. М. Горчакову

Встречаюсь я с осьмнадцатой
весной.
В последний раз, быть может, я с
тобой,
Задумчиво внимая шум дубрав-
ный,
Над озером иду рука с рукой.
Где вы, лета беспечности недав-
ной?
С надеждами во цвете юных лет,
Мой милый друг, мы входим в но-
вый свет;
Но там удел назначен нам не рав-
ный,
И розно наш оставим в жизни
след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый и слав-
ный, — ^{132}
Моя стезя печальна и темна;
И нежная краса тебе дана,
И нравится блестящий дар при-
роды,
И быстрый ум, и верный, милый
нрав;

Ты сотворен для сладостной сво-
боды,
Для радости, для славы, для за-
бав.
Они пришли, твои золотые годы,
Огня любви прелестная пора.
Спеши любить и, счастливый вче-
ра,
Сегодня вновь будь счастлив
осторожно;
Амур велит — и завтра, если
можно,
Вновь миртами красавицу вен-
чай...
О, скольких слез, предвижу, ты ви-
новник!
Измены друг и ветреный любов-
ник,
Будь верен всем — пленяйся и пле-
няй.

А мой удел... но пасмурным ту-
маном
Зачем же мне грядущее скры-
вать?
Увы! нельзя мне вечным жить об-
маном
И счастья тень, забывшись, обни-

мать.

Вся жизнь моя — печальный мрак
ненастья.

Две-три весны, младенцем, мо-
жет быть,

Я счастлив был, не понимая сча-
стья;

Они прошли, но можно ль их за-
быть?

Они прошли, и скорбными глаза-
ми

Смотря на путь, оставленный на-
век, —

На краткий путь, усыпанный цве-
тами,

Которым я так весело протек,

Я слезы лью, я трачу век напрас-
но,

Мучительным желанием горя.

Твоя заря — заря весны прекрас-
ной;

Моя ж, мой друг, — осенняя заря.

Я знал любовь, но не знавал на-
дежды,

Страдал один, в безмолвии лю-
бил.

Безумный сон покинул томны

везжды,
Но мрачные я грезы не забыл.
Душа полна невольной, грустной
думой;
Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость
угрюмый,
Явлюсь на час — и одинок умру.
И не придет друг сердца незабвен-
ный
В последний миг мой томный
взор сомкнуть,
И не придет на холм уединенный
В последний раз с любовью вздох-
нуть!
Ужель моя пройдет пустынно
младость?
Иль мне чужда счастливая лю-
бовь?
Ужель умру, не ведая, что ра-
дость?
Зачем же жизнь дана мне от бо-
гов?
Чего мне ждать? В рядах забы-
тый воин,
Среди толпы затерянный певец,
Каких наград я в будущем досто-
ин

И счастья какой возьму венец?

Но что?.. Стыжусь!.. Нет, ропот — униженье.

*Нет, праведно богов определенье!
Ужель лишь мне не ведать ясных дней?*

Нет! и в слезах сокрыто наслаждение,

И в жизни сей мне будет утешенье:

Мой скромный дар и счастье друзей.

1⁸¹⁷

Прощанье

{133}

*Промчались годы заточенья;
Недолго, милые друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас света дальний шум,
И всякий смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде*

Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде
И греться ходит в караул;
Иной, рожденный быть вельмо-
жей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным шутком зрит себя;
Лишь я, во всем судьбе послушный,
Беспечной лени верный сын,
К честям ничтожным равнодуш-
ный,
Я тихо задремал один.
Равны мне писари, уланы,
Равны наказ и кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак^{134},
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока ленивому возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

Разлука

*В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш пе-
нат.*

Лицейской жизни милый брат
{135}
*Делю с тобой последние мгнове-
нья.*

*Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.*

*Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!*

*Узнай любовь, неведомую мне,
Любовь надежд, восторгов, упое-
нья:*

*И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тиши-
не!*

*Прости! Где б ни был я: в огне ли
смертной битвы,
При мирных ли берегах родимого
ручья,*

*Святому братству верен я.
И пусть (услышит ли судьба мои
молитвы?),*

Пусть будут счастливы все, все
твои друзья!

1⁸¹⁷

«Простите, верные дубравы!..»

{136}

*Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечта-
нье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.*

1817

*Не спрашивай, зачем унылой ду-
мой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на все подъямлю взор угрю-
мый,
Зачем не мил мне сладкой жизни
сон;*

*Не спрашивай, зачем душой осты-
лой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю милой —
Кто раз любил, уж не полюбит
вновь;*

*Кто счастье знал, уж не узнает
счастья.
На краткий миг блаженство нам
дано:
От юности, от нег и сладостра-
стъя
Останется уныние одно...*

«Краев чужих неопытный любитель...»

Краев чужих неопытный люби-
тель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы най-
дем?
Где гражданин с душою благород-
ной,
Возвышенной и пламенно свобод-
ной?
Где женщина — не с холодной кра-
сотой,
Но с пламенной, пленительной,
живой?
Где разговор найду непринужден-
ный,
Блистательный, веселый, просве-
щенный?
С кем можно быть не хладным,
не пустым?
Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Голицыну увидел^{137}
И примирен с отечеством моим.

К ней

{138}

*В печальной праздности я лиру забывал,
Воображение в мечтах не разгоралось,
С дарами юности мой гений отлетал,
И сердце медленно хладело, закрывалось.
Вас вновь я призывал, о дни моей весны,
Вы, пролетевшие под сенью тишины,
Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной,
Когда, поэзии поклонник безмятежный,
На лире счастливой я тихо воспевал
Волнение любви, уныние разлуки*

*И гул дубрав горам передавал
Мои задумчивые звуки...
Напрасно! Я влачил постыдной*

лени груз,
В дремоту хладную невольно по-
гружался,
Бежал от радостей, бежал от
милых муз
И — слезы на глазах — со славою
прощался!

Но вдруг, как молнии стрела,
Зажглась в увядшем сердце
младость,

Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду,
скорбь и радость.
Все снова расцвело! Я жизнью тре-
петал;

Природы вновь восторженный
свидетель,
Живее чувствовал, свободнее ды-
шал,

Сильней пленяла доброде-
тель...

Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался
голос юный,
И с звонким трепетом воскрес-
нувшие струны
Несу к твоим ногам!..

Вольность

Ода

{139}

*Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.*

*Открой мне благородный след
Того возвышенного галла^{140},
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!*

*Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть*

*В сгущенной мгле предрассужде-
ний
Воссела — Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.*

*Лишь там над царскою главою
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый
щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит*

*И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни стра-
хом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.*

*И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям*

Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных^{141},
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира^{142}
На галлах скованных лежит.

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,

Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана^{143},
Забвенью брошенный дворец —

И слышит Клии^{144} страшный
глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час^{145}
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце
страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темницы, ни алтари

*Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.*

1817

Торжество Вакха

{146}

*Откуда чудный шум, неистовые
клики?*

*Кого, куда зовут и бубны и тим-
пан?*

*Что значат радостные лики
И песни поселян?*

*В их круге светлая свобода
Прияла праздничный венок.*

*Но двинулись толпы народа...
Он приближается... Вот он, вот
сильный бог!*

*Вот Бахус мирный, вечно юный!
Вот он, вот Индии герой!*

*О радость! Полные тобой
Дрожат, готовы грянуть стру-
ны*

Нелицемерною хвалою!..

Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные
бойцы!

Вот он! вот Вакх! О час отрад-
ный!

Державный тирс в его руках;
Венец желтеет виноградный
В чернокудрявых волосах...
Течет. Его молодые тигры
С покорной яростью влекут;
Кругом летят эроты, игры —
И гимны в честь ему поют.
За ним теснится козлоногий
И фавнов и сатиров рой,
Плющом опутаны их роги;
Бегут смятенною толпой
Вослед за быстрой колесницей,
Кто с тростниковой цевницей,
Кто с верной кружкой своей;
Тот, оступившись, упадает
И бархатный ковер полей
Вином багровым обливает
При диком хохоте друзей.
Там дале вижу дивный ход!
Звучат веселые тимпаны;
Младые нимфы и сильваны,

Составя шумный хоровод,
Несут недвижимого Силена^{147} ...
Вино струится, брызжет пена,
И розы сыплются кругом;
Несут за спящим стариком
И тирс, символ победы мирной,
И кубок тяжело-золотой,
Венчанный крышкою сапфир-
ной, —
Подарок Вакха дорогой.

Но воеет берег отдаленный.
Власы раскинув по плечам,
Венчанны гроздьем, обнаженны,
Бегут вакханки по горам.
Тимпаны звонкие, кружась меж
их перстами,
Гремят — и вторят их ужасным
голосам.
Промчались, летят, свиваются
руками,
Волшебной пляской топчут луг,
И младость пылкая толпами
Стекается вокруг.

Поют неистовые девы;
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;

Их перси дышат возжеленьем;
Их очи, полные безумством и
томленьем,

Сказали: счастье лови!

Их вдохновенные движенья

Сперва изображают нам

Стыдливость милого смяте-

нья,

Желанье робкое — а там

Восторг и дерзость наслажде-

нья.

Но вот рассыпались — по холмам
и полям;

Махая тирсами, несутся;

Уж издали их вопли раздаются,

И гул им вторит по лесам:

Эван, эвое! Дайте чаши!

Несите свежие венцы!

Невольники, где тирсы наши?

Бежим на мирный бой, отважные
бойцы!

Друзья, в сей день благословен-
ный

Забвенью бросим суеты!

Теки, вино, струею пенной

В честь Вакха, муз и красоты!

Эван, эвое! Дайте чаши!

*Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные
бойцы!*

1818

**Кн. Голицыной, посылая ей оду
«Вольность»**

{148}

*Простой воспитанник природы,
Так я, бывало, воспевал
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышал.
Но вас я вижу, вам внимаю,
И что же?.. слабый человек!..
Свободу потеряв навек,
Неволю сердцем обожаю.*

1818

«Когда сожмешь ты снова руку...»

{149}

*Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебе дарит
На скучный путь и на разлуку
Святую библию харит^{150}?
Амур нашел ее в Цитере,
В архиве шалости молодой.
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреец мой!
Останься век, каков ты ныне,
Лети во мрачный Альбион!
Да сохранят тебя в чужбине
Христос и верный Купидон!
Неси в чужой предел пената,
Но, помня прежни дни свои,
Люби недевственного брата,
Страдальца чувственной любви!*

1818

Выздоровление

Тебя ль я видел, милый друг?
Или неверное то было сновиденье,
Мечтанье смутное, и пламенный
недуг
Обманом волновал мое воображе-
нье?
В минуты мрачные болезни роко-
вой
Ты ль, дева нежная, стояла надо
мною
В одежде воина с неловкостью
приятной?
Так, видел я тебя; мой тусклый
взор узнал
Знакомые красы под сей одеждой
ратной:
И слабым шепотом подругу я на-
звал...
Но вновь в уме моем стеснились
мрачны грезы,
Я слабою рукой искал тебя во
мгле...
И вдруг я чувствую твое дыханье,
слезы
И влажный поцелуй на пламен-

ном челе...

Бессмертные! с каким волне-
нием
Желанья, жизни огонь по сердцу
пробежал!

Я закипел, затрепетал...

И скрылась ты прелестным
привиденьем!

Жестокий друг! меня томишь ты
упоеньем:

Приди, меня мертвит лю-
бовь!

В молчанье благосклонной но-
чи

Явись, волшебница! пускай увижу
вновь

Под грозным кивером твои небес-
ны очи,

И плащ, и пояс боевой,
И бранной обувью украшенные но-
ги.

Не медли, поспешай, прелестный
воин^{151} мой,

Приди, я жду тебя. Здоровья дар
благой

Мне снова ниспослали боги,
А с ним и сладкие тревоги
Любви таинственной и шалости

Жуковскому

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле,
И быстрый холод вдохновенья
Власы подымлет на челе, —
Ты прав, творишь ты для немно-
гих^{152},
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладостра-
сть
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел

Восторгом пламенным и ясным.

1⁸¹⁸

К портрету Жуковского

{153}

*Его стихов пленительная сла-
дость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе
младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.*

1818

Мечтателю

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;

*Тебе приятно слезы лить,
Напрасным пламенем томить
воображенье
И в сердце тихое уныние таить.
Поверь, не любишь ты, неопыт-
ный мечтатель.*

*О, если бы тебя, унылых чувств
искатель,
Постигло страшное безумие любви;*

*Когда б весь яд ее кипел в твоей
крови;
Когда бы в долгие часы бессонной
ночи,
На ложе, медленно терзаемый
тоской,*

*Ты звал обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркие, рыдая, обнимал
И сохнул в бешенстве бесплодного
желанья, —*

*Поверь, тогда б ты не питал
Неблагодарного мечтанья!*

Нет, нет! в слезах упав к но-
гам
Своей любовницы надменной,
Дрожащий, бледный, испуган-
ленный,
Тогда б воскликнул ты к бо-
гам:
«Отдайте, боги, мне рассудок
омраченный,
Возьмите от меня сей образ роко-
вой!
Довольно я любил; отдайте мне
покой!»
Но мрачная любовь и образ неза-
бвенный
Остались вечно бы с тобой.

К Н. Я. Плюсковой

{154}

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

1818

Сказки

Ноё!

{155}

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот^{156}.
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ.

Мария в хлопотах Спасителя
стращает:

«Не плачь, дитя, не плачь,
сударь:

Вот бука, бука — русский
царь!»

Царь входит и вещает:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.

О радуйся, народ: я сыт, здоров и
тучен;

Меня газетчик прославлял
{157};

Я пил, и ел, и обещал —
И делом не замучен.

Послушайте в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову^{158} дам отставку,
А Соца^{159} — в желтый

дом;
Закон постановлю на место вам
Горголи^{160},

И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»

А мать ему: «Бай-бай! закрой
свои ты глазки;

Пора уснуть уж наконец,
Послушавши, как царь-отец,
Рассказывает сказки».

К Чаадаеву

{161}

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818

На Карамзина

{162}

*В его «Истории» изящность, протота
Доказывают нам, без всякого при-
страстья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.*

1818

История стихотворца

*Внимает он привычным ухом
Свист;
Марают он единый духом
Лист;
Потом всему терзает свету
Слух;
Потом печатает — и в Лету
Бух!*

1⁸¹⁸

Дорида

*В Дориде нравятся и локоны златые,
И бледное лицо, и очи голубые...
Вчера, друзей моих оставя пир
ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами
сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделась черты,
И весь я полон был таинственной
печали,
И имя чуждое уста мои шептали.*

1⁸¹⁹

М. Н. Раевская.

Рис. неизвестного художника. Акварель, карандаш.

Начало 1820-х годов.

*Государственный музей А. С. Пушкина.
Москва.*

N. N

(В. В. Энгельгардту)

{163}

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый — но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготее надо мной.
Здоровье, легкий друг Приапа,
И сон, и сладостный покой,
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесный и простой.
Утешь и ты полубольного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда^{164} гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном сентября:

*С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.*

1819

Орлову

{165}

*О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русский генерал)
Любезность, разум просвещен-
ный;
О ты, который, с каждым днем
Вставая на военну муку,
Усталым усачам верхом
Преподаешь царей науку;
Но не бесславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презренной палкой палача,
Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты!
На генерала Киселева*

Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.
Смирив немирные желанья,
Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,
С цевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов¹⁶⁶;
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,
Или холма на злачном скате,
В бухарской шапке и в халате
Я буду петь моих богов
И буду ждать. Когда ж восста-
нет
С одра покоя бог мечей
И брани громкий вызов грянет,
Тогда покину мир полей;
Питомец пламенный Беллоны,
У трона верный гражданин!
Орлов, я стану под знамены
Твоих воинственных дружин;
В шатрах, средь сечи, средь пожа-

ров,
С мечом и с лирой боевой
Рубиться буду пред тобой
И славу петь твоих ударов.

1819

К Щербинину

{167}

Житье тому, любезный друг,
Кто страстью глупою не болен,
Кому влюбиться недосуг,
Кто занят всем и всем доволен;
Кто Наденьку, под вечерок,
За тайным ужином ласкает
И жирный страсбургский пирог
Вином душистым запивает;
Кто, удалив заботы прочь,
Как верный сын пафосской веры,
Проводит набожную ночь
С молодой монашенкой Цитеры.
Поутру сладко дремлет он,
Читая листик «Инвалида»;
Весь день веселью посвящен,
А в ночь — вновь царствует Ки-
прида.

И мы не так ли дни ведем,

Щербинин, резвый друг забавы,
С Амуром, шалостью, вином,
Покамест молоды и здоровы?
Но дни молодые пролетят,
Веселье, нега нас покинут,
Желаньям чувства изменят,
Сердца иссохнут и остынут.
Тогда — без песен, без подруг,
Без наслаждений, без желаний,
Найдем отраду, милый друг,
В туманном сне воспоминаний!
Тогда, качая головой,
Скажу тебе у двери гроба:
«Ты помнишь Фанни, милый
мой?» —
И тихо улыбнемся оба.

Деревня

{168}

Приветствую тебя, пустынный
уголок,
Приют спокойствия, трудов и
вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый
поток

На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный
двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблуж-
денья
На мирный шум дубров, на тиши-
ну полей,
На праздность вольную, подругу
размышленья.

Я твой: люблю сей темный
сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми
скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках
шумят.
Везде передо мной подвижные

картины:
Здесь вижу двух озер лазурные
равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы поло-
саты,
 Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие
стада,
Овины дымные и мельницы крила-
ты;
 Везде следы довольства и тру-
да...

Я здесь, от суетных оков освобож-
денный,
Учуся в истине блаженство нахо-
дить,
Свободною душой закон боготво-
рить,
Роптанью не внимать толпы
непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой
мольбе
 И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца — в величии
неправом.

Оракулы веков^{169}, здесь вопрошаю
вас!

В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во
мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу
омрачает:

Среди цветущих нив и гор
Друг человечества^{170} печально за-
мечает
Везде невежества убийственный
позор.

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судь-
бой,
Здесь барство дикое, без чувства,
без закона,
Присвоило себе насильственной
лозой
И труд, и собственность, и время
земледельца.

Склонясь на чуждый плуг, покор-

ствую бичам,
Здесь рабство тощее влачится по
браздам

Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба
все влекут,
Надежд и склонностей в душе пи-
тать не смея,

Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной
злодея.

Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи тру-
дов,

Из хижины родной идут собой
умножить
Дворовые толпы измученных ра-
бов.

О, если б голос мой умел сердца
тревожить!

Почто в груди моей горит бес-
плодный жар

И не дан мне судьбой витийства
грозный дар?

Увижу ль, о друзья! народ неугне-
тенный

И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы про-

священной
Взойдет ли наконец прекрасная
заря?

1819

Домовому

Поместья мирного незримый по-
кровитель,

Тебя молю, мой добрый домо-
вой,

Храни селенье, лес, и дикий садик
мой,

И скромную семьи моей оби-
тель!

Да не вредят полям опасный хлад
дождей

И ветра позднего осенние набег;

Да в пору благотворны снеги

Покроют влажный тук по-
лей!

Останься, тайный страж, в на-
следственной сени,

Постигни робостью полунощного
вора

И от недружеского взора

Счастливый домик охрани!

Ходи вокруг его заботливым дозо-

ром,
Люби мой малый сад, и берег сон-
ных вод,

И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушен-
ным забором!

Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ле-
нью,

Прохладу лип и кленов шумный
кров —

Они знакомы вдохновенью.

1⁸¹⁹

Русалка

{171}

Над озером, в глухих дубровах,
Спасался некогда монах,
Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах.
Уже лопаткою смиренной
Себе могилу старец рыл —
И лишь о смерти возжеленной
Святых угодников молил.

Однажды летом у порогу
Поникшей хижины своей

Анахорет молился богу.
Дубравы делались черней;
Туман над озером дымился,
И красный месяц в облаках
Тихонько по небу катился.
На воды стал глядеть монах.

Глядит, невольно страха полный;
Не может сам себя понять...
И видит: закипели волны
И присмирели вдруг опять...
И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у берегов.

Глядит на старого монаха
И чешет влажные волосы.
Святой монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы.
Она манит его рукою,
Кивает быстро головой...
И вдруг — падучею звездою —
Под сонной скрылася волной.

Всю ночь не спал старик угрюмый
И не молился целый день —
Перед собой с невольной думой

Все видел чудной девы тень.
Дубравы вновь оделись тьмою;
Пошла по облакам луна,
И снова дева над водою
Сидит, прелестна и бледна.

Глядит, кивает головою,
Целует издали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет, как дитя,
Зовет монаха, нежно стонет...
«Монах, монах! Ко мне, ко мне!..»
И вдруг в волнах прозрачных то-
нет;
И все в глубокой тишине.

На третий день отшельник
страстный
Близ очарованных берегов
Сидел и девы ждал прекрасной,
А тень ложилась средь дубров...
Заря прогнала тьму ночную:
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.

Недоконченная картина

*Чья мысль восторгом угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сии небесные черты?*

*Ты, гений!.. Но любви страданья
Его сразили. Взор немой
Вперил он на свое созданье
И гаснет пламенной душой,*

1⁸¹⁹

Уединение

{172}

*Блажен, кто в отдаленной сени,
Вдали взыскательных невежд,
Дни делит меж трудов и лени,
Воспоминаний и надежд;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрыт, по милости творца,
От усыпителя глупца,
От пробудителя нахала.*

1819

Веселый пир

*Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово пей!
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.*

1⁸¹⁹

Всеволожскому

{173}

*Прости, счастливый сын пиров,
Балованный дитя свободы!
Итак, от наших берегов,
От мертвой области рабов,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь в мирную Москву,
Где наслажденьям знают цену,
Беспечно дремлют наяву
И в жизни любят перемену.
Разнообразной и живой
Москва пленяет пестротой,*

Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное безделье,
Жеманство в тонких кружевах,
И глупость в золотых очках,
И тяжелой знатности веселье,
И скуку с картами в руках.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмеешься под рукой;
Но вскоре, верный обожатель
Забав и лени золотой,
Держася моего совета
И волю всей душой любя,
Оставишь круг большого света
И жить решишься для себя.
Уже в приюте отдаленном
Я вижу мысленно тебя:
Кипит в бокале опененном
Аи холодная струя;
В густом дыму ленивых трубок,
В халатах, новые друзья
Шумят и пьют! — задорный кубок
Обходит их безумный круг,
И мчится в радостях досуг;

А там египетские девы^{174}
Летают, вьются пред тобой;
Я слышу звонкие напевы,
Стон неги, вопли, дикий вой;
Их исступленные движенья,
Огонь неистовых очей
И все, мой друг, в душе твоей
Рождает трепет упоенья...
Но вспомни, милый: здесь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхает пленница младая^{175};
Весь день уныла и томна,
В своей задумчивости сладкой
Тихонько плачет под окном
От грозных аргусов украдкой
И смотрит на пустынный дом,
Где мы так часто пировали
С Кипридой, Вакхом и тобой,
Куда с надеждой и тоской
Ее желанья улетали.
О, скоро ль милого найдут
Ее потупленные взоры,
И пред любовью упадут
Замков ревнивые затворы?

А наш осиротелый круг,
Товарищ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый друг?

*Душа вослед тебе стремится.
Где б ни был ты, возьми венок
Из рук молодого сладострастья
И докажи, что ты знаток
В неведомой науке счастья.*

1819

Стансы Толстому

{176}

*Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.*

*Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял
И на лампаду Эпиктета^{177}
Златой Горациев фиал.*

*Поверь, мой друг, она придет,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины забот
И бесполезных размышлений.*

*Зевес, балуя смертных чад,
Всем возрастам дает игрушки:
Над сединами не гремят*

Безумства резвые гремушки.

*Ах, младость не приходит вновь!
Зови же сладкое безделье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!*

*До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!*

1819

Возрождение

*Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.*

*Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.*

*Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья*

Первоначальных, чистых дней.

1⁸¹⁹

Послание к кн. Горчакову

{178}

Питомец мод, большого света
друг,
Обычаев блестящий наблюда-
тель,
Ты мне велишь оставить мирный
круг,
Где, красоты беспечный обожа-
тель,
Я провожу незнаемый досуг.
Как ты, мой друг, в неопытные
лета,
Опасною прельщенный суетой,
Терял я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорел в чаду большого света
И отдохнуть убрался я домой.
И, признаюсь, мне во сто крат
милее
Младых повес счастливая семья,
Где ум кипит, где в мыслях волен
я,
Где спорю вслух, где чувствую жи-
вее,

И где мы все — прекрасного дру-
зья,
Чем вялые, бездушные собранья,
Где ум хранит невольное молча-
нье,
Где холодом сердца поражены,
Где Бутурлин — невежд законода-
тель,
Где Шеппинг — царь, а скука —
председатель,
Где глупостью единой все равны.
Я помню их, детей самолюбивых,
Злых без ума, без гордости спеси-
вых,
И, разглядев тиранов модных зал,
Чуждаюсь их укоров и похвал!..
Когда в кругу Лаис благочестивых
Затянутый невежда-генерал
Красавицам внимательным и
сонным
С трудом острит французский
мадригал,
Глядя на всех с нахальством бла-
госклонным,
И все вокруг и дремлют и мол-
чат,
Крутят усы и шпорами бренчат,
Да изредка с улыбкою зевают, —

Тогда, мой друг, забытых шалу-
нов
Свобода, Вакх и музы угощают.
Не слышу я бывало-острых слов,
Политики смешного лепетанья,
Не вижу я изношенных глупцов,
Святых невежд, почетных подле-
цов
И мистики придворного кривля-
нья!..
И ты на миг оставь своих вель-
мож
И тесный круг друзей моих
умножь,
О ты, харит любовник своеволь-
ный,
Приятный льстец, язвительный
болтун,
По-прежнему остряк небогомоль-
ный,
По-прежнему философ и шалун.

Добрый человек

*Ты прав — несносен Фирс ученый,
Педант надутый и мудреный —
Он важно судит обо всем,
Всего он знает понемногу.
Люблю тебя, сосед Пахом, —
Ты просто глуп, и слава богу.*

1⁸¹⁹

Мадригал М....ой

*О вы, которые любовью не горели,
Взгляните на нее — узнаете лю-
бовь.
О вы, которые уж сердцем охладе-
ли,
Взгляните на нее: полюбите вы
вновь.*

1⁸¹⁹

Дориде

*Я верю: я любим; для сердца нужно
верить.*

*Нет, милая моя не может лице-
мерить;*

*Все непритворно в ней: желаний
томный жар,*

*Стыдливость робкая, харит бес-
ценный дар,*

*Нарядов и речей приятная
небрежность,*

*И ласковых имен младенческая
нежность.*

**«Мне бой знаком — люблю я звук
мечей...»**

{179}

*Мне бой знаком — люблю я звук
мечей;
От первых лет поклонник бран-
ной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет свободы верный во-
ин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не досто-
ин.*

1820

Юрьеву

{180}

Любимец ветреных Лаис,
Прелестный баловень Киприды —
Умей сносить, мой Адонис,
Ее минутные обиды!
Она дала красы молодой
Тебе в удел очарованье,
И черный ус, и взгляд живой,
Любви улыбку и молчанье.
С тебя довольно, милый друг.
Пускай, желаний пылких чуждый,
Ты поцелуями подруг
Не наслаждаешься, что нужды?
В чаду веселий городских,
На легких играх Терпсихоры
К тебе красавиц молодых
Летят задумчивые взоры.
Увы! язык любви немой,
Сей вздох души красноречивый,
Быть должен сладок, милый мой,
Беспечности самолюбивой.
И счастлив ты своей судьбой,
А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Вращенный в дикой простоте,

*Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний;
С невольным пламенем ланит
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядит.*

1820

«Увы! зачем она блистает...»

{181}

*Увы! зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой...
Увянет! Жизнью молодою
Не долго наслаждаться ей;
Не долго радовать собою
Счастливый круг семьи своей,
Беспечной, милой остротою
Беседы наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу улаживать...
Спешу в волненье дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых*

И наглядеться на нее;
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей, —
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.

1820

К ***

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать
И неизбежную разлуку
В унынье робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней!
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

1⁸²⁰

**«Мне вас не жаль, года весны
моей...»**

*Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекущие в мечтах любви на-
прасной, —
Мне вас не жаль, о таинства но-
чей,
Воспетые цевницей сладостраст-
ной.*

*Мне вас не жаль, неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые, —
Мне вас не жаль, изменницы мла-
дые, —
Задумчивый, забав чуждаюсь я.*

*Но где же вы, минуты умиления,
Младых надежд, сердечной тиши-
ны?
Где прежний жар и слезы вдохно-
венья?..
Придите вновь, года моей весны!*

«Погасло дневное светило...»

{182}

*Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.*

*Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.*

*Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда
стремлюся я,*

*Воспоминаньем упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы
вновь;*

*Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную
любовь,
И все, чем я страдал, и все, что
сердцу мило,
Желаний и надежд томительный
обман...*

Шумы, шуми, послушное ветри-
ло,
Волнуйся под мной, угрюмый оке-
ан.

Лети, корабль, неси меня к преде-
лам дальным
По грозной прихоти обманчивых
морей,

Но только не к берегам пе-
чальным

Туманной родины моей,
Страны, где пламенем
страстей

Впервые чувства разгора-
лись,

Где музы нежные мне тайно улы-
бались,

Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,

Где легкокрылая мне изменила
радость

И сердце хладное страданью пре-
дала.

Искатель новых впечатле-
ний,

Я вас бежал, отчески края;
Я вас бежал, питомцы насла-
ждений,

Минутной младости минутные
друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал
собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы
младые,
Подруги тайные моей весны златья,
И вы забыты мной... Но прежних
сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Дочери Карагеоргия

{183}

*Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник
и герой,
И ужаса людей, и славы был до-
стоин.*

*Тебя, младенца, он ласкал
На пламенной груди рукой окро-
вавленной;*

*Твоей игрушкой был кинжал,
Братоубийством изощрен-
ный...*

*Как часто, возбудив свирепой ме-
сти жар,
Он, молча, над твоей невинной ко-
лыбелью
Убийства нового обдумывал удар*

*И лепет твой внимал, и не был
чужд веселью...*

*Таков был: сумрачный, ужасный
до конца.*

*Но ты, прекрасная, ты бурный век
отца*

*Смиренной жизнью пред небом
искупила:*

*С могилы грозной к небесам
Она, как сладкий фимиам,
Как чистая любви молитва, вос-
ходила.*

1820

Черная шаль

{184}

*Гляжу, как безумный, на черную
шаль,
И хладную душу терзает печаль.*

*Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно лю-
бил;*

*Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.*

*Однажды я созвал веселых го-
стей;
Ко мне постучался презренный ев-
рей;*

«С тобою пируют (шепнул он)

друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром
коне;
И кроткая жалость молчала во
мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изне-
мог...

В покой отдаленный вхожу я
один...
Неверную деву лобзал армянин.

Незвиздел я света; булат загре-
мел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья... текущую
кровь...

Погибла гречанка, погибла любовь!

*С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.*

*Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.*

*С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.*

*Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.*

Нереида

*Среди зеленых волн, лобзающих
Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел
дохнуть:
Над ясной влагою полубогиня
грудь
Младую, белую как лебедь, возды-
мала
И пену из власов струею выжима-
ла.*

«Редает облаков летучая гряда...»

{185}

*Редает облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие рав-
нины,
И дремлющий залив, и черных
скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небес-
ной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во
мне.
Я помню твой восход, знакомое
светило,
Над мирною страной, где все для
сердца мило,
Где стройны тополы в долинах
вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и
темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные
волны.
Там некогда в горах, сердечной ду-
мы полный,
Над морем я влачил задумчивую
лень,*

Когда на хижины сходила ночи
тьень —
И дева юная^{186} во мгле тебя иска-
ла
И именем своим подругам назы-
вала.

1820

К портрету Чаадаева

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут^{187}, в Афи-
нах Периклес^{188},
А здесь он — офицер гусарской.

1⁸²⁰

К портрету Вяземского

{189}

*Судьба свои дары явить желала в
нем,
В счастливом баловне соединив
ошибкой
Богатство, знатный род — с воз-
вышенным умом
И простодушие с язвительной
улыбкой.*

1820

На Аракчеева

*Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета^{190} он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести,
<-> грошевой солдат.*

1⁸²⁰

«Как брань тебе не надоела?..»

*Как брань тебе не надоела?
Расчет короток мой с тобой:
Ну, так! я празден, я без дела,
А ты бездельник деловой.*

1⁸²⁰

Земля и море

{191}

*Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет
В ветрила гордых кораблей
И челны на волнах лелеет;
Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее —
И забываю песни муз:
Мне моря сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут, —
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы;
Земля мне кажется верней,*

*И жалок мне рыбак суровый:
Живет на утлом он челне,
Игралище слепой пучины.
А я в надежной тишине
Внимаю шум ручья долины.*

1821

Муза

*В младенчестве моем она меня
любила
И семиствольную цевницу мне
вручила.
Она внимала мне с улыбкой — и
слегка,
По звонким скважинам пустого
тростника,
Уже наигрывал я слабыми пер-
стами
И гимны важные, внушенные бо-
гами,
И песни мирные фригийских пас-
тухов.
С утра до вечера в немой тени ду-
бов
Прилежно я внимал урокам девы
тайной,
И, радуя меня наградою случай-*

ной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она бра-
ла.
Тростник был оживлен божес-
ственным дыханьем
И сердце наполнял святым очаро-
ваньем.

1⁸²¹

«Я пережил свои желанья...»

{192}

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом поражен-
ный,
Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

Война

{193}

Война! Подъяты наконец,
Шумят знамена бранной че-
сти!

Увижу кровь, увижу праздник
мести;
Засвищет вокруг меня губитель-
ный свинец.

И сколько сильных впечатле-
ний

Для жаждущей души моей!
Стремленье бурных ополче-
ний,

Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший ге-
ний! —

Все ново будет мне: простая сень
шатра,

Огни врагов, их чуждое взыва-
нье,
Вечерний барабан, гром пушки,

визг ядра

И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мне, слепая
славы страсть,

Ты, жажда гибели, свирепый жар
героев?

Венок ли мне двойной достанется
на часть,

Кончину ль темную судил мне
жребий боев?

И все умрет со мной: надежды
юных дней,

Священный сердца жар, к высоко-
му стремленье,

Воспоминание и брата и друзей,
И мыслей творческих напрасное

волненье,

И ты, и ты, любовь!.. Ужель ни
бранный шум,

Ни ратные труды, ни ропот гор-
дой славы,

Ничто не заглушит моих привыч-
ных дум?

Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня, нет власти
над собой,

И тягостная лень душою овладе-
ла...

Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не заки-
пела?

1821

Из письма к Гнедичу

{194}

В стране, где Юлией венчаный
И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил^{195},
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил,
Далече северной столицы
Забыл я вечный ваш туман,
И вольный глас моей цевницы
Тревожит сонных молдаван.
Все тот же я — как был и
прежде;
С поклоном не хожу к невежде,
С Орловым спорю^{196}, мало пью,
Октавию — в слепой надежде —
Молебнов лести не пою.
И дружбе легкие посланья
Пишу без строгого старанья.
Ты, коему судьба дала
И смелый ум и дух высокой,

И важным песням обрекла,
Отраде жизни одинокой;
О ты, который воскресил
Ахилла призрак величавый,
Гомера музу нам явил
И смелую певицу славы
От звонких уз освободил^{197}, —
Твой глас достиг уединенья,
Где я сокрылся от гоненья
Ханжи и гордого глупца,
И вновь он оживил певца,
Как сладкий голос вдохновенья.
Избранник Феба! твой привет,
Твои хвалы мне драгоценны;
Для муз и дружбы жив поэт.
Его враги ему презренны —
Он музу битвой площадной
Не унижает пред народом;
И поучительной лозой
Зоила хлещет — мимоходом.

Кинжал

{198}

*Лемносский бог^{199} тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, караю-
щий кинжал,
Последний судия позора и обиды.*

*Где Зевса гром молчит, где дрем-
лет меч закона,
Свершитель ты проклятий и
надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных
одежд.*

*Как адский луч, как молния бо-
гов,
Немое лезвие злодею в очи бле-
щет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.*

*Везде его найдет удар нежданный
твой:
На суше, на морях, во храме, под*

шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.

Шумит под Кесарем^{200} заветный
Рубикон,
Державный Рим упал, главой по-
ник закон;
Но Брут восстал вольнолюби-
вый:
Ты Кесаря сразил — и, мертв, объ-
емлет он
Помпея мрамор горделивый.

Исчадье мятежей подъямлет
злобный крик:
Презренный, мрачный и крова-
вый.
Над трупом вольности без-
главой
Палач уродливый возник.

Апостол гибели^{201}, усталому
Аиду
Перстом он жертвы назна-
чал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

О юный праведник, избранник роковой,

О Занд, твой век угас на плахе;

*Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.*

В твоей Германии ты вечной тенью стал,

Грозя бедой преступной силе

—

И на торжественной могиле

{202}

Горит без надписи^{203} кинжал.

В. Л. Давыдову

{204}

Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименей^{205} —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;
Меж тем как ты, проказник ум-
ный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками аи
Сидят Раевские мои^{206},
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на берегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь^{207} ...
Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя, —
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.

На этих днях, среди собора,
Митрополит, седой обжора^{208},
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...

Я стал умен, я лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и намедни
Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы^{209}.
Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаянье бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец, — говорит, —
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит...
Иль кло-д-вужо^{210}, тогда б ни сло-
ва,
А то — подумай, как смешно! —
С водой молдавское вино».
Но я молюсь — и воздыхаю...
Крещусь, не внемлю сатане...
А все невольню вспоминаю,
Давыдов, о твоём вине...

Вот эвхаристия^{211} другая,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,

Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлую струей
И за здоровье тех и той
До дна, до капли выпивали!..
Но те^{212} в Неаполе шалют,
А та^{213} едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насла-
димся,
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

1821

Дева

Я говорил тебе: страшился девы
милой!
Я знал, она сердца влечет неволь-
ной силой.
Неосторожный друг! я знал, нель-
зя при ней
Иную замечать, иных искать
очей.
Надежду потеряв, забыв измены
сладость,
Пылает близ нее задумчивая мла-

доть;
Любимцы счастья, наперсники
судьбы
Смиренно ей несут влюбленные
мольбы;
Но дева гордая их чувства ненави-
дит
И, очи опустив, не внемлет и не
видит.

1⁸²¹

Катенину

{214}

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страст-
ный,
Я прежде был ее поэт.
С досады, может быть, неправой,
Когда одна в дыму кадил
Красавица блистала славой,
Я свистом гимны заглушил.
Погибни злобы миг единый,
Погибни лиры ложный звук:
Она виновна, милый друг,
Пред Селименой и Моиной^{215}.
Так легкомысленной душой,

*О боги! смертный вас поносит;
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит.*

1821

Чаадаеву

{216}

*В стране, где я забыл тревоги
прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой
сосед,
Где слава для меня предмет забо-
ты малой,
Тебя недостает душе моей уста-
лой.
Врагу стеснительных условий и
оков,
Не трудно было мне отвыкнуть
от пиров,
Где праздный ум блестит, тогда
как сердце дремлет,
И правду пылкую приличий хлад
объемлет,
Оставляя шумный круг безумцев
молодых,
В изгнании моем я не жалел об
них;*

Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугам улыбнулись;
Цевницы брошенной уста мои коснулись;

Старинный звук меня обрадо-
вал — и вновь
Пою мои мечты, природу и лю-
бовь,
И дружбу верную, и милые пред-
меты,
Пленявшие меня в младенческие
леты,
В те дни, когда, еще не знаемый
никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни си-
стем,
Я пеньем оглашал приют забав и
лени
И царскосельские хранительные
сени.

Но дружбы нет со мной. Пе-
чальный, вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные
края;
Ни музы, ни труды, ни радости
досуга —
Ничто не заменит единственного
друга.
Ты был целителем моих душев-
ных сил;
О неизменный друг, тебе я посвя-

тил

И краткий век, уже испытанный
судьбою,

И чувства — может быть, спа-
сенные тобою!

Ты сердце знал мое во цвете юных
дней;

Ты видел, как потом в волнении
страстей

Я тайно изнывал, страдалец
утомленный;

В минуту гибели над бездной по-
таенной

Ты поддержал меня недремлю-
щей рукой;

Ты другу заменил надежду и по-
кой;

Во глубину души вникая строгим
взором,

Ты оживлял ее советом иль уко-
ром;

Твой жар воспламенял к высоко-
му любовь;

Терпенье смелое во мне рожда-
лось вновь;

Уж голос клеветы не мог меня
обидеть,

Умел я презирать, умея ненави-

дети.

Что нужды было мне в торжественном суде

Холопа знатного, невежды при звезде,

Или философа, который в прежние лета

Развратом изумил четыре части света,

Но, просветив себя, загладил свой позор:

Отвыкнул от вина и стал картежный вор^{217}?

Оратор Лужников^{218}, никем не замечаем,

Мне мало досаждал своим безвредным лаем.

Мне ль было сетовать о толках шалунов,

О лепетанье дам, зоилов и глупцов

И сплетней разбирать игривую затею,

Когда гордиться мог я дружбою твоею?

Благодарю богов: прешел я мрачный путь;

Печали ранние мою теснили

грудь;
К печалю я привык, расчелся я с
судьбою
И жизнь перенесу стоической ду-
шою.

Одно желание: останься ты со
мною!
Небес я не томил молитвою дру-
гой.
О скоро ли, мой друг, настанет
срок разлуки?
Когда соединим слова любви и ру-
ки?
Когда услышу я сердечный твой
привет?..
Как обниму тебя! Увижу каби-
нет,
Где ты всегда мудрец, а иногда
мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный
наблюдатель.
Приду, приду я вновь, мой милый
домосед,
С тобою вспоминать беседы
прежних лет,
Младые вечера, пророческие спо-
ры,

Знакомых мертвецов живые раз-
говоры;
Поспорим, перечтем, посудим, по-
браним,
Вольнолюбивые надежды оживим
{219},
И счастлив буду я; но только, ра-
ди бога,
Гони ты Шеппинга^{220} от нашего
порога.

1821

К моей чернильнице

Подруга думы праздной,
Чернильница моя;
Мой век разнообразный
Тобой украсил я.
Как часто друг веселья
С тобою забывал
Условный час похмелья
И праздничный бокал;
Под сенью хаты скромной,
В часы печали томной
Была ты предо мной
С лампадой и мечтой.
В минуты вдохновенья
К тебе я прибегал

И музу призывал
На пир воображенья.
Прозрачный, легкий дым
Носился над тобою,
И с трепетом живым
В нем быстрой чередою

.....

Сокровища мои
На дне твоём таятся.
Тебя я посвятил
Занятиям досуга
И с ленью примирил:
Она твоя подруга.
С тобой успех узнал
Отшельник неизвестный...
Заветный твой кристалл
Хранит огонь небесный;
И под вечер, когда
Перо по книжке бродит,
Без вялого труда
Оно в тебе находит
Концы моих стихов
И верность выраженья;
То звуков или слов
Нежданное стечение,
То едкой шутки соль,
То правды слог суровый,
То странность рифмы новой,

Неслыханной дотоль.
С глупцов сорвав одежду,
Я весело клеймил
Зоила и невежду
Пятном твоих чернил...
Но их не разводил
Ни тайной злости пеной,
Ни ядом клеветы.
И сердца простоты
Ни лестью, ни изменой
Не замарала ты.

Но здесь, на лоне лени,
Я слышу нежны пени
Заботливых друзей...
Ужели их забуду,
Друзей души моей,
И им неверен буду?
Оставь, оставь порой
Привычные затеи,
И дактил, и хорей
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Уныние разлуки,
Всегдашние мечты,
Мои надежды, чувства
Без лести, без искусства

*Бумаге передай...
Болтливостью небрежной,
И ветреной, и нежной
Их сердце утешай...*

*Беспечный сын природы,
Пока златые годы
В забвенье трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя.*

*Когда же берег ада
Навек меня возьмет,
Когда навек уснет
Перо, моя отрада,
И ты, в углу пустом
Осиротев, остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихий дом...
Чадаев, друг мой милый,
Тебя возьмет, унылый;
Последний будь привет
Любимцу прежних лет.
Иссохшая, пустая,
Меж двух его картин
Останься век немая,
Укрась его камин.*

*Взыскательного света
Очей не привлекай,
Но верного поэта
Друзьям напоминай.*

1⁸²¹

**«Кто видел край, где роскошью
природы...»**

{221}

*Кто видел край, где роскошью
природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
Скажите мне: кто видел край
прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвест-
ный?*

*Златой предел! любимый край
Эльвины,
К тебе летят желанья мои!
Я помню скал прибрежные стрем-
нины,*

Я помню вод веселые струи,
И тень, и шум, и красные долины,
Где в тишине простых татар се-
мьи
Среди забот и с дружбою взаим-
ной
Под кровлею живут гостеприим-
ной.

Все живо там, все там очей от-
рада,
Сады татар, селенья, города;
Отражена волнами скал грома-
да,
В морской дали теряются суда,
Янтарь висит на лозах винограда;
В лугах шумят бродящие стада...
И зрит пловец — могила Митри-
дата
Озарена сиянием заката.
И там, где мирт шумит над пад-
шей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные ле-
са
И своды скал, и моря блеск лазур-
ный,
И ясные, как радость, небеса?
Утихнет ли волнение жизни бур-

ной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные
тени
Душой уснуть на лоне мирной ле-
ни?

1821

Дионея

{222}

Хромид в тебя влюблен; он мо-
лод, и не раз
Украдкою вдвоем мы замечали
вас;
Ты слушаешь его, в безмолвии
краснея;
Твой взор потупленный желанием
горит,
 И долго после, Дионея,
Улыбку нежную лицо твое хра-
нит.

1821

«Умолкну скоро я!.. Но если в день печали...»

*Умолкну скоро я!.. Но если в день
печали
Задумчивой игрой мне струны
отвечали;
Но если юноши, внимая молча
мне,
Дивились долгому любви моей му-
ченью;
Но если ты сама, предавшись уми-
ленью,
Печальные стихи твердила в ти-
шине
И сердца моего язык любила
страстный...
Но если я любим... позволь, о ми-
лый друг,
Позволь одушевить прощальный
лиры звук
Заветным именем любовницы
прекрасной!..
Когда меня навек обьмет смерт-
ный сон,
Над урною моей промолви с уми-
леньем:*

Он мною был любим, он мне был
одолжен
И песен и любви последним вдох-
новеньем.

1⁸²¹

*Е. К. Воронцова.
Гравюра К. Тернера с оригинала Д. Доу.
1829 г.
Государственный музей А. С. Пушкина.
Москва.*

**«Мой друг, забыты мной следы
минувших лет...»**

*Мой друг, забыты мной следы ми-
нувших лет
И младости моей мятежное те-
ченье.
Не спрашивай меня о том, чего
уж нет,
Что было мне дано в печаль и в
наслажденье,
Что я любил, что изменило
мне.
Пускай я радости вкушаю не впол-
не;*

*Но ты, невинная! ты рождена для
счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг*

лови:

Душа твоя жива для дружбы, для любви,

Для поцелуев сладостра-
стья;

Душа твоя чиста; унынье чуждо ей;

Светла, как ясный день, младен-
ческая совесть.

К чему тебе внимать безумства
и страстей

Незанимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно воз-
мутит;

Ты слезы будешь лить, ты серд-
цем содрогнешься;

Доверчивой души беспечность уле-
тит,

И ты моей любви... быть может,
ужаснешься.

Быть может, навсегда... Нет, ми-
лая моя,

Лишиться я боюсь последних на-
слаждений.

Не требуй от меня опасных от-
кровений:

Сегодня я люблю, сегодня счаст-
лив я.

Наполеон

{223}

*Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.*

*О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн...
Великолепная могила!
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почилла
И луч бессмертия горит.*

*Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громах силы роковой;
Послушны воле своенравной,*

Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Ты на земные племена?

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп⁽²²⁴⁾ лежал,
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал, —

Тогда в волненье бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,

Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Все пало с шумом пред тобой:
Европа гибла — сон могильный
Носился над ее главой.

И се, в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) —
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал^{225},
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливица душу волновал.

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как да-

ра;
Но поздно русских разгадал...

Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!^{226}
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие,
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб — наш договор!

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья!
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И все, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды

Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душевного изгнанья
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи^{227},
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В унынье горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

**«Гречанка верная! не плачь, — он
пал героем...»**

{228}

Гречанка верная! не плачь, — он
пал героем,
Свинец врага в его вонзился
грудь.
Не плачь — не ты ль сама ему
пред первым боем
Назначила кровавый чести
путь?
Тогда, тяжелую предчувствуя
разлуку,
Супруг тебе простер торже-
ственную руку,
Младенца своего в слезах благо-
словил,
Но знамя черное свободой восшу-
мело.
Как Аристогитон^{229}, он миртом
меч обвил,
Он в сечу ринулся — и, падши, со-
вершил
Великое, святое дело.

К Овидию

{230}

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
Ты живо впечатлел в моем воображенье
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за

тобою!
Я видел твой корабль играллищем
валов
И якорь, верженный близ диких
берегов,
Где ждет певца любви жестокая
награда.
Там нивы без теней, холмы без ви-
нограда;
Рожденные в снегах для ужасов
войны,
Там хладной Скифши^{231} свирепые
сыны,
За Истром^{232} утаясь, добычи
ожидают
И селам каждый миг набегом
угрожают.
Преграды нет для них: в волнах
они плывут
И по льду звучному бестрепетно
идут.
Ты сам (дивись, Назон, дивись
судьбе превратной!),
Ты, с юных лет презрев волнение
жизни ратной,
Привыкнув розами венчать свои
власы
И в неге провождать беспечные

часы,
Ты будешь принужден взложить и
шлем тяжелый,
И грозный меч хранить близ лиры
оробелой.
Ни дочь, ни жена, ни верный
сонм друзей,
Ни музы, легкие подруги прежних
дней,
Изгнанного певца не усладят пе-
чали.
Напрасно грации стихи твои вен-
чали,
Напрасно юноши их помнят на-
изусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни
грусть,
Ни песни робкие Октавия не тро-
нут;
Дни старости твоей в забвении
потонут.
Златой Италии роскошный граж-
данин,
В отчизне варваров безвестен и
один,
Ты звуков родины вокруг себя не
слышишь;
Ты в тяжелой горести далекой

дружбе пишешь:
«О, возвратите мне священный
град отцов
И тени мирные наследственных
садов!
О други, Августу мольбы мои
несите,
Карающую длань слезами откло-
ните,
Но если гневный бог досель неумо-
лим
И век мне не видать тебя, вели-
кий Рим, —
Последнюю мольбой смягчая рок
ужасный,
Приблизьте хоть мой гроб к
Италии прекрасной!»
Чье сердце хладное, презревшее ха-
рит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет
без умиленья
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон
потомству передал?

Суровый славянин, я слез не про-
ливал,

Но понимающих; изгнанник само-
вольный,
И светом, и собой, и жизнью недо-
вольный,
С душой задумчивой, я ныне посе-
тил
Страну, где грустный век ты
некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты вооб-
раженья,
Я повторил твои, Овидий, песно-
пенья
И их печальные картины поверял;
Но взор обманутым мечтаньям
изменял.
Изгнание твое пленяло втайне
очи,
Привыкшие к снегам угрюмой по-
луночи.
Здесь долго светится небесная
лазурь;
Здесь кратко царствует жесто-
кость зимних бурь.
На скифских берегах переселенец
новый,
Сын юга, виноград блистает пур-
пуровый.
Уж пасмурный декабрь на русские

луга

Слоями расстилал пушистые сне-
га;

Зима дышала там — а с внешней
теплотою

Здесь солнце ясное катилось надо
мною;

Младую зеленью пестрел увядший
луг;

Свободные поля взрывал уж ран-
ний плуг;

Чуть веял ветерок, под вечер хо-
лодея;

Едва прозрачный лед, над озером
тускнея,

Кристаллом покрывал недвиж-
ные струи.

Я вспомнил опыты несмелые
твои,

Сей день, замеченный крылатым
вдохновеньем,

Когда ты в первый раз вверял с
недоуменьем

Шаги свои волнам, окованным зи-
мой...

И по льду новому, казалось, предо
мною

Скользила тень твоя, и жалобные

звуки

Неслися издали, как томный
стон разлуки.

Утешься; не увял Овидиев венец!
Увы, среди толпы затерянный пе-
вец,

Безвестен буду я для новых поко-
лений,

И, жертва темная, умрет мой
слабый гений

С печальной жизнью, с минутною
молвой...

Но если, обо мне потомок позд-
ний мой

Узнав, придет искать в стране
сей отдаленной

Близ праха славного мой след
уединенный —

Брегов забвения оставя хладну
сень,

К нему слетит моя признатель-
ная тень,

И будет мило мне его воспомина-
нье.

Да сохранится же заветное пре-
данье:

Как ты, враждующей покорствуя

судьбе,
Не славой — участью я равен был
тебе.
Здесь, лирой северной пустыни
оглашая,
Скитался я в те дни, как на берега
Дуная
Великодушный грек свободу вызы-
вал,
И ни единый друг мне в мире не
внимал;
Но чуждые холмы, поля, и рощи
сонны,
И музы мирные мне были благо-
склонны.

1821

Приметы

Старайся наблюдать различные приметы:

Пастух и земледел в младенческие леты,

Взглянув на небеса, на западную тень,

Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,

И майские дожди, младых полей отраду,

И мразов ранний хлад, опасный винограду.

Так, если лебеди, на лоне тихих вод

Плескаясь вечером, окличут твой приход,

Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,

Знай: завтра сонных дев разбудит дождь ревучий

Иль бьющий в окны град — а ранний селянин,

Готовясь уж косить высокий знак долин,

Услыша бури шум, не выйдет на

*работу
И погрузится вновь в ленивую дре-
моту.*

1⁸²¹

Кокетке

{233}

*И вы поверить мне могли,
Как простодушная Аньеса^{234}?
В каком романе вы нашли,
Чтоб умер от любви повеса?
Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет — не многим
боле.*

*Мне за двадцать; я видел свет,
Кружился долго в нем на воле;
Уж клятвы, слезы мне смешны;
Проказы утомить успели;
Вам также с вашей стороны
Измены, верно, надоели;
Остепенясь, мы охладели,
Некстати нам учиться вновь.
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели.
Сначала были мы друзья,
Но скука, случай, муж ревнивый...
Безумным притворился я,*

И притворились вы стыдливой,
Мы поклялись... потом... увьи!
Потом забыли клятву нашу;
Клеона полюбили вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись; до этих пор
Все хорошо, благопристойно,
Могли б мы жить без дальних
ссор
Опять и дружно и спокойно;
Но нет! сегодня поутру
Вы вдруг в трагическом жару
Седую воскресили древность —
Вы проповедуете вновь
Покойных рыцарей любовь,
Учтивый жар, и грусть, и рев-
ность.
Помилуйте — нет, право нет.
Я не дитя, хоть и поэт.
Когда мы клонимся к закату,
Оставим юный пыл страстей —
Вы старшей дочери своей,
Я своему меньшому брату:
Им можно с жизнью шалить
И слезы впредь себе готовить;
Еще пристало им любить,
А нам уже пора злословить.

Алексееву

{235}

Мой милый, как несправедливы
Твои ревнивые мечты:
Я позабыл любви призывы
И плен опасной красоты;
Свободы друг миролюбивый,
В толпе красавиц молодых,
Я, равнодушный и ленивый,
Своих богов не вижу в них.
Их томный взор, приветный лепет
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нежный трепет
И пламя юности живой.
Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно,
Мужей обманывать грешно.
Прошел веселый жизни праздник.
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нежной?
Нельзя ль найти любви надеж-

ной?»

И ничего не нахожу.

Оставля счастья призрак ложный,

Без упоительных страстей,

Я стал наперсник осторожный

Моих неопытных друзей.

Когда любовник иступленный,

Тоскуя, плачет предо мной

И для красавицы надменной

Клянется жертвовать собой;

Когда в жару своих желаний

С восторгом изъясняет он

Неясных, темных ожиданий

Обманчивый, но сладкий сон

И, крепко руку сжав у друга,

Клянет ревнивого супруга

Или докучливую мать, —

Его безумным увереньям

И поминутным повтореньям

Люблю с участием внимать;

Я льщу слепой его надежде,

Я молод юностью чужой

И говорю: так было прежде

Во время оно и со мной.

Десятая заповедь

{236}

*Добра чужого не желать
Ты, боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих ты знаешь —
Мне ль нежным чувством управ-
лять?*

*Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На все спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.*

*Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! я слаб!
И ежели его подруга*

*Мила, как ангел во плоти, —
О боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству дру-
га.*

*Кто сердцем мог повелевать?
Кто раб усилий бесполезных?
Как можно не любить любезных?
Как райских благ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгий долг умею чтить,*

*Страшусь желаньям сердца
льстить,
Молчу... и втайне я страдаю.*

1821

«Хоть, впрочем, он поэт изрядный...»

{237}

*«Хоть, впрочем, он поэт изряд-
ный,
Эмилий человек пустой».
— «Да ты чем полон, шут наряд-
ный?
А, понимаю: сам собой;
Ты полон дряни, милый мой!»*

1821

Баратынскому Из Бессарабии

{238}

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна.
Еще доньше тень Назона^{239}
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого;
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого^{240}.

1822

Друзьям

{241}

Вчера был день разлуки шумной

{242}

*Вчера был Вакха буйный пир,
При кликах юности безумной,
При громе чаш, при звуке лир.*

*Так! Музы вас благословили,
Венками свыше осеня,
Когда вы, друзья, отличили
Почетной чашею меня.*

*Честолюбивой позолотой
Не ослепляя наших глаз,
Она не суетной работой,
Не резьбою пленяла нас;*

*Но тем одним лишь отличалась,
Что, жажду скифскую поя,
Бутылка полная вливалась
В ее широкие края.*

*Я пил — и думою сердечной
Во дни минувшие летал
И горе жизни скоротечной,*

И сны любви воспоминал;

*Меня смешила их измена:
И скорбь исчезла предо мной,
Как исчезает в чашах пена
Под зашипевшую струей.*

1822

Песнь о вещем Олеге

*Как ныне собирается вещей Олег^{243}
Отмстить неразумным хоза-
рам^{244},
Их селы и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской
бронне,
Князь по полю едет на верном ко-
не.*

*Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник^{245},
Покорный Перуну^{246} старик одно-
му,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший
весь век.*

*И к мудрому старцу подъехал
Олег.*

*«Скажи мне, кудесник, любимец
богов,*

*Что сбудется в жизни со
мною?*

*И скоро ль, на радость сосе-
дей-врагов,*

*Могильной засыплюсь зем-
лею?*

*Открой мне всю правду, не бойся
меня:*

*В награду любого возьмешь ты
коня».*

*«Волхвы не боятся могучих вла-
дык,*

*А княжеский дар им не ну-
жен;*

*Правдив и свободен их вещей язык
И с волей небесною дружен.*

*Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом
челе.*

*Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;*

Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Царегра-
да;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной
судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кин-
жал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь
ран;
Незримый хранитель могущему
дан.

Твой конь не боится опасных тру-
дов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами
врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня
своего».

Олег усмехнулся — однако чело

И взор омрачился думой.
В молчанье, рукой опершись на
седло,

С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной ру-
кой
И гладит и треплет по шее кру-
той.

«Прощай, мой товарищ, мой вер-
ный слуга,

Расстаться настало нам вре-
мя;

Теперь отдыхай! уж не ступит
нога

В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни
меня.

Вы, отроки-друзи, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым
ковром;

В мой луг под уздцы отведи-
те;

Купайте; кормите отборным зер-
ном;

Водой ключевою поите».

И отроки тотчас с конем ото-

шли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний
снег

Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились
они...

«А где мой товарищ? — промол-
вил Олег, —

Скажите, где конь мой рети-
вый?
Здоров ли? все также ль легок его
бег?

Все тот же ль он бурный, иг-
ривый?»
И внемлет ответу: на холме кру-
том
Давно уж почил непробудным он
сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный

старик!

Презреть бы твое предсказанье!

Мой конь и доныне носил бы меня».

И хочет увидеть он кости коня.

*Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь^{247} и старые гости,*

И видят — на холме, у берега Днепра,

*Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.*

Князь тихо на череп коня наступил

И молвил: «Спи, друг одинокой!

Твой старый хозяин тебя пережил:

*На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь*

И жаркою кровью мой прах напо-

ишь!

Так вот где таилась погибель
моя!

Мне смертию кость угрожа-
ла!»

Из мертвой главы гробовая змия,
Шипя, между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обви-
лась,
И вскрикнул внезапно ужаленный
князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга^{248} на холме
сидят;

Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились
они.

«Люблю ваш сумрак неизвестный...»

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было все милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертные вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...

Но, может быть, мечты пустые

Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где все бли-
стает
Нетленной славой и красой,

Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я?..

1⁸²²

Гречанке

{249}

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной...
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.
Скажи — когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальней стороне.
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный

Узнал иль видел, как во сне,
И скрылся образ незабвенный
В его сердечной глубине?
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой,
И ты, склонясь к его плечу...
Нет, нет, мой друг, мечты ревни-
вой
Питать я пламя не хочу;
Мне долго счастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им,
И, тайной грустию томим,
Боюсь: неверно все, что мило.

Из письма к Я. Н. Толстому

{250}

Горишь ли ты, лампада наша^{251},
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?
Все те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
По-прежнему ль летят на зов
Свободы, лени и безделья?
В изгнанье скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блажен-
ство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна;

*И разгорались наши споры
От искр, и шуток, и вина.
Вновь слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Налейте мне вина кометы^{252},
Желай мне здравия, калмык^{253}!*

1822

Послание цензору

{254}

*Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный
мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для
Москвы.
У нас писатели, я знаю, каковы;
Их мыслей не теснит цензурная
расправа,
И чистая душа перед тобою права.*

Во-первых, искренно я призна-

юсь тебе,
Нередко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяж-
ный толкователь,
Хвостова, Буниной^{255} единствен-
ный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за гре-
хи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Российских авторов нелегкое
встревожит:
Кто английский роман с француз-
ского преложит,
Тот оду сочинит, потея да крях-
тя,
Другой трагедию напишет нам
шутя —
До них нам дела нет; а ты читай,
бесися,
Зевай, сто раз засни — а после
подпишися.

Так, цензор мученик; порой захо-
чет он
Ум чтеньем освежить; Руссо,
Вольтер, Бюфон,
Державин, Карамзин манят его
желанье,

А должен посвятить бесплодное
вниманье
На бредни новые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи да по-
ля,
Да связь утратя в них, ищи ее с
начала,
Или вымарывай из тощего журна-
ла
Насмешки грубые и площадную
брань,
Учтивых остряков затейливую
дань.

Но цензор гражданин, и сан его
священный:
Он должен ум иметь прямой и
просвещенный;
Он сердцем почитать привык ал-
тарь и трон;
Но мнений не теснит и разум
терпит он.
Блюстителю тишины, приличия и
нравов,
Не преступает сам начертанных
уставов,
Закону преданный, отечество лю-
бя,

Принять ответственность уме-
ет на себя;
Полезной истине пути не заграж-
дает,
Живой поэзии резвиться не меша-
ет.
Он друг писателю, пред знатью
не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен,
справедлив.

А ты, глупец и трус, что дела-
ешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты
хлопаешь глазами;
Не понимая нас, мараешь и де-
решь;
Ты черным белое по прихоти зо-
вешь;
Сатиру пасквилем, поэзию развра-
том,
Глас правды мятежом, Куницына
Маратом^{256}.
Решил, а там поди, хоть на тебя
проси.
Скажи: не стыдно ли, что на свя-
той Руси,
Благодаря тебя, не видим книг до-

селе?

И если говорить задумают о деле,
То, славу русскую и здравый ум
любя,

Сам государь велит печатать без
тебя^{257}.

Остались нам стихи: поэмы, три-
олеты,

Баллады, басенки, элегии, купле-
ты,

Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные цветы.

О варвар! кто из нас, владельцев
русской лиры,

Не проклинал твоей губительной
секиры?

Докучным евнухом ты бродишь
между муз;

Ни чувства пылкие, ни блеск ума,
ни вкус,

Ни слог певца Пиров^{258}, столь чи-
стый, благородный —

Ничто не трогает души твоей хо-
лодной.

На все кидаешь ты косою, невер-
ный взгляд.

Подозревая все, во всем ты ви-
дишь яд.

Оставь, пожалуй, труд, нимаго
не похвальный:
Парнас не монастырь и не гарем
печальный,
И право никогда искусный коно-
вал
Излишней пылкости Пегаса не ли-
шал.
Чего боишься ты? поверь мне, чьи
забавы —
Осмеивать закон, правительство
иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью
твоему;
Тот не знаком тебе, мы знаем по-
чему —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в
свете.
Барков шутливых од^{259} тебе не
посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры
избежал,
И Пушкина стихи^{260} в печати не
бывали;
Что нужды? их и так иные прочи-
тали.
Но ты свое несешь, и в наш пре-

мудрый век
Едва ли Шаликов^{261} не вредный че-
ловек.

Зачем себя и нас терзаешь без
причины?

Скажи, читал ли ты Наказ Ека-
терины^{262}?

Прочти, пойми его; увидишь ясно
в нем

Свой долг, свои права, пойдешь
иным путем.

В глазах монархини сатирик пре-
восходный^{263}

Невежество казнил в комедии на-
родной,

Хоть в узкой голове придворного
глупца

Кутейкин и Христос два равные
лица.

Державин, бич вельмож^{264}, при
звуке грозной лиры

Их горделивые разоблачал куми-
ры;

Хемницер истину с улыбкой гово-
рил,

Наперсник Душеньки^{265} двусмыс-
ленно шутил,

Киприду иногда являл без покры-

вала —

И никому из них цензура не мешала.

Ты что-то хмуришься; признайся,
в наши дни

С тобой не так легко б раздела-
лись они?

Кто ж в этом виноват? перед то-
бой зеркало:

Дней Александровых прекрасное
начало.^{266}

Проведай, что в те дни произвела
печать.

На поприще ума нельзя нам от-
ступать.

Старинной глупости мы праведно
стыдимся,

Ужели к тем годам^{267} мы снова
обратимся,

Когда никто не смел отечество
назвать

И в рабстве ползали и люди и пе-
чать?

Нет, нет! оно прошло, губитель-
ное время,

Когда невежества несла Россия
бремя.

Где славный Карамзин снискал се-

бе венец,
Там цензором уже не может
быть глупец...
Исправься ж: будь умней и прими-
рися с нами.

«Все правда, — скажешь ты, — не
стану спорить с вами:
Но можно ль цензору по совести
судить?
Я должен то того, то этого ща-
дить.
Конечно, вам смешно — а я неред-
ко плачу,
Читаю да крещусь, мараю науда-
чу —
На все есть мода, вкус; бывало,
например,
У нас в большой чести Бентам^{268},
Руссо, Вольтер,
А нынче и Милот попался в наши
сети.
Я бедный человек; к тому ж жена
и дети...»

Жена и дети, друг, поверь —
большое зло:
От них все скверное у нас произо-

шло.
Но делать нечего; так если невоз-
можно
Тебе скорей домой убраться осто-
рожно
И службою своей ты нужен для
царя,
Хоть умного себе возьми секретаря^{269}.

1822

Иностранке

На языке, тебе невнятном,
Стихи прощальные пишу,
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая.

«Наперсница волшебной старины...»

*Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печаль-
ных,*

*Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначаль-
ных.*

*Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой*
{270}

*И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гре-
мушкой.*

*Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как лег-
кий сон.*

*Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь
помнил он,*

*И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой
убор?*

Как мило ты, как быстро измени-

лась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный
взор!
Покров, клубясь волною непослуш-
ной,
Чуть осенял твой стан полувоз-
душный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчу-
гом
Румянилась и тихо трепетала...

1⁸²²

Ф. Н. Глинке

{271}

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.
Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,

Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь,
В моем изгнание позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид.

1822

Адели

{272}

Играй, Адель,
Не знай печали;
Хариты, Лель^{273}
Тебя венчали
И колыбель
Твою качали;
Твоя весна
Тиха, ясна;
Для наслажденья
Ты рождена;
Час упоенья
Лови, лови!
Младые лета
Отдай любви,
И в шуме света
Люби, Адель,
Мою свирель.

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.

Вскормленный в неволе орел молодой^[274],

Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»,

Птичка

{275}

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

*Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!*

1823

Царское Село

{276}

*Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой...*

*Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук дерев, и светлую*

долину,
И злчных берегов знакомую кар-
тину,
И в тихом озере, средь блестящих
зыбей,
Станицу гордую спокойных лебе-
дей.

1823

«Кто, волны, вас остановил...»

{277}

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дрему-
чий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
И душу бурную Дремотой лени
усыпил?
Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разружьте гибельный оплот!
Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.

1823

Ночь

*Мой голос для тебя и ласковый и
томный
Тревожит позднее молчанье ночи
темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и
журча,
Текут, ручьи любви, текут, пол-
ны тобою.
Во тьме твои глаза блистают
предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люб-
лю... твоя... твоя!..*

«Завидую тебе, питомец моря СМЕЛЫЙ...»

{278}

*Завидую тебе, питомец моря сме-
лый,
Под сенью парусов и в бурях посе-
дельный!
Спокойной пристани давно ли ты
достиг —
Давно ли тишины вкусил отрад-
ный миг —
И вновь тебя зовут заманчивые
волны.
Дай руку — в нас сердца единой
страстью полны.
Для неба дального, для отдален-
ных стран
Оставим берега Европы обветша-
лой;
Ищу стихий других, земли жилец
усталый;
Приветствую тебя, свободный
океан.*

1823

«Надеждой сладостной младенчески дыша...»

*Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, —
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,^{279}
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...*

*Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом*

ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая
любовь!
Мне страшно... И на жизнь гляжу
печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго
образ милый
Таился и пылал в душе моей уны-
лой.

1⁸²³

Демон

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи

Вливали в душу хладный яд.
Неистоющей клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

1⁸²³

**«Простишь ли мне ревнивые
мечты...»**

{280}

Простишь ли мне ревнивые меч-
ты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь
ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь
милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то
унылый?

Мной овладев, мне разум омра-
чив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их
страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг
жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и
мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор

Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выра-
жая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лука-
во?..
Что ж он тебе? Скажи, какое пра-
во
Имеет он бледнеть и ревно-
вать?..
В нескромный час меж вечера и
света,

*Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты прини-
мать?..*

*Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей люб-
ви*

*Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня,
молю:*

*Не знаешь ты, как сильно я люб-
лю,
Не знаешь ты, как тяжело я стра-
даю.*

«Свободы сеятель пустынный...»^{281}

Изыде сеятель сеяти семена своя.

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...*

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич.*

Кн. М. А. Голицыной

{282}

*Давно об ней воспоминанье
Ношу в сердечной глубине,
Ее минутное вниманье
Отрадой долго было мне.
Твердил я стих обвороженный,
Мой стих, унынья звук живой,
Так мило ею повторенный,
Замеченный ее душой.
Вновь лире слез и тайной муки
Она с участием вняла —
И ныне ей передала
Свои пленительные звуки...
Довольно! в гордости моей
Я мыслить буду с умиленьем:
Я славой был обязан ей —
А может быть и вдохновеньем.*

1823

Телега жизни

*Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.*

*С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!.....*

*Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: по легче, дуралей!*

*Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И, дремля, едем до ночлега —
А время гонит лошадей.*

«Недвижный страж дремал на царственном пороге...»

{283}

1

*Недвижный страж дремал на
царственном пороге,
Владыка севера один в своем чер-
тоге
Безмолвно бодрствовал, и жребии
земли
В увенчанной главе стесненные
лежали,
Чредою выпадали
И миру тихую неволю в дар несли,
—*

2

*И делу своему владыка сам дивил-
ся.
Се благо, думал он, и взор его но-
сился
От Тибровых валов до Вислы и
Невы,
От сарскосельских лип до башен
Гибралтара:
Все молча ждет удара,*

*Все пало — под ярем склонились
все главы.*

3

*«Свершилось! — молвил он. — Давно
ль народы мира
Паденье славили великого кумира,*

.....

.....

.....

.....

4

*Давно ли ветхая Европа свирепела?
Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
За Пиренеями давно ль судьбой
народа*

*Уж правила свобода,
И самовластие лишь север укрывал?*

5

*Давно ль — и где же вы, зиждители
свободы?*

Ну что ж? витийствуйте, ищите
прав природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную
толпу —
Вот Кесарь — где же Брут? О
грозные витии,
Целуйте жезл России
И вас поправшую железную сто-
пу».

6

Он рек, и некий дух повеял невиди-
мо,
Повеял и затих, и вновь повеял
мимо,
Владыку севера мгновенный хлад
объял,
На царственный порог вперил,
смутясь, он очи
Раздался бой полночи —
И се внезапный гость в чертог ца-
ря предстал.

7

То был сей чудный муж, послан-
ник провиденья,
Свершитель роковой безвестного
вельня,

Сей всадник, перед кем склонились
цари,
Мятежной вольности наследник
и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон,
как тень зари.

8

Ни тучной праздности ленивые
морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние се-
дины,
Ни пламя бледное нахмуренных
очей
Не обличали в нем изгнанного ге-
роя,
Мучением покоя
В морях казненного по манию ца-
рей.

9

Нет, чудный взор его, живой,
неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдруг
неотразимый,
Как боевой перун, как молния
сверкал;

*Во цвете здравия и мужества и
мощи,
Владыке полунощи
Владыка запада, грозящий, пред-
стоял.*

10

*Таков он был, когда в равнинах Ав-
стерлица
Дружины севера гнала его десни-
ца,
И русский в первый раз пред гибе-
лью бежал,
Таков он был, когда с победным
договором,
И с миром, и с позором
Пред юным он царем в Тильзите
предстоял.*

1824

«Все кончено: меж нами связи нет...»

*Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено — я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.*

Давыдову

{284}

Нельзя, мой толстый Аристип^{285}:
Хоть я люблю твои беседы,
Твой милый нрав, твой милый
хрип,
Твой вкус и жирные обеды,
Но не могу с тобою плыть^{286}
К брегам полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимец Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отец
Немного тощей Энеиды^{287}
Пускался в море наконец,
Ему Гораций^{288}, умный льстец,
Прислал торжественную оду,
Где другу Августов певец^{289}
Сулил хорошую погоду.
Но льстивых од я не пишу;
Ты не в чахотке, слава богу:
У неба я тебе прошу
Лишь аппетита на дорогу.

1824

Прозерпина

{290}

Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона^{291}
Из аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла — и колесница
Уж к аиду их несет;
Мчатся, облаком одеты;
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,

Без порфиры и венца,
Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет,
И молчит, и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит,
И счастливца за собой
Из Элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

Из письма к Вульффу

{292}

Здравствуй, Вульф, приятель
мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета^{293}.
Лайон, мой курчавый брат^{294}
(Не михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? — бутылка полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

1824

К Языкову

{295}

(Михайловское, 1824)

Издравле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б, оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,

Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор, и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей, —
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг все для нас оставит,
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

Разговор книгопродавца с поэтом

{296}

Книгопродавец

*Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим...
О чем вздохнули так глубоко,
Нельзя ль узнать?*

Поэт

*Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединенья,*

Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья!..
Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буй-
ный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шепот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,

Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой:
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы молодой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлись по рукам,
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!

Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил;
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрям, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит:
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:
В молодые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,

Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои...
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне неволью
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремил-
ся?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?..

Книгопродавец

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? какое дело свету?
Я всем чужой!.. Душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?
.....
И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,

*И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!..
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви!
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излианья,
Как божеству, не нужно ей!..*

Книгопродавец

*Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?*

Поэт

Свободу.

Книгопродавец

Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наш век — торгаш; в сей век же-
лезный
Без денег и свободы нет.
Что слава? — Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье;
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне захо-
дят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь — от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэт

*Вы совершенно правы. Вот вам
моя рукопись. Условимся.*

1824

К морю

{297}

*Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.*

*Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум
призывный
Услышал я в последний раз.*

*Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!*

*Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,*

И своенравные порывы!

*Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.*

*Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег!*

*Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,^{298}
У берегов остался я...*

*О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.*

*Одна скала, гробница славы^{299} ...
Там погрузались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.*

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум^{300}.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставляя миру свой венец.
Шумы, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье^{301} иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,

Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

1824

Коварность

{302}

Когда твой друг на глас твоих ре-
чей
Отвечает язвительным мол-
чаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содрога-
нием;
Как, на тебя взор острый пригвоз-
дя,
Качает он с презреньем головою,
—
Не говори: «Он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «Неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недо-
стоин»;
Вся жизнь его какой-то тяжкий
сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты споко-
ен?
Ах, если так, он в прах готов

упасть,
Чтоб вымолить у друга примире-
нье.
Но если ты святую дружбы
власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданьях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накиннул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Все тайное своим печальным взо-
ром, —
Тогда ступай, не трать пустых
речей —
Ты осужден последним пригово-
ром.

«О дева-роза, я в оковах...»

{303}

*О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.*

1824

«Туманский прав, когда так верно вас...»

{304}

*Туманский нрав, когда так верно
но вас
Сравнил он с радугой живою:
Вы милы, как она, для глаз
И как она премоенчивы душою;
И с розой сходны вы, блеснувшей
весной:
Вы так же, как она, пред нами*

Цветете пышною красой
И так же колетесь, бог с ва-
ми.
Но более всего сравнение с клю-
чом
Мне нравится — я рад ему сер-
дечно:
Да, чисты вы, как он, и сердцем и
умом,
И холодней его, конечно.
Сравненья прочие не столько хо-
роши;
Поэт не виноват — сравненья
неудобны.
Вы прелестью лица и прелестью
души,
К несчастью, бесподобны.

Виноград

*Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.*

1⁸²⁴

Фонтану Бахчисарайского дворца

{305}

*Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.*

*Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль...*

Фонтан любви, фонтан печаль-
ный!

И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

«Ночной зефир...»

{306}

*Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.*

*Вот взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.*

*Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.*

*Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!*

*Ночной зефир
Струит эфир.*

Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

1⁸²⁴

**«Ненастный день потух; ненастной
ночи мгла...»**

{307}

*Ненастный день потух; ненаст-
ной ночи мгла
По небу стелется одеждою свин-
цовой;
Как привидение, за рощею сосно-
вой
 Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мне
наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восхо-
дит;
Там воздух напоен вечерней теп-
лотой;
Там море движется роскошной
пеленой
 Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет
она*

К брегам, потопленным шумящими волнами;

*Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...*

*Одна... никто пред ней не плачет,
не тоскует;*

Никто ее колен в забвенье не целует;

Одна... ничьим устам она не предает

*Ни плеч, ни влажных уст, ни персей
белоснежных.*

.....

.....

.....

Никто ее любви небесной не достоин.

Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;

.....

Но если.....

Дружба

*Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.*

1⁸²⁴

Подражания Корану[5] Посвящено П. А. Осиповой

{308}

|

*Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой: [6]
Нет, не покинул я тебя.*

*Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?*

*Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?*

*Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?*

*Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедай.*

II

*О жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!*

*А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В паренье дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,*

*И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых [7].*

III

*Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье:
[8]*

*Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.*

*С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!*

*Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родил-
ся?*

*За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его — по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?*

*За то ль, что дал ему плоды,
И хлеб, и финик, и оливу,*

*Благословив его труды,
И вертоград, и холм, и ниву?*

*Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.*

*И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.*

IV

*С тобою древле, о всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!*

V

*Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой[9].*

*Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.*

*Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный
день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.*

*Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.*

VI

*Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.*

*Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!*

*Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призыванье
Не шли, не веря дивным снам.*

*Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.*

*Блаженны падшие в сраженье:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденье,
Не отравляемом ничем.*

VII

*Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,*

*Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!*

VIII

*Торгуя совестью пред бледной ни-
щетою,
Не сыпь своих даров расчетливой
рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве
тучной,
 О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим
трудам.*

*Но если, пожалев трудов земных
стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую
длань, —
Знай: все твои дары, подобно гор-
сти пыльной,
 Что с камня моет дождь
обильный,
Исчезнут — господом отвержен-*

ная дань.

IX

*И путник усталый на бога роп-
тал:*

*Он жаждой томился и тени ал-
кал.*

*В пустыне блуждая три дня и
три ночи,*

*И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он
вокруг,*

*И кладез под пальмою видит он
вдруг.*

*И к пальме пустынной он бег
устремил,*

*И жадно холодной струей осве-
жил*

*Горевшие тяжело язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной
ослицы —*

*И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.*

*Настал пробужденья для путни-
ка час;*

Встает он и слышит неведомый

глас:

«Давно ли в пустыне заснул ты
глубоко?»

И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее
спал;

Взгляни: лег ты молод, а стар-
цем восстал;

Уж пальма истлела, а кладез хо-
лодный

Иссяк и засохнул в пустыне без-
водной,

Давно занесенный песками сте-
пей;

И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный
старик,

Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда соверши-
лось:

Минувшее в новой красе оживи-
лось;

Вновь зыблется пальма тени-
стой главой;

*Вновь кладез наполнен прохладой
и мглой.*

*И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и ра-
дость;
В крови заиграла воскресшая мла-
дость;
Святые восторги наполнили
грудь:
И с богом он дале пускается в
путь.*

1824

**«Ты вянешь и молчишь; печаль тебя
снедает...»**

{309}

*Ты вянешь и молчишь; печаль те-
бя снедает;
На девственных устах улыбка за-
мирает.
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно лю-
бишь ты
Грустить. О, я знаток в девиче-*

ской печали;
Давно глаза мои в душе твоей чи-
тали.

Любви не утаишь: мы любим, и
как нас,
Девицы нежные, любовь волнует
вас.

Счастливы юноши! Но кто, ска-
жи, меж ими
Красавец молодой с очами голу-
быми,

С кудрями черными?.. Краснеешь?
Я молчу,

Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бро-
дит

Вкруг дома твоего и взор к окну
возводит?

Ты втайне ждешь его. Идет, и ты
бежишь,

И долго вслед за ним незримая
глядишь.

Никто на празднике блистатель-
ного мая,

Меж колесницами роскошными
летая,

Никто из юношей свободней и
смелей

Не властвует конем по прихоти
своей.

1824

Чаадаеву

{310}

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымилась жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданием возгордилось.

Чадаев, помнишь ли былое?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиленье вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,

1824

АКВИЛОН

{311}

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу кло-
нишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

1824

**«Пускай увенчанный любовью
красоты...»**

*Пускай увенчанный любовью кра-
соты
В заветном золоте^{312} хранит ее
черты
И письма тайные, награды долгой
муки,
Но в тихие часы томительной
разлуки
Ничто, ничто моих не радует
очей,
И ни единый дар возлюбленной
моей,
Святой залог любви, утеха гру-
сти нежной —
Не лечит ран любви безумной,
безнадежной.*

Второе послание к цензору

{313}

*На скользком поприще Тимков-
ского наследник!
Позволь обнять себя, мой преж-
ний собеседник.
Недавно, тяжкою цензурой при-
теснен,
Последних, жалких прав без мило-
сти лишен,
Со всею братией гонимый сово-
купно,
Я, вспыхнув, говорил тебе немного
крупно,
Потешил дерзости бранчивую
свербежь —
Но извини меня: мне было невтер-
пеж.
Теперь в моей глуши журналы раз-
дирая,
И бедной братии стишонки разби-
рая
(Теперь же мне читать охота и
досуг),
Обрадовался я, по ним заметя
вдруг*

В тебе и правила, и мыслей образ
новый!
Ура! ты заслужил венок себе лав-
ровый
И твердостью души, и смелостью
ума.
Как изумилась поэзия сама,
Когда ты разрешил по милости
чудесной
Заветные слова божественный,
небесный,
И ими назвалась (для рифмы) кра-
сота,
Не оскорбляя тем уж господа
Христа!
Но что же вдруг тебя, скажи, пе-
ременило
И нрава твоего кичливость усми-
рило?
Свои послания хоть очень я люб-
лю,
Хоть знаю, что прочел ты жало-
бу мою,
Но, подразнив тебя, я переменой
сею
Приятно изумлен, гордиться не
посмею.
Отнесся я к тебе по долгу моему;

Но мне ль исправить вас? Нет, ве-
даю, кому
Сей важной новостью обязана
Россия.
Обдумав наконец намеренья бла-
гие,
Министра честного наш добрый
царь избрал,
Шишков наук уже правленье вос-
приял.
Сей старец дорог нам: друг чести,
друг народа,
Он славен славою двенадцатого
года;
Один в толпе вельмож он русских
муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соеди-
нил^{314};
Осиротелого венца Екатерины
От хлада наших дней укрыл он
лавр единый.
Он с нами сетовал, когда святой
отец^{315},
Омара да Гали прияв за образец,
В угодность господу, себе во уте-
шенье,
Усердно задушить старался про-
свещенье.

Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бан-
тыша,
И помогал ему Магницкий^{316} бла-
городный,
Муж твердый в правилах, душою
превосходный,
И даже бедный мой Кавелин-дура-
чок,
Креститель Галича, Магницкого
дьячок^{317}.
И вот, за все грехи, в чьи пакост-
ные руки
Вы были вверены, печальные нау-
ки!
Цензура! вот кому подвластна
ты была!

Но полно: мрачная година про-
текла,
И ярче уж горит светильник про-
свещенья.
Я с переменою несчастного прав-
ленья
Отставки цензоров, признаться,
ожидал,
Но, сам не зная как, ты, видно,
устоял.

Итак, я поспешил приятелей по-
здравить,
А между тем совет на память
им оставить.

Будь строг, но будь умен. Не
просят у тебя,
Чтоб все законные преграды ис-
требя,
Все мыслить, говорить, пече-
тать безопасно
Ты нашим господам позволил са-
мовластно.
Права свои храни по долгу своему.
Но скромной истине, но мирному
уму
И даже глупости невинной и до-
вольной
Не заграждай пути заставой свое-
вольной.
И если ты в плодах досужного пе-
ра
Порою не найдешь великого добра,
Когда не видишь в них безумного
разврата,
Престолов, алтарей и нравов су-
постата,
То, славы автору желая от души,

*Махни, мой друг, рукой и смело
подпиши.*

1824

«Полу-милорд, полу-купец...»

{318}

*Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.*

1824

«Не знаю где, но не у нас...»

{319}

*Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой,
—
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,*

*Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тон-
ким...*

1824

«Охотник до журнальной драки...»

{320}

*Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюнею бешеной собаки.*

1824

Сожженное письмо

Прощай, письмо любви! прощай:
она^{321} велела.
Как долго медлил я! как долго не
хотела
Рука предать огню все радости
мои!..
Но полно, час настал. Гори, пись-
мо любви.
Готов я; ничему душа моя не
внемлет.
Уж пламя жадное листы твои
приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают —
легкий дым,
Виясь, теряется с молением мо-
им.
Уж перстня верного утрата впе-
чатленье,
Растопленный сургуч кипит... О
провиденье!
Свершилось! Темные свернулись
листы;
На легком пепле их заветные чер-
ты Белеют...
Грудь моя стеснилась. Пепел ми-

мый,
Отрада бедная в судьбе моей уны-
лой,
Останься век со мной на горест-
ной груди...

1⁸²⁵

Козлову

{322}

*Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.*

*О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им.
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки;
Тебе он создал новый мир,
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.*

*А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,*

*Я не хочу другой награды —
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира;
О нет! недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!*

1825

Желание славы

{323}

*Когда, любовью и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопре-
клоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты
моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли сла-
вы я;
Ты знаешь: удален от ветреного
света,
Скучая суетным прозванием по-
эта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не
внимал
Жужжжанью дальнему упреков и
похвал.
Могли ль меня молвы трево-
жить приговоры,
Когда, склонив ко мне томитель-*

ные взоры
И руку на главу мне тихо нало-
жив,
Шептала ты: скажи, ты любишь,
ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить
не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не по-
забудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я
мнил,
Что нет грядущего, что грозный
день разлуки^{324}
Не придет никогда... И что же?
Слезы, муки,
Измены, клевета, все на главу
мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я?
Стою,
Как путник, молнией постигну-
тый в пустыне,
И все передо мной затмилося! И
ныне
Я новым для меня желанием то-
лим:
Желаю славы я, чтоб именем мо-
им

Твой слух был поражен всечасно,
чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою
молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо
мне,
Чтоб, гласу верному внимая в ти-
шине,
Ты помнила мои последние моле-
нья
В саду, во тьме ночной, в минуту
разлученья.

1825

П. А. Осиповой

Быть может, уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом^{325}
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умиль-
ный.

1⁸²⁵

«Храни меня, мой талисман...»

*Храни меня, мой талисман^{326},
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.*

*Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи, —
Храни меня, мой талисман.*

*В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.*

*Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...*

Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не расстравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

1⁸²⁵

Андрей Шенье
Посвящено Н. Н. Раевскому

*Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...[10]*

{327}

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте^{328} тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.

Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
{329}

И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет^{330}

Завтра казнь, привычный пир на-
роду;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

«Приветствую тебя, мое свети-
ло!

Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный
гром,
Когда он разметал позорную
твердыню^{331}

И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую

отвагу,
Я слышал братский их
обет,
Великодушную присягу^{332}
И самовластную бестрепетный
ответ^{333}.
Я зрел, как их могущи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун^{334} предрек,
восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый ге-
ний,
Уже в бессмертный Панте-
он^{335}
Святых изгнанников входили
славны тени,
От пелены предрассужде-
ний
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провоз-
гласил равенство,
И мы воскликнули: Блажен-
ство!
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над
нами

Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с па-
лачами^{336}
Избрали мы в цари. О ужас! о по-
зор!

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — не виновна
ты,

В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве на-
рода,
Сокрылась ты от нас; целебный
твой сосуд

Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщени-
ем и славой,

И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нек-
тар освященный,
Все ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъярен-
ный,

Он бродит, жаждою то-
мим;
Так — он найдет тебя. Под сению
равенства
В объятиях твоих он сладко от-
дохнет;

Так буря мрачная минет!
Но я не узрю вас, дни славы, дни
блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжествен-
ной рукою
Палач мою главу подымет за вла-
сы

Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой беспри-
ютный прах
Не будет почивать в саду, где про-
вождали
Мы дни беспечные в науках и в пи-
рах
И место наших урн заранее назна-
чали.

Но, друзья, если обо мне
Священно вам воспомина-
нье,
Исполните мое последнее жела-
нье:
Оплачьте, милые, мой жребий в
тишине;
Страшитесь возбудить слезами
подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы пре-
ступленья:

О брате сожалеть не смеет ныне
брат.

Еще ж одна мольба: вы слушали
стократ

Стихи, летучих дум небрежные
созданья,

Разнообразные, заветные преда-
нья

Всей младости моей. Надежды, и
мечты,

И слезы, и любовь, друзья, сии ли-
сты

Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у
Фанни^{337},

Молю, найдите их; невинной музы-
дани

Сберите. Строгий свет, надмен-
ная молва

Не будут ведать их. Увы, моя гла-
ва

Безвременно падет: мой незре-
лый гений

Для славы не свершил возвышен-
ных творений;

Я скоро весь умру. Но, тень мою
любя,

Храните рукопись, о други, для се-
бя!

Когда гроза пройдет, толпою суетной
Собирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и Узница моя ^{338},
Уныла и бледна, стихам любви внимая...»
Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовью, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Все вместе ожило; и сердце понес-

лось
Далече... и стихов журчанье изли-
лось:

«Куда, куда завлек меня враждеб-
ный гений?
Рожденный для любви, для мир-
ных искушений,
Зачем я покидал безвестной жиз-
ни тень,
Свободу и друзей, и сладостную
лень?
Судьба лелеяла мою златую мла-
дость;
Беспечною рукой меня венчала ра-
дость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей люби-
мый друг,
Я сладко оглашал и смехом и сти-
хами
Сень, охраненную домашними бо-
гами.
Когда ж, вакхической тревогой
утомясь
И новым пламенем незапно воспла-
лясь,
Я утром наконец являлся к милой

деве

И находил ее в смятении и гневе;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,

Мой проклиная век, утраченный в пирах,

Она меня гнала, бранила и прощала:

Как сладко жизнь моя лилась и утекала!

Зачем от жизни сей, ленивой и простой,

Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,

И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,

Вы завлекли меня! Что делать было мне,

Мне, верному любви, стихам и тишине,

На низком поприще с презренными бойцами!

Мне ль было управлять строптивыми конями

И круто напрягать бессильные бразды?

И что ж оставлю я? Забытые

следы
Безумной ревности и дерзости ни-
чтожной.

Погибни, голос мой, и ты, о при-
зрак ложный,

Ты, слово, звук пустой...

О нет!

Умолкни, ропот малодуш-
ный!

Гордись и радуйся, поэт:

Ты не поник главой послуш-
ной

Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламе-

нея,

Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесслав-

ных;^{339}

Твой бич достигнул их, каз-
нил

Сих палачей самодержав-
ных;

Твой стих свистал по их
главам;

Ты звал на них, ты славил Неме-
зиду;

Ты пел Маратовым жрецам

Кинжал и деву-эвмениду⁽³⁴⁰⁾!
Когда святой старик от плахи
отрывал
Венчанную главу рукой оцепене-
лой,
Ты смело им обоим руку дал,
И перед вами трепетал
Ареопаг остервенелый.
Гордись, гордись, певец; а ты, сви-
репый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай,
знай, безбожный
Мой крик, мой ярый смех пресле-
дует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты все пигмей, пигмей ни-
чтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества
рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай
за мною;
Я жду тебя».

Так пел восторжен-

ный поэт.

И все покоилось. Лампады тихий свет

Бледнел пред утренней зарею,

И утро веяло в темницу. И поэт

К решетке поднял важны взоры...

Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!

Звучат ключи, замки, запоры.

Зовут... Постой, постой; день только, день один:

И казней нет, и всем свобода,

И жив великий гражданин Среди великого народа ^{341}.

Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.

Но дружба смертный путь поэта очарует ^{342}.

Вот плаха. Он взошел. Он славу именуем... ^{343}

Плачь, муза, плачь!..

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*

*В томленьях грусти безнадеж-
ной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.*

*Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.*

*В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.*

*Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,*

Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

Жених

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица — и вот
Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит,
И гонит всех, и давит.

Он, поровнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
«Он! он! узнала! — говорит, —
Он, точно он! держите,
Друзья мои, спасите!»

Печально слушает семья,
Качая головою;
Отец ей: «Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
Наташа плачет снова.
И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор

Нежданная приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.

Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?»
Она сидит за пирогом,
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

«Согласен, — говорит отец; —
Ступай благополучно,

Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не все косатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет и хохочет.
В смятенье сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир,
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите,
Да суд на пир зовите».

«Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» — И пир горой;

Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених — и все за стол.
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
Все шумно, гости пьяны.

Жених

«А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?»

Невеста жениху в ответ:
«Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,
И день и ночь я плачу:
Недобрый сон меня крушит».
Отец ей: «Что ж твой сон гла-
сит?»

Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мне снилось, — говорит она, —

Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чуть луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней, стучу — молчат. Зову —
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —

В избе свеча горит; гляжу —
Везде серебро да золото,
Все светло и богато».

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать, жить тебе богато».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
На серебро, на золото,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась

И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...

Подъехали к крылечку.

Я поскорее дверью хлоп

И спряталась за печку.

Вот слышу много голосов...

Взошли двенадцать молодцов,

И с ними голубица

Красавица девица.

Взошли толпой, не поклонясь,

Икон не замечая;

За стол садятся, не молясь

И шапок не снимая.

На первом месте брат большой,

По праву руку брат меньшей,

По леву голубица

Красавица девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,

Разгульное похмелье...»

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?

Вещает он веселье».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит».

«Ну это, — говорит жених, —
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?»
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит бледнея;
Смутились гости. — Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен

*И скоро смертью казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.*

1⁸²⁵

«Если жизнь тебя обманет...»

{345}

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.*

*Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.*

1825

Вакхическая песня

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припе-
вы!

Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!

Полнее стакан наливайте!

На звонкое дно

В густое вино

Заветные кольца бросайте!

Подыдем стаканы, содвинем их
разом!

Да здравствуют музы, да здрав-
ствует разум!

Ты, солнце святое, гори!

Как эта лампада бледнеет

Пред ясным восходом зари,

Так ложная мудрость мерцает и
тлеет

Пред солнцем бессмертным
ума.

Да здравствует солнце, да скро-
ется тьма!

«Цветы последние милей...»

{346}

*Цветы последние милей
Роскошных первоцветов полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.*

1825

19 октября

{347}

*Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поне-
воле
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной
келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное по-
хмелье,
Минутное забвенье горьких мук.*

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгуя запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца
руку

И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближе-
нье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пиру-
ют?

Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной при-
вычке?

Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской пере-
кличке?

Кто не пришел? Кого меж вами
нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец
{348}

С огнем в очах, с гитарой сладко-
гласной:

Под миртами Италии прекрасной

Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русской могилой

Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый

Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,

Чужих небес любовник беспокойный^{349}?

Иль снова ты проходишь тропик
знойный

И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога

Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,

О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальные нравы:

Лицейский шум, лицейские забавы

Средь бурных волн мечталися тебе;

Ты простирал из-за моря нам руку,

Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку

{350}

Нас тайный рок, быть может,
осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен

—

Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных
муз.

Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир
чужбина;

Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,

Я с трепетом на лоно дружбы новой,

Устав, приник ласкающей гла-

вой...

С мольбой моей печальной и мятежной,

С доверчивой надеждой первых лет,

Друзьям иным душой предался нежной;

Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,

В обители пустынных вьюг и хлада,

Мне сладкая готовилась отрада:

Троих из вас, друзей моей души,

Здесь обнял я. Поэта дом опальный,

О Пущин мой, ты первый посетил;

Ты усладил изгнанья день печальный,

Ты в день его лица превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,

Хвала тебе — фортуны блеск холодный

Не изменил души твоей свобод-
ной:
Все тот же ты для чести и дру-
зей.
Нам разный путь судьбой назна-
чен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разо-
шлись:
Но невзначай проселочной доро-
гой
Мы встретились^{351} и братски об-
нялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота без-
домный,
Под бурею главою поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских
дев^{352},
И ты пришел, сын лени вдохновен-
ный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усып-
ленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас го-

рел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам
летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для ду-
ши;
Свой дар как жизнь я тратил без
вниманья,
Ты гений свой воспитывал в ти-
ши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть велича-
во:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя
там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с
нами было,
Мой брат родной по музе, по судь-
бам^{353}?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблуж-

денья!

Сокроем жизнь под сень уедине-
нья!

Я жду тебя, мой запоздалый друг

—
Приди; огнем волшебного расска-
за

Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере^{354}, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказа-
нье:

Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечта-
ний;

Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько воскли-
цаний,
И сколько чаш, подъятых к небе-
сам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего сою-
за!

Благослови, ликующая муза,

Благослови: да здравствует ли-
цей!
Наставникам, хранившим
юность нашу,
Всем честью, и мертвым и жи-
вым,
К устам подъяв признательную
чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возго-
ря,
Опять до дна, до капли выпивай-
те!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за ца-
ря.
Он человек! им властвует мгно-
венье.
Он раб молвы, сомнений и стра-
стей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редееет;
Кто в гробе спит, кто, дальный,
сиротеет;

Судьба глядит, мы вянем; дни бе-
гут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день
лица
Торжествовать придется одно-
му?

Несчастный друг! средь новых по-
колений
Докучный гость и лишний, и чу-
жой,
Он вспомнит нас и дни соедине-
ний,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть пе-
чальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опаль-
ный,
Его провел без горя и забот.

«Всё в жертву памяти твоей...»

*Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.*

1⁸²⁵

Зимний вечер

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,*

*То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.*

*Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,*

Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка^{355}
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

«Вертоград моей сестры...»

{356}

*Вертоград^{357} моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон^{358}
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закапят ароматы.*

1825

«В крови горит огонь желанья...»

*В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.*

1⁸²⁵

Буря

*Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.*

С португальского

{359}

*Там звезда зари взошла,
Пышно роза процвела.
Это время нас, бывало,
Друг ко другу призывало.*

*На постеле пуховой,
Дева сонною рукой
Отирала томны очи,
Удаляя грезы ночи.*

*И являлася она
У дверей иль у окна
Ранней звездочки светлее,
Розы утренней свежее.*

*Лишь ее завиджу я,
Мнилось, легче вокруг меня
Воздух утренний струился;
Я вольнее становился.*

*Меж овец деревни всей
Я красавицы моей
Знал любимую овечку —*

Я водил ее на речку,

*На тенистые берега,
На зеленые луга;
Я поил ее, лелеял,
Перед ней цветы я сеял.*

*Дева издали ко мне
Приближалась в тишине,
Я, прекрасную встречая,
Пел, гитарою бряцая:*

*«Девы, радости моей,
Нет! на свете нет милей!
Кто посмеет под луною
Спорить в счастья со мною?»*

*Не завидую царям,
Не завидую богам,
Как увижу очи томны,
Тонкий стан и косы темны».*

*Так певал, бывало, ей,
И красавицы моей
Сердце песнью любовалось;
Но блаженство миновалось.*

Где ж красавица моя!

Одинокий плачу я —
Заменяли песни нежны
Стон и слезы безнадежны.

1825

«О муза пламенной сатиры!..»

{360}

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты,
Мир вам, журнальные клеветы,
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы, —
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-блед-
ных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять

1825

«Сказали раз царю, что наконец...»

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго^{361}, был
удавлен.

«Я очень рад, — сказал усердный
льстец, —
От одного мерзавца мир избав-
лен».

Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приго-
вор.

Риэго был пред Фердинандом гре-
шен,

Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой пала-
ча?

Сам государь такого доброхот-
ства

Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь
сохранить

И в подлости осанку благород-
ства.

Приателям

{362}

*Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев
угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных ког-
тей,
Как налечу нежданный, беспощад-
ный.
Так в облаках кружится ястреб
жадный
И сторожит индеек и гусей.*

1825

Совет

{363}

*Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой жур-
нальный,
Не рассуждай, не трать учтивых
слов,
Не возражай на писк и шум на-
хальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый
друг,
Никак нельзя смирить их род
упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и
вдруг
Прихлопни их проворной эпиграм-
мой.*

1825

Прозаик и поэт

*О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!*

1⁸²⁵

Жив, жив курилка!

{364}

*Как! жив еще Курилка-журналист?
— Живехонек! все так же сух и
скучен,
И груб, и глуп, и завистью разму-
чен,
Все тискает в свой непотребный
лист —
И старый вздор, и вздорную но-
винку.
— Фу! надоел Курилка-журна-*

лист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плюнуть
на него.

1825

Ex ungue leonem [11]

{365}

Недавно я стихами как-то свист-
нул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку
тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадно-
му шуту
Не удалось прикрыть своих про-
каз:
Он по когтям узнал меня в мину-
ту,
Я по ушам узнал его как раз.

1825

Соловей и кукушка

*В лесах, во мраке ночи праздной,
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических куку!*

Движение

{366}

*Движенья нет, сказал мудрец бра-
датый^{367}.*

*Другой^{368} смолчал и стал пред
ним ходить.*

*Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замыслова-
тый.*

*Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне
приводит:*

*Ведь каждый день пред нами солн-
це ходит,*

Однако ж прав упрямый Галилей.

1825

«Воспитанный под барабаном...»

{369}

*Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фронт герою надоел —
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел!*

1825

«От многоречия отрекшись добровольно...»

{370}

*От многоречия отрекшись добро-
вольно,
В собранье полном слов не вижу
пользы я;
Для счастья души, поверьте мне,
друзья,
Иль слишком мало всех, иль одно-
го довольно.*

1825

«Нет ни в чем вам благодати...»

{371}

*Нет ни в чем вам благодати;
С счастьем у вас разлад:
И прекрасны вы некстати
И умны вы невпопад.*

1825

**«Под небом голубым страны своей
родной...»**

{372}

*Под небом голубым страны своей
родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами
есть.
Напрасно чувство возбуждал
я:
Из равнодушных уст я слышал
смерти весть
И равнодушно ей внимал я.*

Так вот кого любил я пламенной
душой

С таким тяжелым напряже-
нием,

С такою нежною, томительной
тоской,

С таким безумством и муче-
нием!

Где муки, где любовь? Увы! в душе
моей

Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозврати-
мых дней

Не нахожу ни слез, ни пени.

К Вяземскому

{373}

*Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славил лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.*

*Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.*

1826

К Языкову

{374}

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой^{375}
Ты воспоил свою камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

1826

Песни о Стеньке Разине

{376}

1

*Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Ра-
зин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царица.
Не глядит Стенька Разин на ца-
ревну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвит грозен Стенька
Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать род-
ная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли молодец не дремала,
Казаков моих добром наделила.
Что ничем тебя еще мы не дари-
ли».*

Как вскочил тут грозен Стенька
Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

2

Ходил Стенька Разин
В Астрахань-город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые,
Камки хрущатые —
Парчи золотые.
Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая:
Полы-то новы,
Одна боброва,
Друга соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
«Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу!
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь — повешу

Что во чистом поле
На зеленом дубе,
На зеленом дубе
Да в собачьей шубе».
Стал Стенька Разин
Думати думу:
«Добро, воевода,
Возьми себе шубу.
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму».

3

Что не конский топ, не людская
молвь,
Не труба трубача с поля слы-
шится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаётся.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник
лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгуль-
ный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.
Пригоню тебе три кораблика:

На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».

1826

Признание

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь — мне отрада;
Вы отвернетесь — мне тоска;

За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиленье, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку^{377},
И фортепьяно вечерком?..
Алина^{378}! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!..

Пророк

{379}

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещице зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и
внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

1826

Няне

{380}

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

1826

«Как счастлив я, когда могу покинуть...»

{381}

*Как счастлив я, когда могу по-
кинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод.*

*О, скоро ли она со дна речного
Подымет, как рыбка золотая?*

*Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи
лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена белых,
волны
Ласкаются, сливаясь и журча.
Ее глаза то меркнут, то блиста-
ют,
Как на небе мерцающие звезды;
Дыханья нет из уст ее, но сколь
Пронзительно сих влажных синих
уст*

Прохладное лобзанье без дыханья,
Томительно и сладко — в летний
зной

Холодный мед не столько сладок
жажде.

Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается, тогда
Мгновенный хлад, как ужас, про-
бегает

Мне голову, и сердце громко бьет-
ся,

Томительно любовью замирая.

И в этот миг я рад оставить
жизнь,

Хочу стонать и пить ее лобзанье

—

А речь ее... Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца пер-
вый лепет,

Журчанье вод, иль майский шум
небес,

Иль звонкие Бояна^{382} Славья^{383}
гусли.

**«Каков я прежде был, таков и ныне
Я...»**

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor. ^{384}

*Каков я прежде был, таков и ныне
я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете,
друзья,
Могу ль на красоту взирать без
умиления,
Без робкой нежности и тайного
волнения.
Уж мало ли любовь играла в жизни
мною?
Уж мало ль бился я, как ястреб
молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых
Кипридой,
А не исправленный стократною
обидой,
Я новым идолам несущи мои мольбы...*

И. И. Пущину

{385}

Мой первый друг, мой друг бесценный!

*И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.*

*Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!*

1826

Стансы

{386}

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни^{387}.*

*Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой^{388}.*

*Самодержавного рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.*

*То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.*

*Семейным сходством будь же
горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,*

И памятью, как он, незлобен.

1826

Ответ Ф. Т***

*Нет, не черкешенка она^{389};
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.*

*Нет, не агат в глазах у ней,
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.*

1⁸²⁶

Зимняя дорога

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне...

Скучно, грустно... Завтра, Нина^{390}

Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ящик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

1⁸²⁶

К**

Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга.
Есть бог другой земного круга —
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура^{391},
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

1⁸²⁶

Мордвинову

{392}

Под хладом старости угрюмо
угасал
Единый из седых орлов Екатерины
{393}
В крылах отяжелев, он небо забы-
вал
И Пинда острые вершины.

В то время ты вставал: твой луч
его согрел,
Он поднял к небесам и крылья и
зеницы
И с шумной радостью взыграл и
полетел
Во сретенье твоей денницы.

Мордвинов, не вотще Петров те-
бя любил,
Тобой гордится он и на берегах Ко-
цита^{394}:
Ты лиру оправдал, ты ввек не из-
менил
Надеждам вещего пиита.

Как славно ты сдержал пророче-
ство его!
Сияя доблестью, и славой, и нау-
кой,
В советах недвижим у места сво-
его,
Стоишь ты, новый Долгору-
кой.

Так, в пенистый поток с вершины
гор скатясь,
Стоит седой утес, вотще берега
трепещут,
Вотще грохочет гром и волны,
вкруг мутясь,
И увиваются и плещут.

Один, на рамена поднявши мощ-
ный труд,
Ты зорко бодрствуешь над цар-
скою казною,
Вдовицы бедный лепт и дань си-
бирских руд
Равно священны пред тобою.

Золото и булат

{395}

*«Все мое», — сказала злато;
«Все мое», — сказал булат.
«Все куплю», — сказала злато;
«Все возьму», — сказал булат.*

1826

«Во глубине сибирских руд...»

{396}

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.*

*Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:*

*Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.*

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.*

1827

Соловей и роза

*В безмолвии садов, весной, во мгле
ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не
внемлет,
И под влюбленный гимн колеб-
лется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной
красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стре-
мишься ты?
Она не слушает, не чувствует по-
эта;
Глядишь — она цветет; взыва-
ешь — нет ответа.*

«Есть роза дивная: она...»

*Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет, румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза —
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза...*

1⁸²⁷

Ек. Н. Ушаковой

{397}

*Когда, бывало, в старину
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Простое это изреченье:
«Аминь, аминь, рассыпья!» В
наши дни
Гораздо менее бесов и привидений;
Бог ведает, куда девались они.
Но ты, мой злой иль добрый
гений,
Когда я вижу пред собой*

Твой профиль, и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые —
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою,
И сердцу, полному мечтою,
«Аминь, аминь, рассыпья!» —
говорю.

1827

Княгине З. А. Волконской

{398}

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты^{399},
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дану,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани^{400}

Цыганке внемлет кочевой.

1827

**«В степи мирской, печальной и
безбрежной...»**

{401}

*В степи мирской, печальной и без-
брежной,
Таинственно пробилась три клю-
ча:*

*Ключ юности, ключ быстрый и
мятежный,*

*Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдох-
новенья*

*В степи мирской изгнанников по-
ит.*

*Последний ключ — холодный
ключ забвенья,*

*Он слаще всех жар сердца уто-
лит.*

1827

Арион

{402}

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик
умный
В молчанье правил грузный челн;
А я — беспечной веры ноли, —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозною,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

1827

Ангел

*В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.*

*Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.*

*«Прости, — он рек, — тебя я ви-
дел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».*

1⁸²⁷

*Сельцо Михайловское.
Литография П. А. Александрова по ри-
сунку И. С. Иванова. 1837 г.
Государственный музей А. С. Пушкина.
Москва.*

«Какая ночь! Мороз трескучий...»

{403}

*Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.
В домах все темно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум, и крик торговый;
Лишь только лает страж дворо-
вый*

Да цепью звонкою гремит.

*И вся Москва покойно спит,
Забыв волнение боязни.
А площадь в сумраке ночном
Стоит, полна вчерашней казни.
Мучений свежий след кругом:
Где труп, разрубленный с разма-
ха,
Где столп, где вилы; там котлы,
Остывшей полные смолы;
Здесь опрокинутая плаха;
Торчат железные зубцы,
С костями груды пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...*

*Недавно кровь со всех сторон
Струею тощей снег багрила,
И подымался томный стон,
Но смерть коснулась к ним как
сон,
Свою добычу захватила.
Кто там? Чей конь во весь опор
По грозной площади несется?
Чей свист, чей громкий разговор
Во мраке ночи раздается?
Кто сей? — Кромешник удалой^[404].*

Спешит, летит он на свиданье,
В его груди кипит желанье.
Он говорит: «Мой конь лихой,
Мой верный конь! лети стрелой!
Скорей, скорей!..» Но конь рети-
вый
Вдруг размахнул плетеной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой
Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчатся был готов,
Но борзый конь под плетью бьет-
ся,
Храпит, и фыркает, и рвется
Назад. «Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!
Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь уда-
лый,
Несись, лети!..» И конь усталый
В столбы проскакал.

Кипренскому

{405}

*Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник ми-
лый,
Меня, питомца чистых муз, —
И я смеюсь над могилой,
Ушед навек от смертных уз.*

*Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных аонид^{406}.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.*

1827

Поэт

{407}

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.*

*Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...*

«Близ мест, где царствует Венеция златая...»

{408}

*Близ мест, где царствует Венеция
златая,
Один, ночной гребец, гондолой
управляя,
При свете Веспера^{409} по взморю
плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию^{410}
поет.
Он любит песнь свою, поет он для
забавы,
Без дальных умыслов; не ведает
ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой
музы полн,
Умеет услаждать свой путь над
бездной волн.
На море жизненном, где бури так
жестоко
Преследуют во мгле мой парус
одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать
люблю.*

«Всем красны боярские конюшни...»

{411}

Всем красны боярские конюшни:
 Чистотой, прислугой и конями;
 Всем довольны добрые кони:
 Кормом, стойлами и надзором.
 Сбруя блещет на стойках дубо-
 вых,
 В стойлах лоснятся борзые кони.
 Лишь одним конюшни непригожи

Домовой повадился в конюшни.
 По ночам ходит он в конюшни,
 Чистит, холит коней боярских,
 Заплетаёт гриву им в косички,
 Туго хвост завязывает в узел.
 Как невзлюбит он вороного.
 На вечерней заре с водопою
 Обойду я боярские конюшни
 И зайду в стойло к вороному —
 Конь стоит исправен и смирен.
 А поутру отопрешь конюшню,
 Конь не тих, весь в мыле, жаром
 пышет,
 С морды каплет кровавая пена.

*Во всю ночь домовою на нем ездил
По горам, по лесам, по болотам,
С полуночи до белого света —
До заката месяца...*

*Ах ты, старый конюх, неразум-
ный,
Разгадаешь ли, старый, загадку?
Полюбил красну девку молодой ко-
нюх,
Молодой конюх, разгульный парень*

*—
Он конюшню ночью отпирает,
Потихонько вороного седлает,
Полегонько выводит за ворота,
На коня на борзого садится,
К красной девке в гости скачет.*

Послание Дельвигу

{412}

*Прими сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.*

*Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался;
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон
Конечно был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый,
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.*

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он,
И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен, впрочем, был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик, и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам — студент присяж-
ный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пи-
во,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать об Лотхен, или с горя
Стихи писать да бить жидов.
Студент под лестницей тракти-

ра
В каморке темной жил один;
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира
Висели на стене рядком.
Полуизмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона
Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу, —
Предмет занятий разнородных
Ученого да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердце высоких отпечаток.
Студент, однако ж, наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет,
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет;
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером^[413] градским

И, тотчас взяв в соображенье
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говорит: «Нельзя ль, приятель,
Тебе досужною порой
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?
Клянусь тебе айдесским богом⁽⁴¹⁴⁾:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей».
Смутился кистер изумленный.
«Что за желанье? что за
страсть?
Идти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сонм по-
чтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?»
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нем.
Ну, так и быть! Дает он слово,

Что к ночи будет все готово,
И другу назначает час.
Они расстались.

День угас;

Настала ночь. Плащом покры-
тый,
Стоит герой наш знаменитый
У галереи гробовой,
И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь —
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны...

Я бы никак не осмелился оставить рифмы
в эту поэтическую минуту, если бы твой пра-
дед, коего гроб попался под руку студента,

вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастью, похищение совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погреба в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою будущего⁽⁴¹⁵⁾, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

*Прими ж сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,*

В благопристойную оправу,
Изделе гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара^{416} подражай
И скандинавов рай воинский
В пирах домашних воскрешай^{417},
Или как Гамлет-Баратынский^{418}
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный, иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.

«Блажен в златом кругу вельмож...»

{419}

*Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит,
Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы.
Меж тем, за тяжкими дверями,
Теснясь у черного крыльца,
Народ, гоняемый слугами,
Поодаль слушает певца.*

1827

19 октября 1827

{420}

*Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской служ-
бы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!*

*Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом^{421}, в пустынном
море^{422}
И в мрачных пропастях земли^{423}!*

1827

Талисман

{424}

*Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.*

*И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.*

*И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,*

*В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...*

*Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»*

1827

Эпиграмма (Из антологии)

{425}

*Лук звенит, стрела трепещет,
И, клубясь, издох Пифон^{426};
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.*

1827

Друзьям

{427}

*Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.*

*Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.*

*О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух держав-
ный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.*

*Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.*

*Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье,*

Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:

*Он горе на царя назовет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.*

*Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!*

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.*

«Кто знает край, где небо блещет...»

Kennst du das Land...

Wilh. Meist.[12]

По клюкву, по клюкву,

По ягоду, по клюкву...

Кто знает край, где небо блещет

Неизъяснимой синевой,

Где море теплою волной

Вокруг развалин тихо плещет;

Где вечный лавр и кипарис

На воле гордо разрослись;

Где пел Торквато величавый;

Где и теперь во мгле ночной

Адриатической волной

Повторены его октавы;

Где Рафаэль живописал;

Где в наши дни резец Кановы

Послушный мрамор оживлял,

И Байрон, мученик суровый,

Страдал, любил и проклинал?

- — — — — — — —
- — — — — — — —

*Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений,*

Людмила^{428} зрит твой древний
рай,
Твои пророческие сени.

На берегу роскошных вод
Порою карнавальных оргий
Кругом ее кипит народ;
Ее приветствуют восторги.
Людмила северной красой,
Всё вместе — томной и живой,
Сынов Авзонии^{429} пленяет
И поневоле увлекает
Их пестры волны за собой.

На рай полуденной природы,
На блеск небес, на ясны воды,
На чудеса немых искусств
В стесненье вдохновенных чувств
Людмила светлый взор возводит,
Дивясь и радуясь душой,
И ничего перед собой
Себя прекрасней не находит.
Стоит ли с важностью очей
Пред флорентинскою Кипридой^{430}

Их две... и мрамор перед ней
Страдает, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,

*В молчанье смотрит ли она
На образ нежный Форнарины^{431}
Или Мадоны молодой,
Она задумчивой красой
Очаровательней картины...*

*Скажите мне: какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, харитою венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?
Забудь еврейку молодую,
Младенца-бога колыбель,
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках.*

- - - - -

To Dawe, Esqr [13]

{432}

*Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.
Рисуй Олениной черты^{433}.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен ге-
ний.*

1828

Воспоминание

Когда для смертного умолкнет
шумный день

И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи
тьень^{434}

И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в
тишине

Часы томительного бде-
нья:
В бездействии ночном живей го-
рят во мне

Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавлен-
ном тоской,

Теснится тяжких дум из-
быток;
Воспоминание безмолвно предо
мною

Свой длинный развивает
свиток;
И с отвращением читая жизнь
мою,

Я трепещу и проклиная,

*И горько жалуясь, и горько слезы
лью,
Но строк печальных не смы-
ваю.*

1⁸²⁸

Ты и вы

*Пустое вы сердечным ты
Она^{435}, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!*

1⁸²⁸

«Дар напрасный, дар случайный...»

{436}

26 мая 1828

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

1828

«Еще дуют холодные ветры...»

*Еще дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы,
Только что на проталинах весен-
них
Показались ранние цветочки;
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетала первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.*

«Кобылица молодая...»

{437}

*Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.*

1828

Ее глаза

{438}

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза,
Она владеет ими смело,
Они горят огня живеи;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торже-
ство;
Поднимет — ангел Рафаэля^{439}
Так созерцает божество.

1828

«Не пой, красавица, при мне...»

{440}

*Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.*

*Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы.*

*Я призрак милый, роковой⁽⁴⁴¹⁾,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.*

*Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.*

1828

К Языкову

{442}

К тебе сбирался я давно
В немецкий град, тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою
Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю невских берегов.
И что ж? Гербовые заботы^{443}
Схватили за полы меня,
И на Неве, хоть нет охоты,
Прикованным остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Заимодавцев убегая,
Готов был всюду я лететь;
Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников,
Остепенившись, проклиная
Я тяжесть денег и годов.

Прости, невец! играй, пируй,

*С Кипридой, Фебом торжествуй,
Не знай сиятельного чванства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.*

1828

Портрет

{444}

*С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.*

1828

Наперсник

*Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!*

1⁸²⁸

**«Счастлив, кто избран
своенравно...»**

*Счастлив, кто избран собственравно
Твоей тоскливою мечтой,
При ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой;
Но жалок тот, кто молчаливо,
Сгорая пламенем любви,
Потупя голову, ревниво
Признанья слушает твои.*

1⁸²⁸

Предчувствие

{445}

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел^{446}, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей

Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

1828

Утопленник

{447}

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».
«Врите, врите, бесенята, —
Заворчал на них отец; —
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам ужо мертвец!»

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?» — «Вон, тятя, э-
вот!»

В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.

Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец?

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец, вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалася река,
Уж лучина догорела

*В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатях муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.*

«Кто там?» — «Эй, пропусти, хозяин!» —

*«Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Черт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.*

*Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Все в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.*

*И мужик окно захлопнул:
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!»*

—
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настаёт,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

«Рифма, звучная подруга...»

{448}

*Рифма, звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,
Ты умолкла, онемела;
Ах, ужель ты улетела,
Изменила навсегда!*

*В прежни дни твой милый лепет
Усмирал сердечный трепет,
Усыплял мою печаль,
Ты ласкалась, ты манила
И от мира уводила
В очарованную даль.*

*Ты, бывало, мне внимала,
За мечтой моей бежала,
Как послушная дитя;
То, свободна и ревнива,
Своенравна и ленива,
С нею спорила шутя.*

*Я с тобой не расставался,
Сколько раз повиновался
Резвым прихотям твоим;*

Как любовник добродушный,
Снисходительно послушный,
Был я мучим и любим.

О, когда бы ты явилась
В дни, как на небе толпилась
Олимпийская семья!
Ты бы с нею обитала,
И божественно б сияла
Родословная твоя.

Взяв божественную лиру,
Так поведали бы миру
Гезиод^{449} или Омир:
Феб однажды у Адмета
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас^{450}, угрюм и сир.

Он бродил во мраке леса,
И никто, страшась Зевеса,
Из богинь иль из богов
Навещать его не смели —
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов.

Помня первые свиданья,
Усладить его страданья
Мнемозина притекла.

*И подруга Аполлона
В тихой роще Геликона
Плод восторгов родила.*

1828

«Ворон к ворону летит...»

{451}

*Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?*

*Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.*

*Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.*

*Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого.*

1828

«Город пышный, город бедный...»

{452}

*Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Все же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.*

1828

19 октября 1828

{453}

*Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.*

1828

**«В прохладе сладостной
фонтанов...»**

*В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт, бывало, тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.*

*На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.*

*Любили Крым сыны Саади,
Порой восточный краснобай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.*

*Его рассказы расстилались,
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.*

*Но ни один волшебник милый,
Владелец умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,*

*Как прозорливый и крылатый
Поэт^{454} той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.*

Анчар [14]

{455}

*В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.*

*Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.*

*Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопись от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.*

*К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь чер-
ный
На древо смерти набезжит —
И мчится прочь, уже тлетвор-
ный.*

*И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,*

*С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.*

*Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.*

*Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;*

*Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.*

*А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.*

Ответ Катенину

{456}

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе во след опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербуя рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,
Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый — мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строях Парнаса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса^{457}
Один с похмелья пожинай.

Ответ А. И. Готовцовой

{458}

*И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет
хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им — но и робею;
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветреный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он: а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.*

1828

Цветок

*Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:*

*Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?*

*На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?*

*И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?*

Поэт и толпа

Procul este, profani [15].

{459}

*Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.*

*И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер, песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»*

Поэт

*Молчи, бессмысленный народ,
Поденищик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерз-
кий,*

Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что
же?

Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный послан-
ник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,

Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; —
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор, — полезный труд!

Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Щербинину

{460}

*Житье тому, мой милый друг,
Кто страстью глупою не болен,
Кому влюбиться недосуг,
Кто занят всем и всем доволен —
Его не ведает печаль;
Его забавы бесконечны,
Он создал мысленно сераль
И в нем блаженствует, беспеч-
ный!*

1828

Е. Н. Ушаковой

{461}

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида
{462},
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста
Как гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза
Пред вами шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком —
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле^{463}
Еще забор не заграждал.

«Подъезжая под Ижоры...»

{464}

Подъезжая под Ижоры^{465},
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красотой,
Хоть вампиром^{466} именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений строй-
ность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежнему следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду

И влюблюсь до ноября.

1829

Приметы

*Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.*

*Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.*

*Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.*

1⁸²⁹

Эпитафия младенцу

{467}

*В сиянье, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание
земное,
Благословляет мать и молит за
отца.*

1829

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

{468}

*На холмах Грузии лежит ночная
мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя
светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья мое-
го
Ничто не мучит, не трево-
жит,
И сердце вновь горит и любит —*

оттого,

Что не любить оно не может.

1829

Калмычке

{469}

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром^{470},
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: *Ma dov'è*[16]^{471},
Галоп не прыгаешь в собрание^{472} ...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали

Твой взор и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забывшись праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе
Или в кибитке кочевой?

1829

Из Гафиза
(Лагерь при Евфрате)

{473}

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою^{474} толпой!
Знаю, смерть тебя не встретит:
Азраил^{475}, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

1829

Олегов щит

{476}

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булат-
ный
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со сла-
вой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гу-
лом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

«Зорю бьют... из рук моих...»

{477}

*Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнюю порой.*

1829

«Был и я среди донцов...»

{478}

*Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память битвы и шатров
Я домой привез нагайку.*

*На походе, на войне
Сохранил я балалайку —
С нею рядом, на стене
Я повешу и нагайку.*

*Что таиться от друзей —
Я люблю свою хозяйку,
Часто думал я об ней
И берег свою нагайку.*

1829

А. Г. Муравьева.

Рис. П. Ф. Соколова. Акварель. Копия.

1826 г.

Государственный музей А. С. Пушкина.

Москва.

Дон

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую^{479} струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...»

{480}

(2)

ноября)

*Зима. Что делать нам в деревне?
Я встречаю*

*Слугу, несущего мне утром чашку
чаю,*

*Вопросами: тепло ль? утихла ли
метель?*

*Пороша есть иль нет? и можно
ли постель*

*Покинуть для седла, иль лучше до
обеда*

*Возиться с старыми журналами
соседа?*

*Пороша. Мы встаем, и тотчас на
коня,*

*И рысью по полю при первом све-
те дня;*

*Арапники в руках, собаки вслед за
нами;*

*Глядим на бледный снег прилеж-
ными глазами;*

Кружимся, рыскаем и позднее уж

порой,
Двух зайцев протравив, являемся
домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга
вост;
Свеча темно горит; стесняясь,
сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки
яд.
Читать хочу; глаза над буквами
скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сажу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все
права
Над рифмой, над моей прислужницей странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном за-

воде;
Хозяйка хмурится в подобие пого-
де,
Стальными спицами проворно
шевеля,
Иль про червонного гадает коро-
ля.
Тоска! Так день за днем идет в
уединенье!
Но если под вечер в печальное се-
ленье,
Когда за шашками сижу я в угол-
ке,
Приедет издали в кибитке иль
возке
Нежданная семья: старушка, две
девицы
(Две белокурые, две стройные
сестрицы), —
Как оживает глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, стано-
вится полна!
Сначала косвенно-внимательные
взоры,
Потом слов несколько, потом и
разговоры,
А там и дружный смех, и песни
вечерком,

И вальсы резвые, и шепот за сто-
лом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные
встречи;
И дева в сумерки выходит на
крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в
лицо!
Но бури севера не вредны русской
розе.
Как жарко поцелуй пылает на мо-
розе!
Как дева русская свежа в пыли
снегов!

Зимнее утро

*Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелест-
ный —*

*Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!*

*Вечор, ты помнишь, вьюга зли-
лась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:*

*Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.*

*Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском*

*Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?*

*Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.*

1⁸²⁹

**«Я вас любил: любовь еще, быть
может...»**

*Я вас любил: любовь еще, быть
может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не трево-
жит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадеж-
но,
То робостью, то ревностью то-
мим;
Я вас любил так искренно, так*

нежно,
Как дай вам бог любимой быть
другим.

1⁸²⁹

**«Поедем, я готов; куда бы вы,
друзья...»**

{481}

*Поедем, я готов; куда бы вы, дру-
зья,
Куда б ни вздумали, готов за вами
я
Повсюду следовать, надменной
убегая:
К подножию ль стены далекого
Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли на-
конец,
Где Тасса не поет уже ночной гре-
бец^{482},
Где древних городов под пеплом
дремлют мощи^{483},
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но,
друзья,
Скажите: в странствиях умрет*

ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную
деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я
принесу?

1829

«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»

*Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижусь меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.*

*Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.*

*Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.*

*Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!*

*Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.*

*День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.*

*И где мне смерть пошлет судьби-
на?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?*

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.*

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

Кавказ

*Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стрем-
нины;
Орел, с отдаленной поднявшись
вершины,
Парит неподвижно со мной на-
равне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движе-
нье.*

*Здесь тучи смиренно идут подо
мною;
Сквозь них, низвергаясь, шумят
водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник
сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут
олени.*

*А там уж и люди гнездятся в го-
рах,
И ползают овцы по злачным*

стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым
долинам,
Где мчится Арагва в тенистых
берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

Обвал

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
 И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
 Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
 Загородил,
И Терека могущий вал
 Остановил.

Вдруг, истощась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
 Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
 Свои берега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал.
 И пылью вод

*И шумной пеной орошал
Ледяный свод.*

*И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец.*

1⁸²⁹

Монастырь на Казбеке

*Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками^{484},
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.*

*Далекий, возжеленный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..*

1⁸²⁹

Делибаш

{485}

*Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.*

*Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.*

*Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблю кривою
С плеч удалую башку.*

*Мчатся, сшиблись в общем кри-
ке...
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.*

«Когда твои молодые лета...»

*Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права;*

*Один среди толпы холодной
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.*

*Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.*

*Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья:
К забвенью сердце приготовь;*

*Не пей мутительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.*

К бюсту завоевателя

{486}

*Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.*

1829

Эпиграмма

*Журналами обиженный жестоко,
Зоил Пахом^{487} печалился глубоко;
На цензора вот подал он донос;
Но цензор прав, нам смех, зоилу
нос.*

*Иная брань, конечно, неприлич-
ность,
Нельзя писать: Такой-то де ста-
рик,
Козел в очках, плюгавый клевет-
ник,
И зол и подл: все это будет лич-
ность.*

*Но можете печатать, например,
Что господин парнасский старо-
вер
(В своих статьях) бессмыслицы
оратор,
Отменно вял, отменно скучно-
ват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литера-
тор.*

«Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...»

{488}

*Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций,
Проигрывал ты кучки ассигнаций,
И серебро, наследие отцов,
И лошадей, и даже кучеров —
И с радостью на карту б, на зло-
дейку,
Поставил бы тетрадь своих сти-
хов,
Когда б твой стих ходил хотя в
копейку.*

1829

«Как сатирой безымянной...»

{489}

*Как сатирой безымянной
Лик зоила я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно ль так?
В полученье оплеухи
Расписался мой дурак?*

1829

Сапожник (Притча)

{490}

*Картину раз высматривал са-
пожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился
художник.
Вот, подбочась, сапожник продол-
жал:
«Мне кажется, лицо немного кри-
во...»*

*А эта грудь не слишком ли на-
га?»...*

*Тут Апеллес прервал нетерпели-
во:*

«Суди, дружок, не выше сапога!»

*Есть у меня приятель на при-
мете:*

*Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на
словах,*

*Но черт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!*

1829

Эпиграмма

Мальчишка Фебу гимн поднес.

«Охота есть, да мало мозгу.

А сколько лет ему, вопрос?» —

*«Пятнадцать». — «Только-то? Эй,
розгу!»*

За сим принес семинарист^{491}

Тетрадь лакейских диссертаций,

И Фебу вслух прочел Гораций,

Кусая губы, первый лист.

Отяжелев, как от дурмана,

Сердито Феб его прервал

*И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.*

1⁸²⁹

Собрание насекомых

{492}

*Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.
Крылов*

*Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот Глинка — божия коровка,
Вот Каченовский — злой паук,
Вот и Свиньин — российский жук,
Вот Олин — черная мурашка,
Вот Раич — мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.*

1⁸²⁹

Циклоп

{493}

*Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.*

1830

«Что в имени тебе моем?..»

{494}

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный*

*Волны, плеснувшей в берег даль-
ный,
Как звук ночной в лесу глухом.*

*Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подоб-
ный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.*

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

1830

Ответ

{495}

Я вас узнал, о мои оракул,
Не по узорной пестроте
Сих неподписанных каракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрёкам... столь неправым,
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхище-
нием
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,

Здесь речи — лед, сердца — гра-
нит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

1830

**«В часы забав иль праздной
скуки...»**

{496}

*В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.*

*Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.*

*Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,*

*И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

*Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.*

1830

Сонет

*Scorn not the sonnet, critic.
Wordsworth [17]^{497}*

*Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камозэнс облекал.*

*И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.*

Под сенью гор Тавриды отдален-

ной
Певец Литвы в размер его стес-
ненный
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельви́г забывал
Гекзаметра священные напевы.

1⁸³⁰

К вельможе

{498}

(Москва)

От северных оков освобождая
мир,
Лишь только на поля, струясь,
дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет
липа,
К тебе, приветливый потомок
Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дво-
рец,
Где циркуль зодчего, палитра и ре-
зец
Ученой прихоти твоей повинова-

лись
И вдохновенные в волшебстве со-
стязались.

Ты понял жизни цель: счастли-
вый человек,
Для жизни ты живешь. Свой дол-
гий ясный век
Еще ты смолоду умно разнообра-
зил,
Искал возможного, умеренно про-
казил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной
жены,
Явился ты в Ферней^{499} — и циник
поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый
и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветство-
вал тебя.
С тобой веселости он расточал
избыток,
Ты лесть его вкусил, земных богов
напиток.
С Фернеем распротясь, увидел
ты Версаль.

Пророческих очей не простирая
вдаль,
Там ликовало все. Армида^{500} мо-
лодая,
К веселью, роскоши знак первый
подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветренным двором
окружена.
Ты помнишь Трианон^{501} и шумные
забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их
отравы;
Ученье делалось на время твой
кумир:
Уединялся ты. За твой суровый
пир
То чтитель промысла, то скеп-
тик, то безбожник,
Садился Дидерот^{502} на шаткий
свой треножник^{503},
Бросал парик, глаза в восторге за-
крывал
И проповедовал. И скромно ты
внимал
За чашей медленной афею^{504} иль
действию^{505},
Как любопытный скиф афинско-

му софисту^{506}.

Но Лондон звал твое внимание.
Твой взор
Прилежно разобрал сей двой-
ственный собор^{507}:
Здесь натиск пламенный, а там
отпор суровый,
Пружинны смелые гражданствен-
ности новой.

Скучая, может быть, над Тем-
зою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужли-
вый, живой,
Подобный своему чудесному ге-
рою,
Веселый Бомарше блеснул перед
тобою.
Он угадал тебя: в пленительных
словах
Он стал рассказывать о ножках,
о глазах,
О неге той страны, где небо вечно
ясно,
Где жизнь ленивая проходит сла-
дострастно,
Как пылкий отрока восторгов

полный сон,
Где жены вечером выходят на
балкон,
Глядят и, не страшась ревнивого
испанца,
С улыбкой слушают и манят ино-
странца.
И ты, встревоженный, в Севиллу
полетел.
Благословенный край, пленитель-
ный предел!
Там лавры зыблются, там апель-
сины зреют...
О, расскажи ж ты мне, как жены
там умеют
С любовью набожность умильно
сочетать,
Из-под мантильи знак условный
подавать;
Скажи, как падает письмо из-за
решетки,
Как златом усыплен надзор угрю-
мой тетки;
Скажи, как в двадцать лет лю-
бовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный
плащом.

Все изменилось. Ты видел вихорь
бури^{508},
Падение всего, союз ума и фурий^{509},
Свободой грозною воздвигнутый
закон,
Под гильотиною Версаль и Триан-
нон
И мрачным ужасом смененные
забавы.
Преобразился мир при громах но-
вой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель
твой Вольтер,
Превратности судеб разитель-
ный пример,
Не успокоившись и в гробовом жи-
лице,
Доныне странствует с кладбища
на кладбище^{510}.
Барон д'Ольбах^{511}, Морле^{512}, Га-
льяни^{513}, Дидерот,
Энциклопедии скептический при-
чет,
И колкий Бомарше, и твой безно-
сый Кастри^{514},
Все, все уже прошли. Их мненья,
толки, страсти

Забыты для других. Смотри: во-
круг тебя
Все новое кипит, бывшее истребя.
Свидетелями быв вчерашнего па-
дения,
Едва опомнились молодые поколе-
нья.
Жестоких опытов собирая поздний
плод,
Они торопятся с расходом свесть
приход.
Им некогда шутить, обедать у
Темиры
Иль спорить о стихах. Звук новой,
чудной лиры,
Звук лиры Байрона развлечь едва
их мог.

Один все тот же ты. Ступив за
твой порог,
Я вдруг переносусь во дни Екате-
рины.
Книгохранилище, кумиры, и кар-
тины,
И стройные сады свидетельству-
ют мне,
Что благосклонствуешь ты му-
зам в тишине,

Что ими в праздности ты ды-
шишь благородной.

Я слушаю тебя: твой разговор
свободный

Исполнен юности. Влиянье красо-
ты

Ты живо чувствуешь. С востор-
гом ценишь ты

И блеск Алябьевой^{515} и прелесть
Гончаровой^{516}.

Беспечно окружась Корреджием
^{517}, Кановой^{518},

Ты, не участвуя в волнениях мир-
ских,

Порой насмешливо в окно гля-
дишь на них

И видишь оборот во всем кругооб-
разный.

Так, вихорь дел забыв для муз и
неги праздной,

В тени порфирных бань и мраморных палат,

Вельможии римские встречали
свой закат.

И к ним издалека то воин, то ора-
тор,

То консул молодой, то сумрачный

диктатор^{519}
Являлись день-другой роскошно
отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пу-
ститься в путь.

1830

Новоселье

{520}

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

Ты счастлив: ты свой домик ма-
лый,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня.

1830

«Когда в объятия мои...»

{521}

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Клянусь коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Клянусь речей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковерных дев,
И слезы их, и поздний ропот.

Поэту

*Поэт! не дорожи любовью народ-
ной.*

*Восторженных похвал пройдет
минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех тол-
пы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и
угрюм.*

*Ты царь: живи один. Дорогою сво-
бодной
Иди, куда влечет тебя свободный
ум,
Усовершенствуя плоды любимых
дум,
Не требуя наград за подвиг благо-
родный.*

*Они в самом тебе. Ты сам свой
высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты
свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный
художник?*

Доволен? Так пускай толпа его
бранит
И плюет на алтарь, где твой
огонь горит,
И в детской резвости колеблет
твой треножник.

1⁸³⁰

Мадона

{522}

Не множеством картин старин-
ных мастеров
Украсить я всегда желал свою
обитель,
Чтоб суеверно им дивился посе-
титель,
Внимая важному суждению зна-
токов.

В простом углу моем, средь мед-
ленных трудов,
Одной картины я желал быть
вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста,
как с облаков,
Пречистая и наш божественный
спаситель —

Она с величием, он с разумом в
очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лу-
чах,
Одни, без ангелов, под пальмою
Сиона^{523}.

Исполнились мои желания. Тво-
рец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя
Мадона,
Чистейшей прелести чистейший
образец.

1830

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мо-
чи:

Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вот — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?»

—
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;

Кони чуткие храпят;
Вон уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

Элегия

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших
дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и
горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и
страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревожненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат
печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Ответ анониму

{524}

О, кто бы ни был ты, чье ласковое
пенье
Приветствует мое к блаженству
возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко ру-
ку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли
вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отда-
ленный,
Иль отрок, музами таинственно
храним,
Иль пола кроткого стыдливый хе-
рувим, —
Благодарю тебя душою умилен-
ной.
Вниманья слабого предмет уеди-
ненный,
К доброжелательству досель я не
привык —
И странен мне его приветливый
язык.
Смешон, участия кто требует у

света!
Холодная толпа взирает на по-
эта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяж-
кий стоп,
И выстраданный стих, пронзи-
тельно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою
силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль
порой
Неблагодарною кивает голо-
вой.
Постигнет ли певца незапное вол-
нение,
Утрата скорбная, изгнание, зато-
чение, —
«Тем лучше, — говорят любители
искусств, —
Тем лучше! наберет он новых дум
и чувств
И нам их передаст». Но счастье
поэта
Меж ими не найдет сердечного
привета,
Когда боязненно безмолвствует
оно...

1830

Труд

{525}

*Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?*

1830

Царскосельская статуя

{526}

*Урну с водой уронив, об утес ее де-
ва разбила.
Дева печально сидит, праздный
держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из
урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно пе-
чальна сидит.*

1830

«Глухой глухого звал к суду судьи глухого...»

{527}

*Глухой глухого звал к суду судьи
глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена
корова!» —
«Помилуй, — возопил глухой то-
му в ответ, —
Сей пустошь владел еще покой-
ный дед».
Судья решил: «Чтоб не было*

*разврата,
Жените молодца, хоть девка ви-
новата».*

1830

Дорожные жалобы

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?*

*Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,*

*На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.*

*Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.*

Иль в лесу под нож злодею

Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра^{528} поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой^{529} разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

Прощание

{530}

*В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.*

*Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас.
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.*

*Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.*

1830

Паж, или Пятнадцатый год

C'est l'âge de Chérubin..[18] ^{531}.

*Пятнадцать лет мне скоро ми-
нет;
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет!
Но и теперь никто не кинет
С презреньем взгляда на меня.*

*Уж я не мальчик — уж над губой
Могу свой ус я защипнуть;
Я важен, как старик беззубый;
Вы слышите мой голос грубый,
Попробуй кто меня толкнуть.*

*Я нравлюсь дамам, ибо скромн,
И между ими есть одна...
И гордый взор ее так томен,
И цвет ланит ее так тёмн,
Что жизни мне милей она.*

*Она строга, властолюбива,
Я сам дивлюсь ее уму —
И ужас как она ревнива;*

*Зато со всеми горделива
И мне доступна одному.*

*Вечор она мне величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядеть налево и направо,
То даст она мне яду; право —
Вот какова ее любовь!*

*Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев молву.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?..
Нет! ни за что не назову!*

«Румяный критик мой, насмешник толстопузый...»

*Румяный критик мой, насмешник
толстопузый,
Готовый век трунить над нашей
томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты
со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою
хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек
ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат
отлогий,
Над ними серых туч густая поло-
са.
Где нивы светлые? где темные ле-
са?
Где речка? На дворе у низкого за-
бора
Два бедных деревца стоят в отра-
ду взора,
Два только деревца. И то из них
одно
Дождливой осенью совсем обна-
жено,*

И листья на другом, размокнув и
желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь толь-
ко ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки
нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две
бабы вслед.
Без шапки он; несет под мышкой
гроб ребенка
И кличет издали ленивого попен-
ка,
Чтоб тот отца позвал да цер-
ковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы
схоронил.
Что ж ты нахмурился? — Нель-
зя ли блажь оставить!
И песенкою нас веселой позаба-
вить? —

Куда же ты? — В Москву, чтоб
графских именин
Мне здесь не прогулять.
— Постой, а
карантин!
Ведь в нашей стороне индейская

зараза^{532}.

Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа,

Бывало, сиживал покорный твой слуга;

Что, брат? уж не трунишь, тоска берет — ага!

1⁸³⁰

«Я здесь, Инезилья...»

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.

Объята Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...

*Что медлишь?..
Уж нет ли Соперника здесь?..*

*Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.*

1⁸³⁰

Рифма

{533}

*Эхо, бессонная нимфа, скиталась
по берегу Пеня.*

*Феб, увидев ее, страстию к ней
воспылал.*

*Нимфа плод понесла восторгов
влюбленного бога;*

*Меж говорливых наяд, мучась,
она родила
Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.*

*Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
Матери чуткой подобна, послушна
памяти строгой,*

*Музам мила; на земле Рифмой
зовется она.*

Отрок

*Невод рыбак расстилал по берегу
студеного моря;*

*Мальчик отцу помогал. Отрок
{534}, оставь рыбака!*

*Мрежи иные тебя ожидают, иные
заботы:*

*Будешь умы уловлять, будешь
помощник царям.*

1⁸³⁰

Заклинание

{535}

*О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы, —
Я тень зову, я жду Леилы^{536}:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!*

Явись, возлюбленная тень,

Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно: сюда, сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

**Стихи,
сочиненные ночью
во время бессонницы**

{537}

*Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки^{538} бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...*

1830

Герой

Что есть истина?^{539}

Друг

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

Поэт

Все он, все он — пришлец сей
бренный^{540},
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчан-
ный,
Исчезнувший, как тень зари,

Друг

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда
ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля, — и молчит?

Поэт

Нет, не у счастья на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря^{541} на троне,
Не там, где на скалу^{542} свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!

Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнь свою
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Друг

Мечты поэта —
Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас[19]^{543}, —
И где ж очарованье света!

Поэт

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже

*Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...*

Друг

Утешься.....

29 сентября 1830
Москва

«В начале жизни школу помню я...»

{544}

*В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было
много;
Неровная и резвая семья.*

*Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила стро-
го.*

*Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бы-
вало,
С младенцами беседует она.*

*Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.*

*Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.*

*Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых раз-
говоров,*

*И часто я украдкой убежал
В великолепный мрак чужого са-
да,
Под свод искусственный порфир-
ных скал.*

*Там нежила меня теней прохла-
да;
Я предавал мечтам свой юный
ум,
И праздномыслить было мне от-
рада.*

*Любил я светлых вод и листьев
шум,*

*И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных
дум.*

*Всё — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных ру-
ках,
На главах лавры, на плечах порфи-
ры —*

*Все наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохнове-
нья,
При виде их, рождались на глазах.*

*Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья^[545]*

*Один (Дельфийский идол) лик
младой —
Был гневен, полон гордости ужас-
ной,
И весь дышал он силой неземной.*

*Другой женообразный, сладо-
страстный,*

Сомнительный и лживый идеал

—
*Волшебный демон — лживый, но
прекрасный.*

*Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось —
холод
Бежал по мне и кудри подымал.*

*Безвестных наслаждений ранний
голод
Меня терзал — уныние и лень
Меня сковали — тщетно был я
молод.*

*Средь отроков я молча целый
день
Бродил угрюмый — всё кумиры са-
да
На душу мне свою бросали тень.*

На перевод Илиады

Слышу умолкнувший звук божественной
Эллинской речи;

Старца великого тень чую смущенной ду-
шой.

1830

«Для берегов отчизны дальной...»

{546}

*Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печаль-
ный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладяющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.*

*Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,*

*В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».*

*Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...*

1830

Отрывок

*Не розу пафосскую^{547},
Росой оживленную,
Я ныне пою,
Не розу феосскую^{548},
Вином окропленную,
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персях увядающую
Элизы моей...*

1⁸³⁰

Из Barry Cornwall

Here's a health to thee, Mary[20].^{549}

*Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.*

*Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.*

*Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливых дней
Пусть не ведает Мери.*

«Пред испанкой благородной...»

*Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят.
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.*

*Блещут оба красотю,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.*

*Жизни им она дороже
И, как слава, им мила;
Но один ей мил — кого же
Дева сердцем избрала?
«Кто, реши, любим тобою?» —
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.*

Моя родословная

{550}

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом^{551}.
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, не асессор,
Я по кресту не дворянин^{552},
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Понятна мне времен преврат-
ность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рождением знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью, не один),
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами^{553},
Не ваксил царских сапогов^{554},
Не пел с придворными дьячками^{555},
В князя не прыгал из хохлов^{556},

И не был беглым он солдатом^{557}
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин^{558}.

Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын^{559}.
Бывало, нами дорожили;
Бывало... но — я мещанин.

Упрямства дух нам всем подга-
дил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур^{560} не пола-
дил

И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж^{561} поднял-
ся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью^{562}
Я кипу грамот схоронил
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин^{563},
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Post scriptum

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал

Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер слав-
ный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег держав-
ный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала^{564},
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей почтен-
ной?
Он?., он в Мещанской дворянин^{565}.

Цыганы

*Над лесистыми берегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены.*

*Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.*

*Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт^{566}.*

*Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.*

«Перед гробницею святой...»

{567}

*Перед гробницею святой
Стою с поникшею главою...
Все спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.*

*Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны дер-
жавной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной^{568} из стаи славной
Екатерининских орлов.*

*В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Возвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и
спас...*

Внемли ж и днесь наш верный

глас,
Встань и спасай царя и нас,
О старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм — в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон...

Клеветникам России

{569}

*О чем шумите вы, народные ви-
тии?
Зачем анафемой грозите вы Рос-
сии?
Что возмутило вас? волнения
Литвы^{570}?
Оставьте: это спор славян меж-
ду собою,
Домашний, старый спор, уж взве-
шенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите
вы.*

*Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном
споре:
Кичливый лях, иль верный
росс?
Славянские ль ручьи сольются в
русском море?
Оно ль иссякнет? вот во-*

прос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и
Прага^{571};
Бессмысленно прельщает
вас
— Борьбы отчаянной отвага
— И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте:
за то ли,
Что на развалинах пылающей
Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы^{572}
?
За то ль, что в бездну пова-
лили
Мы тяготеющий над царствами
кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и
мир?..

Вы грозны на словах — попробуй-
те на деле!

Иль старый богатырь, покойный
на постеле,

Не в силах завинтить свой изма-
ильский штык^{573}?

Иль русского царя уже бессильно
слово?

Иль нам с Европой спорить
ново?

Иль русский от побед от-
вык?

Иль мало нас? Или от Перми до
Тавриды,

От финских хладных скал до пла-
менной Колхиды,

От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною свер-

кая,

Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, ви-

тиш,

Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях Рос-

си,

Среди нечуждых им гробов.

Бородинская годовщина

{574}

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой^{575}
'И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжело будет им похмелье;
Но долгод будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злаком северных полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зо-

вет!

Но знайте, прошеные гости!

Уж Польша вас не поведет:

Через ее шагнете кости!..»

Сбылось — и в день Бородина

Вновь наши вторглись знамена

В проломы падшей вновь Варшавы;

И Польша, как бегущий полк,

Во прах бросает стяг кровавый —

И бунт раздавленный умолк.

В боренье падший невредим;

Врагов мы в прахе не топтали;

Мы не напомним ныне им

Того, что старые скрижали

Хранят в преданиях немых;

Мы не сожжем Варшавы их;

Они народной Немезиды

Не узрят гневного лица

И не услышат песнь обиды

От лиры русского певца.

Но вы, мутители палат^[576],

Легкоязычные витии,

Вы, черни бедственный набат,

Клеветники, враги России!

Что взяли вы?.. Еще ли росс

Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отдвинем строй твердынь
{577}?

За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: все стоит она!
А вокруг ее волненья пали —
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид^{578},
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего^{579}.

Эхо

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
 На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
 Родишь ты вдруг.

Ты внимлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
 И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
 И ты, поэт!

«Чем чаще празднует лицей...»

{580}

*Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш
И наши песни тем грустнее.*

*Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.*

*Шесть мест упраздненных сто-
ят,
Шести друзей не узрим боле^{581},
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном
поле,*

Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельви́г милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшить-
ся.

«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»

*Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем.
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!*

*О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь*

ничему
И оживляешься потом все боле,
боле —
И делишь наконец мой пламень
поневоле!

1⁸³¹

**«И дале мы пошли — и страх обнял
меня...»**

{582}

|

*И дале мы пошли — и страх об-
нял меня.
Бесенок, под себя поджав свое ко-
пыто,
Крутил ростовщика у адского ог-
ня.*

*Горячий капал жир в копченное ко-
рыто,
И лопал на огне печеный ростов-
щик.
А я: «Поведай мне: в сей казни что
сокрыто?»*

Виргилий мне: «Мой сын, сей каз-

ни смысл велик:
Одно стяжание имел всегда в
предмете,
Жир должников своих сосал сей
злой старик

И их безжалостно крутил на ва-
шем свете».
Тут грешник жареный протяжно
возопил:
«О, если б я теперь тонул в холод-
ной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу
остудил!
Сто на сто я терплю: процент
неимоверный!»
Тут звучно лопнул он — я взоры
потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах
скверный,
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил
жаровней серной.

Я, нос себе зажав, отворотил ли-
цо.

Но мудрый вождь тащил меня
все дале, дале —
И, камень приподняв за медное
кольцо,

Сошли мы вниз — и я узрел себя в
подвале.

II

Тогда я демонов увидел черный
рой,
Подобный издали ватаге муравьи-
ной —
И бесы тешились проклятою иг-
рой:

До свода адского касалась верши-
ной
Гора стеклянная, как Арарат
остра —
И разлегалась над темною равни-
ной.

И бесы, раскалив как жар чугуна
ядра,
Пустили вниз его смердящими
когтями;
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими
звездами.
Тогда других чертей нетерпели-
вый рой
За жертвой кинулся с ужасными
словами.

Схватили под руки жену с ее сест-
рой.
И заголили их, и вниз пихнули с
криком —
И обе, сидючи, пустились вниз
стрелой...

Порыв отчаянья я внял в их вопле
диком;
Стекло их резало, впивалось в те-
ло им —
А бесы прыгали в веселии великом.

Я издали глядел — смущением
томим.

**Мальчику
(Из Катулла)**

Minister vetuli, puer[21].

{583}

*Пьяной горечью Фалерна^{584}
Чашу мне наполни, мальчик!
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Вы же, воды, прочь теките
И струей, вину враждебной,
Строгих постников поите:
Чистый нам любезен Бахус.*

1832

В альбом А. О. Смирновой

{585}

*В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.*

1832

В альбом к ж. А. Д. Абамелек

{586}

*Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхище-
нием,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.*

1832

Гнедичу

{587}

С Гомером долго ты беседовал
один,

Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинствен-
ных вершин

И вынес нам свои скрижали^{588}

И что ж? ты нас обрел в пустыне
под шатром,

В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих
кругом

От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждался
лучей.

В порыве гнева и печали
Ты проклял ли, пророк, бессмыс-
ленных детей,

Разбил ли ты свои скрижали?
О, ты не проклял нас. Ты любишь
с высоты

Скрываться в тень долины
малой,
Ты любишь гром небес, но также

внемлешь ты
Жужжанью пчел над розой
алой.
Таков прямой поэт. Он сетует ду-
шой
На пышных играх Мельпоме-
ны,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,
То Рим его зовет, то гордый Или-
он^{589},
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем
летает он
Вослед Бовы иль Еруслана.

1832

Красавица

{590}

*Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.*

*Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но, встретясь с ней, смущенный,
ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.*

1832

Нет, нет, не должен я, не смею,
не могу
Волнениям любви безумно преда-
ваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забы-
ваться;
Нет, полно мне любить; но поче-
му ж порой
Не погружуся я в минутное меч-
танье,
Когда нечаянно пройдет передо
мною
Младое, чистое, небесное созда-
ние,
Пройдет и скроется?.. Ужель не
можно мне,
Любуясь девою в печальном сладо-
страстье,
Глазами следовать за ней и в ти-
шине
Благословлять ее на радость и на
счастье,
И сердцем ей желать все блага
жизни сей,

*Веселый мир души, беспечные до-
суги,
Всё — даже счастье того, кто из-
бран ей,
Кто милой деве даст название су-
пруги.*

1⁸³²

В альбом

*Гонимый рока самовластьем
От пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать с участием
То место, где цветете вы.
Столичный шум меня тревожит;
Всегда в нем грустно я живу —
И ваша память только может
Одна напомнить мне Москву.*

1⁸³²

(Из Ксенофана Колофонского)

{591}

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
Ладана сладостный дым; другой открывает амфору,
Запах веселый вина разливая далеко; сосуды
Светлой студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
Мед и сыр молодой — все готово; весь убран цветами
Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други,
Должно творить возлиянья, вещать благовещие речи,
Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы приступим:
Каждый в меру свою напивайся.
Беда не велика
В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава

*Гостю, который за чашей беседу-
ет мудро и тихо!*

1833

«Бог веселый винограда...»

{592}

*Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.
Первую во имя граций,
Обнаженных и стыдливых,
Посвящается вторая
Краснощекому здоровью,
Третья дружбе многолетней.
Мудрый после третьей чаши
Все венки с главы слагает
И творит уж возлиянья
Благодатному Морфею.*

1833

«Юноша, скромно пируй, и шумную Вакхову влагу...»

*Юноша, скромно пируй, и шумную
Вакхову влагу*

*С трезвой струею воды, с мудрой
беседой мешай.*

1⁸³³

Вино **(Ион Хиосский)**

{593}

*Злое дитя, старик молодой, вла-
стелин добронравный,*

*Гордость внушающий нам,
шумный заступник любви!*

1833

Гусар

{594}

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу шей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валяются сами в рот галушки,
Вином — хоть пару поддавай,
А молодицы-молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки чернобривой.
Одним, одним не хороши...»
— А чем же? расскажи, служи-

вый.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка!

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь — уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну, бывало: «Эй, кума!» —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись: о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно;
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал, видно.

Зачем бы ей, стал думать я,

*Вставать до петухов? кто про-
сит?*

*Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит?*

*Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря),*

*И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула*

*И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,*

*Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу — и улизнула.*

*Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..*

И с печки слез — и вижу: склянка.

*Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!*

*Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! я: брысь!.. И вот
И он туда же за лоханкой.*

*Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! все в печку поскака-
ло.*

*Кой черт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь —
Но кверху вдруг взвился я пухом.*

*Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кри-
чу:
Правей!.. и наземь упадаю.*

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! Но я, не струся:

Домой? да! черта с два! почему
Мне знать дорогу? — Ах, он
странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный.

— Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вот и конь, —
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

— Садись. — Вот сел я на коня,
Ищу уздечки, — нет уздечки.

Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: всё так же; сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вот что случается порою».

И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды».

1833

«В поле чистом серебрится...»

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки,
Звуки песни удалой.

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.

Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальный вой.

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?»

1⁸³³

«Сват Иван, как пить мы станем...»

Сват Иван, как пить мы станем,
Непременно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь — будь что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать так поминать,
Начинать так начинать,
Лить так лить, разлив разливом.
Начинай-ка, сват, пора.
Трех Матрен, Луку, Петра
В первый раз помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогами да вином,
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем —
Мастерица ведь была

И откуда что брала.
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Всё бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам не досужно)
Надо будет помянуть —
Помянуть и этих нужно... —
Слушай, сват, начну первой,
Сказка будет за тобой.

Будрыс и его сыновья

{595}

Три у Будрыса сына, как и он, три
литвина.

Он пришел толковать с мо-
лодцами.

«Дети! седла чините, лошадей
проводите

Да точите мечи с бердыша-
ми.

Справедлива весть эта: на три
стороны света

Три замышлены в Вильне по-
хода.

Паз^{596} идет на поляков, а Ольгерд
на прусаков,

А на русских Кестут^{597} воево-
да.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские бо-
ги!),

Нынче сам я не еду, вас я шлю на
победу;

Трое вас, вот и три вам доро-

ги.

Будет всем по награде: пусть
один в Новеграде

 Поживится от русских добы-
чей.

Жены их, как в окладах, в драго-
ценных нарядах;

 Домы полны; богат их обы-
чай.

А другой от прусаков, от прокля-
тых крыжачков^{598},

 Может много достать доро-
гого,
Денег с целого света, сукон яркого
цвета;

 Янтаря — что песку там
морского.

Третий с Пазом на ляха пусть
ударит без страха;

 В Польше мало богатства и
блеску,
Сабель взять там не худо; но уж
верно оттуда

 Привезет он мне на дом
невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.

Весела — что котенок у печки

—
И как роза румяна, а бела, что сметана;

Очи светятся будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже

И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю

Про нее, как гляжу в ту сторонку».

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.

Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.

Будрыс думал: уж, видно, убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,

И под буркою ноша большая.
«Чем тебя наделили? что там?
Ге! не рубли ли?»

«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег пушистый валится; всадник
с ношею мчится,

Черной буркой ее покрывая.
«Что под буркой такое? Не сукно
ли цветное?»

«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег на землю валится, третий с
ношею мчится,

Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопочет и спро-
сить уж не хочет,

А гостей на три свадьбы сзы-
вает.

Воевода

{599}

*Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.*

*И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
«Гей, ты, кликнул, чертов кус!*

*А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. Я ж ее!»*

*Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,*

На скамейке у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Все пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье...
Воевода все купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он,
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать».

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,

*Ружья наземь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.*

*Подступили осторожно.
«Пан мой, целить мне не можно,
—*

*Бедный хлопец прошептал: —
Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал».*

*«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди».*

*Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.*

«Когда б не смутное влечение...»

{600}

*Когда б не смутное влечение
Чего-то жаждающей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...*

1833

«Колокольчики звенят...»

{601}

*Колокольчики звенят,
Барабанчики гремят,
А люди-то люди —
Ой люшеньки-люли!
А люди-то, люди
На цыганочку глядят.*

*А цыганочка-то пляшет,
В барабанчики-то бьет,
Голубой ширинкой машет,*

Заливается-поет:
«Я плясунья, я певица,
Ворожить я мастерица».

1833

Осень (Отрывок)

{602}

*Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин*

I

*Октябрь уж наступил — уж роща
отряхает
Последние листья с нагих своих
ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога
промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой
поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной
забавы,*

*И будит лай собак уснувшие дуб-
равы.*

II

*Теперь моя пора: я не люблю вес-
ны;*

*Скучна мне оттепель; вонь,
грязь — весной я болен;*

*Кровь бродит; чувства, ум тос-
кою стеснены.*

*Суровую зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии
луны*

*Как легкий бег саней с подругой
быстр и волен,*

*Когда под сободем, согрета и све-
жа,*

*Она вам руку жмет, пылая и дро-
жа!*

III

*Как весело, обув железом острым
ноги,*

*Скользить по зеркалу стоячих,
ровных рек!*

*А зимних праздников блестящие
тревоги?..*

Но надо знать и честь; полгода

снег да снег,
Ведь это наконец и жителю бер-
логи,
Медведю, надоест. Нельзя же це-
лый век
Кататься нам в санях с Армида-
ми младыми
Иль киснуть у печей за стеклами
двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я те-
бя,
Когда б не зной, да пыль, да кома-
ры, да мухи.
Ты, все душевные способности гу-
бя,
Нас мучишь; как поля, мы страж-
дем от засухи;
Лишь как бы напоить да осве-
жить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зи-
мы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым
и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота,
без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;

Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыхание,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чув-

ствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой нахо-
дит голод;
Легко и радостно играет в сердце
кровь,
Желания кипят — я снова счаст-
лив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой
организм
(Извольте мне простить ненуж-
ный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии от-
крытом,
Махая гривую, он всадника несет,
И звонко под его блистающим ко-
пытом
Звенит промерзлый дол и треска-
ется лед.
Но гаснет краткий день, и в ка-
мельке забытом
Огонь опять горит — то яркий
свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред
ним читаю
Иль думы долгие в душе моей пи-
таю.

X

*И забываю мир — и в сладкой ти-
шине
Я сладко усыплен моим воображе-
нием,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим
волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как
во сне,
Излиться наконец свободным
проявлением —
И тут ко мне идет незримый рой
гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты
моей.*

XI

*И мысли в голове волнуются в
отваге,
И рифмы легкие навстречу им бе-
гут,
И пальцы просят к перу, перо к
бумаге,
Минута — и стихи свободно по-
текут.
Так дремлет недвижим корабль в
недвижной влаге,*

Но чу! — матросы вдруг кидаются,
ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись,
ветра полны;
Громада двинулась и рассекает
волны.

XII

Плывет. Куда ж нам
плыть?.....
.....
.....

1⁸³³

«Не дай мне бог сойти с ума...»

*Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:*

*Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,*

Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих,
Да брань смотрителей ночных,
Да визг, да звон оков.

«Я возмужал среди печальных бурь...»

*Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго
мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.*

*Надолго ли?.. а кажется, прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких ис-
кушений...*

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»

{603}

*Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.*

1834

«Он между нами жил...»

Он между нами жил
Средь племени ему чужого; злобы
В душе своей к нам не питал, и
мы
Его любили. Мирный, благосклон-
ный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечта-
ми
И песнями (он вдохновен был свы-
ше^{604}
И свысока взирал на жизнь).
Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благослове-
ньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал вра-
гом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,

*Знакомый голос!.. боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и ми-
ром,
И возврати ему...*

1⁸³⁴

Песни западных славян

{605}

Предисловие

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года, под названием *La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, a Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine*[22]. Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, ав-

тор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию.

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен: С. А. Соболевский, по моей просьбе, писал о том к Мериуме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо:

Paris y 18 janvier 1835.

Je croyais, Monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grâce 1827.

Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avons formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire; arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste puis de là à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur nonpareille» comme dit Rabelais nous arrêta au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire, on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passais l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je me levais à dix heures, quand j'avais fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou

trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Banialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé: De'costumi dei Morlachi dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins un mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de

Hassan Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est:

Scto se bieli u *gorje zelenoi*

Fortis a traduit:

Che mai biancheggia nel verde *Bosco*

Nodier a traduit bosco par *plaine verdoyante*; c'était mal tomber, car on me dit que *gorje* veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

<П е р е в о д:

Париж, 18 января 1835.

Я думал, милостивый государь, что у Гузлы было только семь читателей, в том числе вы, я и корректор: с большим удовольствием узнаю, что могу причислить к ним еще двух, что составляет в итоге приличное число девять и подтверждает поговорку — никто не пророк в своем отечестве. Буду отвечать на ваши вопросы чистосердечно. Гузлу я написал по двум мотивам, — во-первых, я хотел посмеяться над «местным колоритом», в который мы слепо ударились в лето от рождества

Христова 1827. Для объяснения второго мотива мне необходимо рассказать вам следующую историю. В том же 1827 году мы с одним из моих друзей задумали путешествие по Италии. Мы набрасывали карандашом по карте наш маршрут. Так мы прибыли в Венецию — разумеется, на карте, — где нам надоели встречавшиеся англичане и немцы, и я предложил отправиться в Триест, а оттуда в Рагузу. Предложение было принято, но кошельки наши были почти пусты, и эта «несравненная скорбь», как говорил Рабле, остановила нас на полдороге. Тогда я предложил сначала описать наше путешествие, продать книгопродавцу и вырученные деньги употребить на то, чтобы проверить, во многом ли мы ошиблись. На себя я взял собирание народных песен и перевод их: мне было выражено недоверие, но на другой же день я доставил моему товарищу по путешествию пять или шесть переводов. Осень я провел в деревне. Завтрак у нас был в полдень, я же вставал в десять часов; выкурив одну или две сигары и не зная, что делать до прихода дам в гостиную, я писал балладу. Из них составилась

томик, который я издал под большим секретом, и мистифицировал им двух или трех лиц. Вот мои источники, откуда я почерпнул этот столь превознесенный «местный колорит»: во-первых, небольшая брошюра одного французского консула в Банялуке. Ее заглавие я позабыл, но дать о ней понятие нетрудно. Автор старается доказать, что босняки — настоящие свиньи, и приводит этому довольно убедительные доводы. Местами он употребляет иллирийские слова, чтобы выставить напоказ свои знания (на самом деле, быть может, он знал не больше моего). Я старательно собрал все эти слова и поместил их в примечания. Затем я прочел главу: *De'costumi dei Morlachi*[23] из «Путешествия по Далмации» Фортиса. Там я нашел текст и перевод чисто иллирийской заплачки жены Ассана-Аги; но песня эта переведена стихами. Мне стоило большого труда получить построчный перевод, для чего приходилось сопоставлять повторяющиеся слова самого подлинника, с переложением аббата Фортиса. При некотором терпении я получил дословный перевод, но относительно некоторых мест все еще затруд-

нялся. Я обратился к одному из моих друзей, знающему по-русски, прочел ему подлинник, выговаривая его на итальянский манер, и он почти вполне понял его. Замечательно, что Нодье, откопавший Фортиса и балладу Ассана-Аги и переведший со стихотворного перевода аббата, еще более опозитизировав его в своей прозе, — прокричал на всех перекрестках, что я обокрал его. Вот первый стих в иллирийском тексте: «Scto se bieli u gorje zelenoi» [24]. Фортис перевел: «Che mai biancheggia nel verde Bosco»[25]. Нодье перевел *Bosco* — *зеленящая равнина*; он промахнулся, потому что, как мне объяснили, *gorje* означает: *гора*. Вот и вся история. Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что и он попался, и пр. >

А. А. Оленина.

*Рис. В. И. Гау. Акварель, белила, 1839 г.
Государственный музей А. С. Пушкина.
Москва.*

1. Видение короля^{606}

Король ходит большими шагами

*Взад и вперед по палатам;
Люди спят — королю лишь не
спится:*

Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозит
И в Стамбул отослать ее хочет.

Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воеет ночная птица,
Она чует беду неминучу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.

Не сова воеет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет,
В церкви божией гремят бараба-
ны,
Вся свечами озарена церковь.

Но никто барабанов не слы-
шит,
Никто света в церкви божией не
видит,
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в божью церковь.

Стал на паперти, дверь отво-
ряет...
Ужасом в нем замерло сердце,

Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь Божию входит.

Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями.
Как потоки осени дождливой,
Он идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколку^{607} ему достига-
ет...

Горе! в церкви турки, и татары,
И предатели, враги богумилы^{608}.
На амвоне сам султан безбожный,
Держит он наголо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.

Короля незапный обнял холод.
Тут же видит он отца и брата.
Пред султаном старик бедный
справа,
Униженно стоя на коленях,
Подает ему свою корону;

Слева, также стоя на коленях,
Его сын, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый
(С тою самою веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует,
Как холоп, наказанный фалангой
{609}.

И султан безбожный, усмеха-
ясь,
Взял корону, растоптал ногами
И промолвил потом Радивою:
«Будь над Боснией моей ты вла-
стелином,
Для гяур-христиан беглербеем»^{610}

И отступник бил челом султану,
Трижды пол окровавленный це-
луя.

И султан прислужников клик-
нул
И сказал: «Дать кафтан Радивою!
{611}

Не бархатный кафтан, не парчо-
вый,
А содрать на кафтан Радивою

Кожу с брата его родного».
Бусурмане на короля наскочили,
Донага всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили мясо и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожею Радивоя.

Громко мученик господу
взмолился:
«Прав ты, боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!»

При сем имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло,
—
Все исчезло — будто не бывало.

И король ошупью в потемках
Кое-как до двери добрался
И с молитвою на улицу вышел.

Было тихо. С высокого
неба Город белый луна озаряла.

Вдруг взвилась из-за города бомба
{612}

И пошли бусурмане на приступ.

2. Янко Марнавич

Что в разъездах бей Янко Марнавич?

Что ему дома не сидится?

Отчего двух ночей он сряду

Под одною кровлей не ночует?

Али недруги его могучи?

Аль боится он кровомщенья?

*Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья.
Но он бродит, как гайдук бездомный,*

С той поры, как Кирила умер.

В церкви Спаса они братовались
{613}

И были по богу братья;

Но Кирила несчастливый умер

От руки им избранного брата.

*Веселое было пированье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,*

Два могучие беи побрались.

Янко выстрелил из своего пи-
столя,
Но рука его пьяная дрожала.
В супротивника своего не попал
он,
А попал он в своего друга.
С того времени он, тоскуя, бро-
дит,
Словно вол, ужаленный змиею.

Наконец он на родину воро-
тился
И вошел в церковь святого Спаса.
Там день целый он молился богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,
Потом лег и жене своей молвил:
«Посмотри, жена, ты в окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселе?»
Жена встала, в окошко поглядела
И сказала: «На дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно».
Повернулся Янко Марнавич
И тихонько стал читать молит-

ву.

Помолившись, он опять ей
молвил:

«Посмотри, что ты видишь в
окошко?»

И жена, поглядев, отвечала:

«Вижу, вон, малый огонечек
Чуть-чуть брезжит в темноте
за рекою».

Улыбнулся Янко Марнавич

И опять стал тихонько молить-
ся.

Помолясь, он опять жене
молвил:

«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что там еще видно?»

И жена, поглядев, отвечала:

«Вижу я на реке сиянье,
Близится оно к нашему дому».

Бей вздохнул и с постели свалил-
ся.

Тут и смерть ему приключилась.

3. Битва у Зеницы-Великой^{614}

Радивой поднял желтое зна-
мя:

Он идет войной на бусурмана.
А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
Набекрень надели свои шапки
И сказали: «Возьмите нас с собою:
{615}

Мы хотим воевать бусурманов».
Радивой дружелюбно их принял
И сказал им: «Милости просим!»
Перешли мы заповедную речку,
Стали жечь турецкие деревни,
А жидов на деревьях вешать {616}.
Беглербей со своими бошняками
Против нас пришел из Банялуки;
{617}

Но лишь только заржали их кони
И на солнце их кривые сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбежались изменники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь бог поможет,
Мы домой воротимся с тобою
И расскажем эту битву нашим
детям».
Стали биться мы тогда жестоко,
Всяк из нас троих воинов стоил;

Кровью были покрыты наши сабли

С острия по самой рукояти.

Но когда через речку стали
Тесной кучкою мы переправляться,

Селихтар^{618} с крыла на нас ударил

С новым войском, с конницею свежей.

Радивой сказал тогда нам: «Дети,
Слишком много собак-бусурманов,

Нам управиться с ними невозможно.

Кто не ранен, в лес беги скорее

И спасайся там от селихтара».

Всех-то нас оставалось двадцать,

Все друзья, родные Радивою,

Но и тут нас пало девятнадцать.

Закричал Георгий Радивою:

«Ты садись, Радивой, поскорее

На коня моего вороного;

Через речку вплавь переправляйся,

Конь тебя из погибели вымчит».

Радивой Георгия не послушал,

Наземь сел, поджав под себя ноги.

Тут враги на него наскочили,

Отрубили голову Радивою.

4. Феодор и Елена

.....

.....

*Стамати был стар и бессилён,
А Елена молода и проворна;
Она так-то его оттолкнула,
Что ушел он охая да хромя.
Подделом тебе, старый бесстыд-
ник!
Ай да баба! отделалась славно!*

*Вот Стамати стал думать
думу:
Как ему погубить бы Елену?
Он к жиду лиходею приходит,
От него он требует совета.
Жид сказал: «Ступай на кладби-
ще,
Отыщи под каменьями жабу
И в горшке сюда принеси мне».*

*На кладбище приходит Ста-
мати,
Отыскал под каменьями жабу^{619}
И в горшке жида ея приносит.
Жид на жабу проливает воду,*

Нарекает жабу Иваном
(Грех велик христианское имя
Нареци такой поганой твари!).
Они жабу всю потом искололи,
И ее — ее ж кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспелую сливу.

И Стамати мальчику мол-
вил:
«Отнеси ты Елене эту сливу
От моей племянницы в подарок».
Принес мальчик Елене сливу,
А Елена тотчас ее съела.

Только съела поганую сливу,
Показалось бедной молодежи,
Что змия у ней в животе шеве-
лится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою мень-
шую.
Та ее молоком напоила,
Но змия в животе все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная
Елена,
Стали баить: Елена брюхата.

Каково-то будет ей от мужа,
Как воротится он из-за моря!
И Елена стыдится и плачет,
И на улице выйти не смеет,
День сидит, ночью ей не спится,
Поминутно сестрице повторяет:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый год проходит, и —
Феодор
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бежит к нему на-
встречу,
Все его приветно поздравляют;
Но в толпе не видит он Елены,
Как ни ищет он ее глазами.
«Где ж Елена?» — наконец он мол-
вил.
Кто смутился, а кто усмехнулся,
Но никто не отвечал ни слова.

Пришел он в дом свой, — и ви-
дит,
На постеле сидит его Елена.
«Встань, Елена», — говорит Фео-
дор.
Она встала, — он взглянул сурово.
«Господин ты мой, клянусь богом

*И пречистым именем Марии,
Пред тобою я не виновата,
Испортили меня злые люди».*

*Но Феодор жене не поверил:
Он отсек ей голову по плечи.
Отсекиши, он сам себе молвил:
«Не сгублю я невинного младенца,
Из нее выну его живого,
При себе воспитывать буду.
Я увижу, на кого он походит,
Так наверно отца его узнаю,
И убью своего злодея».*

*Распорол он мертвое тело.
Что ж! — на место милого дитя-
ти
Он черную жабу находит.
Взвыл Феодор: «Горе мне, убийце!
Я сгубил Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди».*

*Поднял он голову Елены,
Стал ее целовать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провещала:*

*«Я невинна. Жид и старый
Стамати
Черной жабой меня окормили».
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться.*

*И Феодор Стамати зарезал,
А жидида убил, как собаку,
И отпел по жене панихиду.*

5. Влаха в Венеции

{620}{621}

*Как покинула меня Парасковья,
И как я с печали промотался,
Вот далмат пришел ко мне лукавый:
«Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины^{622}, что у нас каменья.*

*Там солдаты в шелковых каф-
танах,
И только что пьют да гуляют:
Скоро там ты разбогатеешь
И воротись в шитом долимане^{623}*

С кинжалом на серебряной цепоч-

ке.

И тогда-то играй себе на гус-
лях;
Красавицы побегут к окошкам
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся мо-
рем;
Воротись, когда разбогатеешь».

Я послушался лукавого дал-
мата.
Вот живу в этой мраморной лод-
ке,
Но мне скучно, хлеб их мне, как
камень,
Я неволен, как на привязи собака.

Надо мною женщины смеют-
ся,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здесь язык свой позабыли,
Позабыли и наш родной обычай;
Я завял, как пересаженный ку-
стик.

Как у нас, бывало, кого встре-
чу,

Слышу: «Здравствуй, Дмитрий
Алексеич!»

Здесь не слышу доброго привета,
Не дождуся ласкового слова;
Здесь я точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.

6. Гайдук Хризич

В пещере, на острых каменьях
Притаился храбрый гайдук Хри-
зич^{624}.

С ним жена его Катерина,
С ним его два милые сына,
Им нельзя из пещеры выйти.
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут,
В них прицелятся тотчас сорок
ружей.

Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.
На четвертый взошло красно
солнце,
И вода во впадине иссякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Кате-
рина:
«Господь бог! помилуй наши ду-
ши!» —

И упала мертвая на землю.
Хризич, глядя на нее, не заплакал,
Сыновья плакать при нем не сме-
ли;

Они только очи отирали,
Как от них отворачивался Хри-
зич.

В пятый день старший сын обезу-
мел,

Стал глядеть он на мертвую ма-
терь,

Будто волк на спящую козу.

Его брат, видя то, испугался.

Закричал он старшему брату:

«Милый брат! не губи свою душу;

Ты напейся горячей моей крови,

А умрем мы голодную смертью,

Станем мы выходить из могилы

Кровь сосать наших недругов спя-
щих»^{625}.

Хризич встал и промолвил: «Пол-
но!

Лучше пуля, чем голод и жажда».

И все трое со скалы в долину

Сбежали, как бешеные волки.

Семерых убил из них каждый,

Семью пулями каждый из них

прострелен,

Головы враги у них отсекли
И на копья свои насадили, —
А и тут глядеть на них не смели.
Так им страшен был Хризич с сы-
новьями.

7. Похоронная песня Иакинфа Маглановича^{626}

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты, как жил.
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.

Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдется как-нибудь;
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;
Я здоров, — и сына Яна
Мне хозяйка родила.

*Деду в честь он назван Яном;
Умный мальчик у меня;
Уж владеет атаганом
И стреляет из ружья.*

*Дочь моя живет в Лизгоре;
С мужем ей не скучно там.
Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет, — узнаешь сам.*

*С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.*

8. Марко Якубович

*У ворот сидел Марко Якубович;
Перед ним сидела его Зоя,
А мальчишка их играл у порогу.
По дороге к ним идет незнакомец,
Бледен он и чуть ноги волочит,
Просит он напиться, ради бога.
Зоя встала и пошла за водою
И прохожему вынесла ковшик,
И прохожий до дна его выпил.
Вот, напившись, говорит он Марке:*

«Это что под горой там видно?»
Отвечает Марко Якубович:
«То кладбище наше родовое».
Говорит незнакомый прохожий:
«Отдыхать мне на вашем кладбище,
Потому что мне жить уж не долго».

Тут широкий развил он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
«Три дня, молвил, ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю.
Как умру, ты зарой мое тело
За горой, под зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный был воин».

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко стал осматривать рану.
Вдруг сказала молодая Зоя:
«Помоги мне, Марко, я не в силах
Поддержать гостя нашего доле».
Тут увидел Марко Якубович,
Что прохожий на руках ее умер.

Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело

И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу
И с молитвой мертвеца схорони-
ли.

Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Все лежал на рогоже да охал.
К Якубовичу калуер приходит, —
Посмотрел на ребенка и молвил:
«Сын твой болен опасною болез-
нью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зуб вурдалака^{627}, поверь мне».

Вся деревня за старцем калуе-
ром
Отправилась тотчас на кладби-
ще;
Там могилу прохожего разрыли,
Видят, — труп румяный и све-
жий, —
Ногти выросли, как вороньи ког-
ти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы, —
Полна крови глубокая могила.

Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.
Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гну-
лись,
А суки дерев так и трещали,
Ломаясь, как замерзлые прутья.

Калуер могильною землею^{628}
Ребенка больного всего вытер,
И весь день творил над ним мо-
литвы.
На закате красного солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому две неде-
ли,
В эту пору умер злой прохожий».

Вдруг собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошел великан, наклонившись,
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Он на Марка глядел неподвижно,
Неподвижно глядел на него Мар-
ко,

Очарован ужасным его взором;
Но старик, молитвенник рас-
крывши,
Запалил кипарисную ветку,
И подул дым на великана.
И затрясся вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пу-
стился,
Будто волк, охотником гонимый.

На другие сутки в ту же пору
Пес залаял, дверь отворилась,
И вошел человек незнакомый.
Был он ростом, как цесарский ре-
крут.
Сел он молча и стал глядеть на
Марка;
Но старик молитвой его прогнал.

В третий день вошел карлик
малый, — —
Мог бы он верхом сидеть на кры-
се,
Но сверкали у него злые глазки.
И старик в третий раз его про-
гнал,
И с тех пор уж он не возвращался.

9. Бонапарт и черногорцы

«Черногорцы? что такое? —
Бонапарте спросил. —
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?
Так расскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам».
Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.
Нам сдаваться нет охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы...
Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем, —
Вот они вступили в горы,
Истребляя все кругом.

.....
.....

Идут тесно под скалами.
Вдруг смятение!.. Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.

«Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы французам. — «Это что? —
Удивясь, они сказали, —
Эхо, что ли?» Нет, не то!

Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

10. Соловей

Соловей мой, соловейко,

*Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота —
Рано молодца женили;
А вторая-то забота —
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота —
Красну-девицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.*

11. Песня о Георгии Черном

*Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
«Бунтовщик ты, злодей прокля-*

мый!

Не боишься ты господа бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?»

Отвечает Георгий угрюмо:

«Из ума, старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи».

Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов.

Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:

«Воротися, отец, воротися!

Отпусти мне невольное слово».

Старый Петро не слушает, гро-
зится:

«Вот ужо, разбойник, тебе бу-
дет!»

Сын ему вперед забегаает,

Старику кланяется в ноги.

Не взглянул на сына старый Пет-
ро.

Догоняет вновь его Георгий

И хватает за сивую косу.
«Воротись, ради господа бога:
Не введи ты меня в искушенье!»
Отпихнул старик его сердито
И пошел по белградской дороге.
Горько, горько Георгий заплакал,
Пистолет из-за пояса вынул,
Взвел курок, да и выстрелил тут же.

Закричал Петро, зашатавшись:
«Помоги мне, Георгий, я ранен!»
И упал на дорогу бездыханен.
Сын бегом в пещеру воротился;
Его мать вышла ему навстречу.
«Что, Георгий, куда делся Пет-
ро?»

Отвечает Георгий сурово:

«За обедом старик пьян на-
пился

И заснул на белградской дороге»

{629}

Догадалась она, завопила:
«Будь же богом проклят ты, чер-
ный,
Коль убил ты отца родного!»
С той поры Георгий Петрович
У людей прозывается Черный.

12. Воевода Милош

Над Сербией смилуйся ты, божже!
Заедают нас волки янычары!
Без вины нам головы режут,
Наших жен обижают, позорят,
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в на-
смешку

Распевать зазорные песни
И плясать бусурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:
Унимать нас они перестали, —
Уж и им нестерпимо насилье.
Гусляры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить яныча-
рам?

Долго ль вам терпеть оплеухи?
Или вы уж не сербы, — цыганы?
Или вы не мужчины, — старухи?
Вы бросайте ваши белые дома,
Уходите в Велийское ущелье, —
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош.

13. Вурдалак

Трусават был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,

Через кладбище шел домой.

*Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит, —
Кто-то кость, ворча, грызет.*

*Ваня стал; — шагнуть не может.
Боже! думает бедняк,
Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак.*

*Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.*

*Что же? вместо вурдалака —
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.*

14. Сестра и братья^{630}

*Два дубочка выросли рядом,
Между ими тонковерхая елка.
Не два дуба рядом выросли,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула,*

А меж ими сестра их Елица.
Сестру братья любили всем серд-
цем,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследок ей нож подарили
Золоченый в серебряной оправе.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорит она Радуловой любе:
«Невестушка, по богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелия такого,
Чтоб сестра омерзела братья-
ми?»

Отвечает Радулова любя:
«По богу сестра моя, невестка,
Я не знаю зелия такого;
Хоть бы знала, тебе б не сказала;
И меня братья мои любили,
И мне всякую оказывали ми-
лость».

Вот пошла Павлиха к водопою
Да зарезала коня вороного
И сказала своему господину:
«Сам себе на зло сестру ты лю-
бишь,
На беду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного».
Стал Елицу допытывать Павел:

«За что это? скажи, бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
В ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха пошла в сад зеленый,
Сивого сокола там заколола
И сказала своему господину:
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Ведь она сокола заколола».
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? скажи, бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И в ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха по вечеру поздно
Нож украла у своей золовки
И ребенка своего заколола
В колыбельке его золоченой.
Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лицо терзая.
«Сам себе на зло сестру ты любишь,

На беду даришь ты ей подарки:
Заколола у нас она ребенка.
А когда еще ты мне не веришь,
Осмотри ты нож ее злаченный».
Вскочил Павел, как услышал это,
Побежал к Елице во светлицу:
На перине Елица почивала,
В головах нож висел злаченный.
Из ножен вынул его Павел, —
Нож злаченный весь был окровав-
лен.
Дернул он сестру за белу руку:
«Ой, сестра, убей тебя боже!
Извела ты коня вороного
И в саду сокола заколола,
Да за что ты зарезала ребенка?»
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жиз-
нью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли ж ты не веришь моей клят-
ве,
Выведи меня в чистое поле,
Привяжи к хвостам коней борзых,
Пусть они мое белое тело
Разорвут на четыре части».
В ту пору брат сестре не поверил;
Вывел он ее в чистое поле,

Привязал ко хвостам коней бор-
зых

И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки;
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась.
Прошло малое после того время,
Захворала молодая Павлиха.
Девять лет Павлиха все хворает,

—
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнез-
дится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи.
Люто страждет молода Павли-
ха;

Говорит она своему господину:
«Слышишь ли, господин ты мой,
Павел,
Сведи меня к золовкиной церкви,
У той церкви авось исцелюся».
Он повел ее к сестриной церкви,
И как были они уже близко,
Вдруг из церкви услышали голос:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здесь не будет тебе исцеленья».
Как услышала то молодая Павли-

ха,
Она молвила своему господину:
«Господин ты мой! прошу тебя
богом,
Не веди меня к белому дому,
А вяжи меня к хвостам твоих ко-
ней
И пусти их по чистому полю».
Своей любви послушался Павел,
Привязал ее к хвостам своих ко-
ней
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросло там тернье да крапива;
Где осталось ее белое тело,
На том месте озеро провалило.
Ворон конь по озеру выплывает,
За конем золоченая люлька,
На той люльке сидит сокол-пти-
ца,
Лежит в люльке маленькой маль-
чик;
Рука матери у него под горлом,
В той руке теткин нож золоче-
ный.

15. Яныш королевич^{631}

Полюбил королевич Яныш

Молодую красавицу Елицу,
Любит он ее два красные лета,
В третье лето вздумал он же-
ниться
На Любусе, чешской королевне.
С прежней любой идет он про-
ститься.
Ей приносит с червонцами черес,
Да гремучие серьги золотые,
Да жемчужное тройное ожере-
лье;
Сам ей вдел он серьги золотые,
Навязал на шею ожерелье,
Дал ей в руки с червонцами черес,
В обе щеки поцеловал молча
И поехал своею дорогой.
Как одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Из ушей выдернула серьги,
Ожерелье надвое разорвала,
А сама кинулась в Мораву.
Там на дне молодая Елица
Водяною царицей очнулась
И родила маленькую дочку
И ее нарекла Водяницей.

Вот проходят три года и бо-
ле,

Королевич ездит на охоте,
Ездит он по берегу Моравы;
Захотел он коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запененную мор-
ду

Сунул конь в студеною воду,
Из воды вдруг высунулась ручка:
Хватъ коня за узду золотую!
Конь отдернул голову в испуге,
На узде висит Водяница,
Как на уде пойманная рыбка, —
Конь кружится по чистому лугу,
Потряся уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не мо-
жет.

Чуть в седле усидел королевич,
Чуть сдержал коня вороного,
Осадив могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говорит ей Яныш королевич:
«Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль богом проклятая Вила^{632}?»
Отвечает ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отец Яныш королевич,
А зовут меня Водяницей».

Королевич при таком ответе
Соскочил с коня вороного,
Обнял дочь свою Водяницу
И, слезами заливаясь, молвил:
«Где, скажи, твоя мать Елица?
Я слышал, что она потонула».
Отвечает ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвует над всеми реками,
Над реками и над озерами;
Лишь не властвует она синим мо-
рем,
Синим морем властвует Див-Ры-
ба».
Водянице молвил королевич:
«Так иди же к водяной царице
И скажи ей: Яныш королевич
Ей поклон усердный посылает
И у ней свидания просит
На зеленом берегу Моравы.
Завтра я заеду за ответом».
Они после того расстались.

Рано утром, чуть заря зарде-
лась.
Королевич над рекою ходит;
Вдруг из речки, по белые груди,
Поднялась царица водяная

И сказала: «Яныш королевич,
У меня свидания просил ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Как увидел он свою Елицу,
Разгорелись снова в нем желанья,
Стал манить ее к себе на берег.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мне на зеленый берег,
Поцелуй меня по-прежнему слад-
ко,
По-прежнему полюблю тебя креп-
ко».
Королевичу Елица не внимает,
Не внимает, головою кивает:
«Нет, не выду, Яныш королевич,
Я к тебе на зеленый берег.
Слаще прежнего нам не целоваться,
Крепче прежнего меня не полюб-
бишь.
Расскажи-ка ты мне лучше хоро-
шенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
С новой любой, с молодой же-
ною?»
Отвечает Яныш королевич:
«Против солнышка луна не при-
греет,

Против милой жена не утешит».

16. Конь

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удил?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?»

Отвечает конь печальный:
«Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,

*Что наместо чепрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока».*

1⁸³⁴

**(Из Анакреона)
Отрывок**

{633}

*Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.*

1835

Ода LVI
(Из Анакреона)

*Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне не много
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда.*

Ода LVII

*Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.*

1⁸³⁵

**«Юношу, горько рыдая, ревнивая
дева бранила...»**

*Юношу, горько рыдая, ревнивая
дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша
вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его лег-
кий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы
ля.*

1⁸³⁵

Полководец

{634}

*У русского царя в чертогах есть
палата^{635}:*

*Она не золотом, не бархатом бо-
гата;*

*Не в ней алмаз венца хранится за
стеклом;*

*Но сверху донизу, во всю длину,
кругом,*

*Свою кистию свободной и широ-
кой*

*Ее разрисовал художник быстро-
окой.*

*Тут нет ни сельских нимф, ни дев-
ственных мадонн,*

*Ни фавнов с чашами, ни полногру-
дых жен,*

*Ни плясок, ни охот, — а всё пла-
щи, да шпаги,*

*Да лица, полные воинственной
отваги.*

*Толпою тесною художник поме-
стил*

*Сюда начальников народных на-
ших сил,*

Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С
думой новой
Всегда останавлиюсь пред ним — и
не свожу
С него моих очей. Чем далее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как

череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, за-
легла
Там грусть великая. Кругом — гу-
стая мгла;
За ним — военный стан. Спокой-
ный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презри-
тельной думой.
Свою ли точно мысль художник
обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохнове-
нье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суров
был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле те-
бе чужой.
Непроницаемый для взгляда чер-
ни дикой,
В молчанье шел один ты с мыс-
лю великой,
И, в имени твоём звук чуждый
невлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый

тобою,
Ругался над твоей священной се-
диною.
И тот, чей острый ум тебя и по-
стигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убеж-
дением,
Ты был неколебим пред общим за-
блуждением;
И на полупути был должен нако-
нец
Безмолвно уступить и лавровый
венец,
И власть, и замысел, обдуманнный
глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться
одиоко.
Там, устарелый вождь, как рат-
ник молодой,
Свинца веселый свист заслышав-
ший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желан-
ной смерти, —
Вотще! —

.
. . .
.

. . .

*О люди! жалкий род, достойный
слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники
успеха!
Как часто мимо вас проходит че-
ловек,
Над кем ругается слепой и буй-
ный век,
Но чей высокий дик в грядущем
поколенье
Поэта приведет в восторг и в
умиленье!*

1835

Туча

*Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазу-
ри,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий
день.*

*Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный
гром
И алчную землю поила дождем.*

*Довольно, сокройся! Пора минова-
лась,
Земля освежилась, и буря промча-
лась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.*

Из А. Шенье

{636}

Покров, упитанный язвительною
кровью,
Кентавра мстящий дар, ревнивою
любовью
Алкиду^{637} передан. Алкид его при-
ял.
В божественной крови яд быст-
рый побежал.
Се — ярый мученик, в ночи скита-
ясь, воеет;
Стопами тяжкими вершину Эты
роет;
Гнет, ломит древеса; исторжен-
ные пни
Высоко громоздит; его рукой они
В костер навалены; он их зажег;
он всходит;
Недвижим на костре он в небо
взор возводит;
Под мышцей палица^{638}; в ногах
немейский лев^{639}
Разостлан. Дунул ветер; поднялся
свист и рев;
Треща горит костер; и вскоре пла-

*мя, воя,
Уносит к небесам бессмертный
дух героя.*

1835

«Кто из богов мне возвратил...»

{640}

*Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?*

*Ты помнишь час ужасный бит-
вы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно брося щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! как бежал!
Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.*

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился...
И ныне в Рим ты возвратился
В мой домик темный и простой.
Садись под сень моих пенатов.
Давайте чаши. Не жалея
Ни вин моих, ни ароматов.
Венки готовы. Мальчик! лей.
Теперь некстати воздержанье:
Как дикий скиф хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить.

1835

Н. Н. Пушкина.

Рис. А. П. Брюллова. Акварель. Копия. 1831 г.

Государственный музей А. С. Пушкина.
Москва.

Странник

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? что станется со мной?»

II

И так я, сетуя, в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них:
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;

*И сердце наконец раскрыл я поне-
воле.*

*«О горе, горе нам! Вы, дети, ты,
жена! —
Сказал я, — ведайте: моя душа
полна
Тоской и ужасом, мучительное
бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко,
близко время:
Наш город пламени и ветрам об-
речен;
Он в угли и золу вдруг будет обра-
щен,
И мы погибнем все, коль не успе-
ем вскоре
Обречь убежище; а где? о горе,
горе!»*

III

*Мои домашние в смущение при-
шли
И здравый ум во мне расстроен-
ным почли.
Но думали, что ночь и сна покой
целебный
Охолодят во мне болезни жар*

враждебный.

Я лег, но во всю ночь все плакал и
вздыхал

И ни на миг очей тяжелых не
смыкал.

Поутру я один сидел, оставя ло-
же.

Они пришли ко мне; на их вопрос я
то же,

Что прежде, говорил. Тут ближ-
ние мои,

Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с
ожесточеньем

Меня на правый путь и бранью и
презреньем

Старались обратить. Но я, не
внемя им,

Все плакал и вздыхал, унынием
тесним.

И наконец они от крика утоми-
лись

И от меня, махнув рукою, отсту-
пились,

Как от безумного, чья речь и ди-
кий плач

Докучны и кому суровый нужен
врач.

IV

Пошел я вновь бродить, уны-
ньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом об-
ращая,
Как узник, из тюрьмы замыслив-
ший побег,
Иль путник, до дождя спешащий
на ночлег.
Духовный труженик — влача свою
веригу,
Я встретил юношу, читающего
книгу.
Он тихо поднял взор — и спросил
меня,
О чем, бродя один, так горько
плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой
жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в
суд загробный —
И вот о чем крушусь: к суду я не
готов,
И смерть меня страшит».

«Коль жребий
твой таков, —
Он возразил, — и ты так жалок в
самом деле,

Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?»

И я: «Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?»

Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь», —

Сказал мне юноша, даль указуя перстом.

Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,

Как от бельма врачом избавленный слепец.

«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.

«Иди ж, — он продолжал, — держись сего ты света;

Пусть будет он тебе единственная мета,

Пока ты тесных врат спасенья не достиг,

Ступай!» — И я бежать пустился в тот же миг.

V

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,

Чтоб воротился я скорее. Крики
их
На площадь привлекли приятелей
моих;
Один бранил меня, другой моей
супруге
Советы подавал, иной жалел о
друге,
Кто поносил меня, кто на смех
подымал,
Кто силой воротить соседям
предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я
тем боле
Спешил перебежать городовое по-
ле,
Дабы скорей узреть — оставя те
места,
Спасенья верный путь и тесные
врата.

«... Вновь я посетил...»

{642}

*...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незамет-
ных.
Уж десять лет ушло с тех пор —
и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, ввечер еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за сте-
ною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.*

*Вот холм лесистый, над кото-
рым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны^{643}...*

Меж нив золотых и пахотей зеленых

Оно, синяя, стелется широко;
Через его неведомые воды

Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, насилу крыльях

Ворочая при ветре...

На границе

Владений дедовских, на месте том,

Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо

Я проезжал верхом при свете лунном,

Знакомым шумом шорох их вершин

Меня приветствовал. По той дороге

Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох —

Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь молодая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг
него
По-прежнему все пусто.

Здравствуй,

племя

Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум,
когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке
ночи

И обо мне вспомянет.

1835

«Я думал, сердце позабыло...»

*Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковёрные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.*

1⁸³⁵

На выздоровление Лукулла

Подражание латинскому

{644}

*Ты угасал, богач молодой!
Ты слышал плач друзей печаль-
ных.*

*Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрусталь-
ных.*

*Она, как втершийся с утра
Заимодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой,
Не трогалась с ковра.*

*В померкшей комнате твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоих нахлебников, цирцей
Смущеньем лица омрачались;
Вздыхали верные рабы
И за тебя богов молили,
Не зная в страхе, что сулили
Им тайные судьбы.*

*А между тем наследник твой,
Как ворон, к мертвечине падкий,
Бледнел и трясся над тобой,*

Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.

Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность — трин-
трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая, ликуют;
Рабы, как добрая семья,
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры клонит;
А вместе с ним приказчик гонит
Наследника в толчки.

Так жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: бесценный дар она;

Умей же пользоваться ею;
Укрась ее; года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Ваш брак благословят.

1835

Пир Петра Первого

{645}

Над Невною резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот^{646},
И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики

*В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.*

1835

Подражание арабскому

{647}

*Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой;
Тот же в нас огонь мятежный,
Жизнью мы живем одной.
Не боюсь я насмешек:
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под единой скорлупой.*

1835

Д. В. Давыдову

{648}

*Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.*

1836

Мирская власть

{649}

Когда великое свершалось торжество
И в муках на кресте кончалось божество,
Тогда по сторонам животворяща
древа
Мария-грешница и пресвятая дева
Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста
честнаго,
Как будто у крыльца правителя
градскаго,
Мы зрим поставленных на место
жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?
Иль мните важности придать
царю царей?

Иль покровительством спасаете
могучим
Владыку, тернием венчанного ко-
лючим,
Христа, предавшего послушно
плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и ко-
пию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не
оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов
искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих
господ,
Пускать не велено сюда простой
народ?

(Подражание италиянскому)

{650}

Как с древа сорвался предатель
ученик,
Дьявол прилетел, к лицу его при-
ник,
Дхнул жизнь в него, взвился с сво-
ей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань
геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на ро-
га
Прияли с хохотом всемирного
врага
И шумно понесли к проклятому
владыке,
И сатана, привстав, с веселием на
лице
Лобзанием своим насквозь прожесг
уста,
В предательскую ночь лобзавшие
Христа.

1836

(Из Пиндемонти)

{651}

*Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.*

*Я не ропщу о том, что отказали
боги*

*Мне в сладкой участи оспоривать
налоги*

*Или мешать царям друг с другом
воевать;*

*И мало горя мне, свободно ли пе-
чать*

*Морочит олухов, иль чуткая цен-
зура*

*В журнальных замыслах стесня-
ет балагура.*

*Все это, видите ль, слова, слова,
слова[26].*

*Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне сво-
бода:*

*Зависеть от царя, зависеть от
народа —*

Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому
Отчета не давать, себе лишь са-
мому
Служить и угождать; для вла-
сти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыс-
лов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться
здесь и там,
Дивясь божественным природы
красотам,
И пред созданьями искусств и
вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах
умиленья.
Вот счастье! вот права...

1836

«Альфонс садится на коня...»

{652}

Альфонс садится на коня;
Ему хозяин держит стремя.
«Сеньор, послушайте меня:
Пускаться в путь теперь не вре-
мя,
В горах опасно, ночь близка,
Другая вента далека.
Останьтесь здесь: готов вам
ужин;
В камине разложен огонь;
Постеля есть — покой вам нуж-
жен,
А к стойлу тянется ваш конь».
«Мне путешествие привычно
И днем и ночью — был бы путь, —
Тот отвечает. — Неприлично
Бояться мне чего-нибудь;
Я дворянин, — ни черт, ни воры
Не могут удержатъ меня,
Когда спешу на службу я».
И дон Альфонс коню дал шпоры
И едет рысью. Перед ним
Одна идет дорога в горы
Ущельем тесным и глухим.

Вот выезжает он в долину;
Какую ж видит он картину?
Кругом пустыня, дичь и голь...
А в стороне торчит глаголь,
И на глаголе том два тела
Висят. Закаркав, отлетела
Ватага черная ворон,
Лишь только к ним подъехал он.
То были трупы двух титанов,
Двух славных братьев-атаманов,
Давно повешенных и там
Оставленных в пример ворам.
Дождями небо их мочило,
А солнце знойное сушило,
Пустынный ветер их качал,
Клевать их ворон прилетал.
И шла молва в простом народе,
Что, обрываясь по ночам,
Они до утра на свободе
Гуляли, мстя своим врагам.

Альфонсов конь всхрапел и бо-
ком
Прошел их мимо, и потом
Понесся резво, легким скоком,
С своим бесстрашным седоком.

«ОТЦЫ ПУСТЫННИКИ И ЖЕНЫ НЕПОРОЧНЫ...»

{653}

*Отцы пустынноики и жены непо-
рочны,
Чтоб сердцем возлетать во обла-
сти заочны,
Чтоб укреплять его средь доль-
них бурь и битв,
Сложили множество божествен-
ных молитв;
Но ни одна из них меня не умиля-
ет,
Как та, которую священник по-
вторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на
уста
И падшего крепит неведомою си-
лой:
Владыко дней моих! дух праздно-
сти унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе мо-
ей.
Но дай мне зреть мои, о боже,*

прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет
осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

1836

**«Когда за городом, задумчив, я
брожу...»**

Когда за городом, задумчив, я бро-
жу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные
гробницы,
Под коими гниют все мертвецы
столицы,
В болоте кое-как стесненные ряд-
ком,
Как гости жадные за нищенским
столом,
Купцов, чиновников усопших мав-
золеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в
стихах
О добродетелях, о службе и чи-

нах;
По старом рогаче вдовицы плач
амурный;
Ворами со столбов отвинченные
урны,
Могилы склизкие, которы также
тут,
Зеваючи, жильцов к себе на утро
ждут, —
Такие смутные мне мысли все на-
водит,
Что злое на меня уныние нахо-
дит.
Хоть плюнуть да бежать...

Но как же

любо мне
Осеннею порой, в вечерней тиши-
не,
В деревне посещать кладбище ро-
довое,
Где дремлют мертвые в торже-
ственном покое.
Там неукрашенным могилам
есть простор,
К ним ночью темною не лезет
бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых
желтым мохом,

Проходит селянин с молитвой и
со вздохом;
На место праздных урн и мелких
пирамид,
Безносых гениев, растрепанных
харит
Стоит широко дуб над важными
гробами,
Колеблясь и шумя...

1⁸³⁶

**«Я памятник себе воздвиг
нерукотворный...»**

Exegi monumentum [27]^{654}

*Я памятник себе воздвиг неруко-
творный,
К нему не зарастет народная
тропа,
Вознесся выше он главою непокор-
ной*

Александрийского столпа^{655}

*Нет, весь я не умру — душа в за-
ветной лире*

Мой прах переживет и тленья
убежит —
И славен буду я, доколь в подлун-
ном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси
великой,
И назовет меня всяк сущий в ней
язык,
И гордый внук славян, и финн, и
ныне дикой
Тунгус, и друг степей кал-
мык.

И долго буду тем любезен я наро-
ду,
Что чувства добрые я лирой про-
буждал,
Что в мой жестокий век воссла-
вил я Свободу
И милость к падшим при-
зывал.

Веленью божию, о муза, будь по-
слушна,
Обиды не страшась, не требуя
венца,

Хвалу и клевету приемли равно-
душно

И не оспоривай глупца.

1⁸³⁶

Художнику

{656}

Грустен и весел вхожу, ваятель, в
твою мастерскую:

Гипсу ты мысли даешь, мрамор
послушен тебе:
Сколько богов, и богинь, и героев!..
Вот Зевс громовержец,

Вот исподлобья глядит, дуя в
цевницу, сатир.

Здесь зачинатель Барклай, а здесь
совершитель Кутузов.

Тут Аполлон — идеал, там
Ниобея — печаль...

Весело мне. Но меж тем в толпе
молчаливых кумиров —

Грустен гуляю: со мной доб-
рого Дельвига нет;
В темной могиле почил художни-
ков друг и советник.

Как бы он обнял тебя! как бы
гордился тобой!

«Была пора: наш праздник молодой...»

{657}

*Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.*

*Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здоровье надежды
И юности и всех ее затей.*

*Теперь не то: разгульный празд-
ник наш
С приходом лет, как мы, перебе-
сился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных
чаш;
Меж нами речь не так игриво
льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздает-*

ся,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый
раз
Мы празднуем лица день завет-
ный.

Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!

Недаром — нет! — промчалась
четверть века!

Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг челове-
ка, —

Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!

Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;

И высились и падали цари;

И кровь людей то Славы, то Сво-
боды,

То Гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог

царицын^{658},

И мы пришли. И встретил нас Ку-
ницын

Приветствием меж царственных
гостей.

Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью
рать,

Со старшими мы братьями про-
щались

И в сень наук с досадой возвраща-
лись,

Завидуя тому, кто умирать

Шел мимо нас... и племена срази-
лись,

Русь обняла кичливого врага,

И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
{659}

Из пленного Парижа к нам при-
мчался.

Какой восторг тогда пред ним

раздался!
Как был велик, как был прекрасен
он,
Народов друг, спаситель их свобо-
ды!
Вы помните — как оживились
вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой до-
суг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумлен-
ным,
И на скале изгнанником забвен-
ным,
Все му чуждой, угас Наполеон.
И новый царь ^{660}, суровый и могу-
чий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи
^{661},
И ураган их...

На статую играющего в свайку

{662}

*Юноша, полный красоты, напряже-
нья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч, — те-
шится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискобол^{663}!
Он достоин, клянуся,
Дружно обнявшись с тобой, по-
сле игры отдыхать.*

1836

На статую играющего в бабки

*Юноша трижды шагнул, накло-
нился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял
меткую кость.
Вот уж прицелился... прочь! раз-
дайся, народ любопытный.
Врозь расступись; не мешай рус-
ской удалой игре.*

1⁸³⁶

«От меня вечер Леила...»

*От меня вечер Леила
Равнодушно уходила.
Я сказал: «Постой, куда?»
А она мне возразила:
«Голова твоя седа».
Я насмешнице нескромной
Отвечал: «Всему пора!
То, что было мускус темный,
Стало нынче камфора».
Но Леила неудачным
Посмеялася речам
И сказала: «Знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам».*

Поэмы

Руслан и Людмила

{664}

Посвящение

Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть украд-
кой,
На песни грешные мои.

*У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,*

Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чах-
нет;
Там русской дух... там Русью пах-
нет!
И там я был, и мед я пил;

*У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...*

Песнь первая

*Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.*

*В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гряднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.
Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.
Они веселье в сердце лили,
Шипела пена по краям,
Их важно чашники носили
И низко кланялись гостям.*

*Слилися речи в шум невнятный;
Жужжит гостей веселый круг;*

Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна:
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть, и Руслана,
И Лелем свитый им венец.

Но, страстью пылкой утомлен-
ный,
Не ест, не пьет Руслан влюблен-
ный;
На друга милого глядит,
Вздыхает, сердится, горит
И, щипля ус от нетерпенья,
Считает каждые мгновенья.
В унынье, с пасмурным челом,
За шумным, свадебным столом
Сидят три витязя молодые;
Безмолвны, за ковшом пустым,
Забиты кубки круговые,
И брашна неприятны им;
Не слышат вещею Баяна;
Потупили смущенный взгляд:
То три соперника Руслана;
В душе несчастные таят
Любви и ненависти яд.
Один — Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы

Богатых киевских полей;
Другой — Фарлаф, крикун надмен-
ный,
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей;
Последний, полный страстной ду-
мы,
Младой хазарский хан Ратмир:
Все трое бледны и угрюмы,
И пир веселый им не в пир.

Вот кончен он; встают рядами,
Смешались шумными толпами,
И все глядят на молодых:
Невеста очи опустила,
Как будто сердцем приуныла,
И светел радостный жених.
Но тень объемлет всю природу,
Уж близко к полночи глухой;
Бояре, задремав от меду,
С поклоном убрались домой.
Жених в восторге, в упоенье:
Ласкает он в воображенье
Стыдливой девы красоту;
Но с тайным, грустным умиле-
ньем
Великий князь благословеньем
Дарует юную чету.

И вот невесту молодую
Ведут на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигает Лель.
Свершились милые надежды,
Любви готовятся дары;
Падут ревнивые одежды
На цареградские ковры...
Вы слышите ль влюбленный шепот,
И поцелуев сладкий звук,
И прерывающийся ропот
Последней робости?.. Супруг
Восторги чувствует заранее;
И вот они настали... Вдруг
Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит,
Кругом всё смеркло, всё дрожит,
И замерла душа в Руслане...
Всё смолкло. В грозной тишине
Раздался дважды голос странный,
И кто-то в дымной глубине
Взвился чернее мглы туманной...
И снова терем пуст и тих;
Встает испуганный жених,

С лица катится пот остылый;
Трепеща, хладною рукой
Он вопрошает мрак немой...
О горе: нет подруги милой!
Хватает воздух он пустой;
Людмилы нет во тьме густой,
Похищена безвестной силой.

Ах, если мученик любви
Страдает страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но после долгих, долгих лет
Обнять влюбленную подругу,
Желаний, слез, тоски предмет,
И вдруг минутную супругу
Навек утратить... о друзья,
Конечно лучше б умер я!

Однако жив Руслан несчаст-
ный.
Но что сказал великий князь?
Сраженный вдруг молвой ужас-
ной,
На зятя гневом распалась,
Его и двор он созывает:
«Где, где Людмила?» — вопроша-
ет

С ужасным, пламенным челом.
Руслан не слышит. «Дети, други!
Я помню прежние заслуги:
О, сжальтесь вы над стариком!
Скажите, кто из вас согласен
Скакать за дочерью моей?
Чей подвиг будет не напрасен,
Тому — терзайся, плачь, злодей!
Не мог сберечь жены своей! —
Тому я дам ее в супруги
С полцарством прадедов моих.
Кто ж вызовется, дети, други?..»
«Я!» — молвил горестный жених.
«Я! я!» — воскликнули с Рогдаем
Фарлаф и радостный Ратмир:
«Сейчас коней своих седлаем;
Мы рады весь изъездить мир.
Отец наш, не продлим разлуки;
Не бойся: едем за княжной».
И с благодарностью немой
В слезах к ним простирает руки
Старик, измученный тоской.

Все четверо выходят вместе;
Руслан уныньем как убит;
Мысль о потерянной невесте
Его терзает и мертвит.
Садятся на коней ретивых;

Вдоль берегов Днепра счастливых
Летят в клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Уж всадников не видно боле...
Но долго всё еще глядит
Великий князь в пустое поле
И думой им вослед летит.

Руслан томился молчаливо,
И смысл и память потеряв.
Через плечо глядя спесиво
И важно подбочась, Фарлаф,
Надувшись, ехал за Русланом.
Он говорит: «Насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встречусь с велика-
ном?
Уж то-то крови будет течь,
Уж то-то жертв любви ревнивой!
Повеселись, мой верный меч,
Повеселись, мой конь ретивый!»

Хазарский хан, в уме своем
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшет над седлом;
В нем кровь играет молодая,
Огня надежды полон взор:
То скачет он во весь опор,

То дразнит бегуна лихого,
Кружит, подьѣмлет на дыбы
Иль дерзко мчит на холмы снова.

Рогдай угрюм, молчит — ни
слова...
Страшась неведомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всех больше беспокоен он,
И часто взор его ужасный
На князя мрачно устремлен.

Соперники одной дорогой
Все вместе едут целый день.
Днепра стал темен брег отлогий;
С востока льется ночи тень;
Туманы над Днепром глубоким;
Пора коням их отдохнуть.
Вот под горой путем широким
Широкий пересекся путь.
«Разъедемся, пора! — сказали, —
Безвестной вверимся судьбе».
И каждый конь, не чуя стали,
По воле путь избрал себе.

Что делаешь, Руслан несчаст-
ный,
Один в пустынной тишине?

Людмилу, свадьбы день ужасный,
Всё, мнится, видел ты во сне.
На брови медный шлем надвинув,
Из мощных рук узду покинув,
Ты шагом едешь меж полей,
И медленно в душе твоей
Надежда гибнет, гаснет вера.

Но вдруг пред витязем пещера;
В пещере свет. Он прямо к ней
Идет под дремлющие своды,
Ровесники самой природы.
Вошел с уныньем: что же зрит?
В пещере старец; ясный вид,
Спокойный взор, брада седая;
Лампада перед ним горит;
За древней книгой он сидит,
Ее внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сын! —
Сказал с улыбкой он Руслану. —
Уж двадцать лет я здесь один
Во мраке старой жизни вяну;
Но наконец дождался дня,
Давно предвиденного мною.
Мы вместе сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Руслан, лишился ты Людмилы;
Твой твердый дух теряет силы;

Но зла промчится быстрый миг:
На время рок тебя постиг.
С надеждой, верою веселой
Иди на всё, не унывай;
Вперед! мечом и грудью смелой
Свой путь на полночь пробивай.

Узнай, Руслан: твой оскорби-
тель
Волшебник страшный Черномор,
Красавиц давний похититель,
Полнощных обладатель гор.
Еще ничей в его обитель
Не проникал доныне взор;
Но ты, злых козней истребитель,
В нее ты вступишь, и злодей
Погибнет от руки твоей.
Тебе сказать не должен боле:
Судьба твоих грядущих дней,
Мой сын, в твоей отныне воле».

Наш витязь старцу пал к ногам
И в радости лобзает руку.
Светлеет мир его очам,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожил он; и вдруг опять
На вспыхнувшем лице кручина...
«Ясна тоски твоей причина;

Но грусть не трудно разогнать,
—

Сказал старик, — тебе ужасна
Любовь седого колдуна;

Спокойся, знай: она напрасна
И юной деве не страшна.

Он звезды сводит с небосклона,
Он свистнет — задрожит луна;

Но против времени закона
Его наука не сильна.

Ревнивый, трепетный хранитель
Замков безжалостных дверей,

Он только немощный мучитель
Прелестной пленницы своей.

Вокруг нее он молча бродит,
Клянет жестокий жребий свой...

Но, добрый витязь, день прохо-
дит,

А нужен для тебя покой».

Руслан на мягкий мох ложится
Пред умирающим огнем;

Он ищет позабыться сном,
Вздыхает, медленно вертится...

Напрасно! Витязь наконец:
«Не спится что-то, мой отец!

Что делать: болен я душою,
И сон не в сон, как тошно жить.

Позволь мне сердце освежить
Твоей беседою святою.
Прости мне дерзостный вопрос.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсник непонятный?
В пустыню кто тебя занес?»

Вздыхнув с улыбкою печальной,
Старик в ответ: «Любезный сын,
Уж я забыл отчизны дальней
Угрюмый край. Природный финн,
В долинах, нам одним известных,
Гоняя стадо сел окрестных,
В беспечной юности я знал
Одни дремучие дубравы,
Ручьи, пещеры наших скал
Да дикой бедности забавы.
Но жить в отрадной тишине
Дано не долго было мне.

Тогда близ нашего селенья,
Как милый цвет уединенья,
Жила Наина. Меж подруг
Она гремела красотой.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный луг
Я гнал, волынку надувая;
Передо мной шумел поток.

Одна, красавица молодая
На берегу плела венки.
Меня влекла моя судьбина...
Ах, витязь, то была Наина!
Я к ней — и пламень роковой
За дерзкий взор мне был наградой,
И я любовь узнал душой
С ее небесною отрадой,
С ее мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина с гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвечала:
«Пастух, я не люблю тебя!»

И всё мне дико, мрачно стало:
Родная куца, тень дубров,
Веселы игры пастухов —
Ничто тоски не утешало.
В уныньи сердце сохло, вяло.
И наконец задумал я
Оставить финские поля;
Морей неверные пучины
С дружиной братской переплыть

И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвал смелых рыбаков
Искать опасностей и злата.
Впервые тихий край отцов
Услышал бранный звук булата
И шум немирных челноков.
Я вдаль уплыл, надежды полный,
С толпой бесстрашных земляков;
Мы десять лет снега и волны
Багрили кровию врагов.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары,
И с побежденными садились
За дружжелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Под шумом битвы и пиров,
Томилось тайною кручиной,
Искало финских берегов.
Пора домой, сказал я, други!
Повесим праздные кольчуги
Под сенью хижины родной.
Сказал — и весла зашумели;
И, страх оставя за собой,

*В залив отчизны дорогой
Мы с гордой радостью влетели.*

*Сбылись давнишние мечты,
Сбылися пылкие желанья!
Минута сладкого свиданья,
И для меня блеснула ты!
К ногам красавицы надменной
Принес я меч окровавленный,
Кораллы, злато и жемчуг;
Пред нею, страстью упоенный,
Безмолвным роем окруженный
Ее завистливых подруг,
Стоял я пленником послушным;
Но дева скрылась от меня,
Примолвя с видом равнодушным:
«Герой, я не люблю тебя!»*

*К чему рассказывать, мой сын,
Чего пересказать нет силы?
Ах, и теперь один, один,
Душой уснув, в дверях могилы,
Я помню горесть, и порой,
Как о минувшем мысль родится,
По бороде моей седой
Слеза тяжелая катится.*

Но слушай: в родине моей

Между пустынных рыбаей
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.

И я, любви искатель жадный,
Решился в грусти безотрадной
Наину чарами привлечь
И в гордом сердце девы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спешил в объятия свободы,
В уединенный мрак лесов;
И там, в ученье колдунов,
Провел невидимые годы.
Настал давно желанный миг,
И тайну страшную природы
Я светлой мыслию постиг:
Узнал я силу заклинаньям.
Венец любви, венец желаньям!
Теперь, Наина, ты моя!
Победа наша, думал я.

Но в самом деле победитель
Был рок, упорный мой гонитель.

В мечтах надежды молодой,
В восторге пылкою желанья,
Творю поспешно заклинанья,
Зову духов — и в тьме лесной
Стрела промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднял вой,
Земля вздрогнула под ногой...
И вдруг сидит передо мной
Старушка дряхлая, седая,
Глазами впальми сверкая,
С горбом, с трясучей головой,
Печальной ветхости картина.
Ах, витязь, то была Наина!..
Я ужаснулся и молчал,
Глазами страшный призрак мерил,
В сомненье всё еще не верил
И вдруг заплакал, закричал:
«Возможно ль! ах, Наина, ты ли!
Наина, где твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя так страшно изменили?
Скажи, давно ль, оставя свет,
Расстался я с душой и с милой?
Давно ли?..» «Ровно сорок лет, —

Был девы роковой ответ, —
Сегодня семьдесят мне было.
Что делать, — мне пищит она, —
Толпою годы пролетели.
Прошла моя, твоя весна —
Мы оба постареть успели.
Но, друг, послушай: не беда
Неверной младости утрата.
Конечно, я теперь седа,
Немножко, может быть, горба-
та;
Не то, что в старину была,
Не так жива, не так мила;
Зато (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»

И было в самом деле так.
Немой, недвижимый перед нею,
Я совершенный был дурак
Со всей премудростью моею.

Но вот ужасно: колдовство
Вполне свершилось по несчастью.
Мое седое божество
Ко мне пылало новой страстью.
Скривив улыбкой страшный рот,
Могильным голосом урод
Бормочет мне любви признанье.

Вообрази мое страданье!
Я трепетал, потупя взор;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговор:
«Так, сердце я теперь узнала;
Я вижу, верный друг, оно
Для нежной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди в объятия мои...
О милый, милый! умираю...»

И между тем она, Руслан,
Мигала томными глазами;
И между тем за мой кафтан
Держалась тощими руками;
И между тем — я обмирал,
От ужаса зажмуря очи;
И вдруг терпеть не стало мочи;
Я с криком вырвался, бежал.
Она вослед: «О, недостойный!
Ты возмутил мой век спокойный,
Невинной девы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь — вот мужчины!
Изменой дышат все они!
Увы, сама себя вини;
Он обольстил меня, несчастный!

*Я отдалась любви страстной...
Изменник, изверг! о позор!
Но трепещи, девичий вор!»*

*Так мы расстались. С этих пор
Живу в моем уединенье
С разочарованной душой;
И в мире старцу утешенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зовет меня могила;
Но чувства прежние свои
Еще старушка не забыла
И пламя позднее любви
С досады в злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидит и тебя;
Но горе на земле не вечно».*

*Наш витязь с жадностью вни-
мал
Рассказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкал
И тихого полета ночи
В глубокой думе не слышал.
Но день блистает лучезарный...
Со вздохом витязь благодарный
Объемлет старца-колдуна;*

Душа надеждою полна;
Выходит вон. Ногами стиснул
Руслан заржавшего коня,
В седле оправился, присвистнул.
«Отец мой, не оставь меня».
И скачет по пустому лугу.
Седой мудрец младому другу
Кричит вослед: «Счастливым
путь!
Прости, люби свою супругу,
Советов старца не забудь!»

М. Н. Волконская.

Рис. Н. Бестужева. Акварель.

Петровский завод. 1837 г.

Исторический музей. Москва.

Песнь вторая

Соперники в искусстве брани,
Не знайте мира меж собой;
Несите мрачной славе дани
И упивайтесь враждой!
Пусть мир пред вами цепенеет,
Дивясь грозным торжествам:
Никто о вас не пожалеет,
Никто не помешает вам.
Соперники другого рода,
Вы, рыцари парнасских гор,

*Старайтесь не смешить народа
Нескромным шумом ваших ссор;
Бранитесь — только осторожно.*

Но вы, соперники в любви,
Живите дружно, если можно!
Поверьте мне, друзья мои:
Кому судьбою непременно
Девичье сердце суждено,
Тот будет мил назло вселенной;
Сердиться глупо и грешно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухим предчувствием томи-
мый,
Оставляя спутников своих,
Пустился в край уединенный
И ехал меж пустынь лесных,
В глубокую думу погруженный —
Злой дух тревожил и смущал
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шептал:
«Убью!.. преграды все разрушу...
Руслан!.. узнаешь ты меня...
Теперь-то девица поплачет...»
И вдруг, поворотив коня,
Во весь опор назад он скачет.

В то время доблестный Фар-
лаф,
Всё утро сладко продремав,
Укрывшись от лучей полдневных,

У ручейка, наедине,
Для подкрепленья сил душевных,
Обедал в мирной тишине.
Как вдруг он видит: кто-то в по-
ле,
Как буря, мчится на коне;
И, времени не тратя боле,
Фарлаф, покинув свой обед,
Копье, кольчугу, шлем, перчатки,
Вскочил в седло и без оглядки
Летит — а тот за ним вослед.
«Остановись, беглец бесчестный!

Кричит Фарлафу неизвестный. —
Презренный, дай себя догнать!
Дай голову с тебя сорвать!»
Фарлаф, узнавши глас Рогдая,
Со страха скорчась, обмирал
И, верной смерти ожидая,
Коня еще быстрее гнал.
Так точно заяц торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкам, полем, сквозь леса
Скачками мчится ото пса.
На месте славного побега
Весной растопленного снега
Потоки мутные текли
И рыли влажную грудь земли.

Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды стальные закусил
И через ров перескочил;
Но робкий всадник вверх ногами
Свалился тяжело в грязный ров,
Земли не взвидел с небесами
И смерть принять уж был готов.
Рогдай к оврагу подлетает;
Жестокий меч уж занесен;
«Погибни, трус! умри!» — вещает...
Вдруг узнает Фарлафа он;
Глядит, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнев
В его чертах изобразились;
Скрыпя зубами, онемев,
Герой, с поникшею главою
Скорей отъехав ото рва,
Бесился... но едва, едва
Сам не смеялся над собою.

Тогда он встретил под горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсем седую.
Она дорожною клюкой
Ему на север указала.

«Ты там найдешь его», — сказала.
Рогдай весельем закипел
И к верной смерти полетел.

А наш Фарлаф? Во рву остался,
Дохнуть не смея; про себя
Он, лежа, думал: жив ли я?
Куда соперник злой девался?
Вдруг слышит прямо над собой
Старухи голос гробовой:
«Встань, молодец: все тихо в по-
ле;
Ты никого не встретишь боле;
Я привела тебе коня;
Вставай, послушайся меня».

Смущенный витязь поневоле
Ползком оставил грязный ров;
Окрестность робко озирая,
Вздыхнул и молвил оживая:
«Ну, слава богу, я здоров!»

«Поверь! — старуха продолжа-
ла, —
Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забежала;
Не нам с тобой ее достать.
Опасно разъезжать по свету;

Ты, право, будешь сам не рад.
Последуй моему совету,
Ступай тихохонько назад.
Под Киевом, в уединенье,
В своем наследственном селенье
Останься лучше без забот:
От нас Людмила не уйдет».

Сказав, исчезла. В нетерпенье
Благоразумный наш герой
Тотчас отправился домой,
Сердечно позабыв о славе
И даже о княжне молодой;
И шум малейший по дубраве,
Полет синицы, ропот вод
Его бросали в жар и в пот.

Меж тем Руслан далеко мчит-
ся;
В глуши лесов, в глуши полей
Привычной думою стремится
К Людмиле, радости своей,
И говорит: «Найду ли друга?
Где ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой светлый взор?
Услышу ль нежный разговор?
Иль суждено, чтоб чародея
Ты вечной пленницей была

И, скорбной девою старея,
В темнице мрачной отцвела?
Или соперник дерзновенный
Придет?.. Нет, нет, мой друг бес-
ценный:
Еще при мне мой верный меч,
Еще глава не пала с плеч».

Однажды, темною порою,
По камням берегом крутым
Наш витязь ехал над рекою.
Всё утихало. Вдруг за ним
Стрелы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звон, и крик, и ржанье,
И топот по полю глухой.
«Стой!» — грянул голос громовой.
Он оглянулся: в поле чистом,
Подняв копье, летит со свистом
Свирепый всадник, и грозой
Помчался князь ему навстречу.
«Ага! догнал тебя! постой! —
Кричит наездник удалой, —
Готовься, друг, на смертну сечу;
Теперь ложись средь здешних
мест;
А там ищи своих невест».
Руслан вспылал, вздрогнул от гнева;

Он узнает сей буйный глас...

Друзья мои! а наша дева?
Оставим витязей на час;
О них опять я вспомню вскоре.
А то давно пора бы мне
Подумать о молодой княжне
И об ужасном Черноморе.

Моей причудливой мечты
Наперсник иногда нескромный,
Я рассказал, как ночью темной
Людмилы нежной красоты
От воспаленного Руслана
Сокрылись вдруг среди тумана.
Несчастливая! когда злодей,
Рукою мощною своей
Тебя сорвав с постели брачной,
Взвился, как вихорь, к облакам
Сквозь тяжкий дым и воздух
мрачный
И вдруг умчал к своим горам —
Ты чувств и памяти лишилась
И в страшном замке колдуна,
Безмолвна, трепетна, бледна,
В одно мгновенье очутилась.

С порога хижины моей

Так видел я, средь летних дней,
Когда за курицей трусливой
Султан курятника спесивый,
Петух мой по двору бежал
И сладострастными крылами
Уже подругу обнимал;
Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Прияв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый
И пал как молния на двор.
Взвился, летит. В когтях ужас-
ных
Во тьму расселин безопасных
Уносит бедную злодей.
Напрасно, горестью своей
И хладным страхом пораженный,
Зовет любовницу петух...
Он видит лишь летучий пух,
Летучим ветром занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостным забвеньем,
Как будто страшным сновиде-
ньем,
Объята — наконец она
Очнулась, пламенным волненьем
И смутным ужасом полна;

Душой летит за наслажденьем,
Кого-то ищет с упоеньем;
«Где ж милый, — шепчет, — где
супруг?»

Зовет и помертвела вдруг.
Глядит с боязнию вокруг.
Людмила, где твоя светлица?
Лежит несчастная девица
Среди подушек пуховых,
Под гордой сенью балдахина;
Завесы, пышная перина
В кистях, в узорах дорогих;
Повсюду ткани парчевые;
Играют яхонты, как жар;
Кругом курильницы золотые
Подъедают ароматный пар;
Довольно... благо мне не надо
Описывать волшебный дом:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила в том.
Но светлый терем не отрада,
Когда не видим друга в нем.

Три девы, красоты чудесной,
В одежде легкой и прелестной
Княжне явились, подошли
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами

Одна поближе подошла;
Княжне воздушными перстами
Златую косу заплела
С искусством, в наши дни не но-
вым,
И обвила венцом перловым
Окружность бледного чела.
За нею, скромно взор склоняя,
Потом приблизилась другая;
Лазурный, пышный сарафан
Одел Людмилы стройный стан;
Покрылись кудри золотые,
И грудь, и плечи молодые
Фатой, прозрачной, как туман.
Покров завистливый лобзает
Красы, достойные небес,
И обувь легкая сжимает
Две ножки, чудо из чудес.
Княжне последняя девица
Жемчужный пояс подает.
Меж тем незримая певица
Веселы песни ей поет.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафан, ни перлов ряд,
Ни песни лести и веселья
Ее души не веселят;
Напрасно зеркало рисует
Ее красоты, ее наряд:

Потупя неподвижный взгляд,
Она молчит, она тоскует.

Те, кои, правду возлюбя,
На темном сердца дне читали,
Конечно знают про себя,
Что если женщина в печали
Сквозь слез, украдкой, как-нибудь,
Назло привычке и рассудку,
Забудет в зеркало взглянуть, —
То грустно ей уж не на шутку.

Но вот Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
К окну решетчату подходит,
И взор ее печально бродит
В пространстве пасмурной дали.
Всё мертво. Снежные равнины
Коврами яркими легли;
Стоят угрюмых гор вершины
В однообразной белизне
И дремлют в вечной тишине;
Кругом не видно дымной кровли,
Не видно путника в снегах,
И звонкий рог веселой ловли
В пустынных не трубит горах;
Лишь изредка с унылым свистом
Бунтует вихорь в поле чистом

*И на краю седых небес
Качает обнаженный лес.*

*В слезах отчаянья, Людмила
От ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждет ее теперь!
Бежит в серебряную дверь;
Она с музыкой отворилась,
И наша дева очутилась
В саду. Пленительный предел:
Прекраснее садов Армиды
И тех, которыми владел
Царь Соломон иль князь Тавриды*
{665}

*Пред нею зыблются, шумят
Великолепные дубровы;
Аллеи пальм, и лес лавровый,
И благовонных миртов ряд,
И кедров гордые вершины,
И золотые апельсины
Зерцалом вод отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнем оживлены;
С прохладой вьется ветер май-
ский
Средь очарованных полей,
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей;*

Летят алмазные фонтаны
С веселым шумом к облакам:
Под ними блещут истуканы
И, мнится, живы; Фидий сам,
Питомец Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконец,
Свой очарованный резец
Из рук бы выронил с досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валяются, плещут водопады;
И ручейки в тени лесной
Чуть вьются сонною волной.
Приют покоя и прохлады,
Сквозь вечну зелень здесь и там
Мелькают светлые беседки;
Повсюду роз живые ветки
Цветут и дышат по тропам.
Но безутешная Людмила
Идет, идет и не глядит;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустен неги светлый вид;
Куда, сама не зная, бродит,
Волшебный сад кругом обходит,
Свободу горьким дав слезам,
И взоры мрачные возводит
К неумолимым небесам.
Вдруг осветился взор прекрасный:

К устам она прижала перст;
Казалось, умысел ужасный
Рождался... Страшный путь от-
верст:

Высокий мостик над потоком
Пред ней висит на двух скалах;
В унынье тяжком и глубоком
Она подходит — и в слезах
На воды шумные взглянула,
Ударила, рыдая, в грудь,
В волнах решилась утонуть —
Однако в воды не прыгнула
И дале продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бегая с утра,
Устала, слезы осушила,
В душе подумала: пора!
На травку села, оглянулась —
И вдруг над нею сень шатра,
Шумя, с прохладой развернулась;
Обед роскошный перед ней;
Прибор из яркого кристалла;
И в тишине из-за ветвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится пленная княжна,
Но втайне думает она:
«Вдали от милого, в неволе,

Зачем мне жить на свете боле?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзает и лелеет,
Мне не страшна злодея власть:
Людмила умереть умеет!
Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров —
Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов!»

Княжна встает, и вмиг шатер,
И пышной роскоши прибор,
И звуки арфы... все пропало;
По-прежнему все тихо стало;
Людмила вновь одна в садах
Скитается из рощи в рощи;
Меж тем в лазурных небесах
Плывет луна, царица ночи,
Находит мгла со всех сторон
И тихо на холмах почила;
Княжну невольно клонит сон,
И вдруг неведомая сила
Нежней, чем вешний ветерок,
Ее на воздух поднимает,
Несет по воздуху в чертог
И осторожно опускает
Сквозь фимиам вечерних роз
На ложе грусти, ложе слез.

Три девы вмиг опять явились
И вокруг нее засуетились,
Чтоб на ночь пышный снять
убор;
Но их унылый, смутный взор
И принужденное молчанье
Являли втайне состраданье
И немощный судьбам укор.
Но поспешим: рукой их нежной
Раздета сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
В одной сорочке белоснежной
Ложится почивать она.
Со вздохом девы поклонились,
Скорей как можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что ж наша пленница теперь!
Дрожит как лист, дохнуть не
смеет;
Хладуют перси, взор темнеет;
Мгновенный сон от глаз бежит;
Не спит, удвоила вниманье,
Недвижно в темноту глядит...
Всё мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышит трепета-
нье...
И мнится... шепчет тишина,
Идут — идут к ее постели;

В подушки прячется княжна —
И вдруг... о страх!.. и в самом деле
Раздался шум; озарена
Мгновенным блеском тьма ноч-
ная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Арапов длинный ряд идет
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушках осторожно
Седую бороду несет;
И входит с важностью за нею,
Подъяв величественно шею,
Горбатый карлик из дверей:
Его-то голове обритой,
Высоким колпаком покрытой,
Принадлежала борода.
Уж он приблизился: тогда
Княжна с постели соскочила,
Седого карлу за колпак
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащий занесла кулак
И в страхе завизжала так,
Что всех арапов оглушила.
Трепеща, скорчился бедняк,
Княжны испуганной бледнее;
Зажавши уши поскорее,

Хотел бежать, но в борюде
Запутался, упал и бьется;
Встает, упал; в такой беде
Арапов черный рой мятется;
Шумят, толкаются, бегут,
Хватают колдуна в охапку
И вон распутывать несут,
Оставляя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь наш?
Вы помните ль нежданну встречу?

Бери свой быстрый карандаш,
Рисуй, Орловский, ночь и сечу!
При свете трепетном луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца их гневом стеснены,
Уж копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровию покрыты,
Щиты трещат, в куски разбиты...

Они схватились на конях;
Взрывая к небу черный прах,
Под ними борзые кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Друг друга стиснув, остаются,
Как бы к седлу пригвождены;

Их члены злобой сведены;
Переплелись и костенеют;
По жилам быстрый огонь бежит;
На вражьей груди грудь дрожит

И вот колеблются, слабеют —
Кому-то пасть... вдруг витязь
мой,
Вскипев, железною рукой
С седла наездника срывает,
Подъемлет, держит над собой
И в волны с берега бросает.
«Погибни! — грозно восклицает;
—
Умри, завистник злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
С кем бился доблестный Руслан:
То был кровавых битв искатель,
Рогдай, надежда киевлян,
Людмилы мрачный обожатель.
Он вдоль днепровских берегов
Искал соперника следов;
Нашел, настиг, но прежняя сила
Питомцу битвы изменила,
И Руси древний удалец
В пустыне свой нашел конец.
И слышно было, что Рогдая

Тех вод русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смехом увлекла,
И долго после, ночью темной
Бродя близ тихих берегов,
Богатыря призрак огромный
Пугал пустынных рыбаков.

Песнь третья

Напрасно вы в тени таились
Для мирных, счастливых друзей,
Стихи мои! Вы не сокрылись
От гневных зависти очей.
Уж бледный критик, ей в услугу,
Вопрос мне сделал роковой:
Зачем Русланову подругу,
Как бы на смех ее супругу,
Зову и девой и княжной?
Ты видишь, добрый мой чита-
тель,
Тут злобы черную печать!
Скажи, Зоил, скажи, предатель,
Ну как и что мне отвечать?
Красней, несчастный, бог с то-
бою!
Красней, я спорить не хочу;
Довольный тем, что прав душою,

В смиренной кротости молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь томные глаза,
Ты, жертва скучного Гимена...
Я вижу: тайная слеза
Падет на стих мой, сердцу внят-
ный;
Ты покраснела, взор погас;
Вздохнула молча... вздох понят-
ный!
Ревнивец: бойся, близок час;
Амур с Досадой своенравной
Вступили в смелый заговор,
И для главы твоей бесславной
Готов уж мстительный убор.

Уж утро хладное сияло
На темени полнощных гор;
Но в дивном замке всё молчало.
В досаде скрытой Черномор,
Без шапки, в утреннем халате,
Зевал сердито на кровати.
Вокруг бранды его седой
Рабы толпились молчаливы,
И нежно гребень костяной
Расчесывал ее извивы;
Меж тем, для пользы и красы,
На бесконечные усы

Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились;
Как вдруг, откуда ни возьмись,
В окно влетает змий крылатый;
Гремя железной чешуей,
Он в кольца быстрые согнулся
И вдруг Наиной обернулся
Пред изумленною толпой.
«Приветствую тебя, — сказала,
—

Собрат, издавна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рок соединяет
Теперь нас общею враждой;
Тебе опасность угрожает,
Нависла туча над тобой;
И голос оскорбленной чести
Меня к отмищению зовет».

Со взором, полным хитрой ле-
сти,
Ей карла руку подает,
Вещая: «Дивная Наина!
Мне драгоценен твой союз.
Мы посрамим коварство Финна;
Но мрачных козней не боюсь:
Противник слабый мне не стра-

шен;
Узнай чудесный жребий мой:
Сей благодатной бородой
Недаром Черномор украшен.
Доколь власов ее седых
Враждебный меч не перерубит,
Никто из витязей лихих,
Никто из смертных не погубит
Малейших замыслов моих;
Моею будет век Людмила,
Руслан же гробу обречен!»
И мрачно ведьма повторила:
«Погибнет он! погибнет он!»
Потом три раза прошипела,
Три раза топнула ногой
И черным змием улетела.

Блестая в ризе парчевой,
Колдун, колдуньей ободренный,
Развеселясь, решил вновь
Нести к ногам девицы пленной
Усы, покорность и любовь.
Разряжен карлик бородатый,
Опять идет в ее палаты;
Проходит длинный комнат ряд:
Княжны в них нет. Он дале, в сад,
В лавровый лес, к решетке сада,
Вдоль озера, вокруг водопада,

Под мостики, в беседки... нет!
Княжна ушла, пропал и след!
Кто выразит его смущенье,
И рев, и трепет исступленья?
С досады дня не взвидел он.
Раздался карлы дикий стон:
«Сюда, невольники, бегите!
Сюда, надеюсь я на вас!
Сейчас Людмилу мне сыщите!
Скорее, слышите ль? сейчас!
Не то — шутите вы со мною —
Всех удавлю вас бороною!»

Читатель, расскажу ль тебе,
Куда красавица девалась?
Всю ночь она своей судьбе
В слезах дивилась и — смеялась.
Ее пугала борода,
Но Черномор уж был известен,
И был смешон, а никогда
Со смехом ужас несовместен.
Навстречу утренним лучам
Постель оставила Людмила
И взор невольный обратила
К высоким, чистым зеркалам;
Невольно кудри золотые
С лилейных плеч приподняла;
Невольно волосы густые

Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашние наряды
Нечаянно в углу нашла;
Вздыхнув, оделась и с досады
Тихонько плакать начала;
Однако с верного стекла,
Вздыхая, не сводила взора,
И девице пришло на ум,
В волнение своенравных дум,
Примерить шапку Черномора.
Всё тихо, никого здесь нет;
Никто на девушку не взглянет...
А девушке в семнадцать лет
Какая шапка не пристанет!
Рядиться никогда не лень!
Людмила шапкой завертела;
На брови, прямо, набекрень
И задом наперед надела.
И что ж? о чудо старых дней!
Людмила в зеркале пропала;
Перевернула — перед ней
Людмила прежняя предстала;
Назад надела — снова нет;
Сняла — и в зеркале! «Прекрасно!
Добро, колдун, добро, мой свет!
Теперь мне здесь уж безопасно;
Теперь избавлюсь от хлопот!»
И шапку старого злодея

Княжна, от радости краснея,
Надела задом наперед.

Но возвратимся же к герою.
Не стыдно ль заниматься нам
Так долго шапкой, бородой,
Руслана поруча судьбам?
Свершив с Рогдаем бой жестокий,
Проехал он дремучий лес;
Пред ним открылся дол широкий
При блеске утренних небес.
Трепещет витязь поневоле:
Он видит старой битвы поле.
Вдали всё пусто; здесь и там
Желтеют кости; по холмам
Разбросаны колчаны, латы;
Где сбруя, где заржавый щит;
В костях руки здесь меч лежит;
Травой оброс там шлем косма-
тый
И старый череп тлеет в нем;
Богатыря там остов целый
С его поверженным конем
Лежит недвижимый; копья, стре-
лы
В сырую землю вонзены,
И мирный плющ их обвивает...
Ничто безмолвной тишины

*Пустыни сей не возмущает,
И солнце с ясной вышины
Долину смерти озаряет.*

*Со вздохом витязь вокруг себя
Взирает грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топтал
В последний час кровавой битвы?
Кто на тебе со славой пал?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачем же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?..
Времен от вечной темноты,
Быть может, нет и мне спасе-
нья!
Быть может, на холме немом
Поставят тихий гроб Русланов,
И струны громкие Баянов
Не будут говорить о нем!»*

*Но вскоре вспомнил витязь
мой,
Что добрый меч герою нужен
И даже панцырь; а герой
С последней битвы безоружен.
Обходит поле он вокруг;*

В кустах, среди костей забвенных,
В громаде тлеющих кольчуг,
Мечей и шлемов раздробленных
Себе доспехов ищет он.
Проснулись гул и степь немая,
Поднялся в поле треск и звон;
Он поднял щит, не выбирая,
Нашел и шлем и звонкий рог;
Но лишь меча сыскать не мог.
Долину брани объезжая,
Он видит множество мечей,
Но все легки, да слишком малы,
А князь красавец был не вялый,
Не то, что витязь наших дней.
Чтоб чем-нибудь играть от ску-
ки,
Копье стальное взял он в руки,
Кольчугу он надел на грудь
И далее пустился в путь.

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленной землей;
Дымятся синие туманы,
И всходит месяц золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчив едет наш Руслан
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный,

И что-то страшное храпит.
Он ближе к холму, ближе — слышит:

Чудесный холм как будто дышит.
Руслан внимает и глядит
Бестрепетно, с покойным духом;
Но, шевеля пугливым ухом,
Конь упирается, дрожит,
Трясет упрямой головою,
И грива дыбом поднялась.
Вдруг холм, безоблачной луною
В тумане бледно озарясь,
Яснеет; смотрит храбрый князь

И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объаты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в темной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь.
В своей ужасной красоте
Над мрачной степью возвышаясь,
Безмолвием окружена,
Пустыни сторож безымянной,
Руслану предстоит она
Громадой грозной и туманной.
В недоуменье хочет он

Таинственный разрушить сон.
Вблизи осматривая диво,
Объехал голову кругом
И стал пред носом молчаливо;
Щекотит ноздри копием,
И, сморщась, голова зевнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилась пыль; с ресниц, с усов,
С бровей слетела стая сов;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржал, запрыгал, отлетел,
Едва сам витязь усидел,
И вслед раздался голос шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назад, я не шучу!
Как раз нахала проглочу!»
Руслан с презреньем оглянулся,
Браздами удержал коня
И с гордым видом усмехнулся.
«Чего ты хочешь от меня? —
Нахмурясь, голова вскричала. —
Вот гостя мне судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь уж ночь,
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубые слова,

Воскликнул с важностью сердитой:

«Молчи, пустая голова!
Слыхал я истину, бывало:
Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!»

Тогда, от ярости немея,
Стесненной злобой пламенея,
Надулась голова; как жар,
Кровавы очи засверкали;
Напелясь, губы задрожали,
Из уст, ушей поднялся пар —
И вдруг она, что было мочи,
Навстречу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонив главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи

Неверный продолжает путь;
Объятый страхом, ослепленный,
Он мчится вновь, изнеможенный,
Далече в поле отдохнуть.

Вновь обратиться витязь хочет

—
Вновь отражен, надежды нет!
А голова ему вослед,

Как сумасшедшая, хохочет,
Гремит: «Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даром;
Не трусь, наездник, и меня
Порадуй хоть одним ударом,
Пока не заморил коня».

И между тем она героя
Дразнила страшным языком.
Руслан, досаду в сердце кроя,
Грозит ей молча копием,
Трясет его рукой свободной,
И, задрожав, булат холодный
Вонзился в дерзостный язык.
И кровь из бешеного зева
Рекою побежала вмиг.
От удивленья, боли, гнева,
В минуту дерзости лишась,
На князя голова глядела,
Железо грызла и бледнела
В спокойном духе горячась,
Так иногда средь нашей сцены
Плохой питомец Мельпомены,
Внезапным свистом оглушен,
Уж ничего не видит он,
Бледнеет, ролю забывает,
Дрожит, поникнув головой,
И, заикаясь, умолкает

Перед насмешливой толпой.
Счастливым пользуясь мгнове-
ньем,
К объятой голове смущеньем,
Как ястреб, богатырь летит
С поднятой, грозною десницей
И в щеку тяжелой рукавицей
С размаха голову разит;
И степь ударом огласилась;
Кругом росистая трава
Кровавой пеной обогрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлем чугунный застучал.
Тогда на месте опустелом
Меч богатырский засверкал.
Наш витязь в трепете веселом
Его схватил и к голове
По окровавленной траве
Бежит с намереньем жестоким
Ей нос и уши обрубить;
Уже Руслан готов разить,
Уже взмахнул мечом широким —
Вдруг, изумленный, внемлет он
Главы молящей жалкий стон...
И тихо меч он опускает,
В нем гнев свирепый умирает,
И мщенье бурное падет

*В душе, молением усмиренной:
Так на долине тает лед,
Лучом полудня пораженный.*

*«Ты вразумил меня, герой, —
Со вздохом голова сказала, —
Твоя десница доказала,
Что я виновен пред тобой;
Отныне я тебе послушен;
Но, витязь, будь великодушен!
Достоин плача жребий мой.
И я был витязь удалой!
В кровавых битвах супостата
Себе я равного не зрел;
Счастлив, когда бы не имел
Соперником меньшого брата!
Коварный, злобный Черномор,
Ты, ты всех бед моих виною!
Семейства нашего позор,
Рожденный карлой, с бороною,
Мой дивный рост от юных дней
Не мог он без досады видеть
И стал за то в душе своей
Меня, жестокий, ненавидеть.
Я был всегда немного прост,
Хотя высок; а сей несчастный,
Имея самый глупый рост,
Умен как бес — и зол ужасно.*

Притом же, знай, к моей беде,
В его чудесной бороде
Таится сила роковая,
И, всё на свете презирая,
Доколе борода цела —
Изменник не страшится зла.
Вот он однажды с видом дружбы
«Послушай, — хитро мне сказал,
—

Не откажись от важной службы:
Я в черных книгах отыскал,
Что за восточными горами,
На тихих моря берегах,
В глухом подвале, под замками
Хранится меч — и что же?
страх!

Я разобрал во тьме волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей меч известен будет нам;
Что нас он обоих погубит:
Мне бороду мою отрубит,
Тебе главу; суди же сам,
Сколь важно нам приобретение
Сего созданья злых духов!»
«Ну, что же? где тут затрудне-
нье? —
Сказал я карле, — я готов;
Иду, хоть за пределы света».

И сосну на плечо взвалил,
А на другое для совета
Злодея брата посадил;
Пустился в дальнюю дорогу,
Шагал, шагал и, слава богу,
Как бы пророчеству назло,
Всё счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвал;
Я разметал его руками
И потаенный меч достал.
Но нет! судьба того хотела:
Меж нами ссора закипела —
И было, признаюсь, о чем!
Вопрос: кому владеть мечом?
Я спорил, карла горячился;
Брались долго; наконец
Уловку выдумал хитрец,
Притих и будто бы смягчился.
«Оставим бесполезный спор, —
Сказал мне важно Черномор, —
Мы тем союз наш обесславим;
Рассудок в мире жить велит;
Судьбе решить мы предоставим,
Кому сей меч принадлежит.
К земле приникнем ухом оба
(Чего не выдумает злоба!),
И кто услышит первый звон,

Тот и владей мечом до гроба».
Сказал и лег на землю он.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но сам жестоко обманулся.
Злодей в глубокой тишине,
Привстав, на цыпочках ко мне
Подкрался сзади, размахнулся;
Как вихорь свистнул острый меч,
И прежде, чем я оглянулся,
Уж голова слетела с плеч —
И сверхъестественная сила
В ней жизни дух остановила.
Мой остов тернием оброс;
Вдали, в стране, людьми забвен-
ной,
Истлел мой прах непогребенный;
Но злобный карла перенес
Меня в сей край уединенный,
Где вечно должен был стеречь
Тобой сегодня взятый меч.
О витязь! Ты храним судьбою,
Возьми его, и бог с тобою!
Быть может, на своем пути
Ты карлу-чародея встретишь —
Ах, если ты его заметишь,
Коварству, злобе отомсти!

*И наконец я счастлив буду,
Спокойно мир оставлю сей —
И в благодарности моей
Твою пощечину забуду».*

Песнь четвертая

*Я каждый день, восстав от сна,
Благодарю сердечно бога
За то, что в наши времена
Волшебников не так уж много.
К тому же — честь и слава им! —
Женитьбы наши безопасны...
Их замыслы не так ужасны
Мужьям, девицам молодым.
Но есть волшебники другие,
Которых ненавижу я:
Улыбка, очи голубые
И голос милый — о друзья!
Не верьте им: они лукавы!
Страшитесь, подражая мне,
Их упоительной отравы
И почивайте в тишине.*

*Поэзии чудесный гений^{666},
Певец таинственных видений,
Любви, мечтаний и чертей,
Могил и рая верный житель,
И музы ветреной моей*

Наперсник, пестун и хранитель!
Прости мне, северный Орфей,
Что в повести моей забавной
Теперь вослед тебе лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы все слышали,
Как бесу в древни дни злодей
Предал сперва себя с печали,
А там и души дочерей;
Как после щедрым подаяньем,
Молитвой, верой, и постом,
И непритворным поканьем
Снискал заступника в святом;
Как умер он и как заснули
Его двенадцать дочерей:
И нас пленили, ужаснули
Картины тайных сих ночей,
Сии чудесные виденья,
Сей мрачный бес, сей божий гнев,
Живые грешника мученья
И прелесть непорочных дев.
Мы с ними плакали, бродили
Вокруг зубчатых замка стен,
И сердцем тронутым любили
Их тихий сон, их тихий плен;
Душой Вадима призывали,

И пробужденье зрели их,
И часто инокинь святых
На гроб отцовский провожали.
И что ж, возможно ль?.. нам со-
лгали!
Но правду возведу ли я?..

Младой Ратмир, направляя к югу
Нетерпеливый бег коня,
Уж думал пред закатом дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерел;
Напрасно витязь пред собою
В туманы дальние смотрел:
Всё было пусто над рекою.
Зари последний луч горел
Над ярко позлащенным бором.
Наш витязь мимо черных скал
Тихонько проезжал и взором
Ночлега меж дерев искал.
Он на долину выезжает
И видит: замок на скалах
Зубчатые стены возвышает;
Чернеют башни на углах;
И дева по стене высокой,
Как в море лебедь одинокий,
Идет, зарей освещена;
И девы песнь едва слышна

Долины в тишине глубокой.

*«Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный.*

*Здесь ночью нега и покой,
А днем и шум и пированье.
Приди на дружное призыванье,
Приди, о путник молодой!*

*У нас найдешь красавиц рой;
Их нежны речи и лобзанье.
Приди на тайное призыванье,
Приди, о путник молодой!*

*Тебе мы с утренней зарей
Наполним кубок на прощанье.
Приди на мирное призыванье,
Приди, о путник молодой!*

*Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный».*

Она манит, она поет;

И юный хан уж под стеною;
Его встречают у ворот
Девицы красные толпою;
При шуме ласковых речей
Он окружен; с него не сводят
Они пленительных очей;
Две девицы коня уводят;
В чертоги входит хан молодой,
За ним отшельниц милых рой;
Одна снимает шлем крылатый,
Другая кованые латы,
Та меч берет, та пыльный щит;
Одежда неги заменит
Железные доспехи брани.
Но прежде юношу ведут
К великолепной русской бане.
Уж волны дымные текут
В ее серебряные чаны,
И брызжут хладные фонтаны;
Разостлан роскошью ковер;
На нем усталый хан ложится;
Прозрачный пар над ним клубит-
ся;
Потупя неги полный взор,
Прелестные, полунагие,
В заботе нежной и немой,
Вкруг хана девы молодые
Теснятся резвою толпой.

Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берез,
И жар от них душистый пахнет;
Другая соком вешних роз
Усталы члены прохлаждает
И в ароматах потопляет
Темнокудрявые власы.
Восторгом витязь упоенный
Уже забыл Людмилы пленной
Недавно милые красы;
Томится сладостным желаньем;
Бродящий взор его блестит,
И, полный страстным ожида-
ньем,
Он тает сердцем, он горит.

Но вот выходит он из бани.
Одетый в бархатные ткани,
В кругу прелестных дев, Ратмир
Садится за богатый пир.
Я не Омер^{667}: в стихах высоких
Он может воспевать один
Обеды греческих дружин,
И звон, и пену чаш глубоких,
Милее, по следам Парни,
Мне славить лирою небрежной
И наготу в ночной тени,
И поцелуй любви нежной!

Луною замок озарен;
Я вижу терем отдаленный,
Где витязь томный, воспаленный
Вкушает одинокий сон;
Его чело, его ланиты
Мгновенным пламенем горят;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манят;
Он страстно, медленно вздыха-
ет,
Он видит их — и в пылком сне
Покровы к сердцу прижимает.
Но вот в глубокой тишине
Дверь отворилась; пол ревнивый
Скрыпит под ножкой торопли-
вой,
И при серебряной луне
Мелькнула дева. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись — твоя настала ночь!
Проснися — дорог миг утраты!..
Она подходит, он лежит
И в сладострастной неге дрем-
лет;
Покров его с одра скользит,
И жаркий пух чело объемлет.
В молчанье дева перед ним
Стоит недвижно, бездыханна,

Как лицемерная Диана^{668}
Пред милым пастырем своим^{669};
И вот она, на ложе хана
Коленом опершись одним,
Вздыхнув, лицо к нему склоняет
С томленьем, с трепетом жи-
вым,
И сон счастливица прерывает
Лобзаньем страстным и
немым...

Но, други, девственная лира
Умолкла под моей рукой;
Слабеет робкий голос мой —
Оставим юного Ратмира;
Не смею песней продолжать:
Руслан нас должен занимать,
Руслан, сей витязь беспримерный,
В душе герой, любовник верный.
Упорным боем утомлен,
Под богатырской головою
Он сладостный вкушает сон.
Но вот уж раннюю зарю
Сияет тихий небосклон;
Всё ясно; утра луч извивый
Главы косматый лоб златит.
Руслан встает, и конь ретивый
Уж витязя стрелою мчит.

И дни бегут; желтеют нивы;
С дерев спадает дряхлый лист;
В лесах осенний ветра свист
Певец пернатых заглушает;
Тяжелый, пасмурный туман
Нагие холмы обвивает;
Зима приблизилась — Руслан
Свой путь отважно продолжает
На дальний север; с каждым днем
Преграды новые встречает:
То бьется он с богатырем,
То с ведьмою, то с великаном,
То лунной ночью видит он,
Как будто сквозь волшебный сон,
Окружены седым туманом,
Русалки, тихо на ветвях
Качаясь, витязя молодого
С улыбкой хитрой на устах
Манят, не говоря ни слова...
Но, тайным промыслом храним,
Бесстрашный витязь невредим;
В его душе желанье дремлет,
Он их не видит, им не внемлет,
Одна Людмила всюду с ним.

Но между тем, никем не зрима,
От нападений колдуна
Волшебной шапкою хранима,

Что делает моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляет по садам,
О друге мыслит и вздыхает,
Иль, волю дав своим мечтам,
К родимым киевским полям
В забвенье сердца улетает;
Отца и братьев обнимает,
Подружек видит молодых
И старых мамушек своих —
Забиты плен и разлученье!
Но вскоре бедная княжна
Свое теряет заблужденье
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленного злодея,
И день и ночь, сидеть не смея,
Меж тем по замку, по садам
Прелестной пленницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако всё по пустякам.
Людмила ими забавлялась:
В волшебных рощах иногда
Без шапки вдруг она являлась
И кликала: «Сюда, сюда!»
И все бросались к ней толпою;
Но в сторону — незрима вдруг —
Она неслышную стопою

От хищных убежала рук.
Везде всечасно замечали
Ее минутные следы:
То позлащенные плоды
На шумных ветвях исчезали,
То капли ключевой воды
На луг измятый упадали:
Тогда наверно в замке знали,
Что пьет иль кушает княжна.
На ветвях кедра иль березы
Скрываясь по ночам, она
Минутного искала сна —
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зевотой,
И редко, редко пред зарей,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой;
Едва редела ночи мгла,
Людмила к водопаду шла
Умыться хладною струею:
Сам карла утренней порою
Однажды видел из палат,
Как под невидимой рукою
Плескал и брызгал водопад.
С своей обычной тоскою
До новой ночи, здесь и там,
Она бродила по садам:

Нередко под вечер слышали
Ее приятный голосок;
Нередко в рощах поднимали
Иль ею брошенный венок,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платок.

Жестокой страстью уязвлен-
ный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдун решился наконец
Поймать Людмилу непременно.
Так Лемноса хромой кузнец⁶⁶⁹,
Привя супружеский венец
Из рук прелестной Цитереи,
Раскинул сеть ее красам,
Открыв насмешливым богам
Киприды нежные затеи...

Скучая, бедная княжна
В прохладе мраморной беседки
Сидела тихо близ окна
И сквозь колеблемые ветки
Смотрела на цветущий луг.
Вдруг слышит — кличут: «Милый
друг!»
И видит верного Руслана.
Его черты, походка, стан;

Но бледен он, в очах туман,
И на бедре живая рана —
В ней сердце дрогнуло. «Руслан!
Руслан!.. он точно!» И стрелую
К супругу пленница летит,
В слезах, трепеща, говорит:
«Ты здесь... ты ранен... что с то-
бою?»
Уже достигла, обняла:
О ужас... призрак исчезает!
Княжна в сетях; с ее чела
На землю шапка упадает.
Хладея, слышит грозный крик:
«Она моя!» — и в тот же миг
Зрит колдуна перед очами.
Раздался девы жалкий стон,
Падет без чувств — и дивный сон
Объял несчастную крылами

Что будет с бедною княжной!
О страшный вид: волшебник хи-
лый
Ласкает дерзостной рукой
Младые прелести Людмилы!
Ужели счастлив будет он?
Чу... вдруг раздался рога звон,
И кто-то карлу вызывает.
В смятенье, бледный чародей

На деву шапку надевает;
Трубят опять; звучней, звучней!
И он летит к безвестной встрече,
Закинув бороду за плечи.

И. А. Крылов, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич.

Эскиз к картине «Парад на Марсовом поле».

Рис. Г. Г. Чернецова. Масло. Копия.
1832 г.

Государственный музей А. С. Пушкина.
Москва.

Песнь пятая

Ах, как мила моя княжна!
Мне нрав ее всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской верна,
Немножко ветрена... так что
же?
Еще милее тем она.
Всечасно прелестию новой
Умеет нас она пленить;
Скажите: можно ли сравнить
Ее с Дельфирою суровой?
Одной — судьба послала дар
Обворожать сердца и взоры;

*Ее улыбка, разговоры
Во мне любви рождают жар.
А та — под юбкою гусар,*

Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блажен, кого под вечерок
В уединенный уголок
Моя Людмила поджидает
И другом сердца назовет;
Но, верьте мне, блажен и тот,
Кто от Дельфиры убегает
И даже с нею незнаком.
Да, впрочем, дело не о том!
Но кто трубил? Кто чародея
На сечу грозну вызывал?
Кто колдуна перепугал?
Руслан. Он, мстью пламенея,
Достиг обители злодея.
Уж витязь под горой стоит,
Призывный рог, как буря, воеет,
Нетерпеливый конь кипит
И снег копытом мочным роет.
Князь карлу ждет. Внезапно он
По шлему крепкому стальному
Рукой незримой поражен;
Удар упал подобно грому;
Руслан подьемлет смутный взор
И видит — прямо над главою —
С поднятой, страшной булавою
Летает карла Черномор.
Щитом покрывшись, он нагнулся,
Мечом потряс и замахнулся;

Но тот взвился под облака;
На миг исчез — и свысока
Шумя летит на князя снова.
Проворный витязь отлетел,
И в снег с размаха рокового
Колдун упал — да там и сел;
Руслан, не говоря ни слова,
С коня долой, к нему спешит,
Поймал, за бороду хватает,
Волшебник силится, кричит
И вдруг с Русланом улетает...
Ретивый конь вослед глядит;
Уже колдун под облаками;
На бороде герой висит;
Летят над мрачными лесами,
Летят над дикими горами,
Летят над бездною морской;
От напряженья костенея,
Руслан за бороду злодея
Упорной держится рукой.
Меж тем, на воздухе слабея
И силе русской изумясь,
Волшебник гордому Руслану
Коварно молвит: «Слушай, князь!
Тебе вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду всё, прощу тебя,
Спущусь — но только с угово-

ром...»

«Молчи, коварный чародей! —
Прервал наш витязь: — с Черно-
мором,

С мучителем жены своей,
Руслан не знает договора!
Сей грозный меч накажет вора.

Лети хоть до ночной звезды,
А быть тебе без бороды!»

Боязнь объемлет Черномора;

В досаде, в горести немой,
Напрасно длинной бородой

Усталый карла потрясает:

Руслан ее не выпускает

И щиплет волосы порой.

Два дни колдун героя носит,

На третий он пощады просит:

«О рыцарь, сжался надо мной;

Едва дышу; нет мочи боле;

Оставь мне жизнь, в твоей я воле;

Скажи — спущусь, куда велишь...»

«Теперь ты наш: ага, дрожишь!

Смирись, покорствуй русской си-
ле!

Неси меня к моей Людмиле».

Смиренно внемлет Черномор;
Домой он с витязем пустился;

Летит — и мигом очутился
Среди своих ужасных гор.
Тогда Руслан одной рукою
Взял меч сраженной головы
И, бороду схватив другою,
Отсек ее, как горсть травы.
«Знай наших! — молвил он же-
стоко, —
Что, хищник, где твоя краса?
Где сила?» — и на шлем высокий
Седые вяжет волоса;
Свистя зовет коня лихого;
Веселый конь летит и ржет;
Наш витязь карлу чуть живого
В котомку за седло кладет,
А сам, боясь мгновенья траты,
Спешит на верх горы крутой,
Достиг, и с радостной душой
Летит в волшебные палаты.
Вдали завидя шлем брадатый,
Залог победы роковой,
Пред ним арапов чудный рой,
Толпы невольниц боязливых,
Как призраки, со всех сторон
Бегут — и скрылись. Ходит он
Один среди храмин горделивых,
Супругу милую зовет —
Лишь эхо сводов молчаливых

Руслану голос подает;
В волненье чувств нетерпеливых
Он отворяет двери в сад —
Идет, идет — и не находит;
Кругом смущенный взор обводит
—

Всё мертво: рощицы молчат,
Беседки пусты; на стремнинах,
Вдоль берегов ручья, в долинах,
Нигде Людмилы следу нет,
И ухо ничего не внемлет.
Внезапный князя хлад объемлет,
В очах его темнеет свет,
В уме возникли мрачны думы...
«Быть может, горесть... плен
угрюмый...

Минута... волны...» В сих мечтах
Он погружен. С немой тоскою
Поникнул витязь головою;
Его томит невольный страх;
Недвижим он, как мертвый ка-
мень;
Мрачится разум; дикий пламень
И яд отчаянной любви
Уже текут в его крови.
Казалось — тень княжны пре-
красной
Коснулась трепетным устам...

И вдруг, неистовый, ужасный,
Стремится витязь по садам;
Людмилу с воплем призывает,
С холмов утесы отрывает,
Всё рушит, всё крушит мечом —
Беседки, рощи упадают,
Древа, мосты в волнах ныряют,
Степь обнажается кругом!
Далеко гулы повторяют
И рев, и треск, и шум, и гром;
Повсюду меч звенит и свищет,
Прелестный край опустошен —
Безумный витязь жертвы ищет,
С размаха вправо, влево он
Пустынный воздух рассекает...
И вдруг — нечаянный удар
С княжны невидимой сбивает
Прощальный Черномора дар...
Волшебства вмиг исчезла сила:
В сетях открылася Людмила!
Не веря сам своим очам,
Нежданном счастьем упоенный,
Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, незабвенной,
Целует руки, сети рвет,
Любви, восторга слезы льет,
Зовет ее — но дева дремлет,
Сомкнуты очи и уста,

*И сладострастная мечта
Младую грудь ее подьѐмлет.
Руслан с нее не сводит глаз,
Его терзает вновь кручина...
Но вдруг знакомый слышит глас,
Глас добродетельного Финна:*

*«Мужайся, князь! В обратный
путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести верен будь.
Небесный гром на злобу грянет,
И воцарится тишина —
И в светлом Киеве княжна
Перед Владимиром восстанет
От очарованного сна».*

*Руслан, сим гласом оживлен-
ный,
Берет в объятия жену,
И тихо с ношей драгоценной
Он оставляет вышину
И сходит в дол уединенный.*

*В молчанье, с карлой за седлом,
Поехал он своим путем;
В его руках лежит Людмила,*

Свежа, как вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми в кольцо,
Пустынный ветерок играет;
Как часто грудь ее вздыхает!
Как часто тихое лицо
Мгновенной розою пылает!
Любовь и тайная мечта
Русланов образ ей приносят,
И с томным шопотом уста
Супруга имя произносят...
В забвеньи сладком ловит он
Ее волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нежный стон
И сонных персей волнованье...

Меж тем, по долам, по горам,
И в белый день, и по ночам,
Наш витязь едет непрестанно.
Еще далек предел желанный,
А дева спит. Но юный князь,
Бесплодным пламенем томясь,
Ужель, страдалец постоянный,
Супругу только сторожил
И в целомудренном мечтанье,
Смирив нескромное желанье,
Свое блаженство находил?

Монах, который сохранил
Потомству верное преданье
О славном витязе моем,
Нас уверяет смело в том:
И верю я! Без разделенья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоем.
Пастушки, сон княжны прелест-
ной
Не походил на ваши сны,
Порой томительной весны,
На мураве, в тени древесной.
Я помню маленький лужок
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерок,
Я помню Лиды сон лукавый...
Ах, первый поцелуй любви,
Дрожащий, легкий, торопливый,
Не разогнал, друзья мои,
Ее дремоты терпеливой...
Но полно, я болтаю вздор!
К чему любви воспоминанье?
Ее утеха и страданье
Забыты мною с давних пор;
Теперь влекут мое вниманье
Княжна, Руслан и Черномор.

Пред ними стелется равнина,

Где ели изредка взошли;
И грозного холма вдали
Чернеет круглая вершина
Небес на яркой синеве.
Руслан глядит — и догадался,
Что подъезжает к голове;
Быстрее борзый конь помчался;
Уж видно чудо из чудес;
Она глядит недвижным оком;
Власы ее как черный лес,
Поросший на челе высоком;
Ланиты жизни лишены,
Свинцовой бледностью покрыты;
Уста огромные открыты,
Огромны зубы стеснены ...
Над полумертвой головою
Последний день уж тяготел.
К ней храбрый витязь прилетел
С Людмилой, с карлой за спиною.
Он крикнул: «Здравствуй, голова!
Я здесь! наказан твой изменник!
Гляди: вот он, злодей наш плен-
ник!»
И князя гордые слова
Ее внезапно оживили,
На миг в ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...

Узнала витязя она
И брата с ужасом узнала.
Надулись ноздри; на щеках
Багровый огонь еще родился,
И в умирающих глазах
Последний гнев изобразился.
В смятенье, в бешенстве немом
Она зубами скрежетала
И брату хладным языком
Укор невнятный лепетала...
Уже ее в тот самый час
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гас,
Слабело тяжкое дыханье,
Огромный закатился взор,
И вскоре князь и Черномор
Узрели смерти содроганье...
Она почила вечным сном.
В молчанье витязь удалился;
Дрожащий карлик за седлом
Не смел дышать, не шевелился
И чернокнижным языком
Усердно демонам молился.

На склоне темных берегов
Какой-то речки безымянной,
В прохладном сумраке лесов,
Стоял поникшей хаты кров,

Густыми соснами венчаный.
В течение медленном река
Вблизи плетень из тростника
Волною сонной омывала
И вокруг него едва журчала
При легком шуме ветерка.
Долина в сих местах таилась,
Уединенна и темна;
И там, казалось, тишина
С начала мира воцарилась.
Руслан остановил коня.
Всё было тихо, безмятежно;
От рассветающего дня
Долина с рощею прибрежной
Сквозь утренний сияла дым.
Руслан на луг жену слагает,
Садится близ нее, вздыхает
С уныньем сладким и немым;
И вдруг он видит пред собою
Смиранный парус челнока
И слышит песню рыбака
Над тихоструйною рекою.
Раскинув невод по волнам,
Рыбак, на весла наклоненный,
Плывет к лесистым берегам,
К порогу хижины смиренной.
И видит добрый князь Руслан:
Челнок ко берегу приплывает;

Из темной хаты выбегает
Младая дева; стройный стан,
Власы, небрежно распущенны,
Улыбка, тихий взор очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Всё мило, всё пленяет в ней.
И вот они, обняв друг друга,
Садятся у прохладных вод,
И час беспечного досуга
Для них с любовью настаёт.
Но в изумленье молчаливом
Кого же в рыбаке счастливом
Наш юный витязь узнает?
Хазарский хан, избранный славой,
Ратмир, в любви, в войне кровавой
Его соперник молодой,
Ратмир в пустыне безмятежной
Людмилу, славу позабыл
И им навеки изменил
В объятиях подружки нежной.

Герой приблизился, и вмиг
Отшельник узнает Руслана,
Встает, летит. Раздался крик...
И обнял князь молодого хана.
«Что вижу я? — спросил герой, —
Зачем ты здесь, зачем оставил
Тревоги жизни боевой

И меч, который ты прославил?»
«Мой друг, — ответствовал рыбак, —

Душе наскучил бранной славы
Пустой и гибельный призрак.
Поверь: невинные забавы,
Любовь и мирные дубравы
Милее сердцу во сто крат.
Теперь, утратив жажду брани,
Престал платить безумству да-
ни,

И, верным счастьем богат,
Я всё забыл, товарищ милый,
Всё, даже прелести Людмилы».
«Любезный хан, я очень рад! —
Сказал Руслан, — она со мною».
«Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна...
Она с тобою, где ж она?
Позволь... но нет, боюсь измены;
Моя подруга мне мила;
Моей счастливой перемены
Она виновницей была;
Она мне жизнь, она мне радость!
Она мне возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И мир, и чистую любовь.
Напрасно счастье мне сулили

Уста волшебниц молодых;
Двенадцать дев меня любили:
Я для нее покинул их;
Оставил терем их веселый,
В тени хранительных дубров;
Сложил и меч и шлем тяжелый,
Забыл и славу и врагов.
Отшельник, мирный и безвест-
ный,
Остался в счастливой глуши,
С тобой, друг милый, друг пре-
лестный,
С тобою, свет моей души!»

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговор
И, устремив на хана взор,
И улыбалась и вздыхала.

Рыбак и витязь на берегах
До темной ночи просидели
С душой и сердцем на устах —
Часы невидимо летели.
Чернеет лес, темна гора;
Встает луна — всё тихо стало;
Герою в путь давно пора.
Накинув тихо покрывало
На деву спящую, Руслан

Идет и на коня садится;
Задумчиво безмолвный хан
Душой вослед ему стремится,
Руслану счастья, побед,
И славы, и любви желает...
И думы гордых, юных лет
Невольной грустью оживляет...

Зачем судьбой не суждено
Моей непостоянной лире
Геройство воспевать одно
И с ним (незнаемые в мире)
Любовь и дружбу старых лет?
Печальной истины поэт,
Зачем я должен для потомства
Порок и злобу обнажать
И тайны козни вероломства
В правдивых песнях обличать?

Княжны искатель недостой-
ный,
Охоту к славе потеряв,
Никем не знаемый, Фарлаф
В пустыне дальней и спокойной
Скрывался и Наины ждал.
И час торжественный настал.
К нему волшебница явилась,
Вещая: «Знаешь ли меня?»

Ступай за мной; седлай коня!»
И ведьма кошкой обратилась;
Оседлан конь, она пустилась;
Тропами мрачными дубрав
За нею следует Фарлаф.

Долина тихая дремала,
В ночной одетая туман,
Луна во мгле перебежала
Из тучи в тучу и курган
Мгновенным блеском озаряла.
Под ним в безмолвии Руслан
Сидел с обычной тоскою
Пред усыпленную княжнюю.
Глубоку думу думал он,
Мечты летели за мечтами,
И неприметно веял сон
Над ним холодными крылами.
На деву смутными очами
В дремоте томной он взглянул
И, утомленную главою
Склонясь к ногам ее, заснул.

И снится вещий сон герою:
Он видит, будто бы княжна
Над страшной бездны глубиною
Стоит недвижна и бледна...
И вдруг Людмила исчезает,

Стоит один над бездной он...
Знакомый глас, призывный стон
Из тихой бездны вылетает...
Руслан стремится за женой;
Стремглав летит во тьме глубо-
кой...

И видит вдруг перед собой:
Владимир, в гряднице высокой,
В кругу седых богатырей,
Между двенадцатью сынами,
С толпою названных гостей
Сидит за бранными столами.
И так же гневен старый князь,
Как в день ужасный расставанья,
И все сидят не шевелясь,
Не смея перервать молчанья.
Утих веселый шум гостей,
Не ходит чаша круговая...
И видит он среди гостей
В бою сраженного Рогдая:
Убитый как живой сидит;
Из опененного стакана
Он, весел, пьет и не глядит
На изумленного Руслана.
Князь видит и младого хана,
Друзей и недругов... и вдруг
Раздался гуслей беглый звук
И голос вещего Баяна,

Певца героев и забав.
Вступает в грудницу Фарлаф,
Ведет он за руку Людмилу;
Но старец, с места не привстав,
Молчит, склонив главу унылу,
Князья, бояре — все молчат,
Душевные движенья кроя.
И всё исчезло — смертный хлад
Объемлет спящего героя.
В дремоту тяжело погружен,
Он льет мучительные слезы,
В волненьи мыслит: это сон!
Томится, но зловещей грезы,
Увы, прервать не в силах он.

Луна чуть светит над горою;
Объяты рощи темнотою,
Долина в мертвой тишине...
Изменник едет на коне.

Перед ним открылася поляна;
Он видит сумрачный курган;
У ног Людмилы спит Руслан,
И ходит конь кругом кургана.
Фарлаф с боязнию глядит;
В тумане ведьма исчезает,
В нем сердце замерло, дрожит,
Из хладных рук узду роняет,

Тихонько обнажает меч,
Готовясь витязя без боя
С размаха надвое рассечь...
К нему подъехал. Конь героя,
Врага почуя, закипел,
Заржал и топнул. Знак напрас-
ный!

Руслан не внемлет; сон ужасный,
Как груз, над ним отяготел!..
Изменник, ведьмой ободренный,
Герою в грудь рукой презренной
Вонзает трижды хладну сталь...
И мчится боязливо вдаль
С своей добычей драгоценной.

Всю ночь бесчувственный Рус-
лан
Лежал во мраке под горою.
Часы летели. Кровь рекою
Текла из воспаленных ран.
Поутру, взор открыв туманный,
Пуская тяжкий, слабый стон,
С усилием приподнялся он,
Взглянул, поник главою бранной
—
И пал недвижимый, бездыханный.

Песнь шестая

Ты мне велишь, о друг мой нежный,
На лире легкой и небрежной
Старинны были напевать
И музе верной посвящать
Часы бесценного досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь с ветреной молвой,
Твой друг, блаженством упоенный,
Забыл и труд уединенный,
И звуки лиры дорогой.
От гармонической забавы
Я, негой упоен, отвык...
Дышу тобой — и гордой славы
Невнятен мне призывный клик!
Меня покинул тайный гений
И вымыслов, и сладких дум;
Любовь и жажда наслаждений
Одни преследуют мой ум.
Но ты велишь, но ты любила
Рассказы прежние мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владимир, ведьма, Черномор
И Финна верные печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкий вздор,

С улыбкой иногда дремала;
Но иногда свой нежный взор
Нежнее на певца бросала...
Решусь: влюбленный говорун,
Касаюсь вновь ленивых струн;
Сажусь у ног твоих и снова
Бренчу про витязя младого.

Но что сказал я? Где Руслан?
Лежит он мертвый в чистом поле:

Уж кровь его не льется боле,
Над ним летает жадный вран,
Безгласен рог, недвижны латы,
Не шевелится шлем косматый!

Вокруг Руслана ходит конь,
Поникнув гордой головою,
В его глазах исчез огонь!

Не машет гривой золотою,
Не тешится, не скачет он
И ждет, когда Руслан воспрянет...

Но князя крепок хладный сон,
И долго щит его не грянет.

А Черномор? Он за седлом,
В котомке, ведьмою забытый,

Еще не знает ни о чем;
Усталый, сонный и сердитый
Княжну, героя моего
Бранил от скуки молчаливо;
Не слыша долго ничего,
Волшебник выглянул — о диво!
Он видит, богатырь убит;
В крови потопленный лежит;
Людмилы нет, всё пусто в поле;
Злодей от радости дрожит
И мнит: свершилось, я на воле!
Но старый карла был неправ.

Меж тем, Наиной осененный,
С Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится к Киеву Фарлаф:
Летит, надежды, страха полный;
Пред ним уже днепровски волны
В знакомых пажитях шумят;
Уж видит златоверхий град;
Уже Фарлаф по граду мчится,
И шум на стогнах восстает;
В волненье радостном народ
Валит за всадником, теснится;
Бегут обрадовать отца:
И вот изменник у крыльца.

Влача в душе печали бремя,

Владимир-солнышко в то время
В высоком тереме своем
Сидел, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругом
Сидели с важностью угрюмой.
Вдруг внемлет он: перед крыль-
цом

Волненье, крики, шум чудесный;
Дверь отворилась; перед ним
Явился воин неизвестный;
Все встали с шепотом глухим
И вдруг смутились, зашумели:
«Людмила здесь! Фарлаф... уже-
ли?»

В лице печальном изменясь,
Встает со стула старый князь,
Спешит тяжельми шагами
К несчастной дочери своей,
Подходит; отчими руками
Он хочет прикоснуться к ней;
Но дева милая не внемлет,
И очарованная дремлет
В руках убийцы — все глядят
На князя в смутном ожиданье;
И старец беспокойный взгляд
Вперил на витязя в молчанье.
Но, хитро перст к устам прижав,
«Людмила спит, — сказал Фар-

лаф, —
Я так нашел ее недавно
В пустынных муромских лесах
У злого лешего в руках;
Там совершилось дело славно;
Три дня мы бились; луна
Над боем трижды подымалась;
Он пал, а юная княжна
Мне в руки сонною досталась;
И кто прервет сей дивный сон?
Когда настанет пробужденье?
Не знаю — скрыт судьбы закон!
А нам надежда и терпенье
Одни остались в утешенье».

И вскоре с вестью роковой
Молва по граду полетела;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипела;
Печальный терем всем открыт;
Толпа волнуется, валит
Туда, где на одре высоком,
На одеяле парчевом
Княжна лежит во сне глубоком;
Князья и витязи кругом
Стоят унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремят над нею; старый князь,

Тоской тяжелой изнурясь,
К ногам Людмилы сединами
Приник с безмолвными слезами;
И бледный близ него Фарлаф,
В немом раскаянье, в досаде
Трепещет, дерзость потеряв.

Настала ночь. Никто во граде
Очей бессонных не смыкал
Шумя, теснились все друг к другу:
О чуде всякий толковал;
Младой супруг свою супругу
В светлице скромной забывал.
Но только свет луны двурогой
Исчез пред утренней зарей,
Весь Киев новою тревогой
Смутился! Клики, шум и вой
Возникли всюду. Киевляне
Толпятся на стене градской...
И видят: в утреннем тумане
Шатры белеют за рекой;
Щиты, как зарево, блистают,
В полях наездники мелькают,
Вдали подъямля черный прах;
Идут походные телеги,
Костры пылают на холмах.
Беда: восстали печенеги!

Но в это время вещей Финн,
Духов могучий властелин,
В своей пустыне безмятежной,
С спокойным сердцем ожидал,
Чтоб день судьбины неизбежной,
Давно предвиденный, восстал.

В немой глуши степей горючих
За дальней цепью диких гор,
Жилища ветров, бурь гремучих,
Куда и ведьмы смелый взор
Проникнуть в поздний час боит-
ся,
Долина чудная таится,
И в той долине два ключа:
Один течет волной живою,
По камням весело журча,
Тот льется мертвою водою;
Кругом всё тихо, ветры спят,
Прохлада вешняя не веет,
Столетни сосны не шумят,
Не вьются птицы, лань не смеет
В жар летний пить из тайных
вод;
Чета духов с начала мира,
Безмолвная на лоне мира,
Дремучий берег стережет ...
С двумя кувшинами пустыми

Предстал отшельник перед ними;
Прервали духи давний сон
И удалились страха полны.
Склонившись, погружает он
Сосуды в девственные волны;
Наполнил, в воздухе пропал
И очутился в два мгновенья
В долине, где Руслан лежал
В крови, безгласный, без движе-
нья;
И стал над рыцарем старик,
И вспрыснул мертвою водою,
И раны засияли вмиг,
И труп чудесной красотой
Процвел; тогда водой живую
Героя старец окропил,
И бодрый, полный новых сил,
Трепеща жизнью молодою,
Встает Руслан, на ясный день
Очами жадными взирает,
Как безобразный сон, как тень,
Перед ним минувшее мелькает.
Но где Людмила? Он один!
В нем сердце, вспыхнув, замирает.
Вдруг витязь вспрянул; вещий
Финн
Его зовет и обнимает:
«Судьба свершилась, о мой сын!

Тебя блаженство ожидает;
Тебя зовет кровавый пир;
Твой грозный меч бедою грядет;
На Киев снидет кроткий мир,
И там она тебе предстанет.
Возьми заветное кольцо,
Коснися им чела Людмилы,
И тайных чар исчезнут силы,
Врагов смутит твое лицо,
Настанет мир, погибнет злоба.
Достойны счастья будьте оба!
Прости надолго, витязь мой!
Дай руку... там, за дверью гроба —
Не прежде — свидимся с тобой!»
Сказал, исчезнул. Упоенный
Восторгом пылким и немым,
Руслан, для жизни пробужденный,
Подъемлет руки вслед за ним.
Но ничего не слышно боле!
Руслан один в пустынном поле;
Запрыгав, с карлой за седлом,
Русланов конь нетерпеливый
Бежит и ржет, махая гривой;
Уж князь готов, уж он верхом,
Уж он летит живой и здоровый
Через поля, через дубравы.

Но между тем какой позор

Являет Киев осажденный?
Там, устремив на нивы взор,
Народ, уныньем пораженный,
Стоит на башнях и стенах
И в страхе ждет небесной казни;
Стенанья робкие в домах,
На стогнах тишина боязни;
Один, близ дочери своей,
Владимир в горестной молитве;
И храбрый сонм богатырей
С дружиной верною князей
Готовится к кровавой битве.

И день настал. Толпы врагов
С зарею двинулись с холмов;
Неукротимые дружины,
Волнуясь, хлынули с равнины
И потекли к стене градской;
Во граде трубы загремели,
Бойцы сомкнулись, полетели
Навстречу рати удалой,
Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони;
Со свистом туча стрел взвилась,
Равнина кровью залилась;
Стремглав наездники помчались,
Дружины конные смешались;

Сомкнутой, дружною стеной
Там рубится со строем строй;
Со всадником там пеший бьется;
Там конь испуганный несется;
Там клики битвы, там побег;
Там русский пал, там печенег;
Тот опрокинут булавою;
Тот легкой поражен стрелою;
Другой, придавленный щитом,
Растоптан бешеным конем...
И длился бой до темной ночи;
Ни враг, ни наш не одолел!
За горами кровавых тел
Бойцы сомкнули томны очи,
И крепок был их бранный сон;
Лишь изредка на поле битвы
Был слышен падших скорбный
стон
И русских витязей молитвы.

Бледнела утренняя тень,
Волна сребрилась в потоке,
Сомнительный рождался день
На отуманенном востоке.
Яснели холмы и леса,
И просыпались небеса.
Еще в бездейственном покое
Дремало поле боевое;

Вдруг сон прервался: вражий стан
С тревогой шумною воспрянул,
Внезапный крик сражений грянул;
Смутилось сердце киевлян;
Бегут нестройными толпами
И видят: в поле меж врагами,
Блестая в латах, как в огне,
Чудесный воин на коне
Грозой несется, колет, рубит,
В ревуший рог, летая, трубит...
То был Руслан. Как божий гром,
Наш витязь пал на басурмана;
Он рыщет с карлой за седлом
Среди испуганного стана.
Где ни просвищет грозный меч,
Где конь сердитый ни промчится,
Везде главы слетают с плеч
И с воплем строй на строй ва-
лится;
В одно мгновенье бранный луг
Покрыт холмами тел кровавых,
Живых, раздавленных, безглавых,
Громадой копий, стрел, кольчуг.
На трубный звук, на голос боя
Дружины конные славян
Помчались по следам героя,
Сразились... гибни, басурман!
Объемлет ужас печенегов;

Питомцы бурные набегов
Зовут рассеянных коней,
Противиться не смеют боле
И с диким воплем в пыльном поле
Бегут от киевских мечей,
Обречены на жертву аду;
Их сонмы русский меч казнит;
Ликует Киев... Но по граду
Могучий богатырь летит;
В деснице держит меч победный;
Копье сияет как звезда;
Струится кровь с кольчуги мед-
ной;
На шлеме вьется борода;
Летит, надеждой окриленный,
По стогнам шумным в княжий
дом.
Народ, восторгом упоенный,
Толпится с кликами кругом,
И князя радость оживила.
В безмолвный терем входит он,
Где дремлет чудным сном Люд-
мила;
Владимир, в думу погружен,
У ног ее стоял унылый.
Он был один. Его друзей
Война влекла в поля кровавы.
Но с ним Фарлаф, чуждаясь сла-

вы,
Вдали от вражеских мечей,
В душе презрев тревоги стана,
Стоял на страже у дверей.
Едва злодей узнал Руслана,
В нем кровь остыла, взор погас,
В устах открытых замер глас,
И пал без чувств он на колена...
Достойной казни ждет измена!
Но, помня тайный дар кольца,
Руслан летит к Людмиле спящей,
Ее спокойного лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо: юная княжна,
Вздохнув, открыла светлы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилась столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сон
Ее томил мечтой неясной,
И вдруг узнала — это он!
И князь в объятиях прекрасной.
Воскреснув пламенной душой,
Руслан не видит, не внимает,
И старец в радости немой,
Рыдая, милых обнимает.

Чем кончу длинный мой рас-
сказ?

Ты угадаешь, друг мой милый!
Неправый старца гнев погас;
Фарлаф пред ним и пред Людми-
лой

У ног Руслана объявил
Свой стыд и мрачное злодейство;
Счастливым князь ему простил;
Лишенный силы чародейства,
Был принят карла во дворец;
И, бедствий праздную конец,
Владимир в груднице высокой
Запировал в семье своей.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

Эпилог

Так, мира житель равнодуш-
ный,
На лоне праздной тишины,
Я славил лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пел — и забывал обиды
Слепого счастья и врагов,
Измены ветреной Дориды
И сплетни шумные глупцов.
На крыльях вымысла носимый,
Ум улетал за край земной;

И между тем грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!..
Я погибал... Святой хранитель
Первоначальных, бурных дней,
О дружба, нежный утешитель
Болезненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила мир;
Ты сохранила мне свободу,
Кипящей младости кумир!
Забывший светом и молвою,
Далече от берегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немыми
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой;
Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой —
Но огонь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений:
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений!
Восторгов краткий день протек

*И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений...*

1⁸²⁰

Кавказский пленник **Повесть**

{670}

Посвящение

Н. Н. Раевскому

Прими с улыбкою, мой
друг,
Свободной музы приноше-
нье:
Тебе я посвятил, изгнанной лиры
пенью
И вдохновенный свой до-
суг.
Когда я погибал, безвинный, без-
отрадный,
И шепот клеветы внимал со всех
сторон,
Когда кинжал измены хлад-
ный,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили,

Я близ тебя еще спокойство нахо-
дил;
Я сердцем отдыхал — друг друга
мы любили:
И бури надо мной свирепость уто-
мили,
Я в мирной пристани богов благо-
словил.

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту ^{671}, пу-
стынный величавый,
Аулов ^{672} и полей властитель пя-
тиглавый,
 Был новый для меня Пар-
нас.
Забуду ли его кремнистые верши-
ны,
Гремучие ключи, увядшие равни-
ны,
Пустыни знойные, края, где ты со
мною
 Делил души молодые впе-
чатленья;
Где рыскает в горах воинствен-
ный разбой,

И дикий гений вдохнове-
нья
Таится в тишине глухой?
Ты здесь найдешь воспоми-
нанья,
Быть может, милых сердцу
дней,
Противуречия страстей,
Мечты знакомые, знакомые стра-
данья
И тайный глас души моей.

Мы в жизни розно шли: в объяти-
ях покоя
Едва, едва расцвел и вслед от-
ца-героя
В поля кровавые, под тучи вра-
жьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо
полетел.
Отечество тебя ласкало с умиле-
нием,
Как жертву милую, как верный
свет надежд.
Я рано скорбь узнал, постигнут
был гоненьем;
Я жертва клеветы и мстительных
невежд;

Но сердце укрепив свободой и
терпением,
Я ждал беспечно лучших
дней;
И счастье моих друзей
Мне было сладким утешением.

Часть первая

*В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят.
Сыны Кавказа говорят
О бранных, гибельных тревогах,
О красоте своих коней,
О наслажденьях дикой неги;
Вспоминают прежних дней
Неотразимые набеги,
Обманы хитрых узденей^{673},
Удары шашек^{674} их жестоких,
И меткость неизбежных стрел,
И пепел разоренных сел,
И ласки пленниц чернооких.*

*Текут беседы в тишине;
Луна плывет в ночном тумане;
И вдруг пред ними на коне
Черкес. Он быстро на аркане
Младого пленника влачил.*

«Вот русский!» — хищник возопил.
Аул на крик его сбежался
Ожесточенною толпой;
Но пленник хладный и немой,
С обезображенной главой,
Как труп, недвижим оставался.
Лица врагов не видит он,
Угроз и криков он не слышит;
Над ним летает смертный сон
И холодом тлетворным дышит.

И долго пленник молодой
Лежал в забвении тяжелом.
Уж полдень над его главой
Пылал в сиянии веселом;
И жизни дух проснулся в нем,
Невнятный стон в устах раздался;
Согретый солнечным лучом,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругом обводит слабый взор...
И видит: неприступных гор
Над ним воздвигнулась громада.
Гнездо разбойничьих племен,
Черкесской вольности ограда.
Вспомнил юноша свой плен,
Как сна ужасного тревоги,
И слышит: загремели вдруг

Его закованные ноги...
Всё, всё сказал ужасный звук;
Затмилась перед ним природа.
Прости, священная свобода!
Он раб.

За саклями^{675} лежит
Он у колючего забора.
Черкесы в поле, нет надзора,
В пустом ауле всё молчит.
Пред ним пустынные равнины
Лежат зеленой пеленой;
Там холмов тянутся грядой
Однообразные вершины;
Меж них уединенный путь
В дали теряется угрюмой:
И пленника молодого грудь
Тяжелой взволновалась думой...

В Россию дальний путь ведет,
В страну, где пламенную младость
Он гордо начал без забот;
Где первую познал он радость,
Где много милого любил,
Где обнял грозное страданье,
Где бурной жизнью погубил
Надежду, радость и желанье,
И лучших дней воспоминанье

В увядшем сердце заключил.

*Людей и свет изведal он,
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашeд измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привыч-
ной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.*

*Свобода! он одной тебя
Еще искал в пустынном мире.
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечтам и к лире,
С волненьем песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.*

*Свершилось... целью упованья
Не зрит он в мире ничего.
И вы, последние мечтанья,*

И вы сокрылись от него.
Он раб. Склонясь головой на ка-
мень,
Он ждет, чтоб с сумрачной зарей
Погас печальной жизни пламень,
И жаждет сени гробовой.

Уж меркнет солнце за горами;
Вдали раздался шумный гул;
С полей народ идет в аул,
Сверкая светлыми косами.
Пришли; в домах зажглись огни,
И постепенно шум нестройный
Умолкнул; всё в ночной тени
Объято негой спокойной;
Вдали сверкает горный ключ,
Сбегая с каменной стремнины;
Оделись пеленою туч
Кавказа спящие вершины...
Но кто, в сиянии луны,
Среди глубокой тишины
Идет, украдкой ступая?
Очнулся русский. Перед ним,
С приветом нежным и немым,
Стоит черкешенка младая.
На деву молча смотрит он
И мыслит: это лживый сон,
Усталых чувств игра пустая.

Луною чуть озарена,
С улыбкой жалости отрадной
Колена преклонив, она
К его устам кумыс^{676} прохладный
Подносит тихою рукой.
Но он забыл сосуд целебный;
Он ловит жадною душой
Приятной речи звук волшебный
И взоры девы молодой.
Он чуждых слов не понимает;
Но взор умильный, жар ланит,
Но голос нежный говорит:
Живи! и пленник оживает.
И он, собрав остаток сил,
Веленью милому покорный,
Привстал — и чашей благотвор-
ной
Томленья жажды утолил.
Потом на камень вновь склонил-
ся
Отягощенною главой,
Но всё к черкешенке младой
Угасший взор его стремился.
И долго, долго перед ним
Она, задумчива, сидела;
Как бы участием немым
Утешить пленника хотела;
Уста невольно каждый час

С начатой речью открывались;
Она вздыхала, и не раз
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли как тень.
В горах, окованный, у стада
Проводит пленник каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрывает в летний зной;
Когда же рог луны серебристой
Блеснет за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тенистой,
Приносит пленнику вино,
Кумыс, и ульев сот душистый,
И белоснежное пшено;
С ним тайный ужин разделяет;
На нем покоит нежный взор;
С неясной речью сливает
Очей и знаков разговор;
Поет ему и песни гор,
И песни Грузии счастливой,^{677}
И памяти нетерпеливой
Передает язык чужой.
Впервые девственной душой
Она любила, знала счастье,
Но русский жизни молодой
Давно утратил сладострастье.
Не мог он сердцем отвечать

Любви младенческой, открытой

—
*Быть может, сон любви забытой
Боялся он вспоминать.*

*Не вдруг увянет наша младость,
Не вдруг восторги бросят нас,
И неожиданную радость
Еще обнимем мы не раз:
Но вы, живые впечатленья,
Первоначальная любовь,
Небесный пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.*

*Казалось, пленник безнадежный
К унылой жизни привыкал.
Тоску неволи, жар мятежный
В душе глубоко он скрывал.
Влачась меж угрюмых скал,
В час ранней, утренней прохлады,
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,*

И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом.^{678}
Когда, с глухим сливаясь гулом,
Предтеча бури, гром гремел,
Как часто пленник над аулом
Недвижим на горе сидел!
У ног его дымилась тучи,
В степи взвивался прах летучий;
Уже приюта между скал
Елень испуганный искал;
Орлы с утесов подымались
И в небесах перекликались;
Шум табунов, мычанье стад
Уж гласом бури заглушались...
И вдруг на доли дождь и град
Из туч сквозь молний изверга-
лись;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вековые,
Текли потоки дождевые —
А пленник, с горной вышины,
Один, за тучей громовою,
Возврата солнечного ждал,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
С какой-то радостью внимал.

Но европейца всё вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани;
Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный,
Широкой степью, по горам,
В косматой шапке, в бурке чер-
ной,
К луке склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Летал по воле скакуна,
К войне заране приучаясь.
Он любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкес оружием обвешен;
Он им гордится, им утешен;
На нем броня, пищаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан
И шашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет; пеший, конный

Всё тот же он; всё тот же вид
Непобедимый, непреклонный.
Гроза беспечных казаков,
Его богатство — конь ретивый,
Питомец горских табунов,
Товарищ верный, терпеливый.
В пещере иль в траве глухой
Коварный хищник с ним таится
И вдруг, внезапною стрелой,
Завидя путника, стремится;
В одно мгновенье верный бой
Решит удар его могучий,
И странника в ущелья гор
Уже влечет аркан летучий.
Стремится конь во весь опор,
Исполнен огненной отваги;
Всё путь ему: болото, бор,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый след за ним бежит,
В пустыне топот раздаётся;
Седой поток пред ним шумит —
Он в глубь кипящую несётся;
И путник, брошенный ко дну,
Глохает мутную волну,
Изнемогая, смерти просит
И зрит ее перед собой...
Но мощный конь его стрелой
На берег пенистый выносит.

Иль ухватив рогатый пенъ,
В реку низверженный грозю,
Когда на холмах пеленою
Лежит безлунной ночи тень,
Черкес на корни вековые,
На ветви вешает кругом
Свои доспехи боевые,
Щит, бурку, панцырь и шелом,
Колчан и лук — и в быстры волны
За ним бросается потом,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Река ревет;
Могучий ток его несет
Вдоль берегов уединенных,
Где на курганах возвышенных,
Склонясь на копья, казаки
Глядят на темный бег реки —
И мимо их, во мгле чернея,
Плывет оружие злодея...
О чем ты думаешь, казак?
Вспоминаешь прежни битвы,
На смертном поле свой бивак,
Полков хвалебные молитвы
И родину?... Коварный сон!
Простите, вольные станицы,
И дом отцов, и тихой Дон,
Война и красные девицы!
К брегам причалил тайный враг,

Стрела выходит из колчана —
Взвилась — и падает казак
С окровавленного кургана.

Когда же с мирною семьею
Черкес в отеческом жилище
Сидит ненастною порой,
И тлеют угли в пепелище;
И, спрянув с верного коня,
В горах пустынных запоздалый,
К нему войдет пришлец усталый
И робко сядет у огня, —
Тогда хозяин благосклонный
С приветом, ласково, встает
И гостю в чаше благовонной
Чихирь^{679} отрадный подает.
Под влажной буркой, в сакле дым-
ной,
Вкушает путник мирный сон,
И утром оставляет он
Ночлега кров гостеприимный.^{680}

Бывало, в светлый Баиран^{681}
Сберутся юноши толпою;
Игра сменяется игрою.
То, полный разобрал колчан,
Они крылатыми стрелами
Пронзают в облаках орлов;

То с высоты крутых холмов
Нетерпеливыми рядами,
При данном знаке, вдруг падут,
Как лани землю поражают,
Равнину пылью покрывают
И с дружным топотом бегут.

Но скучен мир однообразный
Сердцам, рожденным для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нередко шашки грозно блещут
В безумной резвости пиров,
И в прах летят главы рабов,
И в радости младенцы плещут.

Но русский равнодушно зрел
Сии кровавые забавы.
Любил он прежде игры славы
И жаждой гибели горел.
Невольник чести беспощадной,
Вблизи видал он свой конец,
На поединках твердый, хладный,
Встречая гибельный свинец.
Быть может, в думу погружен-
ный,
Он время то воспоминал,
Когда, друзьями окруженный,

Он с ними шумно пировал...
Жалел ли он о днях минувших,
О днях, надежду обманувших,
Иль, любопытный, созерцал
Суровой простоты забавы
И дикого народа нравы
В сем верном зеркале читал —
Таил в молчанье он глубоком
Движенья сердца своего,
И на челе его высоком
Не изменялось ничего;
Беспечной смелости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили век его молодой
И шепотом между собой
Своей добычею гордились.

«Руслан и Людмила».

Гравюра М. Иванова с оригинала И.
Иванова (по композиции А. Оленина).
Фронтиспис из 1-го издания поэмы
1820 г.

Часть вторая

Ты их узнала, дева гор,
Восторги сердца, жизни сла-
дость;
Твой огненный, невинный взор

*Высказывал любовь и радость.
Когда твой друг во тьме ночной
Тебя лобзал немым лобзаньем,*

Сгорая негой и желаньем,
Ты забывала мир земной,
Ты говорила: «Пленник милый,
Развесели свой взор унылый,
Склонись главою ко мне на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я в пустыне
С тобою, царь души моей!
Люби меня; никто доньше
Не целовал моих очей;
К моей постеле одинокой
Черкес молодой и черноокой
Не крался в тишине ночной;
Слыву я девою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребий мне готовый:
Меня отец и брат суровый
Немилому продать хотят
В чужой аул ценою злата;
Но умолю отца и брата,
Не то — найду кинжал иль яд.
Непостижимой, чудной силой
К тебе я вся привлечена;
Люблю тебя, невольник милый,
Душа тобой упоена...»

Но он с безмолвным сожаленьем

На деву страстную взирал
И, полный тяжким размышле-
нием,
Словам любви ее внимал.
Он забывался. В нем теснились
Воспоминанья прошлых дней,
И даже слезы из очей
Однажды градом покатились.
Лежала в сердце, как свинец,
Тоска любви без упования.
Пред юной девой наконец
Он изливал свои страданья:

«Забудь меня: твоей любви,
Твоих восторгов я не стою.
Бесценных дней не трать со
мною;
Другого юношу зови.
Его любовь тебе заменит
Моей души печальный хлад;
Он будет верен, он оценит
Твою красу, твой милый взгляд,
И жар младенческих лобзаний,
И нежность пламенных речей;
Без упоенья, без желаний
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь след любви несчаст-
ной,

Душевной бури след ужасный;
Оставь меня; но пожалей
О скорбной участи моей!
Несчастный друг, зачем не
прежде
Явилась ты моим очам,
В те дни, как верил я надежде
И упоительным мечтам!
Но поздно: умер я для счастья,
Надежды призрак улетел;
Твой друг отвык от сладостра-
стья,
Для нежных чувств окаменел...

Как тяжело мертвыми устами
Живым лобзаньям отвечать
И очи, полные слезами,
Улыбкой хладною встречать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснув бесчувственной душой,
В объятиях подружки страстной
Как тяжело мыслить о другой!..

Когда так медленно, так неж-
но
Ты пьешь лобзания мои,
И для тебя часы любви
Проходят быстро, безмятежно;

Снедая слезы в тишине,
Тогда рассеянный, унылый
Перед собою, как во сне,
Я вижу образ вечно милый;
Его зову, к нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебе в забвенье предаюсь
И тайный призрак обнимаю.
Об нем в пустыне слезы лью;
Повсюду он со мною бродит
И мрачную тоску наводит
На душу сирую мою.

Оставь же мне мои железы,
Уединенные мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы:
Их разделить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;
Прости... дай руку — на прощанье.
Не долго женскую любовь
Печалит хладная разлука:
Пройдет любовь, настанет скука,
Красавица полюбит вновь».

Раскрыв уста, без слез рыдая,
Сидела дева молодая.
Туманный, неподвижный взор
Безмолвный выражал укор;

Бледна как тень, она дрожала:
В руках любовника лежала
Ее холодная рука;
И наконец, любви тоска
В печальной речи излилася:

«Ах, русский, русский, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебе навек я предалась!
Не долго на груди твоей
В забвенье дева отдыхала;
Не много радостных ночей
Судьба на долю ей послала!
Придут ли вновь когда-нибудь?
Ужель навек погибла радость?..
Ты мог бы, пленник, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя б из жалости одной,
Молчаньем, ласкою притворной;
Я услаждала б жребий твой
Заботой нежной и покорной;
Я стерегла б минуты сна,
Покой тоскующего друга;
Ты не хотел... Но кто ж она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русский? ты любим?..
Понятны мне твои страданья...
Прости ж и ты мои рыданья,

Не смейся горестям моим».

*Умолкла. Слезы и стенанья
Стеснили бедной девы грудь.
Уста без слов роптали пени.
Без чувств, обняв его колени,
Она едва могладохнуть.
И пленник, тихою рукою
Подняв несчастную, сказал:
«Не плачь: и я гоним судьбою,
И муки сердца испытал.
Нет, я не знал любви взаимной,
Любил один, страдал один;
И гасну я, как пламень дымный,
Забитый средь пустых долин;
Умру вдали брегов желанных;
Мне будет гробом эта степь;
Здесь на костях моих изгнанных
Заржавит тягостная цепь...»*

*Светила ночи затмевались;
В дали прозрачной означались
Громады светлоснежных гор;
Главу склонив, потупя взор,
Они в безмолвии расстались.*

*Унылый пленник с этих пор
Один окрест аула бродит.*

Заря на знойный небосклон
За днями новы дни возводит;
За ночью ночь вослед уходит;
Вотще свободы жаждет он.
Мелькнет ли серна меж кустами,
Проскачет ли во мгле сайгак, —
Он, вспыхнув, загремит цепями,
Он ждет, не крадется ль казак,
Ночной аулов разоритель,
Рабов отважный избавитель.
Зовет... но всё кругом молчит;
Лишь волны плещутся, бушуя,
И человека зверь почуя,
В пустыню темную бежит.

Однажды слышит русский
пленный,
В горах раздался клик военный:
«В табун, в табун!» Бегут, шумят;
Уздечки медные гремят,
Чернеют бурки, блещут брони,
Кипят оседланные кони,
К набегу весь аул готов,
И дикие питомцы брани
Рекою хлынули с холмов
И скачут по берегам Кубани
Сбирать насильственные дани.

Утих аул; на солнце спят
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагие
В свободной резвости шумят;
Их прадеды в кругу сидят,
Из трубок дым, вясь, синееет.
Они безмолвно юных дев
Знакомый слушают припев,
И старцев сердце молодеет.

Черкесская песня

В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.

На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы;
Веселый пляшет хоровод.

*Бегите, русские певицы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.*

*Так пели девы. Сев на бреге,
Мечтает русский о побеге;
Но цепь невольника тяжка,
Быстра глубокая река...
Меж тем, померкнув, степь уснула,
Вершины скал омрачены.
По белым хижинам аула
Мелькает бледный свет луны;
Елени дремлют над водами,
Умолкнул поздний крик орлов,
И глухо вторится горами
Далекий топот табунов.*

*Тогда кого-то слышно стало,
Мелькнуло девы покрывало,
И вот — печальна и бледна
К нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищут речи;
Глаза исполнены тоской,
И черной падают волной
Ее власы на грудь и плечи.
В одной руке блестит пила,
В другой кинжал ее булатный;*

Казалось, будто дева шла
На тайный бой, на подвиг рат-
ный.

На пленника возведши взор,
«Беги, — сказала дева гор, —
Нигде черкес тебя не встретит.
Спеши; не трать ночных часов;
Возьми кинжал: твоих следов
Никто во мраке не заметит».

Пилу дрожащей взяв рукой,
К его ногам она склонилась:
Визжит железо под пилой,
Слеза невольная скатилась —
И цепь распалась и гремит.
«Ты волен, — дева говорит, —
Беги!» Но взгляд ее безумный
Любви порыв изобразил.
Она страдала. Ветер шумный,
Свистя, покров ее клубил.
«О друг мой! — русский возопил, —
Я твой навек, я твой до гроба.
Ужасный край оставим оба,
Беги со мной...» — «Нет, русский,
нет!
Она исчезла, жизни сладость;
Я знала всё, я знала радость,

И всё прошло, пропал и след.
Возможно ль? ты любил другую!..
Найди ее, люби ее;
О чем же я еще тоскую?
О чем уныние мое?..
Прости! любви благословенья
С тобою будут каждый час.
Прости — забудь мои мученья,
Дай руку мне... в последний раз».

К черкешенке простер он руки,
Воскресшим сердцем к ней летел,
И долгий поцелуй разлуки
Союз любви запечатлел.
Рука с рукой, унынья полны,
Сошли ко берегу в тишине —
И русский в шумной глубине
Уже плывет и пенит волны,
Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них...
Вдруг волны глухо зашумели,
И слышен отдаленный стон...
На дикой брег выходит он,
Глядит назад, берега яснили
И, опененные, белели;
Но нет черкешенки молодой
Ни у берегов, ни под горой...
Всё мертво... на берегах уснувших

Лишь ветра слышен легкой звук,
И при луне в водах плеснувших
Струистый исчезает круг.

Всё понял он. Прощальным взором
Объемлет он в последний раз
Пустой аул с его забором,
Поля, где, пленный, стадо пас,
Стремнины, где влачил оковы,
Ручей, где в полдень отдыхал,
Когда в горах черкес суровый
Свободы песню запевал.

Редел на небе мрак глубокий,
Ложился день на темный дол,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный пленник шел;
И перед ним уже в туманах
Сверкали русские штыки,
И окликались на курганах
Сторожевые казаки.

Эпилог

Так Муза, легкой друг Мечты,
К пределам Азии летала
И для венка себе срывала
Кавказа дикие цветы.

Ее пленял наряд суровый
Племен, возросших на войне,
И часто в сей одежде новой
Волшебница являлась мне;
Вокруг аулов опустелых
Одна бродила по скалам,
И к песням дев осиротелых
Она прислушивалась там;
Любила бранные станицы,
Тревоги смелых казаков,
Курганы, тихие гробницы,
И шум, и ржанье табунов.
Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних
стран,
Мстислава^{682} древний поединок,
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок;
И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,

И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов;
Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Ты днесь покинул саблю мести,
Тебя не радует война;
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов...
Но се — Восток подъямлет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!

И смолкнул ярый крик войны:
Всё русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.

*К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.*

1⁸²¹

Гавриилиада

{683}

*Воистину еврейки молодой
Мне дорого душевное спасенье.
Приди ко мне, прелестный ангел
мой,
И мирное прими благословенье.
Спасти хочу земную красоту!
Любезных уст улыбкою доволь-
ный,
Царю небес и господу Христу
Пою стихи на лире богомольной.
Смиранных струн, быть может,
наконец
Ее пленят церковные напевы,
И дух святой сойдет на сердце де-
вы;
Властитель он и мыслей и сердец.*

*Шестнадцать лет, невинное
смиренье,*

Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...
Зачем же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты право обманулась:
Я не тебя, — Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима,
Вдали забав и юных волокит
(Которых бес для гибели хранит),
Красавица, никем еще не зрима,
Без прихотей вела спокойный век.
Ее супруг, почтенный человек,
Седой старик, плохой столяр и плотник,
В селенье был единственный работник.
И день и ночь, имея много дел
То с уровнем, то с верною пилою,
То с топором, не много он смотрел
На прелести, которыми владел,

И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процветать.
Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил еврейкой,
Ее кормил — и больше ничего.

Но, с праведных небес во время оно
Всевышний бог склонил приветный взор
На стройный стан, на девственное лоно
Рабы своей — и, чувствуя задор,
Он положил в премудрости глубокой
Благословить достойный вертоград,
Сей вертоград, забытый, одинокий,
Щедротю таинственных наград.

Уже поля немая ночь объем-

лет;
В своем углу Мария сладко дрем-
лет.
Всевышний рек, — и деве снится
сон:
Пред нею вдруг открылся небо-
склон;
Во глубине небес необозримой,
В сиянии и славе нестерпимой
Тьмы ангелов волнуются, кипят,
Бесчисленны летают серафимы,
Струнами арф бряцают херуви-
мы,
Архангелы в безмолвии сидят,
Главы закрыв лазурными крыла-
ми, —
И, яркими одеян облаками,
Предвечного стоит пред ними
трон.
И светел вдруг очам явился он...
Все пали ниц... Умолкнул арфы
звон.
Склонив главу, едва Мария ды-
шит,
Дрожит как лист и голос бога
слышит:
«Краса земных любезных дочерей,
Израиля надежда молодая!

Зову тебя, любовьию пылая,
Причастница ты славы будь мо-
ей:
Готова будь к неведовой судьбине,
Жених грядет, грядет к своей ра-
быне».

Вновь облаком оделся божий
трон;
Восстал духов крылатый легион,
И раздались небесной арфы зву-
ки...
Открыв уста, сложив умильно ру-
ки,
Лицу небес Мария предстоит.
Но что же так волнует и манит
Ее к себе внимательные взоры?
Кто сей в толпе придворных мо-
лодых
С нее очей не сводит голубых?
Пернатый шлем, роскошные убо-
ры,
Сиянье крил и локонов золотых,
Высокий стан, взор томный и
стыдливый —
Всё нравится Марии молчаливой.
Замечен он, один он сердцу мил!
Гордись, гордись, архангел Гаври-

ил!
Пропало всё. — Не внемля дет-
ской пени,
На полотне так исчезают тени,
Рожденные в волшебном фонаре.

Красавица проснулась на заре
И нежилась на ложе томной ле-
ни.
Но дивный сон, но милый Гавриил
Из памяти ее не выходил.
Царя небес любить она хотела,
Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела, —
Но Гавриил казался ей милей...
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъ-
ютант.
Что делать нам? судьба так при-
казала, —
Согласны в том невежда и пе-
дант.

Поговорим о странностях люб-
ви
(Другого я не смыслю разговора).
В те дни, когда от огненного взо-
ра

Мы чувствуем волнение в крови,
Когда тоска обманчивых желаний

Объемлет нас и душу тяготит,
И всюду нас преследует, томит
Предмет один и думы и страданий, —

Не правда ли? в толпе молодых друзей

Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных страстей

Наречием восторгов переводим.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый миг небесных упоений
И к радостям на ложе наслаждений

Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье

И нечего нам более желать, —
Чтоб оживить о ней воспомина-
нье,
С наперсником мы любим побол-
тать.

И ты, господь! познал ее волне-
нье,

И ты пылал, о боже, как и мы.
Создателю постыло всё творенье,
Наскучило небесное моление, —
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю
Марию,
В унынии бессмертные влачу...
Где крылья? к Марии полечу
И на груди красавицы почию!..»
И прочее... всё, что придумать
мог, —
Творец любил восточный, пест-
рый слог.
Потом, призвав любимца Гаври-
ла,
Свою любовь он прозой объяснял.
Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев по-
хвал,
В Меркурии архангела избрал,
Заметя в нем и ум и дарованье, —
И вечерком к Марии подослал.
Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был
счастлив;
Переносить записочки да вести

*Хоть выгодно, но он самолюбив.
И славы сын, намеренья сокрыв,
Стал нехотя услужливый угод-
ник
Царю небес... а по-земному свод-
ник.*

*Но, старый враг, не дремлет са-
тана!
Услышал он, шатаясь в белом све-
те,
Что бог имел еврейку на приме-
те,
Красавицу, которая должна
Спассти наш род от вечной муки
ада.
Лукавому великая досада —
Хлопочет он. Всевышний между
тем
На небесах сидел в унынье слад-
ком,
Весь мир забыв, не правил он ни-
чем —
И без него всё шло своим поряд-
ком.*

*Что ж делает Мария? Где она,
Иосифа печальная супруга?*

В своем саду, печальных дум пол-
на,
Проводит час невинного досуга
И снова ждет пленительного сна.
С ее души не сходит образ милый,
К архангелу летит душой унылой.
В прохладе пальм, под говором ру-
чья
Задумалась красавица моя;
Не мило ей цветов благоуханье,
Не весело прозрачных вод журча-
нье...
И видит вдруг: прекрасная змия,
Приманчивой блистая чешуею,
В тени ветвей качается над нею
И говорит: «Любимица небес!
Не убегай, — я пленник твой по-
слушный...»
Возможно ли? О, чудо из чудес!
Кто ж говорил Марии простодуш-
ной,
Кто ж это был? Увы, конечно, бес.

Краса змии, цветов разнообраз-
ность,
Ее привет, огонь лукавых глаз
Понравились Марии в тот же час.
Чтоб усладить молодого сердца

праздность,
На сатане покоя нежный взор,
С ним завела опасный разговор:

«Кто ты, змия? По льстивому
напеву,
По красоте, по блеску, по глазам
—

Я узнаю того, кто нашу Еву
Привлечь успел к таинственному
древу
И там склонил несчастную к гре-
хам.

Ты погубил неопытную деву,
А с нею весь Адамов род и нас.
Мы в бездне бед невольно потону-
ли.

Не стыдно ли?»

— Попы вас обману-

ли,

И Еву я не погубил, а спас! —

«Спас! от кого?»

— От бога. —

«Враг

опасный!»

— Он был влюблен... —

«Послушай, бе-

регись!»

— Он к ней пылал —

«Молчи!»

— любо-

вью страстной,

Она была в опасности ужасной. —

«Змия, ты лжешь!»

— Ей-богу! —

«Не бо-

жись».

— Но выслушай... —

Подумала Мария:

«Нехорошо в саду, наедине,

Украдкою внимать наветам

змия,

И кстати ли поверить сатане?

Но царь небес меня хранит и лю-

бит,

Всевышний благ: он, верно, не по-

губит

Своей рабы, — за что ж? за разго-

вор!

К тому же он не даст меня в оби-

ду,

Да и змия скромна довольно с ви-

ду.

Какой тут грех? где зло? пустое,

вздор!»

Подумала и ухо приклонила,

Забыв на час любовь и Гавриила.
Лукавый бес, надменно развернув
Гремучий хвост, согнув дугою
шею,
С ветвей скользит — и падает
перед нею;
Желаний огонь во грудь ее вдохнув,
Он говорит:

«С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить ев-
рея,
Он важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум по-
корный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, — историк не при-
дворный,
Не нужен мне пророка важный
чин!

Они должны, красавицы другие,
Завидовать огню твоих очей;
Ты рождена, о скромная Мария,
Чтоб изумлять Адамовых детей,
Чтоб властвовать их легкими
сердцами,

Улыбкою блаженство им дарить,
Сводит с ума двумя-тремя сло-
вами,
По прихоти — любить и не лю-
бить...
Вот жребий твой. Как ты — мла-
дая Ева
В своем саду скромна, умна, ми-
ла,
Но без любви в унынии цвела;
Всегда одни, глаз-на-глаз, муж и
дева
На берегах Эдема светлых рек
В спокойствии вели невинный век.
Скучна была их дней однообраз-
ность.
Ни рожи сень, ни молодость, ни
праздность —
Ничто любви не воскрешало в
них;
Рука с рукой гуляли, пили, ели,
Зевали днем, а ночью не имели
Ни страстных игр, ни радостей
живых...
Что скажешь ты? Тиран неспра-
ведливый,
Еврейский бог, угрюмый и ревни-
вый,

Адамову подругу полюбя,
Ее хранил для самого себя...
Какая честь и что за наслажде-
нье!
На небесах как будто в заточенье,
У ног его молися да молись,
Хвали его, красе его дивись,
Взглянуть не смей украдкой на
другого,
С архангелом тихонько молвить
слово;
Вот жребий той, которую тво-
рец
Себе возьмет в подруги наконец,
И что ж потом? За скуку, за му-
ченье,
Награда вся дьячков осиплых пе-
нье,
Свечи, старух докучная мольба,
Да чад кадил, да образ под алма-
зом,
Написанный каким-то богома-
зом...
Как весело! Завидная судьба!

Мне стало жаль моей прелест-
ной Евы;
Решился я, создателю назло,

Разрушить сон и юноши и девы.
Ты слышала, как всё произошло?
Два яблока, вися на ветке дивной
(Счастливым знак, любви символ
призывный),
Открыли ей неясную мечту,
Проснулося неясное желанье:
Она свою познала красоту,
И негу чувств, и сердца трепета-
нье,
И юного супруга наготу!
Я видел их! любви — моей науки —
Прекрасное начало видел я.
В глухой лесок ушла чета моя...
Там быстро их блуждали взгля-
ды, руки...
Меж милых ног супруги молодой,
Заботливый, неловкий и немой,
Адам искал восторгов упоенья,
Неистовым исполненный огнем,
Он вопрошал источник наслажде-
нья
И, закипев душой, терялся в нем...
И, не страшась божественного
гнева,
Вся в пламени, власы раскинув,
Ева,
Едва, едва устами шевеля,

Лобзанием Адаму отвечала,
В слезах любви, в бесчувствии ле-
жала
Под сенью пальм, — и юная земля
Любовников цветами покрывала.

Блаженный день! Увенчанный
супруг
Жену ласкал с утра до темной но-
чи,
Во тьме ночной смыкал он редко
очи,
Как их тогда украшен был досуг!
Ты знаешь: бог, утехи прерывая,
Чету мою лишил навеки рая.
Он их изгнал из милой стороны,
Где без трудов они так долго жи-
ли
И дни свои невинно проводили
В объятиях ленивой тишины.
Но им открыл я тайну сладо-
страсть
И младости веселые права,
Томленья чувств, восторги, слезы
счастья,
И поцелуй, и нежные слова.
Скажи теперь: ужели я преда-
тель?

Ужель Адам несчастлив от меня?

Не думаю! но знаю только я,
Что с Евою остался я приятель».

Умолкнул бес. Мария в тишине
Коварному внимала сатане.

«Что ж? — думала, — быть может,
прав лукавый;

Слыхала я: ни почестьми, ни сла-
вой,

Ни золотом блаженства не купитъ;

Слыхала я, что надобно любить...
Любить! Но как, зачем и что та-
кое?..»

А между тем вниманье молодое
Ловило всё в рассказе сатаны:

И действия, и странные причины,
И смелый слог, и вольные карти-
ны...

(Охотники мы все до новизны.)

Час от часу неясное начало

Опасных дум казалось ей ясней,

И вдруг змии как будто не бывало

—

И новое явленье перед ней:

Мария зрит красавца молодого

У ног ее. Не говоря ни слова,
К ней устремив чудесный блеск
очей,
Чего-то он красноречиво просит,
Одной рукой цветочек ей подно-
сит,
Другая мнет простое полотно
И крадется под ризы торопливо,
И легкий перст касается игриво
До милых тайн... Всё для Марии
диво,
Всё кажется ей ново, мудрено.
А между тем румянец нестыдли-
вый
На девственных ланитах заиграл
—
И томный жар, и вздох нетерпе-
ливый
Младую грудь Марии подымал.
Она молчит; но вдруг не стало
мочи,
Едва дыша, закрыла томны очи,
К лукавому склонив на грудь гла-
ву,
Вскричала: ах!.. и пала на траву...

О милый друг! кому я посвятил
Мой первый сон надежды и жела-

нья,
Красавица, которой был я мил,
Простишь ли мне мои воспомина-
нья,
Мои грехи, забавы юных дней,
Те вечера, когда в семье твоей,
При матери докучливой и стро-
гой
Тебя томил я тайною тревогой
И просветил невинные красы?
Я научил послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы,
Бессонницы девическую муку.
Но молодость утрачена твоя,
От бледных уст улыбка отлете-
ла,
Твоя краса во цвете помертвела...
Простишь ли мне, о милая моя?

Отец греха, Марии враг лука-
вый,
Ты был и здесь пред нею виноват;
ЕЕ тебе приятен был разврат,
И ты успел преступною забавой
Всевышнего супругу просветить
И дерзостью невинность изу-
мить.

Гордись, гордись своей проклятой
славой!
Спеши ловить... но близок, близок
час!
Вот меркнет день, заката луч
угас.
Всё тихо. Вдруг над девой утом-
ленной,
Шумя, парит архангел окрилен-
ный, —
Посол любви, блестящий сын
небес.

От ужаса при виде Гавриила
Красавица лицо свое закрыла...
Пред ним восстал, смутился
мрачный бес
И говорит: «Счастливец гордели-
вый,
Кто звал тебя? Зачем оставил
ты
Небесный двор, эфира высоты?
Зачем мешать утехе молчали-
вой,
Занятиям чувствительной че-
ты?»
Но Гавриил, нахмуря взгляд ревни-
вый,

*Рек на вопрос и дерзкий и шушли-
вый:*

*«Безумный враг небесной красо-
ты,
Повеса злой, изгнанник безнадеж-
ный,*

*Ты соблазнил красу Мариш неж-
ной*

*И смеешь мне вопросы задавать!
Беги сейчас, бесстыдник, раб мя-
тежный,
Иль я тебя заставлю трепе-
тать!»*

*«Не трепетал от ваших я при-
дворных,
Всевышнего прислужников покор-
ных,*

*От сводников небесного царя!» —
Проклятый рек и, злобою горя,
Наморщив лоб, скосясь, кусая гу-
бы,*

*Архангела ударил прямо в зубы.
Раздался крик, шатнулся Гавриил
И левое колено преклонил;
Но вдруг восстал, исполнен но-
вым жаром,
И сатану нечаянным ударом*

Хватил в висок. Бес ахнул, поблед-
нел —
И кинулись в объятия друг другу.
Ни Гавриил, ни бес не одолел.
Сплетенные, кружась идут по лу-
гу,
На вражью грудь опершись боро-
дой,
Соединив крест-накрест ноги, ру-
ки,
То силою, то хитростью науки
Хотят увлечь друг друга за собой.

Не правда ли? вы помните то
поле,
Друзья мои, где в прежни дни, вес-
ной,
Оставляя класс, играли мы на воле
И тешились отважною борьбой.
Усталые, забыв и брань и речи,
Так ангелы боролись меж собой.
Подземный царь, буян широкопле-
чий,
Вотще кряхтел с увертливым
врагом,
И, наконец, желая кончить ра-
зом,
С архангела пернатый сбил ше-

лом,
Златой шелом, украшенный ал-
мазом.
Схватив врага за мягкие власы,
Он сзади гнет могучею рукою
К сырой земле. Мария пред собою
Архангела зрит юные красы
И за него в безмолвии трепещет.
Уж ломит бес, уж ад в восторге
плещет;
Но, к счастью, проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес
грешил.
Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу.

На дивный бой, на страшную
тревогу
Красавица глядела чуть дыша;
Когда же к ней, свой подвиг совер-
ша,
Приветливо архангел обратился,
Огонь любви в лице ее разлился
И нежностью исполнилась душа.
Ах, как была еврейка хороша!..

Посол краснел и чувства чужие
Так изъяснял в божественных словах:
«О радуйся, невинная Мария!
Любовь с тобой, прекрасна ты в женах;
Стократ блажен твой плод благословенный:
Спасет он мир и ниспровергнет ад...
Но признаюсь душою откровенной,
Отец его блаженнее стократ!»
И перед ней коленопреклоненный,
Он между тем ей нежно руку жал...
Потупя взор, прекрасная вздыхала,
И Гавриил ее поцеловал.
Смутясь, она краснела и молчала;
Ее груди дерзнул коснуться он...
«Оставь меня!» — Мария прошептала,
И в тот же миг лобзаньем заглушен
Невинности последний крик и

стон...

Что делать ей? Что скажет
бог ревнивый?
Не сетуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви,
Умеете вы хитростью счастли-
вой
Обманывать вниманье жениха
И знатоков внимательные взоры,
И на следы приятного греха
Невинности набрасывать уборы...
От матери проказливая дочь
Берет урок стыдливости покор-
ной
И мнимых мук, и с робостью при-
творной
Играет роль в решительную ночь;
И поутру, оправясь понемногу,
Встает бледна, чуть ходит, так
томна.
В восторге муж, мать шепчет:
слава богу!
А старый друг стучится у окна.

Уж Гавриил с известием прият-
ным
По небесам летит путем обрат-

ным.

Наперсника нетерпеливый бог
Приветствием встречает благо-
датным:

«Что нового?» — Я сделал всё,
что мог,

Я ей открыл. — «Ну что ж
она?» — Готова! —

И царь небес, не говоря ни слова,
С престола встал и манием бро-
вей

Всех удалил, как древле бог Гоме-
ра,

Когда смирял бесчисленных де-
тей;

Но Греции навек угасла вера,
Зевеса нет, мы сделались умней!

Упоена живым воспоминаньем,
В своем углу Мария в тишине
Покоилась на смятой простыне.
Душа горит и негой и желаньем,
Младую грудь волнует новый
жар.

Она зовет тихонько Гавриила,
Его любви готова тайный дар,
Ночной покров ногою отдалила,
Довольный взор с улыбкою скло-

нила,
И, счастлива в прелестной наго-
те,
Сама своей дивится красоте.
Но между тем в задумчивости
нежной
Она грешит, прелестна и томна,
И чашу пьет отрады безмятеж-
ной.
Смеешься ты, лукавый сатана!
И что же! вдруг мохнатый, бело-
крылый
В ее окно влетает голубь милый,
Над нею он порхает и кружит,
И пробует веселые напевы,
И вдруг летит в колени милой де-
вы,
Над розою садится и дрожит,
Клюет ее, колышется, ветится,
И носиком и ножками трудится.
Он, точно он! — Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;
Колени сжав, еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться
начала,
Заплакала, но голубь торжеству-
ет,
В жару любви трепещет и ворку-

ет,
И падает, объятый легким сном,
Приосеня цветок любви крылом.

Он улетел. Усталая Мария
Подумала: «Вот шалости какие!
Один, два, три! — как это им не
лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и богу».

Всевышний бог, как водится, по-
том
Признал своим еврейской девы сы-
на,
Но Гавриил (завидная судьбина!)
Не преставал являться ей тай-
ком;
Как многие, Иосиф был утешен,
Он пред женой по-прежнему без-
грешен,
Христа любил как сына своего,
За то господь и наградил его!

Аминь, аминь! Чем кончу я рас-
сказы?
Навек забыв старинные проказы,

Я пел тебя, крылатый Гавриил,
Смиранных струн тебе я посвя-
тил

Усердное, спасительное пенье.
Храни меня, внемли мое моление!
Досель я был еретиком в любви,
Младых богинь безумный обожжа-
тель,
Друг демона, повеса и предатель...
Раскаянье мое благослови!

Приемлю я намеренья благие,
Переменюсь: Елену видел я;
Она мила, как нежная Мария!
Подвластна ей навек душа моя.
Моим речам придай очарованье,
Понравиться поведай тайну мне,
В ее душе зажги любви желанье,
Не то пойду молиться сатане!
Но дни бегут, и время сединою
Мою главу тишком посеребрит,
И важный брак с любезною же-
ною

Пред алтарем меня соединит.
Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклоня,
О рогачей заступник и хранитель,
Молю — тогда благослови меня,
Даруй ты мне беспечность и сми-

ренье,
Даруй ты мне терпенье вновь и
вновь,
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему
любовь!

<1821>

Братья разбойники

{684}

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вокруг огней
Удалых шайка собиралась.
Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!
Из хат, из келий, из темниц
Они стеклися для стяжаний!
Здесь цель одна для всех сердец —
Живут без власти, без закона.
Меж ними зрится и беглец
С берегов воинственного Дона,
И в черных локонах еврей,
И дикие сыны степей,
Калмык, башкирец безобразный,
И рыжий финн, и с ленью празд-
ной

*Везде кочующий цыган!
Опасность, кровь, разврат, обман*

*Суть узы страшного семейства;
Тот их, кто с каменной душой
Прошел все степени злодейства;
Кто режет хладною рукой
Вдовицу с бедной сиротой,
Кому смешно детей стенанье,
Кто не прощает, не щадит,
Кого убийство веселит,
Как юношу любви свиданье.*

*Затихло всё, теперь луна
Свой бледный свет на них наводит,
И чарка пенного вина
Из рук в другие переходит.
Простерты на земле сырой,
Иные чутко засыпают, —
И сны зловещие летают
Над их преступной головой.
Другим рассказы сокращают
Угрюмой ночи праздный час;
Умолкли все — их занимает
Пришельца нового рассказ,
И всё вокруг его внимает:*

«Нас было двое: брат и я.
Росли мы вместе; нашу младость
Вскормила чуждая семья:
Нам, детям, жизнь была не в ра-
дость;
Уже мы знали нужды глас,
Сносили горькое презренье,
И рано волновало нас
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сирот
Ни бедной хижинки, ни поля;
Мы жили в горе, средь забот,
Наскучила нам эта доля,
И согласились меж собой
Мы жребий испытать иной:
В товарищи себе мы взяли
Булатный нож да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совесть отогнали прочь.

Ах, юность, юность удалая!
Житье в то время было нам,
Когда, погибель презирая,
Мы всё делили пополам.
Бывало, только месяц ясный
Взойдет и станет средь небес,
Из подземелия мы в лес
Идем на промысел опасный.

За деревом сидим и ждем:
Идет ли позднью дорогой
Богатый жид иль поп убогой, —
Всё наше! всё себе берем.
Зимой, бывало, в ночь глухую
Заложим тройку удалую,
Поем и свищем и стрелой
Летим над снежной глубиной.
Кто не боялся нашей встречи?
Завидели в харчевне свечи —
Туда! к воротам, и стучим,
Хозяйку громко вызываем,
Вошли — всё даром: пьем, едим
И красных девушек ласкаем!

И что ж? попались молодцы;
Не долго братья пировали;
Поймали нас — и кузнецы
Нас друг ко другу приковали,
И стража отвела в острог.

Я старший был пятью годами
И вынести больше брата мог.
В цепях, за душными стенами
Я уцелел — он изнемог.
С трудом дыша, томим тоскою,
В забвенье, жаркой головою
Склоняясь к моему плечу,

Он умирал, твердя всечасно:
«Мне душно здесь... я в лес хочу...
Воды, воды!..» — но я напрасно
Страдальцу воду подавал:
Он снова жаждою томился,
И градом пот по нем катился.
В нем кровь и мысли волновал
Жар ядовитого недуга;
Уж он меня не узнавал
И поминутно призывал
К себе товарища и друга.
Он говорил: «Где скрылся ты?
Куда свой тайный путь направил?
Зачем мой брат меня оставил
Средь этой смрадной темноты?
Не он ли сам от мирных пашен
Меня в дремучий лес сманил,
И ночью там, могущ и страшен,
Убийству первый научил?
Теперь он без меня на воле
Один гуляет в чистом поле,
Тяжелым машет кистенем
И позабыл в завидной доле
Он о товарище своем!..»
То снова разгорались в нем
Докучной совести мученья:
Пред ним толпились привиденья,
Грозя перстом издалека.

Всех чаще образ старика,
Давно зарезанного нами,
Ему на мысли приходил;
Больной, зажав глаза руками,
За старца так меня молил:
«Брат! сжался над его слезами!
Не режь его на старость лет...
Мне дряхлый крик его ужасен...
Пусти его — он не опасен;
В нем крови капли теплой нет...
Не смейся, брат, над сединами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчит за нас он божий гнев!..»
Я слушал, ужас одолев;
Хотел унять больного слезы
И удалить пустые грезы.
Он видел пляски мертвецов,
В тюрьму пришедших из лесов,
То слышал их ужасный шепот,
То вдруг погони близкий топот,
И дико взгляд его сверкал,
Стояли волосы горою,
И весь как лист он трепетал.
То мнил уж видеть пред собою
На площадях толпы людей,
И страшный ход до места казни,
И кнут, и грозных палачей...
Без чувств, исполненный боязни,

Брат упал ко мне на грудь.
Так проводил я дни и ночи,
Не мог минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились,
Болезнь ужасная прошла,
И с нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильней
Взяла тоска по прежней доле;
Душа рвалась к лесам и к воле,
Алкала воздуха полей.
Нам тошен был и мрак темницы,
И сквозь решетки свет денницы,
И стражи клик, и звон цепей,
И легкий шум залетной птицы.

По улицам однажды мы,
В цепях, для городской тюрьмы
Сбирали вместе подаянье,
И согласились в тишине
Исполнить давнее желанье;
Река шумела в стороне,
Мы к ней — и с берегов высоких
Бух! поплыли в водах глубоких.
Цепями общими гремим,
Бьем волны дружными ногами,

Песчаный видим островок
И, рассекая быстрый ток,
Туда стремимся. Вслед за нами
Кричат: «Лови! лови! уйдут!»
Два стража издали плывут,
Но уж на остров мы ступаем,
Оковы камнем разбиваем,
Друг с друга рвем клочки одежд,
Отягощенные водою...
Погоню видим за собою;
Но смело, полные надежд,
Сидим и ждем. Один уж тонет,
То захлебнется, то застонет
И как свинец пошел ко дну.
Другой проплыл уж глубину,
С ружьем в руках, он вброд упря-
мо,
Не внемля крику моему,
Идет, но в голову ему
Два камня полетели прямо —
И хлынула на волны кровь;
Он утонул — мы в воду вновь,
За нами гнаться не посмели,
Мы берегов достичь успели
И в лес ушли. Но бедный брат...
И труд и волн осенний хлад
Недавних сил его лишили:
Опять недуг его сломил,

И злые грезы посетили.
Три дня больной не говорил
И не смыкал очей дремотой;
В четвертый грустною заботой,
Казалось, он исполнен был;
Позвал меня, пожал мне руку,
Потухший взор изобразил
Одолевающую муку;
Рука задрогла, он вздохнул
И на груди моей уснул.

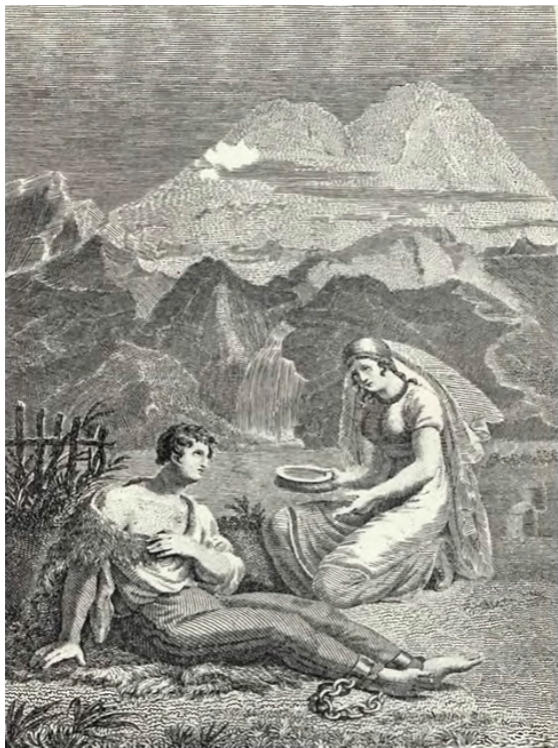
Над хладным телом я остался,
Три ночи с ним не расставался,
Всё ждал, очнется ли мертвец?
И горько плакал. Наконец
Взял заступ; грешную молитву
Над братней ямой совершил
И тело в землю схоронил...
Потом на прежнюю ловитву
Пошел один... Но прежних лет
Уж не дождусь: их нет, как нет!
Пирь, веселые ночлеги
И наши буйные набеги —
Могила брата всё взяла.
Влачусь угрюмый, одинокий,
Окаменел мой дух жестокий,
И в сердце жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:

*Мне страшно резать старика;
На беззащитные седины
Не подымается рука.
Я помню, как в тюрьме жестокой
Больной, в цепях, лишенный сил,
Без памяти, в тоске глубокой
За старца брат меня молил».*

<1822>

*«Кавказский пленник».
Гравюра С. Галактионова с оригинала
И. Иванова.
Илл. из альманаха «Полярная звезда
на 1824 год».*

Бахчисарайский фонтан

*Многие, так же как и я,
посещали сей фонтан; но*

иных уже нет, другие
странствуют далече.
Сади

Гирей сидел потупя взор;
Янтарь в устах его дымился;
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.
Всё было тихо во дворце;
Благоговевя, все читали
Приметы гнева и печали
На сумрачном его лице.
Но повелитель горделивый
Махнул рукой нетерпеливой:
И все, склонившись, идут вон.

Один в своих чертогах он;
Свободней грудь его вздыхает,
Живее строгое чело
Волнение сердца выражает.
Так бурны тучи отражает
Залива зыбкое стекло.

Что движет гордою душою?
Какою мыслью занят он?
На Русь ли вновь идет войною,
Несет ли Польше свой закон,
Горит ли местию кровавой,

Открыл ли в войске заговор,
Страшится ли народов гор,
Иль козней Генуи лукавой?

Нет, он скупают бранной сла-
вой,
Устала грозная рука;
Война от мыслей далека.

Ужель в его гарем измена
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нег и плена
Гяуру сердце отдала?

Нет, жены робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,
Цветут в унылой тишине;
Под стражей бдительной и хлад-
ной
На лоне скуки безотрадной
Измен не ведают оне.
В тени хранительной темницы
Утаены их красоты:
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы.
Для них унылой чередой
Дни, месяцы, лета проходят
И неприметно за собой

И младость и любовь уводят.
Однообразен каждый день,
И медленно часов течение.
В гареме жизнью правит лень;
Мелькает редко наслажденье.
Младые жены, как-нибудь
Желая сердце обмануть,
Меняют пышные уборы,
Заводят игры, разговоры,
Или при шуме вод живых,
Над их прозрачными струями
В прохладе яворов густых
Гуляют легкими роями.
Меж ними ходит злой эвнух,
И убежать его напрасно:
Его ревнивый взор и слух
За всеми следует всечасно.
Его стараньем заведен
Порядок вечный. Воля хана
Ему единственный закон;
Святую заповедь Корана
Не строже наблюдает он.
Его душа любви не просит;
Как истукан, он переносит
Насмешки, ненависть, укор,
Обиды шалости нескромной,
Презренье, просьбы, робкий взор,
И тихий вздох, и ропот томный.

Ему известен женский нрав;
Он испытал, сколь он лукав
И на свободе и в неволе:
Взор нежный, слез упрек немой
Не властны над его душой;
Он им уже не верит боле.

Раскинув легкие власы,
Как идут пленницы молодые
Купаться в жаркие часы,
И льются волны ключевые
На их волшебные красы,
Забав их сторож неотлучный,
Он тут; он видит, равнодушный,
Прелестниц обнаженный рой;
Он по гарему в тьме ночной
Неслышными шагами бродит;
Ступая тихо по коврам,
К послушным крадется дверям,
От ложа к ложу переходит;
В заботе вечной, ханских жен
Роскошный наблюдает сон,
Ночной подслушивает лепет;
Дыханье, вздох, малейший трепет

—
Всё жадно примечает он;
И горе той, чей шепот сонный
Чужое имя призывал

*Или подруге благосклонной
Порочны мысли доверял!*

*Что ж полон грусти ум Гирея?
Чубук в руках его потух;
Недвижим, и дохнуть не смея,
У двери знака ждет евнух.
Встает задумчивый властитель;
Пред ним дверь настезь. Молча
он
Идет в заветную обитель
Еще недавно милых жен.*

*Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне
Толпою резвою сидели
И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.
Нарочно к ней на дно иные
Роняли серьги золотые.
Кругом невольницы меж тем
Шербет носили ароматный
И песню звонкой и приятной
Вдруг огласили весь гарем:*

Татарская песня

«Дарует небо человеку
Замену слез и частых бед:
Блажен факир, узревший Мекку
На старости печальных лет.

Блажен, кто славный брег Ду-
ная
Своею смертью освятит:
К нему навстречу дева рая
С улыбкой страстной полетит.

Но тот блаженней, о Зарема,
Кто, мир и негу возлюбя,
Как розу, в тишине гарема
Лелеет, милая, тебя».

Они поют. Но где Зарема,
Звезда любви, краса гарема?
Увы! печальна и бледна,
Похвал не слушает она.
Как пальма, смятая грозой,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбил Гирей.

Он изменил!.. Но кто с тобою,
Грузинка, равен красотой?
Вокруг лилейного чела

Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи;
Чей голос выразит сильней
Порывы пламенных желаний?
Чей страстный поцелуй живеи
Твоих язвительных лобзаний?
Как сердце, полное тобой,
Забьется для красоты чуждой?
Но, равнодушный и жестокий,
Гирей презрел твои красы
И ночи хладные часы
Проводит мрачный, одинокий
С тех пор, как польская княжна
В его гарем заключена.

Недавно юная Мария
Узрела небеса чужие;
Недавно милою красой
Она цвела в стране родной.
Седой отец гордился ею
И звал отрадою своею.
Для старика была закон
Ее младенческая воля.
Одну заботу ведал он:
Чтоб дочери любимой доля
Была, как вешний день, ясна,
Чтоб и минутные печали

Ее души не помрачали,
Чтоб даже замужем она
Воспоминала с умилением
Девичье время, дни забав,
Мелькнувших легким сновиде-
нием.
Всё в ней пленяло: тихий нрав,
Движенья стройные, живые
И очи томно-голубые.
Природы милые дары
Она искусством украшала;
Она домашние пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельмож и богачей
Руки Мариной искали,
И много юношей по ней
В страданье тайном изнывали.
Но в тишине души своей
Она любви еще не знала
И независимый досуг
В отцовском замке меж подруг
Одним забавам посвящала.

Давно ль? И что же! Тьмы та-
тар
На Польшу хлынули рекою:
Не с столь ужасной быстротою
По жатве стелется пожар.

Обезображенный войною,
Цветущий край осиротел;
Исчезли мирные забавы;
Уныли селы и дубравы,
И пышный замок опустел.
Тиха Мариина светлица...
В домово́й церкви, где кругом
Почиют мощи хладным сном,
С короной, с княжеским гербом
Воздвиглась новая гробница...
Отец в могиле, дочь в плену,
Скупой наследник в замке правит
И тягостным ярмом бесславит
Опустошенную страну.

Увы! Дворец Бахчисарая
Скрывает юную княжну.
В неволе тихой увядая,
Мария плачет и грустит.
Гирей несчастную щадит:
Ее унынье, слезы, стоны
Тревожат хана краткий сон,
И для нее смягчает он
Гарема строгие законы.
Угрюмый сторож ханских жен
Ни днем, ни ночью к ней не входит;
Рукой заботливой не он

На ложе сна ее возводит;
Не смеет устремиться к ней
Обидный взор его очей;
Она в купальне потаенной
Одна с невольницей своей;
Сам хан боится девы пленной
Печальный возмущать покой;
Гарема в дальнем отделенье
Позволено ей жить одной:
И, мнится, в том уединенье
Сокрылся некто неземной.
Там день и ночь горит лампада
Пред ликом девы пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Там упованье в тишине
С смиренной верой обитает,
И сердцу всё напоминает
О близкой, лучшей стороне;
Там дева слезы проливает
Вдали завистливых подруг;
И между тем, как всё вокруг
В безумной неге утопает,
Святыню строгую скрывает
Спасенный чудом уголок.
Так сердце, жертва заблуждений,
Среди порочных упоений
Хранит один святой залог,
Одно божественное чувство...

..
..

Настала ночь; покрылись те-
нью
Тавриды сладостной поля;
Вдали, под тихой лавров сенью
Я слышу пенье соловья;
За хором звезд луна восходит;
Она с безоблачных небес
На доли, на холмы, на лес
Сиянье томное наводит.
Покрыты белой пеленой,
Как тени легкие мелькая,
По улицам Бахчисарая,
Из дома в дом, одна к другой,
Простых татар спешат супруги
Делить вечерние досуги.
Дворец утих; уснул гарем,
Объятый негой безмятежной;
Не прерывается ничем
Спокойство ночи. Страж надеж-
ный,
Дозором обошел евнух.
Теперь он спит; но страх прилеж-
ный
Тревожит в нем и спящий дух.
Измен всечасных ожиданье

Покоя не дает уму.
То чей-то шорох, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый неверным слухом,
Он пробуждается, дрожит,
Напуганным прикинув ухом...
Но всё кругом его молчит;
Одни фонтаны сладкозвучны
Из мраморной темницы бьют,
И, с милой розой неразлучны,
Во мраке соловьи поют;
Евнух еще им долго внемлет,
И снова сон его объемлет.

Как милы темные красы
Ночей роскошного Востока!
Как сладко льются их часы
Для обожателей Пророка!
Какая нега в их домах,
В очаровательных садах,
В тиши гаремов безопасных,
Где под влиянием луны
Все полно тайн и тишины
И вдохновений сладострастных!

..

Все жены спят. Не спит одна.
Едва дыша, встает она;

Идет; рукою торопливой
Открыла дверь; во тьме ночной
Ступает легкою ногой...
В дремоте чуткой и пугливой
Пред ней лежит евнух седой.
Ах, сердце в нем неумолимо:
Обманчив сна его покой!..
Как дух, она проходит мимо.
..

Пред нею дверь; с недоуменьем
Ее дрожащая рука
Коснулась верного замка...
Вошла, взирает с изумленьем...
И тайный страх в нее проник.
Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой девы кроткий лик
И крест, любви символ священ-
ный,
Грузинка! всё в душе твоей
Родное что-то пробудило,
Всё звуками забытых дней
Невнятно вдруг заговорило.
Пред ней покоилась княжна,
И жаром девственного сна
Ее ланиты оживлялись
И, слез являя свежий след,

Улыбкой томной озарялись.
Так озаряет лунный свет
Дождем отягощенный цвет.
Спорхнувший с неба сын эдема,
Казалось, ангел почивал
И сонный слезы проливал
О бедной пленнице гарема...
Увы, Зарема, что с тобой?
Стеснилась грудь ее тоской,
Невольно клонятся колени,
И молит: «Сжался надо мной,
Не отвергай моих молений!..»
Ее слова, движенье, стон
Прервали девы тихий сон.
Княжна со страхом пред собою
Младую незнакомку зрит;
В смятенье, трепетной рукою
Ее подъявля, говорит:
«Кто ты?.. Одна, порой ночью, —
Зачем ты здесь?» — «Я шла к тебе,
Спаси меня; в моей судьбе
Одна надежда мне осталась...
Я долго счастьем наслаждалась,
Была беспечней день от дня...
И тень блаженства миновалась;
Я гибну. Выслушай меня.

Мы в беспрерывном упоенье
Дышали счастьем; и ни раз
Ни клевета, ни подозренье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущала нас.
Мария! ты пред ним явилась...
Увы, с тех пор его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, изменою дыша,
Моих не слушает укоров,
Ему докучен сердца стон;
Ни прежних чувств, ни разговоров
Со мною не находит он.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю: не твоя вина...
Итак, послушай: я прекрасна;
Во всем гареме ты одна
Могла б еще мне быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, как я, не можешь;
Зачем же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мне: он мой;
На мне горят его лобзанья,
Он клятвы страшные мне дал,
Давно все думы, все желанья
Гирей с моими сочетал;
Меня убьет его измена...

Я плачу; видишь, я колена
Теперь склоняю пред тобой,
Молю, винить тебя не смея,
Отдай мне радость и покой,
Отдай мне прежнего Гирея...
Не возражай мне ничего;
Он мой! он ослеплен тобою.
Презреньем, просьбою, тоскою,
Чем хочешь, отвори его;
Клянись... (хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забывла веру прежних дней;
Но вера матери моей
Была твоя) клянись мне ею
Зарему возвратить Гирею...
Но слушай: если я должна
Тебе... кинжалом я владею,
Я близ Кавказа рождена».

Сказав, исчезла вдруг. За нею
Не смеет следовать княжна.
Невинной деве непонятен
Язык мучительных страстей,
Но голос их ей смутно внятен;
Он странен, он ужасен ей.
Какие слезы и моленья
Ее спасут от посрамленья?
Что ждет ее? Ужели ей

Остаток горьких юных дней
Провести наложницей презрен-
ной?

О боже! если бы Гирей
В ее темнице отдаленной
Забыл несчастную навек
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ее пресек, —
С какою б радостью Мария
Оставила печальный свет!
Мгновенья жизни дорогие
Давно прошли, давно их нет!
Что делать ей в пустыне мира?
Уж ей пора, Марию ждут
И в небеса, на лоно мира,
Родной улыбкою зовут.

..

Промчались дни; Марии нет.
Мгновенно сирота почила.
Она давно желанный свет,
Как новый ангел, озарила.
Но что же в гроб ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болезнь, или другое зло?..
Кто знает? Нет Марии нежной!..
Дворец угрюмый опустел;
Его Гирей опять оставил;

С толпой татар в чужой предел
Он злой набег опять направил;
Он снова в бурях боевых
Несется мрачный, кровожадный:
Но в сердце хана чувств иных
Таится пламень безотрадный.
Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю, и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет, будто полный страха,
И что-то шепчет, и порой
Горючи слезы льет рекой.

Забывтый, преданный презренью,
Гарем не зрит его лица;
Там, обреченные мученью,
Под стражей хладного скопца
Стареют жены. Между ними
Давно грузинки нет; она
Гарема стражами немыми
В пучину вод опущена.
В ту ночь, как умерла княжна,
Свершилось и ее страданье.
Какая б ни была вина,
Ужасно было наказанье! —

Опустошив огнем войны

Кавказу близкие страны
И селы мирные России,
В Тавриду возвратился хан
И в память горестной Марии
Воздвигнул мраморный фонтан,
В углу дворца уединенный.
Над ним крестом осенена
Магометанская луна
(Символ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: едкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ее чертами
Журчит во мраморе вода
И каплет хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Так плачет мать во дни печали
О сыне, падшем на войне.
Младые девы в той стране
Преданье старины узнали,
И мрачный памятник оне
Фонтаном слез именовали.

Покинув север наконец,
Пирры надолго забывая,
Я посетил Бахчисарая
В забвеньи дремлющий дворец.
Среди безмолвных переходов

Бродил я там, где бич народов,
Татарин буйный пировал
И после ужасов набега
В роскошной лени утопал.
Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.
Я видел ветхие решетки,
За коими, в своей весне,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены в тишине.
Я видел ханское кладбище,
Владык последнее жилище.
Сии надгробные столбы,
Венчанны мраморной чалмою,
Казалось мне, завет судьбы
Гласили внятною молвою.
Где скрылись ханы? Где гарем?
Кругом всё тихо, всё уныло,
Всё изменилось... но не тем
В то время сердце полно было:
Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью,
Невольню предавался ум
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тенью

Мелькала дева предо мной!..

..

Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня,
Неотразимый, неизбежный?
Марии ль чистая душа
Являлась мне, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустелого гарема?

Я помню столь же милый
взгляд
И красоту еще земную,
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...
Безумец! полно! перестань,
Не оживляй тоски напрасной,
Мятежным снам любви несчаст-
ной
Заплачена тобою дань —
Опомнись; долго ль, узник том-
ный,
Тебе оковы лобызать
И в свете лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Поклонник муз, поклонник ми-
ра,
Забыв и славу и любовь,
О, скоро вас увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный, —
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор.
Волшебный край! очей отрада!
Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин приютная краса,
И струй, и тополей прохлада...
Всё чувство путника манит,
Когда, в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет, и шумит
Вокруг утесов Аю-дага...

Цыганы

{686}

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами;
Между колесами телег,
Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Всё живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недалё-
ний,
И песни жен, и крик детей,
И звон походной наковальни.
Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье,
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье.
Огни везде погашены,
Спокойно всё, луна сияет

Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальнее глядит,
Ночным подернутое паром.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном поле.
Она привыкла к резвой воле,
Она придет; но вот уж ночь,
И скоро месяц уж покинет
Небес далеких облака, —
Земфиры нет как нет; и стынет
Убогий ужин старика.

Но вот она; за нею следом
По степи юноша спешит;
Цыгану вовсе он неведом.
«Отец мой, — дева говорит, —
Веду я гостя; за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на́ ночь зазвала.
Он хочет быть как мы цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду.
Его зовут Алеко — он
Готов идти за мною всюду».

Я рад. Останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и кров.
Будь наш — привыкни к нашей доле,
Бродящей бедности и воле —
А завтра с утренней зарей
В одной телеге мы поедем;
Примись за промысел любой:
Железо куй — иль песни пой
И селы обходи с медведем.

Я остаюсь.

Он будет мой:
Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно... месяц молодой
Зашел; поля покрыты мглой,
И сон меня невольно клонит...

Светло. Старик тихонько бродит
Вокруг безмолвного шатра.
«Вставай, Земфира: солнце всходит,
дид,

Проснись, мой гость! пора, пора!..
Оставьте, дети, ложе неги!..»
И с шумом высыпал народ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться в поход.
Всё вместе тронулось — и вот
Толпа валит в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;
Мужья и братья, жены, девы,
И стар и млад вослед идут;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волынки говор, скрип телег,
Всё скудно, дико, всё нестройно,
Но всё так живо-неспокойно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной!

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину

Истолковать себе не смел.
С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет;
Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет —
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальные страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной
И он, изгнанник перелетный,
Гнезда надежного не знал

И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.
Его порой волшебной славы
Манила дальная звезда;
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром нередко грохотал;
Но он беспечно под грозюю
И в ведро ясное дремал.
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но боже! как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, на долго ль усмирели?
Они проснутся: погоди!

Земфира

Скажи, мой друг: ты не жалеешь

О том, что бросил навсегда?

Что ж бросил я?

Ты разумеешь:
Людей отчизны, города.

О чем жалеть? Когда б ты зна-
ла,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волненье,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!..

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий.
А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг!
А я... одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье!

Ты любишь нас, хоть и рожден
Среди богатого народа.
Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучен.
Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгна-
нье.

(Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозвание.)
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной

Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный —
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,

Людей рассказами пленяя;
Не разумел он ничего,
И слаб и робок был, как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мерзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святаго старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный бог
Его карал за преступленье...
Он ждал: придет ли избавленье.
И всё несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальный град вспоминая,
И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
—
Не успокоенные гости!

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!..

Певец любви, певец богов,
Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий?
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?

Прошло два лета. Так же бродят
Цыганы мирною толпой;
Везде по-прежнему находят
Гостеприимство и покой.
Презрев оковы просвещенья,
Алеко волен, как они;
Он без забот в сожаленья
Ведет кочующие дни.
Всё тот же он; семья всё та же;
Он, прежних лет не помня даже,
К бытью цыганскому привык.
Он любит их ночлегов сени,
И упоенье вечной лени,
И бедный, звучный их язык.
Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора
Перед толпою осторожной

И тяжело пляшет, и ревет,
И цепь докучную грызет;
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берет.
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул — и всё в покое...
В шатре и тихо и темно.

Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поет любовь.
Алеко внемлет и бледнеет.

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда; не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

*Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песен не люблю.*

*Не любишь? мне какое дело!
Я песню для себя пою.*

*Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.*

*Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!*

*Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!*

Молчи, Земфира! я доволен...

Так понял песню ты мою?

Земфира!

Ты сердиться волен,

Я песню про тебя пою.

Уходит и поет: Старый муж и проч.

*Так, помню, помню — песня эта
Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поется меж людей она.
Кочуя на степях Кагула,
Ее, бывало, в зимнюю ночь
Моя певала Мариула,
Перед огнем качая дочь.
В уме моем минувши лета
Час от часу темней, темней;
Но заронилась песня эта
Глубоко в памяти моей.*

*Всё тихо; ночь. Луной украшен
Лазурный юга небосклон,
Старик Земфирой пробужден:
«О мой отец! Алеко страшен.
Послушай: сквозь тяжелый сон
И стонет, и рыдает он».*

*Не тронь его. Храни молчанье.
Слышал я русское преданье:
Теперь полнощной порой*

У спящего теснит дыханье
Домашний дух; перед зарей
Уходит он. Сиди со мной.

Отец мой! шепчет он: Земфи-
ра!

Тебя он ищет и во сне:
Ты для него дороже мира.

Его любовь постыла мне.
Мне скучно; сердце воли просит —
Уж я... Но тише! слышишь? он
Другое имя произносит...

Чье имя?

Слышишь? хриплый
стон
И скрежет ярый!.. Как ужасно!..
Я разбужу его...

Напрасно,
Ночного духа не гони —
Уйдет и сам...

Он повернулся,
Привстал, зовет меня... проснул-

ся —
Иду к нему — прощай, усни.

Где ты была?

С отцом сидела.
Какой-то дух тебя томил;
Во сне душа твоя терпела
Мученья; ты меня страшил:
Ты, сонный, скрежетал зубами
И звал меня.

Мне снилась ты.
Я видел, будто между нами...
Я видел страшные мечты!

Не верь лукавым сновиденьям.

Ах, я не верю ничему:
Ни снам, ни сладким увереньям,
Ни даже сердцу твоему.

Старик

О чем, безумец молодой,
О чем вздыхаешь ты всечасно?
Здесь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красотой.

Не плачь: тоска тебя погубит.

Отец, она меня не любит.

*Утешься, друг: она дитя.
Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шутя.
Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит —
И вот — уж перешла в другое;
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?
Утешься.*

*Как она любила!
Как нежно преклонясь ко мне,
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
Веселья детского полна,
Как часто милым лепетаньем*

Иль упоительным лобзаньем
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!..
И что ж? Земфира неверна!
Моя Земфира охладела!..

Послушай: расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал еще москаль —
(Вот видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль.)
Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком паша
С высоких башен Аккермана —
Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела;
И ни одна в кудрях моих
Еще сединка не белела, —
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею,
Как солнцем, любовался я,
И наконец назвал моею...

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее: только год

Меня любила Мариула.

Однажды близ Кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали;
Цыганы те, свои шатры
Разбив близ наших у горы,
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь, —
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спал; заря блеснула;
Проснулся я, подружки нет!
Ищу, зову — пропал и след.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал — с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

Да как же ты не поспешил
Тотчас вослед неблагодарной
И хищникам и ей, коварной,
Кинжала в сердце не вонзил?

К чему? вольнее птицы младость;

Кто в силах удержатъ любовь?
Чредою всемъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

Я не таков. Нет, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь!
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О нет! когда б надъ бездною моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитнаго б толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирепымъ смехомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смешонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

Еще одно... одно лобзанье...

Пора: мой мужъ ревнивъ и зол.

Одно... но доле!.. на прощанье.

Прощай, покаместъ не пришелъ.

Скажи — когда жъ опять свиданья

ные?

Сегодня, как зайдет луна,
Там, за курганом над могилой...

Обманет! не придет она!

Вот он! беги!.. Приду, мой милый.

Алеко спит. В его уме
Виденье смутное играет;
Он, с криком пробудясь во тьме,
Ревниво руку простирает;
Но обробелая рука
Покровы хладные хватает —
Его подруга далека...
Он с трепетом привстал и внемлет...
Всё тихо — страх его объемлет,
По нем текут и жар и хлад;
Встает он, из шатра выходит,
Вокруг телег, ужасен, бродит;
Спокойно всё; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звезд неверный свет,

Чуть по росе приметный след
Ведет за дальные курганы:
Нетерпеливо он идет,
Куда зловещий след ведет.

Могила на краю дороги
Вдали белеет перед ним...
Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием томим,
Дрожат уста, дрожат колени,
Идет... и вдруг... иль это сон?
Вдруг видит близкие две тени
И близкой шепот слышит он —
Над обесславленной могилой.

Пора...

Постой...

Пора, мой милый.

Нет, нет, постой, дождемся
дня.

Уж поздно.

Как ты робко лю-

*бишь.
Минуту!*

Ты меня погубишь.

Минуту!

*Если без меня
Проснется муж?..*

*Проснулся я.
Куда вы! не спешите оба;
Вам хорошо и здесь у гроба.*

Мой друг, беги, беги...

*Постой!
Куда, красавец молодой?
Лежи!*

Вонзает в него нож.

Алеко!

Умираю...

*Алеко, ты убьешь его!
Взгляни: ты весь обрызган кро-*

вью!
О, что ты сделал?

Ничего.
Теперь дыши его любовью.

Нет, полно, не боюсь тебя! —
Твои угрозы презираю,
Твое убийство проклиная...

Умри ж и ты!

Поражает ее.

Умру любя...

Восток, денницей озаренный,
Сиял. Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом.
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой.
Могилу в стороне копали.
Шли жены скорбной чередой
И в очи мертвых целовали.

Старик-отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии печали;
Подняли трупы, понесли
И в лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрел
На всё... когда же их закрыли
Последней горстию земной,
Он молча, медленно склонился
И с камня на траву свалился.

Тогда старик, приблизясь, рек:
«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики; нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним —
Не нужно крови нам и стонов —
Но жить с убийцей не хотим...
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел — оставь же нас,
Прости, да будет мир с тобою».

Сказал — и шумною толпою
Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега.

И скоро всё в дали степной
Сокрылось; лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда перед зимою,
Туманной, утренней порою,
Когда подьёмлетя с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несется,
Пронзенный гибельным свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом.
Настала ночь: в телеге темной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подъемной
До утра сном не опочил.

Эпилог

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.

В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орел двуглавый

Еще шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы —
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны.
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

1⁸²⁴

«Братья разбойники».
Гравюра С. Галактионова.
Илл. из альманаха «Полярная звезда
на 1825 год».

Граф Нулин

Пора, пора! рога трубят;
Псарь в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.
Выходит барин на крыльцо,
Всё, подбочась, обзревает;
Его довольное лицо
Приятной важностью сияет.
Чекмень затянутый на нем,
Турецкой нож за кушаком,
За пазухой во фляжке ром,
И рог на бронзовой цепочке.
В ночном чепце, в одном платоч-
ке,
Глазами сонными жена
Сердито смотрит из окна
На сбор, на псарную тревогу...
Вот мужу подвели коня;
Он холку хватить и в стремя ногу,
Кричит жене: не жди меня!
И выезжает на дорогу.

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег
Да вой волков. Но то-то счастье

Охотнику! Не зная нег,
В отъезжем поле он гарцует,
Везде находит свой ночлег,
Бранится, мокнет и пирует
Опустошительный набег.

А что же делает супруга
Одна в отсутствии супруга?
Занятий мало ль есть у ней:
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обед и ужин,
В анбар и в погреб заглянуть, —
Хозяйки глаз повсюду нужен:
Он вмиг заметит что-нибудь.

К несчастью, героиня наша...
(Ах! я забыл ей имя дать.
Муж просто звал ее Наташа,
Но мы — мы будем называть
Наталья Павловна) к несчастью,
Наталья Павловна совсем
Своей хозяйственной частью
Не занималась, затем,
Что не в отеческом законе
Она воспитана была,
А в благородном пансионе
У эмигрантки Фальбала.

Она сидит перед окном;
Пред ней открыт четвертый
том
Сентиментального романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двух семей. —
Роман классической, старинный,
Отменно длинный, длинный,
длинный,
Нравоучительный и чинный,
Без романтических затей.
Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругом мальчишки хохотали.
Меж тем печально, под окном,
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже;
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор;
Погода становилась хуже:
Казалось, снег идти хотел...
Вдруг колокольчик зазвенел.

Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот, верно, знает сам,
Как сильно колокольчик дальный
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой?..
Уж не она ли?.. Боже мой!
Вот ближе, ближе... сердце бьется..
Но мимо, мимо звук несется,
Слабей... и смолкнул за горой.

Наталья Павловна к балкону
Бежит, обрадована звону,
Глядит и видит: за рекой,
У мельницы, коляска скачет.
Вот на мосту — к нам точно...
нет,
Поворотила влево. Вслед
Она глядит и чуть не плачет.

Но вдруг... о радость! косогор;
Коляска на бок. — «Филька, Васька!
Кто там? скорей! Вон там коляска.
Сейчас везти ее на двор

И барина просить обедать!
Да жив ли он?.. беги проведать!
Скорей, скорей!»

Слуга бежит.
Наталья Павловна спешит
Взбить пышный локон, шаль на-
кинуть,
Задернуть завес, стул подвинуть,
И ждет. «Да скоро ль, мой тво-
рец?»
Вот едут, едут наконец.
Забрызганный в дороге дальней,
Опасно раненый, печальный
Кой-как тащится экипаж;
Вслед барин молодой хромает.
Слуга-француз не унывает
И говорит: *allons, courage!*[28]
Вот у крыльца, вот в сени входят.
Покаместь барину теперь
Покой особенный отводят
И настезь отворяют дверь,
Пока *Ricard* шумит, хлопочет,
И барин одеваться хочет,
Сказать ли вам, кто он таков?
Граф Нулин, из чужих краев,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.

Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков à jour
[29],

С ужасной книжкой Гизота^{688},
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скот-
та,
С bon-mots[30] парижского двора,
С последней песней Беранжера,
С мотивами Россини, Пера^{689},
Et cetera, et cetera.[31]

Уж стол накрыт; давно пора;
Хозяйка ждет нетерпеливо.
Дверь отворилась, входит граф;
Наталья Павловна, привстав,
Осведомляется учтиво,
Каков он? что нога его?
Граф отвечает: ничего.
Идут за стол; вот он садится,
К ней подвигает свой прибор
И начинает разговор:
Святую Русь бранит, дивится,
Как можно жить в ее снегах,

Жалеет о Париже страх.

«А что театр?» — О! сиротеет,
C'est bien mauvais, ça fait pitié.[32]
Тальма^{690} совсем оглох, слабеет,
И мамзель Марс^{691} — увы! стареет.

Зато Потье^{692}, le grand Potier![33]
Он славу прежнюю в народе
Доныне поддержал один.

«Какой писатель нынче в моде?»
— Всё d'Arlincourt^{693} и Ламартин^{694}. —

«У нас им также подражают».
— Нет? право? так у нас умы
Уж развиваться начинают?
Дай бог, чтоб просветились мы!

—
«Как тальи носят?» — Очень низко,

Почти до... вот, по этих пор.
Позвольте видеть ваш убор;
Так... рюши, банты, здесь узор;
Всё это к моде очень близко. —
«Мы получаем Телеграф»^{695}.

Ага! Хотите ли послушать
Прелестный водевиль? — И граф
Поет. «Да, граф, извольте ж кушать».

Я сят и так. —

Изо стола

Встают. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Граф, о Париже забывая,
Дивится: как она мила!
Проходит вечер неприметно;
Граф сам не свой; хозяйки взор
То выражается приветно,
То вдруг потуплен безответно...
Глядишь — и полночь вдруг на
двор.

Давно храпит слуга в передней,
Давно поет петух соседний,
В чугунову доску сторож бьет;
В гостиной свечки догорели.
Наталья Павловна встает:
«Пора, прощайте: ждут постели.
Приятный сон!..» С досадой встав,
Полувлюбленный, нежный граф
Целует руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведет?
Проказница — прости ей, боже! —
Тихонько графу руку жмет.

Наталья Павловна раздета;
Стоит Параша перед ней.
Друзья мои, Параша эта

Наперсница ее затей;
Шьет, моет, вести переносит,
Изношенных капотов просит,
Порою с барином шалит,
Порой на барина кричит
И лжет пред барыней отважно.
Теперь она толкует важно
О графе, о делах его,
Не пропускает ничего —
Бог весть, разведать как успела.
Но госпожа ей наконец
Сказала: «полно, надоела!» —
Спросила кофту и чепец,
Легла и выдти вон велела.

Своим французом между тем
И граф раздет уже совсем.
Ложится он, сигару просит,
Monsieur Picard ему приносит
Графин, серебряный стакан,
Сигару, бронзовый светильник,
Щипцы с пружиною, будильник
И неразрезанный роман.

В постеле лежа, Вальтер-Скот-
та
Глазами пробегает он.
Но граф душевно развлечен...

Неугомонная забота
Его тревожит; мыслит он:
«Неужто вправду я влюблен?
Что, если можно?.. вот забавно!
Однако ж это было б славно;
Я, кажется, хозяйке мил», —
И Нулин свечку погасил.

Несносный жар его объемлет,
Не спится графу — бес не дремлет
И дразнит грешною мечтой
В нем чувства. Пылкий наш герой
Воображает очень живо
Хозяйки взор красноречивый,
Довольно круглый, полный стан,
Приятный голос, прямо женский,
Лица румянец деревенский
Здоровье краше всех румян.
Он помнит кончик ножки нежной,
Он помнит: точно, точно так,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; он дурак,
Он должен бы остаться с нею,
Ловить минутную затею.
Но время не ушло. Теперь
Отворена, конечно, дверь —

*И тотчас, на плеча накинув
Свой пестрый шелковый халат
И стул в потемках опрокинув,
В надежде сладостных наград,
К Лукреции Тарквиний новый
Отправился, на всё готовый.*

*Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идет,
Полузажмурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом игра-
ет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.*

*Влюбленный граф в потемках
бродит,
Дорогу ощупью находит.
Желаньем пламенным томим,
Едва дыханье переводит,
Трепещет, если пол под ним
Вдруг заскрипит... вот он подхо-
дит
К заветной двери и слегка
Жмет ручку медную замка;
Дверь тихо, тихо уступает;*

Он смотрит: лампа чуть горит
И бледно спальню освещает;
Хозяйка мирно поживает,
Иль притворяется, что спит.

Он входит, медлит, отступает

И вдруг упал к ее ногам...
Она... Теперь, с их позволения,
Прошу я петербургских дам
Представить ужас пробужденья
Натальи Павловны моей
И разрешить, что делать ей?

Она, открыв глаза большие,
Глядит на графа — наш герой
Ей сыплет чувства выписные
И дерзновенною рукой
Коснуться хочет одеяла,
Совсем смутив ее сначала...
Но тут опомнилась она,
И, гнева гордого полна,
А впрочем, может быть, и стра-
ха,
Она Тарквинию с размаха
Дает — пощечину. Да, да,
Пощечину, да ведь какую!

Сгорел граф Нулин от стыда,
Обиду проглотив такую;
Не знаю, чем бы кончил он,
Досадой страшною пылая,
Но спиц косматый, вдруг залая,
Прервал Параша крепкий сон.
Услышав граф ее походку
И проклиная свой ночлег
И своенравную красотку,
В постыдный обратился бег.

Как он, хозяйка и Параша
Проводят остальную ночь,
Вообразайте, воля ваша!
Я не намерен вам помочь.

Восстав поутру молчаливо,
Граф одевается лениво,
Отделкой розовых ногтей,
Зевая, занялся небрежно,
И галстук вяжет неприлежно,
И мокрой щеткою своей
Не гладит стриженных кудрей.
О чем он думает, не знаю;
Но вот его позвали к чаю.
Что делать? Граф, преодолев
Неловкий стыд и тайный гнев,
Идет.

Проказница младая,
Насмешливый потупя взор
И губки алые кусая,
Заводит скромно разговор
О том, о сем. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
С улыбкой отвечает он.
Получаса не проходило,
Уж он и шутит очень мило,
И чуть ли снова не влюблен.
Вдруг шум в передней. Входят.
Кто же?

«Наташа, здравствуй.»

— Ах, мой боже!

Граф, вот мой муж. Душа моя,
Граф Нулин. —

«Рад сердечно я...

Какая скверная погода!

У кузницы я видел ваш
Совсем готовый экипаж.

Наташа! там у огорода

Мы затравили русака...

Эй, водки! Граф, прошу отведасть:
Прислали нам издалека.

Вы с нами будете обедать?» —

— Не знаю, право, я спешу.

«И, полно, граф, я вас прошу.

Жена и я, гостям мы рады.

Нет, граф, останьтесь!»

Но с досады

И все надежды потеряв,
Упрямится печальный граф.
Уж подкрепив себя стаканом,
Пикар кряхтит за чемоданом.
Уже к коляске двое слуг
Несут привинчивать сундук.
К крыльцу подвезена коляска,
Пикар всё скоро уложил,
И граф уехал... Тем и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена всё мужу рассказала
И подвиг графа моего
Всему соседству описала.
Но кто же более всего
С Натальей Павловной смеялся?
Не угадать вам. Почему ж?
Муж? — Как не так! совсем не
муж.
Он очень этим оскорблялся,
Он говорил, что граф дурак,
Молокосос; что если так,
То графа он визжать заставит,
Что псами он его затравит.

*Смеялся Лидин, их сосед,
Помещик двадцати трех лет.*

*Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво.*

1825

Полтава

{696}

*The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to triumphant Czar.
Byron[34]*

Посвящение

Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай по крайней мере звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Песнь первая

*Богат и славен Кочубей^{697}
Его луга необозримы;
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругом Полтавы хутора^{698}
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра
И на виду и под замками.
Но Кочубей богат и горд
Не долгогривыми конями,
Не золотом, данью крымских орд,
Не родовыми хуторами,
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей^{699}.*

*И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.*

Она свежа, как вешний цвет,
Взлелеянный в тени дубравной.
Как тополь киевских высот,
Она стройна. Ее движенья
То лебедя пустынных вод
Напоминают плавный ход,
То лани быстрые стремленья.
Как пена, грудь ее бела.
Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют.
Звездой блестят ее глаза;
Ее уста, как роза, рдеют.
Но не единая краса
(Мгновенный цвет!) молвою шум-
ной
В молодой Марии почтена:
Везде прославилась она
Девушкой скромной и разумной.
За то завидных женихов
Ей шлет Украина и Россия;
Но от венца, как от оков,
Бежит пугливая Мария.
Всем женихам отказ — и вот
За ней сам гетман сватов шлет
{700}

Он стар. Он удручен годами,
Войной, заботами, трудами;

Но чувства в нем кипят, и вновь
Мазепа ведает любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет. В нем любовь
Проходит и приходит вновь,
В нем чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылает сердце старика,
Окаменелое годами.
Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено;
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.

Не серна под утес уходит,
Орла послыша тяжкий лёт;
Одна в сенях невеста бродит,
Трепещет и решенья ждет.

И, вся полна негодованьем,
К ней мать идет и, с содроганьем
Схватив ей руку, говорит;
«Бесстыдный! старец нечестивый!
Возможно ль?.. нет, пока мы жи-

вы,
Нет! он греха не совершит.
Он, должный быть отцом и дру-
гом
Невинной крестницы своей...
Безумец! на закате дней
Он вздумал быть ее супругом».
Мария вздрогнула. Лицо
Покрыла бледность гробовая,
И, охладев как неживая,
Упала дева на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи — и ни слова
Не говорит. Отец и мать
Ей сердце ищут успокоить,
Боязнь и горестъ разогнать,
Тревогу смутных дум устроить...
Напрасно. Целые два дня,
То молча плача, то стена,
Мария не пила, не ела,
Шатаясь, бледная как тень,
Не зная сна. На третий день
Ее светлица опустела.

Никто не знал, когда и как
Она сокрылась. Лишь рыбак
Той ночью слышал конский то-

пот,
Казачью речь и женский шепот,
И утром след осьми подков
Был виден на росе лугов.

Не только первый пух ланит
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгий вид,
Рубцы чела, власы седые
В воображенье красоты
Влагают страстные мечты.

И вскоре слуха Кочубея
Коснулась роковая весть:
Она забыла стыд и честь,
Она в объятиях злодея!
Какой позор! Отец и мать
Молву не смеют понимать.
Тогда лишь истина явилась
С своей ужасной наготой.
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы молодой.
Тогда лишь только стало явно,
Зачем бежала своенравно
Она семейственных оков,
Томилась тайно, вздыхала
И на приветы женихов
Молчаньем гордым отвечала;

Зачем так тихо за столом
Она лишь гетману внимала,
Когда беседа ликовала
И чаша пенилась вином;
Зачем она всегда певала
Те песни, кои он слагал^{701},
Когда он беден был и мал,
Когда молва его не знала;
Зачем с неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный звон литавр, и клики
Пред бунчуком и булавой^{702}
Малороссийского владыки...

Богат и знатен Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омыть он может славу.
Он может возмутить Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Он может мщением отца
Постигнуть гордого злодея;
Он может верною рукой
Вонзить... но замысел иной
Волнует сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,

Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин^{703}.
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Венчаный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над без-
дной.

Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву.
Он шел путем, где след оставил
В дни наши новый, сильный враг^{704}

Когда падением ославил
Муж рока свой попятный шаг^{705}.

Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,

Чтоб гетман узы их расторг,
И Карла ждал нетерпеливо
Их легкомысленный восторг.
Вокруг Мазепы раздавался
Мятежный крик: пора, пора!
Но старый гетман оставался
Послушным подданным Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно ведал он Украину,
Молве, казалось, не внимал
И равнодушно пировал.

«Что ж гетман? — юноши
твердили, —
Он изнемог; он слишком стар;
Труды и годы угасили
В нем прежний, деятельный жар.
Зачем дрожащею рукою
Еще он носит булаву?
Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко^{706},
Иль Самойлович молодой^{707}
Иль наш Палей^{708}, иль Гордеенко^{709}
Владели силой войсковою;
Тогда б в снегах чужбины дальней
Не погибали казаки,

И Малороссии печальной
Освобождались уж полки»^{710}.

Так, своеволием пылая,
Роптала юность удалая,
Опасных алча перемен,
Забыв отчизны давний плен,
Богдана счастливые споры^{711},
Святые брани, договоры
И славу дедовских времен.
Но старость ходит осторожно
И подозрительно глядит.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдруг она решит.
Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижно льдом?
Кто испытующим умом
Проникнет бездну роковую
Души коварной? Думы в ней,
Плоды подавленных страстей,
Лежат погружены глубоко,
И замысел давнишних дней,
Быть может, зреет одиноко.
Как знать? Но чем Мазепа злей,
Чем сердце в нем хитрей и лож-
ней,
Тем с виду он неосторожней
И в обхождении простей.

Как он умеет самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужие тайны разрешать!
С какой доверчивостью лживой,
Как добродушно на пирах
Со старцами старик болтливый,
Жалеет он о прошлых днях,
Свободу славит с своевольным,
Поносит власти с недовольным,
С ожесточенным слезы льет,
С глупцом разумну речь ведет!
Не многим, может быть, извест-
но,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим;
Что ни единой он обиды
С тех пор как жив не забывал,
Что далеко преступны виды
Старик надменный простирал;
Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как во-
ду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

Издавна умысел ужасный
Взлелеял тайно злой старик
В душе своей. Но взор опасный,
Враждебный взор его проник.

«Нет, дерзкий хищник, нет, губитель! —

Скрежеща мыслит Кочубей, —
Я пощажу твою обитель,

Темницу дочери моей;

Ты не истлеешь средь пожара,

Ты не издохнешь от удара

Казачей сабли. Нет, злодей,

В руках московских палачей,

В крови, при тщетных отрицаньях,

На дыбе, корчась в истязаньях,

Ты проклянешь и день и час,

Когда ты дочь крестил у нас,

И пир, на коем чести чашу

Тебе я полну наливал,

И ночь, когда голубку нашу

Ты, старый коршун, заклевал!..»

Так! было время: с Кочубеем

Был друг Мазепа; в оны дни

Как солью, хлебом и елеем,

Делились чувствами они.

Их кони по полям победы
Скакали рядом сквозь огни;
Нередко долгие беседы
Наедине вели они —
Пред Кочубеем гетман скрытый
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывал
И о грядущих измененьях,
Переговорах, возмущеньях
В речах неясных намекал.
Так, было сердце Кочубея
В то время предано ему.
Но, в горькой злобе свирепея,
Теперь позыву одному
Оно послушно; он голубит
Едину мысль и день и ночь:
Иль сам погибнет, иль погубит —
Отмстит поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Он крепко в сердце затаил.
«В бессильной горести, ко гробу
Теперь он мысли устремил.
Он зла Мазепе не желает;
Всему виновна дочь одна,
Но он и дочери прощает:
Пусть богу даст ответ она,
Покрыв семью свою позором,

Забыв и небо и закон...»

А между тем орлиным взором
В кругу домашнем ищет он
Себе товарищей отважных,
Неколебимых, непродажных.
Во всем открылся он жене:^{712}
Давно в глубокой тишине
Уже донос он грозный копит,
И, гнева женского полна,
Нетерпеливая жена
Супруга злобно торопит.
В тиши ночей, на ложе сна,
Как некой дух, ему она
О мщеньи шепчет, укоряет,
И слезы льет, и ободряет,
И клятвы требует — и ей
Клянется мрачный Кочубей.

Удар обдуман. С Кочубеем
Бесстрашный Искра^{713} заодно.
И оба мыслят: «Одолеем;
Врага паденье решено.
Но кто ж, усердьем пламенея,
Ревнуя к общему добру,
Донос на мощного злодея
Предубежденному Петру
К ногам положит, не робея?»

Между полтавских казаков,
Презренных девою несчастной,
Один с младенческих годов
Ее любил любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу реки родной,
В тени украинских черешен,
Бывало, он Марию ждал,
И ожиданием страдал,
И краткой встречей был утешен.
Он без надежд ее любил,
Не докучал он ей мольбою:
Отказа б он не пережил.
Когда наехали толпою
К ней женихи, из их рядов
Уныл и сир он удалился.
Когда же вдруг меж казаков
Позор Мариин огласился
И беспощадная молва
Ее со смехом поразила,
И тут Мария сохранила
Над ним привычные права.
Но если кто хотя случайно
Пред ним Мазепу называл,
То он бледнел, терзаясь тайно,
И взоры в землю опускал.

..

Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?
Чей это конь неутомимый
Бежит в степи необозримой?

Казак на север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.

Как стекло булат его блестит,
Мешок за пазухой звенит,
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бежит, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булат потеха молодца,
Ретивый конь потеха тоже —
Но шапка для него дорожке.

За шапку он оставить рад
Коня, червонцы и булат,
Но выдаст шапку только с бою,
И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?
За тем, что в ней донос защит,
Донос на гетмана злодея

Царю Петру от Кочубея.

Грозы не чуя между тем,
Неужасаемый ничем,
Мазепа козни продолжает.
С ним полномощный езуит^{714}
Мятеж народный учреждает
И шаткой трон ему сулит.
Во тьме ночной они как воры
Ведут свои переговоры,
Измену ценят меж собой,
Слагают цифр универсалов^{715},
Торгуют царской головой,
Торгуют клятвами вассалов.
Какой-то нищий во дворец
Неведомо отколе ходит,
И Орлик^{716}, гетманов делец,
Его приводит и выводит.
Повсюду тайно сеют яд
Его подосланные слуги:
Там на Дону казачьи круги
Они с Булавиным^{717} мутят;
Там будят диких орд отвагу;
Там за порогами Днепра^{718}
Стращают буйную ватагу
Самодержавием Петра.
Мазепа всюду взор кидает
И письма шлет из края в край:

Угрозой хитрой подымает
Он на Москву Бахчисарай.
Король ему в Варшаве внемлет,
В стенах Очакова паша,
Во стане Карл и царь. Не дремлет
Его коварная душа;
Он, думой думу развивая,
Верней готовит свой удар;
В нем не слабеет воля злая,
Неутомим преступный жар.

Но как он вздрогнул, как воспрянул,
Когда пред ним незапно грянул
Упадный гром! когда ему,
Врагу России самому,
Вельможи русские^{719} послали
В Полтаве писанный донос
И вместо праведных угроз,
Как жертве, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Донос оставя без вниманья,
Сам царь Иуду утешал
И злобу шумом наказанья
Смирить надолго обещал!

Мазепа, в горести притворной,

К царю возносит глас покорный.
«И знает бог, и видит свет:
Он, бедный гетман, двадцать лет
Царю служил душою верной;
Его щедротою безмерной
Осыпан, дивно вознесен...
О, как слепа, безумна злоба!..
Ему ль теперь у двери гроба
Начать учение измен
И потемнять благую славу?
Не он ли помощь Станиславу^{720}
С негодованьем отказал,
Стыдясь, отверг венец Украйны,
И договор и письма тайны
К царю, по долгу, отослал?
Не он ли наущеньям хана^{721}
И цареградского салтана
Был глух? Усердием горя,
С врагами белого царя
Умом и саблей рад был спорить,
Трудов и жизни не жалел,
И ныне злобный недруг смел
Его седины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Так долго быв его друзьями!..»
И с кровожадными слезами,
В холодной дерзости своей,
Их казни требует злодей...^{722}

Чьей казни?.. старец непреклонный!

Чья дочь в объятиях его?

Но хладно сердца своего

Он заглушает ропот сонный.

Он говорит: «В неравный спор

Зачем вступает сей безумец?

Он сам, надменный вольнодумец,

Сам точит на себя топор.

Куда бежит, зажавши вежды?

На чем он основал надежды?

Или... но дочери любовь

Главы отцовской не искупит.

Любовник гетману уступит,

Не то моя прольется кровь.»

Мария, бедная Мария,

Краса черкасских дочерей!

Не знаешь ты, какого змия

Ласкаешь на груди своей.

Какой же властью непонятной

К душе свирепой и развратной

Так сильно ты привлечена?

Кому ты в жертву отдана?

Его кудрявые седины,

Его глубокие морщины,

Его блестящий, впалый взор,

Его лукавый разговор

Тебе всего, всего дороже:
Ты мать забыть для них могла,
Соблазном посланное ложе
Ты отчей сени предпочла.
Своими чудными очами
Тебя старик заморозил,
Своими тихими речами
В тебе он совесть усыпил;
Ты на него с благоговеньем
Возводишь ослепленный взор,
Его лелеешь с умиленьем —
Тебе приятен твой позор,
Ты им, в безумном упоенье,
Как целомудрием горда —
Ты прелесть нежную стыда
В своем утратила паденье...

Что стыд Мариш? что молва?
Что для нее мирские пени,
Когда склоняется в колени
К ней старца гордая глава,
Когда с ней гетман забывает
Судьбы своей и труд и шум,
Иль тайны смелых, грозных дум
Ей, деве робкой, открывает?
И дней невинных ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, как туча, затмевает:

Она унылых пред собой
Отца и мать воображает;
Она, сквозь слезы, видит их
В бездетной старости, одних,
И, мнится, пеням их внимает...
О, если б ведала она,
Что уж узнала вся Украина!
Но от нее сохранена
Еще убийственная тайна.

Песнь вторая

Мазепа мрачен. Ум его
Смущен жестокими мечтами.
Мария нежными очами
Глядит на старца своего.
Она, обняв его колени,
Слова любви ему твердит.
Напрасно: черных помышлений
Ее любовь не удалит.
Пред бедной девой с невниманьем
Он хладно потупляет взор,
И ей на ласковый укор
Одним ответствует молчаньем.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встает она
И говорит с негодованьем:

«Послушай, гетман; для тебя

*Я позабыла все на свете.
Навек однажды полюбя,
Одно имела я в предмете:
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастье мое,
Но ни о чем я не жалею...
Ты помнишь: в страшной тишине,
В ту ночь, как стала я твоею,
Меня любить ты клялся мне.
Зачем же ты меня не любишь?»*

Мазепа

*Мой друг, несправедлива ты.
Оставь безумные мечты;
Ты подозреньем сердце губишь:
Нет, душу пылкую твою
Волнуют, ослепляют страсти.
Мария, верь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.*

Мария

*Неправда: ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласк моих бежишь;
Теперь они тебе докучны;
Ты целый день в кругу старшин,
В пирах, разъездах — я забыта;
Ты долгой ночью иль один,*

*Иль с нищим, иль у езуита;
Любовь смиренная моя
Встречает хладную суровость.
Ты пил недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?*

Мазепа

*И ты
Ревнива? Мне ль, в мои ли лета
Искать надменного привета
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старик суровый,
Как праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорные оковы
И жен притворством искушать?*

Мария

*Нет, объяснись без отговорок
И просто, прямо отвечай.*

Мазепа

*Покой души твоей мне дорог,
Мария; так и быть: узнай.*

*Давно замыслили мы дело;
Теперь оно кипит у нас.
Благое время нам приспело;*

Борьбы великой близок час.
Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я поднимаю на Петра.
Готово все: в переговорах
Со мною оба короля;
И скоро в смутах, в бранных спо-
рах,
Быть может, трон воздвигну я.
Друзей надежных я имею:
Княгиня Дульская и с нею
Мой езуит, да нищий сей
К концу мой замысел приводят.
Через руки их ко мне доходят
Наказы, письма королей.
Вот важные тебе признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Рассеяны ль?

Мария

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоим седидам как пристанет

Корона царская!

Мазепа

Постой.

*Не все свершилось. Буря грянет;
Кто может знать, что ждет меня?*

Мария

*Я близ тебя не знаю страха —
Ты так могущ! О, знаю я:
Трон ждет тебя.*

Мазепа

А если плаха?...

Мария

*С тобой на плаху, если так.
Ах, пережить тебя могу ли?
Но нет: ты носишь власти знак.*

Мазепа

Меня ты любишь?

Мария

Я! люблю ли?

Мазепа

*Скажи: отец или супруг
Тебе дороже?*

Мария

*Милый друг,
К чему вопрос такой? тревожит
Меня напрасно он. Семью
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей в позор; быть может
(Какая страшная мечта!)
Моим отцом я проклята,
А за кого?*

Мазепа

*Так я дороже
Тебе отца? Молчишь...*

Мария

О боже!

Мазепа

Что ж? отвечай.

Мария

Реши ты сам.

Мазепа

*Послушай: если было б нам,
Ему иль мне, погибнуть надо,
А ты бы нам судьей была,
Кого б ты в жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?*

Мария

*Ах, полно! сердце не смущай!
Ты искуситель.*

Мазепа

Отвечай!

Мария

*Ты бледен; речь твоя сурова...
О, не сердись! Всем, всем готова
Тебе я жертвовать, поверь;
Но страшны мне слова такие.
Довольно.*

Мазепа

*Помни же, Мария,
Что ты сказала мне теперь.*

*Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.*

Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой-Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.
И тихо, тихо все кругом;
Но в замке шопот и смятенье.
В одной из башен, под окном,
В глубоком, тяжком размышле-
нии,
Окован, Кочубей сидит
И мрачно на небо глядит.

Завтра казнь. Но без боязни
Он мыслит об ужасной казни;
О жизни не жалеет он.
Что смерть ему? желанный сон.
Готов он лечь во гроб кровавый.
Дрема долит. Но, боже правый!
К ногам злодея, молча, пасть
Как бессловесное создание,
Царем быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь — и с нею
честь,
Друзей с собой на плаху весть,

Над гробом слышать их прокля-
тья,
Ложась безвинным под топор,
Врага веселый встретить взор
И смерти кинуться в объятья,
Не завещая никому
Вражды к злодею своему!..

И вспомнил он свою Полтаву,
Обычный круг семьи, друзей,
Минувших дней богатство, славу,
И песни дочери своей,
И старый дом, где он родился,
Где знал и труд и мирный сон,
И все, чем в жизни наслаждался,
Что добровольно бросил он,
И для чего? —

Но ключ в заржавом
Замке гремит — и пробужден
Несчастный думает: вот он!
Вот на пути моем кровавом
Мой вождь под знаменем креста,
Грехов могущий разрешитель,
Духовной скорби врач, служитель
За нас распятого Христа,
Его святую кровь и тело
Принесший мне, да укреплюсь,

*Да приступлю ко смерти смело
И жизни вечной приобщусь!*

*И с сокрушением сердечным
Готов несчастный Кочубей
Перед всесильным, бесконечным
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Он гостя узнает иного:
Свирепый Орлик перед ним.
И отвращением томим,
Страдалец горько вопрошает:
«Ты здесь, жестокой человек?
Зачем последний мой ночлег
Еще Мазепа возмущает?»*

Орлик

Допрос не кончен: отвечай.

Кочубей

*Я отвечал уже: ступай,
Оставь меня.*

Орлик

*Еще признанья
Пан гетман требует.*

Кочубей

Но в чем?
Давно сознался я во всем,
Что вы хотели. Показанья
Мои все ложны. Я лукав,
Я строю козни. Гетман прав.
Чего вам более?

Орлик

Мы знаем,
Что ты несчетно был богат;
Мы знаем: не единый клад
Тобой в Диканьке^{723} укрываем.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имение сполна
В казну поступит войсковую —
Таков закон. Я указую
Тебе последний долг: открой,
Где клады, скрытые тобой?

Кочубей

Так, не ошиблись вы: три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;
Другой был клад невозвратимый
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь над ним дрожал:
Мазепа этот клад украл.

*Но сохранил я клад последний,
Мой третий клад: святую месть.
Ее готовлюсь богу снести.*

Орлик

*Старик, оставь пустые бредни:
Сегодня покидая свет,
Питайся мыслию суровой.
Шутить не время. Дай ответ,
Когда не хочешь пытки новой:
Где спрятал деньги?*

Кочубей

*Злой холоп!
Окончишь ли допрос нелепый?
Повремени; дай лечь мне в гроб,
Тогда ступай себе с Мазепой
Мое наследие считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады с домами.
С собой возьмите дочь мою;
Она сама вам все расскажет,
Сама все клады вам укажет;
Но ради господина молю,
Теперь оставь меня в покое.*

Орлик

Где спрятал деньги? укажи.
Не хочешь? — Деньги где? скажи,
Иль выйдет следствие плохое.
Подумай; место нам назначь.
Молчишь? — Ну, в пытку. Гей, па-
лач!^{724}

Палач вошел...

О, ночь мучений!
Но где же гетман? где злодей?
Куда бежал от угрызений
Змеиной совести своей?
В светлице девы усыпленной,
Еще незнанием блаженной,
Близь ложа крестницы молодой
Сидит с поникшею главой
Мазепа тихой и угрюмой.
В его душе проходят думы,
Одна другой мрачней, мрачней.
«Умрет безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чем ближе
Цель гетмана, тем тверже он
Быть должен властью облечен,
Тем перед ним склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нет:
Доносчик и его клевет
Умрут». Но брося взор на ложе,
Мазепа думает: «О боже!

Что будет с ней, когда она
Услышит слово роковое?
Досель она еще в покое —
Но тайна быть сохранена
Не может долее. Секира,
Унав поутру, загремит
По всей Украине. Голос мира
Вокруг нее заговорит!..
Ах, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тот стой один перед грозой,
Не призывай к себе жены.
В одну телегу впрячь невозможно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно:
Теперь плачу безумства дань...
Все, что цены себе не знает,
Все, все, чем жизнь мила бывает,
Бедняжка принесла мне в дар,
Мне, старцу мрачному, — и что
же?
Какой готовлю ей удар!»
И он глядит: на тихом ложе
Как сладок юности покой!
Как сон ее лелеет нежно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра... содрогаясь

Мазена отвращает взгляд,
Встает и, тихо пробираясь,
В уединенный сходит сад.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Но мрачны странненькие мечты
В душе Мазены: звезды ночи,
Как обвинительные очи,
За ним насмешливо глядят.
И тополи, стеснившись в ряд,
Качая тихо головою,
Как судьи, шепчут меж собою.
И летней, теплой ночи тьма
Душна как черная тюрьма.

Вдруг... слабый крик... невнятный
стон
Как бы из замка слышит он.
То был ли сон воображенья,
Иль плач совы, иль зверя вой,
Иль пытки стон, иль звук иной —
Но только своего волненья
Преодолеть не мог старик
И на протяжный слабый крик

Другим ответствовал — тем
криком,
Которым он в весельи диком
Поля сраженья оглашал,
Когда с Забелой, с Гамалеем⁽⁷²⁵⁾,
И — с ним... и с этим Кочубеем
Он в бранном пламени скакал.

Зари багряной полоса
Объемлет ярко небеса.
Блеснули доли, холмы, нивы,
Вершины роц и волны рек.
Раздался утра шум игривый,
И пробудился человек.

Еще Мария сладко дышит,
Дремой объятая, и слышит
Сквозь легкой сон, что кто-то к
ней
Вошел и ног ее коснулся.
Она проснулась — но скорей
С улыбкой взор ее сомкнулся
От блеска утренних лучей.
Мария руки протянула
И с негой томною шепнула:
«Мазепа, ты?...» Но голос ей
Иной отвечает... о боже!
Вздрагнув, она глядит... и что

*же?
Пред нею мать...*

Мать

*Молчи, молчи;
Не погуби нас: я в ночи
Сюда прокралась осторожно
С единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебе одной
Свирепство их смягчить возмож-
но.
Спаси отца.*

Дочь (в ужасе)

*Какой отец?
Какая казнь?*

Мать

*Иль ты доньне
Не знаешь?... нет! ты не в пусты-
не,
Ты во дворце; ты знать должна,
Как сила гетмана грозна,
Как он врагов своих карает.
Как государь ему внимает...
Но вижу: скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,*

Когда свершают суд свирепый,
Когда читают приговор,
Когда готов отцу топор...
Друг другу, вижу, мы чужие...
Опомнись, дочь моя! Мария,
Беги, пади к его ногам,
Спаси отца, будь ангел нам:
Твой взгляд злодеям руки свяжет,
Ты можешь их топор отвести.
Рвись, требуй — гетман не отка-
жет:
Ты для него забыла честь,
Родных и бога.

Дочь

Что со мною?
Отец... Мазепа... казнь — с моль-
бою
Здесь, в этом замке мать моя —
Нет, иль ума лишилась я,
Иль это грезы.

Мать

Бог с тобою,
Нет, нет — не грезы, не мечты.
Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отец ожесточенный
Бесчестья дочери не снес

И, жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана донес...
Что в истязаниях кровавых
Сознался в умыслах лукавых,
В стыде безумной клеветы,
Что, жертва смелой правоты,
Врагу он выдан головою,
Что пред громадой войсковою,
Когда его не осенит
Десница вышняя господня,
Он должен быть казнен сегодня,
Что здесь покаместь он сидит
В тюремной башне.

Дочь

Боже, боже!..
Сегодня! — бедный мой отец!

И дева падает на ложе,
Как хладный падает мертвец.

Пестреют шапки. Копья блещут.
Бьют в бубны. Скачут сердюки^{726}.
В строях ровняются полки.
Толпы кипят. Сердца трепещут.
Дорога, как змеиный хвост,
Полна народу, шевелится.

Средь поля роковой намост.
На нем гуляет, веселится
Палач и алчно жертвы ждет:
То в руки белые берет,
Играючи, топор тяжелый,
То шутит с чернию веселой.
В гремучий говор все слилось:
Крик женской, брань, и смех, и ропот.
Вдруг восклицанье раздалось,
И смолкло все. Лишь конской топот
Был слышен в грозной тишине.
Там, окруженный сердюками,
Вельможный гетман с старшинами
Скакал на вороном коне.
А там по киевской дороге
Телега ехала. В тревоге
Все взоры обратили к ней.
В ней, с миром, с небом примиренный,
Могущей верой укрепленный
Сидел безвинный Кочубей,
С ним Искра тихий, равнодушный,
Как агнец, жребию послушный.
Телега стала. Раздалось
Моленье ликов громогласных.

С кадил куренье поднялось.
За упокой души несчастных
Безмолвно молится народ,
Страдальцы за врагов. И вот
Идут они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Как будто в гробе, тьмы людей
Молчат. Топор блеснул с размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслед за ней, мигая.
Зарделась кровию трава —
И сердцем радуясь во злобе
Палач за чуб поймал их обе
И напряженною рукой
Потряс их обе над толпой.

Свершилась казнь. Народ беспеч-
ный
Идет, рассыпавшись, домой
И про свои заботы вечны
Уже толкует меж собой.
Пустеет поле понемногу.
Тогда чрез пеструю дорогу
Перебежали две жены.
Утомлены, запылены,
Они, казалось, к месту казни
Спешили полные боязни.

«Уж поздно», — кто-то им сказал
И в поле перстом указал.
Там роковой намоет ломали,
Молился в черных ризах поп,
И на телегу подымали
Два казака дубовый гроб.

Один пред конною толпой
Мазена, грозен, удалялся
От места казни. Он терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто к нему не приблизился,
Не говорил он ничего;
Весь в пене мчался конь его.
Домой приехав, «что Мария?»
Спросил Мазена. Слышит он
Ответы робкие, глухие...
Невольным страхом поражен,
Идет он к ней; в светлицу входит:
Светлица тихая пуста —
Он в сад, и там смятенный бродит;
Но вокруг широкого пруда,
В кустах, вдоль сеней безмятежных
Все пусто, нет нигде следов —
Ушла! — Зовет он слуг надежных,
Своих проворных сердюков.

Они бегут. Храпят их кони —
Раздался дикой клик погони,
Верхом — и скачут молодцы
Во весь опор во все концы.

Бегут мгновенья дорогие.
Не возвращается Мария.
Никто не ведал, не слышал,
Зачем и как она бежала...
Мазепа молча скрежетал.
Затихнув, челядь трепетала.
В груди кипучий яд нося,
В светлице гетман заперся.
Близь ложа там во мраке ночи
Сидел он, не смыкая очи,
Нездешней мукою томим.
Поутру, посланные слуги
Один явились за другим.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пеною покрыто,
В крови, растеряно, избито —
Но ни один ему принести
Не мог о бедной деве весть.
И след ее существованья
Пропал, как будто звук пустой,
И мать одна во мрак изгнанья
Умчала горе с нищетой.

«Бахчисарайский фонтан».
Гравюра С. Галактионова.
Илл. из «Невского альманаха на 1827

год».

Песнь третья

*Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно в даль
Вождю Украйны не мешает.
Твердея в умысле своем,
Он с гордым шведским королем
Свои сношенья продолжает.
Меж тем, чтоб обмануть верней
Глаза враждебного сомненья,
Он, окружась толпой врачей,
На ложе мнимого мученья
Стоная молит исцеленья.
Плоды страстей, войны, трудов,
Болезни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его к одру. Уже готов
Он скоро бренный мир оставить;
Святой обряд он хочет править,
Он архипастыря зовет
К одру сомнительной кончины;
И на коварные седины
Елей таинственный течет.*

*Но время шло. Москва напрасно
К себе гостей ждала всечасно,
Средь старых, вражеских могил*

Готовя шведам тризну тайну.
Незапно Карл поворотил
И перенес войну в Украину.

И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.
Теперь он мощный враг Петра.
Теперь он, бодрый, пред полками
Сверкает гордыми очами
И саблей машет — и к Десне
Проворно мчится на коне.
Согбенный тяжело жизнью ста-
рой,
Так оный хитрый кардинал^{727},
Венчавшись римскою тиарой,
И прям, и здоров, и молод стал.

И весть на крыльях полетела.
Украина смутно зашумела:
«Он перешел, он изменил,
К ногам он Карлу положил
Бунчук покорный». Пламя пышет,
Встает кровавая заря
Войны народной.

Кто опишет

Негодованье, гнев царя?^{728}
Гремит анафема в соборах;
Мазепы лик терзает кат^{729}.
На шумной раде, в вольных спорах
Другого гетмана творят.
С берегов пустынных Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспешно призваны Петром.
Он с ними слезы проливает.
Он их, лаская, осыпает
И новой честью и добром.
Мазепы враг, наездник пылкий,
Старик Палей из мрака ссылки
В Украину едет в царский стан.
Трепещет бунт осиротелый.
На плахе гибнет Чечель^{730} сме-
лый
И запорожский атаман^{731}.
И ты, любовник бранной славы,
Для шлема кинувший венец,
Твой близок день, ты вал Полта-
вы
Вдали завидел наконец.

И царь туда ж помчал дружи-
ны.
Они как буря притекли —
И оба стана средь равнины

Друг друга хитро облегли.
Не раз избитый в схватке смелой,
Заране кровью опьянелый,
С бойцом желанным наконец
Так грозный сходится боец.
И злобясь видит Карл могучий
Уж не расстроенные тучи
Несчастных нарвских беглецов,
А нить полков блестящих, строй-
ных
Послушных, быстрых и спокой-
ных,
И ряд незыблемый штыков.

Но он решил: завтра бой.
Глубокой сон во стане шведа.
Лишь под палаткою одной
Ведется шопотом беседа.

«Нет, вижу я, нет, Орлик мой,
Поторопились мы некстати:
Расчет и дерзкой и плохой,
И в нем не будет благодати.
Пропала, видно, цель моя.
Что делать? Дал я промах важ-
ный:
Ошибся в этом Карле я.
Он мальчишка бойкой и отважный;

Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать^{732},
Ответствовать на бомбу сме-
хом;^{733}
Не хуже русского стрелка
Прокрасться в ночь ко вражью
стану;
Свалить как нынче казака
И обменять на рану рану^{734};
Но не ему вести борьбу
С самодержавным великаном:
Как полк, вертеться он судьбу
Принудить хочет барабаном;
Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен, и кичлив,
Бог весть какому счастью верит;
Он силы новые врага
Успехом прошлым только мерит
—
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственным бродя-
гой
Увлекся я на старость лет;
Был ослеплен его отвагой
И беглым счастьем побед,
Как дева робкая.»

Орлик

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
С Петром опять войти в сноше-
нья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нет сомненья,
Царь не отвергнет примиренья.

Мазепа

Нет, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно решилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стесненной злобой. Под Азовым
Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал:
Полны вином кипели чаши,
Кипели с ними речи наши.
Я слово смелое сказал.
Смутились гости молодые...
Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые
Меня с угрозой ухватил.
Тогда, смирясь в бессильном гне-
ве,
Отмстить себе я клятву дал;
Носил ее — как мать во чреве
Младенца носит. Срок настал.

Так, обо мне воспоминанье
Хранить он будет до конца.
Петру я послан в наказанье;
Я терн в листах его венца:
Он дал бы грады родовые
И жизни лучшие часы,
Чтоб снова как во дни былые
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для нас надежды:
Кому бежать, решит заря.

Умолк и закрывает вежды
Изменник русского царя.

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею

Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкой Шлипенбах^{735}.
Тесним мы шведов рать за ра-
тью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пыла-
ет.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки присмирев
Прервали свой голодный рев.
И се — равнину оглашая
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны;
И Шереметев^{736} благородный,
И Брюс^{737}, и Боур^{738}, и Репнин^{739},
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин^{740}.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,

В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волнение.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавской бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий
строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, ре-
жет.

Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье,
стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Среди тревоги и волнения
На битву взором вдохновенья
Вожди спокойные глядят,
Движенья ратные следят,
Предвидят гибель и победу
И в тишине ведут беседу.
Но близ московского царя
Кто воин сей под сединами?
Двумя поддержан казаками,
Сердечной ревностью горя,
Он оком опытным героя
Взирает на волнение боя.
Уж на коня не вскочит он,
Одрах в изгнанье сиротя,
И казаки на клич Палея
Не налетят со всех сторон!
Но что ж его сверкнули очи,
И гневом, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль он, сквозь бранный дым, уви-
дел
Врага Мазепу, и в сей миг

*Свои лета возненавидел
Обезоруженный старик?*

*Мазепа, в думу погруженный,
Взирал на битву, окруженный
Толпой мятежных казаков,
Родных, старшин и сердюков.
Вдруг выстрел. Старец обратил-
ся.*

*У Войнаровского⁽⁷⁴¹⁾ в руках
Мушкетный ствол еще дымился.
Сраженный в нескольких шагах,
Младой казак в крови валялся,
А конь, весь в пене и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь в огненной дали.
Казак на гетмана стремился
Сквозь битву с саблею в руках,
С безумной яростью в очах.
Старик, подъехав, обратился
К нему с вопросом. Но казак
Уж умирал. Потухший зрак
Еще грозил врагу России;
Был мрачен помертвелый лик,
И имя нежное Марии
Чуть лепетал еще язык.*

Но близок, близок миг победы.

Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит^{742}.
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд и ясен
И славы полон взор его,
И царской пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.

Но где же первый, званый
гость?
Где первый, грозный наш учитель,
Чью долговременную злость
Смирил полтавский победитель?
И где ж Мазепа? где злодей?
Куда бежал Иуда в страхе?
Зачем король не меж гостей?
Зачем изменник не на плахе?^{743}

Верхом, в глуши степей нагих,
Король и гетман мчатся оба.
Бегут. Судьба связала их.
Опасность близкая и злоба
Даруют силу королю.
Он рану тяжкую свою
Забыл. Поникнув головою,
Он скачет, русскими гоним,
И слуги верные толпою
Чуть могут следовать за ним.

Обозревая зорким взглядом
Степей широкой полукруг,
С ним старый гетман скачет ря-
дом.
Пред ними хутор... Что же вдруг
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Он стороной во весь опор?
Иль этот запустелый двор,
И дом, и сад уединенный,
И в поле отпертая дверь
Какой-нибудь рассказ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!
Узнал ли ты сию обитель,
Сей дом, веселый прежде дом,
Где ты, вином разгоряченный,

Семьей счастливой окруженный,
Шутил бывало за столом?
Узнал ли ты уют укромный,
Где мирный ангел обитал,
И сад, откуда ночью темной
Ты вывел в степь... Узнал, узнал!

Ночные тени степь объемлют.
На бреге синего Днепра
Между скалами чутко дремлют
Враги России и Петра.
Щадят мечты покой героя,
Урон Полтавы он забыл.
Но сон Мазены смутен был.
В нем мрачный дух не знал покоя.
И вдруг в безмолвии ночном
Его зовут. Он пробудился.
Глядит: над ним, грозя перстом,
Тихонько кто-то склонился.
Он вздрогнул как под топором.
Пред ним с развитыми власами,
Сверкая впальми глазами,
Вся в рубище, худа, бледна,
Стоит, луной освещена...
«Иль это сон?... Мария... ты ли?»

Мария

Ах, тише, тише, друг!.. Сейчас

Отец и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могут нас.

Мазепа

Мария, бедная Мария!
Опомнись! Боже!.. Что с тобой?

Мария

Послушай: хитрости какие!
Что за рассказ у них смешной?
Она за тайну мне сказала,
Что умер бедный мой отец,
И мне тихонько показала
Седую голову — творец!
Куда бежать нам от злоречья?
Подумай: эта голова
Была совсем не человечесья,
А волчья — видишь: какова!
Чем обмануть меня хотела!
Не стыдно ль ей меня пугать?
И для чего? чтоб я не смела
С тобой сегодня убежать!
Возможно ль?

С горестью глубокой
Любовник ей внимал жестокой.
Но, вихрю мыслей предана,
«Однако ж, — говорит она, —

Я помню поле... праздник шум-
ный...
И чернь... и мертвые тела...
На праздник мать меня вела...
Но где ж ты был?... С тобою раз-
но
Зачем в ночи скитаюсь я?
Пойдем домой. Скорей... уж позд-
но.
Ах, вижу, голова моя
Полна волнения пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старик. Оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен.
Ты безобразен. Он прекрасен:
В его глазах блестит любовь,
В его речах такая нега!
Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь!..»

И с диким смехом завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побежала
И скрылась в темноте ночной.

Редела тень. Восток алел.
Огонь казачий пламенел.
Пшеницу казаки варили;

Драбанты у брегу Днепра
Коней расседланных поили.
Проснулся Карл. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Рассветает.»
Но гетман уж не спит давно.
Тоска, тоска его снедает;
В груди дыханье стеснено.
И молча он коня седлает,
И скачет с беглым королем,
И страшно взор его сверкает,
С родным прощаясь рубежом.

Прошло сто лет — и что ж
осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколение миновалось —
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.
В стране — где мельниц ряд кры-
латый
Оградой мирной обступил
Бендер пустынные раскаты,

Где бродят буйволы рогаты
Вокруг воинственных могил, —
Останки разоренной сени,
Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени
Гласят о шведском короле⁽⁷⁴⁴⁾.
С них отражал герой безумный,
Один в толпе домашних слуг,
Турецкой рати приступ шумный,
И бросил шпагу под бунчук;
И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забыв Мазепа с давних пор!
Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой доныне,
Грозя, гремит о нем собор.
Но сохранилася могила,
Где двух страдальцев прах почил;
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила⁽⁷⁴⁵⁾.
Цветет в Диканьке древний ряд
Дубов, друзьями насажденных;
Они о праотцах казненных
Доныне внукам говорят.
Но дочь преступница... преданья
Об ней молчат. Ее страданья,
Ее судьба, ее конец
Непроницаемою тьмою

*От нас закрыты. Лишь порою
Слепой украинский певец,
Когда в селе перед народом
Он песни гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит.*

1⁸²⁸

Тазит

{746}

*Не для бесед и ликований,
Не для кровавых совещаний,
Не для расспросов кунака,
Не для разбойничей потехи
Так рано съехались адехи^{747}
На двор Гасуба старика.
В нежданной встрече сын Гасуба
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба^{748}.
В родимой сакле он лежит.
Обряд творится погребальный.
Звучит уныло песнь муллы.
В арбу впряженные волы
Стоят пред саклею печальной.
Двор полон тесною толпой.
Подъемлют гости скорбный вой
И с плачем бьют нагрудны брони,*

И, внемля шум небоевой,
Мянутся спутанные кони.
Все ждут. Из сакли наконец
Выходит между жен отец,
Два узденя^{749} за ним выносят
На бурке хладный труп. Толпу
По сторонам раздаться просят.
Слагают тело на арбу
И с ним кладут снаряд воинский:
Неразряженную пищаль,
Колчан и лук, кинжал грузинский
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крепка была могила,
Где храбрый ляжет почивать,
Чтоб мог на зов он Азраила^{750}
Исправным воином восстать.

В дорогу шествие готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи следуют сурово,
Смирняя молча пыл коней...
Уж потухал закат огнистый,
Златя нагорные скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихие волы.
В долине той враждою жадной
Сражен наездник молодой,
Там ныне тень могилы хладной

Воспримет труп его немой...

*Уж труп землю взят. Могила
Завалена. Толпа вокруг
Мольбы последние творила.
Из-за горы явились вдруг
Старик седой и отрок стройный.
Дают дорогу пришлецу —
И скорбному старик отцу
Так молвил, важный и спокойный:
«Прошло тому тринадцать лет,
Как ты, в аул чужой пришел,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Гасуб, покорен будь судьбе.
Другого я привел тебе.
Вот он. Ты голову преклонишь
К его могучему плечу.
Твою потерю им заменишь —
Труды мои ты сам оценишь,
Хвалиться ими не хочу».*

*Умолкнул. Смотрит торопли-
во
Гасуб на отрока. Тазит,*

Главу потупя молчаливо,
Ему недвижим предстоит.
И в горе им Гасуб любясь,
Влеченью сердца повинуясь,
Объемлет ласково его.
Потом наставника ласкает,
Благодарит и приглашает
Под кровлю дома своего.
Три дня, три ночи с кунаками
Его он хочет угощать
И после честно провожать
С благословеньем и дарами.
Ему ж, отец печальный мнит,
Обязан благом я бесценным:
Службой и другом неизменным,
Могучим мстителем обид.

* * *

Проходят дни. Печаль заснула
В душе Гасуба. Но Тазит
Всё дикость прежнюю хранит.
Среди родимого аула
Он как чужой; он целый день
В горах один; молчит и бродит.
Так в сакле кормленный олень
Всё в лес глядит; всё в глушь уходит.
Он любит — по крутым скалам

Скользнуть, ползти тропой крем-
нистой,
Внимая буре голосистой
И в бездне воющим волнам.
Он иногда до поздней ночи
Сидит, печален, над горой,
Недвижно в даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какие мысли в нем проходят?
Чего желает он тогда?
Из мира дальнего куда
Младые сны его уводят?..
Как знать? Незрима глубь сердец.
В мечтаньях отрок своеволен,
Как ветер в небе...

Но отец
Уже Тазитом недоволен.
«Где ж, — мыслит он, — в нем
плод наук,
Отважность, хитрость и провор-
ство,
Лукавый ум и сила рук?
В нем только лень и непокорство.
Иль сына взор мой не проник,
Иль обманул меня старик».

* * *

Тазит из табуна выводит

Коня, любимца своего.
Два дни в ауле нет его,
На третий он домой приходит.

Где был ты, сын?

В ущелье скал,
Где прорван каменистый берег,
И путь открыт на Дариял.

Что делал там?

Я слушал Терек.

А не видал ли ты грузин
Иль русских?

Видел я, с товаром
Тифлисский ехал армянин.

Он был со стражей?

Нет, один.

Зачем нечаянным ударом
Не вздумал ты сразить его
И не прыгнул к нему с утеса? —

Потупил очи сын черкеса,
Не отвечая ничего.

* * *

Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает,
Потом является домой.

Где был?

За белою горой.

Кого ты встретил?

На кургане
От нас бежавшего раба.

О милосердая судьба!
Где ж он? Ужели на аркане
Ты беглеца не притащил? —

Тазит опять главу склонил.
Гасуб нахмурился в молчанье,
Но скрыл свое негодованье.
«Нет, — мыслит он, — не замети
Он никогда другого брата.
Не научился мой Тазит,

Как шашкой добывают золото.
Ни стад моих, ни табунов
Не наделят его разъезды.
Он только знает без трудов
Внимать волнам, глядеть на
звезды,
А не в набегах отбивать
Коней с ногойскими быками
И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе нагружать».

* * *

Тазит опять коня седлает.
Два дня, две ночи пропадает.
На третий, бледен, как мертвец,
Приходит он домой. Отец,
Его увидя, вопрошает:
«Где был ты?»

Около станиц
Кубани, близ лесных границ

..

Кого ты видел?

Супостата.

Кого? кого?

Убийцу брата.

Убийцу сына моего!..
Приди!.. где голова его?
Тазит!.. Мне череп этот нужен.
Дай нагляжусь!

Убийца был
Один, изранен, безоружен...

Ты долга крови не забыл!..
Врага ты навзничь опрокинул,
Не правда ли? ты шашку вынул,
Ты в горло сталь ему воткнул
И трижды тихо повернул,
Упился ты его стенаньем,
Его змеиным издыханьем...
Где ж голова?.. подай... нет
сил...—
Но сын молчит, потупя очи.
И стал Гасуб чернее ночи
И сыну грозно возопил:

«Поди ты прочь — ты мне не
сын,
Ты не чеченец — ты старуха,
Ты трус, ты раб, ты армянин!
Будь проклят мной! поди — чтоб

слуха
Никто о робком не имел,
Чтоб вечно ждал ты грозной
встречи,
Чтоб мертвый брат тебе на пле-
чи
Окровавленной кошкой сел
И к бездне гнал тебя нещадно,
Чтоб ты, как раненый олень,
Бежал, тоскуя безотрадно,
Чтоб дети русских деревень
Тебя веревкою поймали
И как волчонка затерзали,
Чтоб ты... Беги... беги скорей,
Не оскверняй моих очей!»
Сказал и на земь лег — и очи
Закрыв. И так лежал до ночи.
Когда же приподнялся он,
Уже на синий небосклон
Луна, блистая, восходила
И скал вершины серебрила.
Тазита трижды он позвал,
Никто ему не отвечал...

* * *

Ущелий горных поселенцы
В долине шумно собрались —
Привычны игры начались.

Верхами юные чеченцы,
В пыли несясь во весь опор,
Стрелую шапку пробивают,
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.
То скользкой мешатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, девы
Меж тем поют — и гул лесной
Далече вторит их напевы.
Но между юношей один
Забав наездничьих не делит,
Верхом не мчится вдоль стрем-
нин,
Из лука звонкого не целит.
И между девами одна
Молчит уныла и бледна.
Они в толпе четою странной
Стоят, не видя ничего.
И горе им: он сын изгнанный,
Она любовница его...

О, было время!.. с ней украдкой
Видался юноша в горах.
Он пил огонь отравы сладкой
В ее смятенье, в речи краткой,
В ее потупленных очах,
Когда с домашнего порогу
Она смотрела на дорогу,

С подружкой резвой говоря —
И вдруг садилась и бледнела
И, отвечая, не глядела
И разгоралась, как заря —
Или у вод когда стояла,
Текущих с каменных вершин,
И долго кованый кувшин
Волною звонкой наполняла.
И он, не властный превозмочь
Волнений сердца, раз приходит
К ее отцу, его отводит
И говорит: «Твоя мне дочь
Давно мила. По ней тоскуя,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою.
Я беден — но могуч и молод.
Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный,
Твоим сынам кунак надежный,
А ей — проверженный супруг».

Домик в Коломне

{751}

Четырестопный ямб мне надо-
ел:

Им пишет всякий. Мальчикам в
забаву

Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за ок-
таву.

А в самом деле: я бы совладел
С тройным созвучием. Пушусь на
славу!

Ведь рифмы запросто со мной
живут;

Две придут сами, третью приве-
дут.

А чтоб им путь открыть широ-
кий, вольный,

Глаголы тотчас им я разрешу...

Вы знаете, что рифмой нагла-
гольной

Гнушаемся мы. Почему? спрошу.

Так писывал Шихматов бого-
мольный^{752};

По большей части так и я пишу

К чему? скажите; уж и так мы голы.

Отныне в рифмы буду брать голы.

*Не стану их надменно браковать,
Как рекрутов, добившихся увечья,
Иль как коней, за их плохую
стать, —
А подбирать союзы да наречья;
Из мелкой сволочи вербую рать.
Мне рифмы нужны; все готов сбегать я,
Хоть весь словарь; что слог, то и солдат —
Все годны в строй: у нас ведь не парад.*

*Ну, женские и мужеские слоги!
Благословясь, попробуем: слушай!
Равняйтесь, вытягивайте ноги
И по три в ряд в октаву заезжай!
Не бойтесь, мы не будем слишком строги;
Держись вольней и только не плюшай,
А там уже привыкнем, слава бо-*

гу,
И выведем на ровную дорогу.

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за
строим,
Не позволять им в сторону бре-
сти,
Как войску, в пух рассыпанному
боем!
Тут каждый слог замечен и в че-
сти,
Тут каждый стих глядит себе ге-
роем,
А стихотворец... с кем же равен
он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон.

Немного отдохнем на этой
точке.
Что? перестать или пустить на
пе^{753}?..
Признаться вам, я в пятистопной
строчке
Люблю цезуру на второй стопе.
Иначе стих то в яме, то на кочке,
И хоть лежу теперь на канаве,
Всё кажется мне, будто в тряс-

ком беге
По мерзлой пашне мчусь я на те-
леге.

Что за беда? не всё ж гулять
пешком
По невскому граниту иль на бале
Лощить паркет, или скакать вер-
хом
В степи киргизской. Поплечусь-ка
дале,
Со станции на станцию шажком,
Как говорят о том оригинале,
Который, не кормя, на рысаке
Приехал из Москвы к Неве-реке.

Скажу, рысак! Парнасский ино-
ходец
Его не обогнал бы. Но Пегас
Стар, зуб уж нет. Им вырытый
колодец
Иссох. Порос крапивою Парнас;
В отставке Феб живет, а хорово-
дец
Старушек муз уж не прельщает
нас.
И табор свой с классических вер-
шинок

Перенесли мы на толкучий рынок.

*Усядьяся, муза: ручки в рукава,
Под лавку ножки! не вертись, рез-
вушка!
Теперь начнем. — Жила-была вдо-
ва,
Тому лет восемь, бедная старуш-
ка,
С одною дочерью. У Покрова
Стояла их смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу как теперь
Светелку, три окна, крыльцо и
дверь.*

*Дни три тому туда ходил я
вместе
С одним знакомым перед вечер-
ком.
Лачужки этой нет уж там. На
месте
Ее построен трехэтажный дом.
Я вспомнил о старушке, о неве-
сте,
Бывало, тут сидевших под окном,
О той поре, когда я был моложе,
Я думал: живы ли они? — И что
же?*

Мне стало грустно: на высокий
дом
Глядел я косо. Если в эту пору
Пожар его бы охватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя. Станным
сном
Бывает сердце полно; много вздо-
ру
Приходит нам на ум, когда бре-
дем
Одни или с товарищем вдвоем.

Тогда блажен, кто крепко сло-
вом правит
И держит мысль на привязи своей,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змию;
Но кто болтлив, того молва про-
славит
Вмиг извергом... Я воды Леты
пью,
Мне доктором запрещена уны-
лость:
Оставим это, — сделайте мне
милость!

Старушка (я стократ видал

точь-в-точь

*В картинах Рёмбрандта такие
лица)*

*Носила чепчик и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная девица:
Глаза и брови — темные как ночь,
Сама бела, нежна, как голубица;
В ней вкус был образованный. Она
Читала сочиненья Эмина^{754},*

*Играть умела также на гитаре
И пела: Стонет сизый голубок,^{755}
И Выду ль я, и то, что уж поста-
ре,
Всё, что у печки в зимний вечерок
Иль скучной осенью при самоваре,
Или весною, обходя лесок,
Поет уныло русская девица,
Как музы наши грустная певица.*

*Фигурно иль буквально: всей се-
мьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская. Известная приме-
та!
Начав за здравие, за упокой
Сведем как раз. Печалию согрета*

Гармония и наших муз и дев.
Но нравится их жалобный напев.

Параша (так звалась красотка
наша)
Умела мыть и гладить, шить и
плесть;
Всем домом правила одна Параша,
Поручено ей было счеты вести,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный труд ей помогала
нести
Стряпуха Фекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

Старушка мать, бывало, под
окном
Сидела; днем она чулок вязала,
А вечером за маленьким столом
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тем, весь обегала
дом,
То у окна, то на дворе мелькала,
И кто бы ни проехал иль ни шел,
Всех успевала видеть (зоркий
пол!).

Зимой ставни закрывались рано,
Но летом дó ночи растворено
Всё было в доме. Бледная Диана
Глядела долго девушке в окно.
(Без этого ни одного романа
Не обойдется; так заведено!)
Бывало, мать давным-давно хра-
пела,
А дочка — на луну еще смотрела

И слушала мяуканье котов
По чердакам, свиданий знак
нескромный,
Да стражи дальний крик, да бой
часов —
И только. Ночь над мирною Ко-
ломной
Тиха отменно. Редко из домов
Мелькнут две тени. Сердце девы
томной
Ей слышать было можно, как оно
В упругое толкалось полотно.

По воскресеньям, летом и зи-
мою,
Вдова ходила с нею к Покрову
И становилась перед толпою

У крылоса налево. Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову — и в вос-
кресенье
Там слушать русское богослуже-
нье.

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня^[756]... (звали как, не пом-
ню, право)
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, вели-
чаво;
Молилась гордо (где была горда!).
Бывало, грешен! всё гляжу напра-
во,
Всё на нее. Параша перед ней
Казалась, бедная, еще бедней.

Порой графиня на нее небрежно
Бросала важный взор свой. Но она
Молилась богу тихо и прилежно
И не казалась им развлечена.
Смиренье в ней изображалось
нежно;
Графиня же была погружена
В самой себе, в волшебстве моды

новой,
В своей красе надменной и суровой.

Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб... В них-то я вникал,
Невольный взор они-то привлекали...
Но это знать графиня не могла
И, верно, в список жертв меня внесла.

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам, — она была несчастна.
Блаженнее стократ ее была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

Коса змией на гребне роговом,
Из-за ушей змиею кудри русь,
Косыночка крест-накрест иль уз-
лом,
На тонкой шее восковые бусы —
Наряд простой; но пред ее окном
Всё ж ездили гвардейцы черноусь,
И девушка прельщать умела их
Без помощи нарядов дорогих.

Меж ими кто ее был сердцу
ближе,
Или равно для всех она была
Душою холодна? увидим ниже.
Покаместь мирно жизнь она ве-
ла,
Не думая о балах, о Париже,
Ни о дворе (хоть при дворе жила
Ее сестра двоюродная, Вера
Ивановна, супруга гоф-фурьера^[757]).

Но горе вдруг их посетило дом:
Стряпуха, возвратясь из бани
жаркой,
Слегла. Напрасно чаем и вином,
И уксусом, и мятною припаркой
Ее лечили. В ночь пред рожде-
ством

Она скончалась. С бедною кухаркой
Они простились. В тот же день
пришли
За ней и гроб на Охту отвезли^{758}.

Об ней жалели в доме, всех же
боле
Кот Васька. После вдовушка моя
Подумала, что два, три дня — не
доле —
Жить можно без кухарки; что
нельзя
Предать свою трапезу божьей во-
ле.
Старушка кличет дочь: «Пара-
ша!» — Я! —
«Где взять кухарку? сведай у со-
седки,
Не знает ли. Дешевые так редки».

— Узнаю, маменька. — И вышла
вон,
Закутавшись. (Зима стояла гроз-
но,
И снег скрипел, и синий небо-
склон,
Безоблачен, в звездах, сиял мороз-

но.)

Вдова ждала Парашу долго; сон
Ее клонил тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо к ней вошла,
Сказав: — Вот я кухарку привела.

За нею следом, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла девушка и, низко поклонясь,
Прижалась в угол, фартук разби-
рая.

«А что возьмешь?» — спросила,
обратясь,
Старуха. — Всё, что будет вам
угодно, —
Сказала та смиренно и свободно.

Вдове понравился ее ответ.
«А как зовут?» — А Маврой. —
«Ну, Мавруша,
Живи у нас; ты молода, мой свет;
Гоняй мужчин. Покойница Феклу-
ша
Служила мне в кухарках десять
лет,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моей,

Усердна будь; присчитывать не
смей».

Проходит день, другой. В кухар-
ке толку
Довольно мало: то переварит,
То пережарит, то с посудой полку
Уронит; вечно всё пересолит.
Шить сядет — не умеет взять
иголку;
Ее бранят — она себе молчит;
Везде, во всем уж как-нибудь под-
гадит.
Параша бьется, а никак не сла-
дит.

Поутру, в воскресенье, мать и
дочь
Пошли к обедне. Дома лишь оста-
лась
Мавруша; видите ль: у ней всю
ночь
Болели зубы; чуть жива таска-
лась;
Корицы нужно было натолочь, —
Пирожное испечь она сбиралась.
Ее оставили; но в церкви вдруг
На старую вдову нашел испуг.

Она подумала: «В Мавруше лов-
кой
Зачем к пирожному припала
страсть?
Пирожница, ей-ей, глядит плу-
товкой!
Не вздумала ль она нас обокрасть
Да улизнуть? Вот будем мы с об-
новкой
Для праздника! Ахти, какая
страсть!»
Так думая, старушка обмирала
И наконец, не вытерпев, сказала:

«Стой тут, Параша. Я схожу
домой;
Мне что-то страшно». Дочь не
разумела,
Чего ей страшно. С паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не сле-
тела;
В ней сердце билось, как перед бе-
дой.
Пришла в лачужку, в кухню по-
смотрела, —
Мавруши нет. Вдова к себе в покой
Вошла — и что ж? о боже! страх
какой!

Пред зеркальцем Параша, чинно
сидя,
Кухарка брилась. Что с моей вдо-
вой?
«Ах, ах!» — и шлепнулась. Ее уви-
дя,
Та, второпях, с намыленной ще-
кой
Через старуху (вдовью честь оби-
дя),
Прыгнула в сени, прямо на крыль-
цо,
Да ну бежать, закрыв себе лицо.

Обедня кончилась; пришла Па-
раша.
«Что, маменька?» — Ах, Пашень-
ка моя!
Маврушка... «Что, что с ней?» —
Кухарка наша...
Опомниться досель не в силах я...
За зеркальцем... вся в мыле... —
«Воля ваша,
Мне, право, ничего понять нельзя;
Да где ж Мавруша?» — Ах, она раз-
бойник!
Она здесь брилась!.. точно мой по-
койник! —

Параша покраснелась или нет,
Сказать вам не умею; но Мавруш-
ки
С тех пор как не было, — простыл
и след!
Ушла, не взяв в уплату ни полуш-
ки
И не успев наделать важных бед.
У красной девушки и у старушки
Кто заступил Маврушу? призна-
юсь,
Не ведаю и кончить тороплюсь.

— Как, разве все тут? шути-
те! — «Ей-богу».

— Так вот куда октавы нас вели!
К чему ж такую подняли тревогу,
Скликали рать и с похвальбою
шли?
Завидную ж вы избрали дорогу!
Ужель иных предметов не нашли?
Да нет ли хоть у вас нравоученья?
«Нет... или есть: минуточку тер-
пенья...

Вот вам мораль: по мнению мо-
ему,
Кухарку даром нанимать опасно;

*Кто ж родился мужчиною, тому
Рядиться в юбку странно и на-
прасно:
Когда-нибудь придется же ему
Брить бороду себе, что несоглас-
но
С природой дамской... Больше ни-
чего
Не выжмешь из рассказа моего».*

1830

«Домик в Коломне».

*Гравюра И. В. Ческого с оригинала
А. П. Брюллова.*

*Илл. из альманаха «Новоселье», ч. II,
1834 г.*

Анджело

Часть первая

I

*В одном из городов Италии
счастливой
Когда-то властвовал предобрый,
старый Дук,
Народа своего отец чадолюбивый,
Друг мира, истины, художеств и
наук.
Но власть верховная не терпит
слабых рук,
А доброте своей он слишком пре-
давался.
Народ любил его и вовсе не боял-
ся.
В суде его дремал карающий за-
кон,
Как дряхлый зверь уже к ловитве
неспособный.
Дук это чувствовал в душе своей
незлойной
И часто сетовал. Сам ясно видел
он,
Что хуже дедушек с дня на день
были внуки,
Что грудь кормилицы ребенок уж
кусал,*

Что правосудие сидело сложа ру-
ки
И по носу его ленивый не щелкал.

II

Нередко добрый Дук, раская-
нием смущенный,
Хотел восстановить порядок упу-
щенный;
Но как? Зло явное, терпимое дав-
но,
Молчанием суда уже дозволено,
И вдруг его казнить совсем
несправедливо,
И странно было бы — тому же
особливо,
Кто первый сам его потворством
ободрял.
Что делать? долго Дук терпел и
размышлял;
Размыслив наконец, решился он
на время
Предать иным рукам верховной
власти бремя,
Чтоб новый властелин расправой
новой мог
Порядок вдруг завести и был бы
крут и строг.

III

Был некто Анджело, муж
опытный, не новый
В искусстве властвовать, обыча-
ем суровый,
Бледнеющий в трудах, ученье и по-
сте,
За нравы строгие прославленный
везде,
Стеснивший весь себя оградой за-
конной,
С нахмуренным лицом и с волей
непреклонной;
Его-то старый Дук наместником
нарек,
И в ужас ополчил и милостью об-
лек,
Неограниченны права ему вручая.
А сам, докучного вниманья избе-
гая,
С народом не простясь, incognito,
один
Пустился странствовать, как
древний паладин.

IV

Лишь только Анджело вступил
во управленье,

И всё тотчас другим порядком
потекло,
Пружинны ржавые опять пришли в
движенье,
Законы поднялись, хватая в ког-
ти зло,
На полных площадях, безмолвных
от боязни,
По пятницам пошли разыгры-
ваться казни,
И ухо стал себе почесывать народ
И говорить: «Эхе! да этот уж не
тот».

V

Между законами забытыми в
ту пору
Жестокий был один: закон сей из-
рекал
Прелюбодeю смерть. Такого при-
говору
В том городе никто не помнил,
не слышал.
Угрюмый Анджелo в громаде уло-
женья
Отрыл его — и в страх повесам
городским
Опять его на свет пустил для ис-

полненья,
Сурово говоря помощникам своим:
«Пора нам зло пугнуть. В балованном народе
Преобразились привычки уж в права
И шмыгают кругом закона на свободе,
Как мыши около зевающего льва.
Закон не должен быть пужало из тряпицы,
На коем наконец уже садятся птицы».

VI

Так Анджели на всех навел
невольно дрожь,
Роптали вообще, смеялась молодежь
И в шутках строгого вельможи
не щадила,
Меж тем как ветрено над бездною скользила,
И первый под топор беспечной головой
Попался Клавдио, патриций молодой.

В надежде всю беду со временем
исправить
И не любовницу, супругу в свет
представить,
Джюльету нежную успел он обо-
льстить
И к таинствам любви безбрачной
преклонить.
Но их последствия к несчастью
явны стали;
Младых любовников свидетели
застали,
Ославили в суде взаимный их по-
зор,
И юноше прочли законный приго-
вор.

VII

Несчастный, выслушав жесто-
кое решение,
С поникшей головой обратно шел
в тюрьму,
Невольно каждому внушая сожа-
ление
И горько сетуя. На встречу вдруг
ему
Попался Луцио, гуляка беззабот-
ный,

Повеса, вздорный враль, но малый
доброхотный.
«Друг, — молвил Клавдио, — мо-
лю! не откажи:
Сходи ты в монастырь к сестре
моей. Скажи,
Что должен я на смерть идти;
чтоб поспешила
Она спасти меня, друзей бы упро-
сила,
Иль даже бы пошла к наместнику
сама.
В ней много, Луцио, искусства и
ума,
Бог дал ее речам уверчивость и
сладость,
К тому ж и без речей рыдающая
младость
Мягчит сердца людей». — «Из-
воль! поговорю»,
Гуляка отвечал, и сам к мона-
стырю
Тотчас отправился.

VIII

Младая Изабела
В то время с важною монахиней
сидела.

Постричься через день она долж-
на была

И разговор о том со старицей ве-
ла.

Вдруг Луцио звонит и входит. У
решетки

Его приветствует, перебирая
четки,

Полузатворница: «Кого угодно
вам?»

— Девица (и судя по розовым ще-
кам,

Уверен я, что вы девица в самом
деле),

Не лъзя ли доложить прекрасной
Изабеле,

Что к ней меня прислал ее
несчастный брат?

«Несчастный?.. почему? что с
ним? скажите смело:

Я Клавдио сестра». — Нет, право?
очень рад.

Он кланяется вам сердечно. Вот в
чем дело:

Ваш брат в тюрьме. — «За
что?» — За то, за что бы я

Благодарил его, красавица моя,
И не было б ему иного наказанья.

—
(Тут он в подробные пустился
описанья,
Немного жесткие своею наготой
Для девственных ушей отшельни-
цы молодой,
Но со вниманием всё выслушала
дева
Без приторных причуд стыдливо-
сти и гнева.
Она чиста была душою как эфир.
Ее смутить не мог неведомый ей
мир
Своею суетой и праздными реча-
ми.)

— Теперь, — примолвил он, —
осталось лишь мольбами
Вам тронуть Анджело, и вот о
чем просил
Вас братец. — «Боже мой, — деви-
ца отвечала, —
Когда б от слов моих я пользы
ожидала!..
Но сомневаюсь; во мне не станет
сил...»

— Сомненья нам враги, — тот с
жаром возразил, —
Нас неудачею предатели страща-

ют
И благо верное достать не допу-
щают.
Ступайте к Анджело, и знайте
от меня,
Что если девица, колена преклоня
Перед мужчиною, и просит и ры-
дает,
Как бог он все дает, чего ни поже-
ляет.

IX

Девица, отпросясь у матери
честной,
С усердным Луцио к вельможе по-
спешила
И, на колена встав, смиренною
мольбой
За брата своего наместника мо-
лила.
«Девица, — отвечал суровый чело-
век, —
Спассти его нельзя; твой брат
свой отжил век;
Он должен умереть». Заплакав,
Изабела
Склонилась перед ним и прочь ид-
ти хотела,

Но добрый Луцио девицу удержал.
«Не отступайте так, — он тихо ей сказал, —
Просите вновь его; бросайтесь на колени,
Хватайтесь за плащ, рыдайте; слезы, пени,
Все средства женского искусства вы должны
Теперь употребить. Вы слишком холодны.
Как будто речь идет меж вами про иголку.
Конечно, если так, не будет, верно, толку.
Не отставайте же! еще!»

Х

Она опять
Усердною мольбой стыдливо умолять
Жестокосердого блюстителя закона.
«Поверь мне, — говорит, — ни царская корона,
Ни меч наместника, ни бархат судии,
Ни полководца жезл — все поче-

сти сии —
Земных властителей ничто не
украшает,
Как милосердие. Оно их возвыша-
ет.

Когда б во власть твою мой брат
был облечен,
А ты был Клавдио, ты мог бы
пасть как он,
Но брат бы не был строг, как
ты».

XI

Ее уко-

ром
Смущен был Анджело. Сверкая
мрачным взором,
«Оставь меня, прошу», — сказал
он тихо ей.
Но дева скромная и жарче и сме-
лей
Была час от часу. «Подумай, — го-
ворила, —
Подумай: если тот, чья правед-
ная сила
Прощает и целит, судил бы греш-
ных нас
Без милосердия; скажи: что было

б с нами?
Подумай — и любви услышишь в
сердце глас,
И милость нежная твоими дх-
нет устами,
И новый человек ты будешь».

XII

Он в от-
вет:
«Поди; твои мольбы пустая слов
утрата.
Не я, закон казнит. Спасти нельзя
мне брата,
И завтра он умрет».

Как завтра! что?
нет, нет.
Он не готов еще, казнить его не
можно...
Ужели господу пошлем неосто-
рожно
Мы жертву наскоро. Мы даже и
цыплят
Не бьем до времени. Так скоро не
казнят.
Спаси, спаси его: подумай в самом
деле,

Ты знаешь, государь, несчастный
осужден
За преступление, которое доселе
Прощалось каждому; постраж-
дет первый он.

Закон не умирал, но был лишь в
усыпленье,
Теперь проснулся он.

Будь милостив!

Не

льзя.
Потворствовать греху есть то
же преступленье,
Карая одного, спасаю многих я.

Ты ль первый изречешь сей приго-
вор ужасный?
И первой жертвою мой будет
брат несчастный.
Нет, нет! будь милостив. Ужель
душа твоя
Совсем безвинная? спросись у ней:
ужели
И мысли грешные в ней отроду не
тлели?

XIII

Невольно он вздрогнул, поникнул головой
И прочь идти хотел. Она: «Постой, постой!
Послушай, воротись. Великими дарами
Я задарю тебя... прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты делиться с небесами:
Я одарю тебя молитвами души
Пред утренней зарей, в полуночной тиши,
Молитвами любви, смирения и мира,
Молитвами святых, угодных небудев,
В уединении умерших уж для мира,
Живых для господ».

Смущен и при-
смив, он ей свидание на завтра назначает
И в отдаленные покои поспешает.

Часть вторая

I

День целый Анджели, безмолв-
ный и угрюмый,
Сидел, уединясь, объят одною ду-
мой,
Одним желанием; всю ночь не
тронул сон
Усталых вежд его. «Что ж
это? — мыслит он, —
Ужель ее люблю, когда хочу так
сильно
Услышать вновь ее и взор мой
усладить
Девичьей прелестью? По ней гру-
стит умильно
Душа... или когда святого уло-
вить
Захочет бес, тогда приманкою
святою
И манит он на крюк? Нескромной
красотою
Я не был отроду к соблазнам
увлечен,
И чистой девою теперь я побеж-
ден.
Влюбленный человек доселе мне
казался

Смешным, и я его безумству удивлялся.

А ныне!..»

II

Размышлять, молиться
хочет он,
Но мыслит, молится рассеянно.
Словами
Он небу говорит, а волей и мечта-
ми
Стремится к ней одной. В унынье
погружен,
Устами праздными жевал он имя
бога,
А в сердце грех кипел. Душевная
тревога
Его осилила. Правленье для него,
Как дельная, давно затверженная
книга,
Несносным сделалось. Скучал он;
как от ига,
Отречься был готов от сана свое-
го;
А важность мудрую, которой
столь гордился,
Которой весь народ бессмысленно
дивился,

Ценил он ни во что и сравнивал с
пером,
Носимым в воздухе летучим ве-
терком...

.

Поутру к Анджело явилась Изабе-
ла
И странный разговор с наместни-
ком имела.

III

Что скажешь?

Волю я твою пришла
узнать.

Ах, если бы ее могла ты угадать!..
Твой брат не должен жить... а
мог бы.

По-
чему же
Простить нельзя его?

Простить? что
в мире хуже
Столь гнусного греха? убийство

легче.

Да

*'Так судят в небесах, но на земле
когда?*

*Ты думаешь? так вот тебе пред-
положение:
Что если б отдали тебе на разре-
шение
Оставить брата влечь ко плахе
на убой,
Иль искупить его, пожертвовав
собой
И плоть предав греху?*

*Скорее, чем ду-
шою,
Я плотью жертвовать готова.*

*Я с тобою
Теперь не о душе толкую... дело в
том:
Брат осужден на казнь; его спа-
сти грехом
Не милосердие ль?*

Пред богом я го-

това

Душою отвечать: греха в том ни-
какого,

Поверь, и нет. Спаси ты брата
моего!

Тут милость, а не грех.

Спасешь ли

ты его,

Коль милость на весах равно с
грехом потянет?

О пусть моим грехом спасенье
брата станет!

(Коль только это грех.) О том го-
това я

Молиться день и ночь.

Нет, выслушай

меня,

Или ты слов моих совсем не пони-
маешь,

Или понять меня нарочно избега-
ешь,

Я проще изъяснюсь: твой брат
приговорен.

Так.

Смерть изрек ему решительно
закон.

Так точно.

Средство есть одно к
его спасенью.
(Все это клонится к тому предположенью,
И только есть вопрос и больше
ничего.)
Положим: тот, кто б мог один
спасти его
(Наперсник судии, иль сам по сану
властный
Законы толковать, смягчить их
смысл ужасный),
К тебе желаньем был преступ-
ным воспален
И требовал, чтоб ты казнь бра-
та искупила
Своим падением; не то — решит
закон.
Что скажешь? как бы ты в уме
своем решила?

Для брата, для себя решила бы
скорей,
Поверь, как яхонты носить рубцы
бичей
И лечь в кровавый гроб спокойно,
как на ложе,
Чем осквернить себя.

Твой брат

умрет.

Т

ак что же?
Он лучший путь себе, конечно, из-
берет.
Бесчестием сестры души он не
спасет.
Брат лучше раз умри, чем гиб-
нуть мне навечно.

За что ж казалось тебе бесчело-
вечно
Решение суда? Ты обвиняла нас
В жестокосердии. Давно ль еще?
Сейчас
Ты праведный закон тираном на-
зывала,
А братний грех едва ль не шуткой

почитала.

Прости, прости меня. Невольно я
душой

Тогда лукавила. Увы! себе самой
Противуречила я, милое спасая
И ненавистное притворно изви-
няя.

Мы слабы.

Я твоим признаньем
ободрен.

Так женщина слаба, я в этом
убежден

И говорю тебе: будь женщина, не
боле —

Иль будешь ничего. Так покорися
воле

Судьбы своей.

Тебя я не могу по-
нять.

Поймешь: люблю тебя.

Увы! что мне
сказать?

Джюльету брат любил, и он

умрет, несчастный.

Люби меня, и жив он будет.

Знаю:

*властный
Испытывать других, ты хочешь...*

Нет,

*клянусь,
От слова моего теперь не ото-
прусь;
Клянуся честью.*

О много, много че-

*сти!
И дело честное!.. Обманщик! Де-
мон лести!
Сей час мне Клавдио свободу под-
пиши,
Или поступок твой и черноту ду-
ши
Я всюду разглашу — и полно лице-
мерить
Тебе перед людьми.*

*И кто же ста-
нет верить?*

По строгости моей известен свету я;
Молва всеобщая, мой сан, вся жизнь моя
И самый приговор над братней головою
Представят твой донос безумной клеветою.
Теперь я волю дал стремлению страстей.
Подумай и смирись пред волею моей;
Брось эти глупости: и слезы, и мольбу,
И краску робкую. От смерти, от мученья
Тем брата не спасешь. Покорностью одной
Искупишь ты его от плахи роковой.
До завтра от тебя я стану ждать ответа.
И знай, что твоего я не боюсь извета.
Что хочешь говори, не пошатнуся я.
Всю истину твою низвергнет ложь моя.

IV

Сказал и вышел вон, невинную
девицу
Оставляя в ужасе. Поднявши к небе-
сам
Молящий, ясный взор и чистую
десницу,
От мерзостных палат спешит
она в темницу.
Дверь отворилась ей; и брат ее
глазам
Представился.

V

В цепях, в унынии глу-
боком,
О светских радостях стараясь не
жалеть,
Еще надеясь жить, готовясь уме-
реть,
Безмолвен он сидел, и с ним в пла-
ще широком
Под черным куколем с распятием
в руках
Согбенный старостью беседовал
монах.
Старик доказывал страдальцу
молодому,

Что смерть и бытие равны одна
другому,
Что здесь и там одна бессмерт-
ная душа
И что подлунный мир не стоит
ни гроша.
С ним бедный Клавдио печально
соглашался,
А в сердце милою Джюльетой за-
нимался.
Отшельница вошла: «Мир
вам!» — очнулся он
И смотрит на сестру, мгновенно
оживлен.
«Отец мой, — говорит монаху
Изабела, —
Я с братом говорить одна бы
здесь хотела».
Монах оставил их.

VI

Что ж, милая
сестра,
Что скажешь?

Милый брат, пришла
тебе пора.

Так нет спасенья?

Нет, иль разве по-
платиться
Душой за голову?

Так средство есть
одно?

Так, есть. Ты мог бы жить. Судья
готов смягчиться.
В нем милосердие бесовское: оно
Тебе дарует жизнь за узы муки
вечной.

Что? вечная тюрьма?

Тюрьма — хоть
без оград,
Без цепи.

Изъяснись, что ж это?

Друг
сердечный,
Брат милый! Я боюсь... Послушай,
милый брат,
Семь, восемь лишних лет ужель

тебе дорожке
Всегдашней чести? Брат, боишься
ль умереть?
Что чувство смерти? миг. И
много ли терпеть?
Раздавленный червяк при смерти
терпит то же,
Что терпит великан.

Сестра! или я
трус?
Или идти на смерть во мне не
станет силы?
Поверь, без трепета от мира от-
решусь,
Коль должен умереть; и встречу
ночь могилы,
Как деву милую.

Вот брат мой!
узнаю;
Из гроба слышу я отцовский го-
лос. Точно:
Ты должен умереть; умри же бес-
порочно.
Послушай, ничего тебе не утаю:
Тот грозный судия, святоша тот
жестокий,

Чьи взоры строгие во всех родят
боязнь,
Чья избранная речь шлет отро-
ков на казнь,
Сам демон; сердце в нем черно,
как ад глубокий,
И полно мерзостью.

Наместник?

Ад об-

лек

Его в свою броню. Лукавый чело-
век!..

Знай: если б я его бесстыдное же-
ланье

Решилась утолить, тогда бы мог
ты жить.

О нет, не надобно.

На гнусное свида-

нье,

Сказал он, нынче в ночь должна я
поспешить,

Иль завтра ты умрешь.

Нейди, сестра.

ат милый!

Бог видит: ежели одной моей могилой

Могла бы я тебя от казни искупить,

Не стала б более иголки дорожить

Я жизнь мою.

Благодарю, друг милый!

Так завтра, Клавдио, ты к смерти будь готов.

Да, так... и страсти в нем кипят с такою силой!

Иль в этом нет греха; иль из семи грехов

Грех это меньший?

Как?

Такого прегрешенья

Там, верно, не казнят. Для одного мгновенья

Ужель себя сгубить решился б он
навек?

Нет, я не думаю. Он умный чело-
век.

Ах, Изабела!

Что? что скажешь?

Смерт

ь ужасна!

И стыд ужасен.

Так — однако ж...

умереть,

Идти неведомо куда, во гробе
тлеть

В холодной тесноте... Увы! земля
прекрасна

И жизнь мила. А тут: войти в
немую мглу,

Стремглав низвергнуться в кипя-
щую смолу,

Или во льду застыть, иль с вет-
ром быстротечным

Носиться в пустоте простран-
ством бесконечным...

И всё, что грезится отчаянной

мечте...

Нет, нет: земная жизнь в болез-
ни, в нищете,

В печалях, в старости, в неволе...
будет раем

В сравненье с тем, чего за гробом
ожидаем.

О боже!

Друг ты мой! Сестра! поз-
воль мне жить.

Уж если будет грех спасти от
смерти брата,

Природа извинит.

Что смеешь гово-
рить?

Трус! тварь бездушная! от сест-
рина разврата

Себе ты жизни ждешь!.. Крово-
смеситель! нет,

Я думать не могу, нельзя, чтоб
жизнь и свет

Моим отцом тебе даны. Прости
мне, боже!

Нет, осквернила мать отеческое
ложе,

*Коль понесла тебя! Умри. Когда
бы я
Спассти тебя могла лишь волею
моею,
То всё-таки б теперь свершилась
казнь твоя.
Я тысячу молитв за смерть
твою имею,
За жизнь — уж ни одной...*

*Сестра, по-
стой, постой!
Сестра, прости меня!*

VII

*И узник моло-
дой
Удерживал ее за платье. Изабела
От гнева своего насилу охладела,
И брата бедного простила, и
опять,
Лаская, начала страдальца уте-
шать.*

Часть третья

I

*Монах стоял меж тем за две-
рью отпертою*

И слышал разговор меж братом
и сестрою.

Пора мне вам сказать, что ста-
рый сей монах

Не что иное был, как Дук переоде-
тый.

Пока народ считал его в чужих
краях

И сравнивал, шутя, с бродящею
кометой,

Скрывался он в толпе, всё видел,
наблюдал

И соглядатаем незримым посе-
щал

Палаты, площади, монастыри,
больницы,

Развратные дома, театры и тем-
ницы.

Воображение живое Дук имел;
Романы он любил, и может

быть, хотел

Халифу подражать Гаруну Аль-
Рашиду.

Младой отшельницы подслушав
весь рассказ,

В растроганном уме решил он
тот же час

Не только наказать жестокость

и обиду,
Но сладить кое-что... Он тихо в
дверь вошел,
Девуцу отозвал и в уголок отвел.
«Я слышал всё, — сказал, — ты по-
хвалы достойна,
Свой долг исполнила ты свято; но
теперь
Предайся ж ты моим советам.
Будь покойна,
Всё к лучшему придет; послушна
будь и верь».
Тут он ей объяснил свое предполо-
жение
И дал прощальное свое благосло-
венье.

II

Друзья! поверите ль, чтоб
мрачное чело,
Угрюмой, злой души печальное
зерцало,
Желанья женские навеки привяза-
ло
И нежной красоте понравиться
могло?
Не чудно ли? Но так. Сей Андже-
ло надменный,

Сей злобный человек, сей грешник — был любим
Душою нежною, печальной и смиренной,
Душой, отверженной мучителем своим.
Он был давно женат. Летунья легкокрыла,
Младой его жены молва не пощадила,
Без доказательства насмешливо коря;
И он ее прогнал, надменно говоря:
«Пускай себе молвы неправо обвиненье,
Нет нужды. Не должно коснуться подозренье
К супруге кесаря». С тех пор она жила
Одна в предместьи, печально изнывая.
Об ней-то вспомнил Дук, и дева молодая
По наставлению монаха к ней пошла.

III

Марьяна под окном за пряжею

сидела
И тихо плакала. Как ангел, Изабелла
Пред ней нечаянно явилась у дверей.
Отшельница была давно знакома с ней
И часто утешать несчастную ходила.
Монаха мысль она ей тотчас объяснила.
Марьяна, только лишь настанет ночи мгла,
К палатам Анджело идти должна была,
В саду с ним встретиться под каменной оградой
И, наградив его условленной наградой,
Чуть внятным шепотом, прощаясь, шепнуть
Лишь только то: теперь о брате не забудь.
Марьяна бедная сквозь слезы улыбалась,
Готовилась дрожжа — и дева с ней рассталась.

Всю ночь в темнице Дук послед-
ствий ожидал
И, сидя с Клавдио, страдальца
утешал.
Пред светом снова к ним явилась
Изабела.
Всё шло как надобно: сейчас у ней
сидела
Марьяна бледная, с успехом воз-
вратясь
И мужа обманув. Денница заня-
лась —
Вдруг запечатанный приказ при-
носит вестник
Начальнику тюрьмы. Читают:
что ж? Наместник
Немедля узника приказывал каз-
нить
И голову его в палаты предъ-
явить.

V

Замыслив новую затею, Дук
представил
Начальнику тюрьмы свой пер-
стень и печать
И казнь остановил, а к Анджелло
отправил

Другую голову, велев обрить и
снять
Ее с широких плеч разбойника
морского,
Горячкой в ту же ночь умершего в
тюрьме,
А сам отправился, дабы вельмо-
жу злого,
Столь гнусные дела творящего во
тьме,
Пред светом обличить.

VI

Едва молва
невнятно
О казни Клавдио успела пробе-
жать,
Пришла другая весть. Узнали, что
обратно
Ко граду едет Дук. Народ его
встречать
Толпами кинулся. И Анджело сму-
щенный,
Грызомый совестью, предчувстви-
ем стесненный,
Туда же поспешил. Улыбкой доб-
рый Дук
Приветствует народ, теснящий-

ся вокруг,
И дружно к Анджелло протягива-
ет руку.

И вдруг раздался крик — и прямо
в ноги Дуку

Девушка падает. «Помилуй, госу-
дарь!

Ты щит невинности, ты милости
алтарь,

Помилуй!..» — Анджелло бледнеет
и трепещет

И взоры дикие на Изабелу ме-
щет...

Но победил себя. Оправиться
успев,

«Она помешана, — сказал он, —
видев брата,

Приговоренного на смерть. Сия
утрата

В ней разум потрясла...»

Но обнаружя

гнев

И долго скрытое в душе негодова-
нье,

«Всё знаю, — молвил Дук; — всё
знаю! наконец

Злодейство на земле получит воз-
даянье.

Девуца, Анджели! за мною, во дворец!»

VII

У трона во дворце стояла Мариана
И бедный Клавдио. Злодей, увидев их,
Затрепетал, челом поникнул и утих;
Все объяснилось, и правда из тумана
Возникла; Дук тогда: «Что, Анджели, скажи,
Чего достоин ты?» Без слез и без боязни,
С угрюмой твердостью тот отвечает: «Казни.
И об одном молю: скорее прикажи
Вести меня на смерть».
«Иди, — сказал властитель, —
Да гибнет судия — торгош и обольститель».
Но бедная жена, к ногам его упав,
«Помилуй, — молвила, — ты, мужа мне отдав,

Не отымай опять; не смейся надо мною».

— «Не я, но Анджелио смеялся над тобою, —

Ей Дук отвечает, — но о твоей судьбе

Сам буду я пещись. Останутся тебе

Его сокровища, и будешь ты награда

Супругу лучшему». — «Мне лучшего не надо.

Помилуй, государь! не будь неумолим,

Твоя рука меня соединила с ним!

Ужели для того так долго я вдова?

Он человечеству свою принес лишь дань.

Сестра! спаси меня! друг милый, Изабела!

Проси ты за него, хоть на колени стань,

Хоть руки подыми ты молча!»

Изабела

Душой о грешнике, как ангел, пожалела

И, пред властителем колена пре-

клоня,
«Помилуй, государь, — сказала. —
За меня
Не осуждай его. Он (сколько мне
известно,
И как я думаю) жил праведно и
честно,
Покаместь на меня очей не
устремил.
Прости же ты его!»
И Дук его про-
стил.

1⁸³³

Медный всадник **Петербургская повесть**

{760}

Предисловие

Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным *В. Н. Берхом*^{761}.

Вступление

На берегу пустынных волн

Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный чёлн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно^{762},
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,

Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхой невод, ныне там,
По оживленным берегам,
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремят-
ся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный
вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлун-
ный,
Когда я в комнате моей

Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса^[763] [35].
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
На сквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царской дом,

Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

Часть первая

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной.

Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул, печально воя.
В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...
Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно
Звучит приятно; с ним давно
Мое перо к тому же дружно.
Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живет в Коломне; где-то слу-
жит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о почющей родне,
Ни о забытой старине.

Итак, домой пришед, Евгений
Стряхнул шинель, разделся, лег.
Но долго он заснуть не мог
В волненье разных размышлений.
О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом

Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливицы,
Ума недалёного, ленивцы,
Которым жизнь куда легка!
Что служит он всего два года;
Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Всё прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.
Евгений тут вздохнул сердечно
И размечтался, как поэт:

«Жениться? Мне? зачем же
нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Он кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.
Пройдет, быть может, год-дру-
гой —
Местечко получу, — Параше

Препоручу хозяйство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...»

Так он мечтал. И грустно было
Ему в ту ночь, и он желал,
Чтоб ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...

Сонны очи

Он наконец закрыл. И вот
Редает мгла ненастной ночи
И бледный день уж настает...^{764}
Ужасный день!

Нева всю ночь

Рвалась к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей невмочь...
Поутру над ее берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,

Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Всё побежало; всё вокруг
Вдруг опустело — воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь как тритон,
По пояс в воду погружен.

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!

Народ

Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! всё гибнет: кров и пища!
Где будет взять?

В тот грозный год
Покойный царь еще Россией

Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен, вышел он
И молвил: «С божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.
Стояли стогны озерами,
И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.
Царь молвил — из конца в конце,
По ближним улицам и дальным
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы^{765}
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Тогда, на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижимый, страшно блед-
ный
Евгений. Он страшился, бедный,
Не за себя. Он не слышал,

Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь ему в лицо хлестал,
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
Его отчаянные взоры
На край один наведены
Недвижно были. Словно горы,
Из возмущенной глубины
Вставали волны там и злились,
Там буря выла, там носились
Обломки... Боже, боже! там —
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный, да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

И он, как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода и больше ничего!
И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,

*Над возмущенною Невой
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.*

Часть вторая

*Но вот, насытясь разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любуясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скре-
жет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И, грабежом отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.*

*Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спешит, душою замирая,
В надежде, страхе и тоске
К едва смирившейся реке.
Но, торжеством победы полны,
Еще кипели злобно волны,*

Как бы под ними тлел огонь,
Еще их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.
Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовет —
И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Через волны страшные везет.

И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж их ряда-
ми
Всечасно с дерзкими пловцами
Готов был челн — и наконец
Достиг он берега.

Несчастный
Знакомой улицей бежит
В места знакомые. Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!
Всё перед ним завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,

Тела валяются. Евгений
Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений,
Бежит туда, где ждет его
Судьба с неведомым известьем,
Как с запечатанным письмом.
И вот бежит уж он предме-
стьем,
И вот залив, и близок дом...
Что ж это?..

Он остановился.
Пошел назад и воротился.
Глядит... идет... еще глядит.
Вот место, где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь ворота —
Снесло их, видно. Где же дом?
И, полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, ударя в лоб рукою,
Захохотал.

Ночная мгла
На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.

Утра луч
Из-за усталых, бледных туч

Блеснул над тихою столицей
И не нашел уже следов
Беды вчерашней; багряницей
Уже прикрыто было зло.
В порядок прежний всё вошло.
Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаши отваж-
ный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дво-
ров
Свозили лодки.

Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений

...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятежный шум
Невы и ветров раздавался

В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.
Прошла неделя, месяц — он
К себе домой не возвращался.
Его пустынный уголок
Отдал внаймы, как вышел срок,
Хозяин бедному поэту.
Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пеш-
ком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги
Уж никогда; казалось — он
Не примечал. Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни сё, ни житель света,
Ни призрак мертвый...

Раз он спал

У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени. Дышал
Ненастный ветер. Мрачный вал
Плескал на пристань, ропща пени
И бьясь об гладкие ступени,
Как челобитчик у дверей
Ему не внемлющих судей.
Бедняк проснулся. Мрачно было:
Дождь капал, ветер выл уныло,
И с ним вдали, во тьме ночной
Перекликался часовой...
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг
Остановился — и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал

И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?^{766} [36]

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал

Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный!

Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

И с той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось

Смятенъе. Къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспешно руку,
Какъ бы его смиряя муку,
Картузъ изношенный съмал,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ
И шелъ сторонкой.

Островъ малый
На взморье виденъ. Иногда
Причалитъ съ неводомъ туда
Рыбакъ на ловле запоздалый
И бедный ужинъ свой варитъ,
Или чиновникъ посетитъ,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресеньѣ,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненьѣ
Туда, играя, занесло
Домишко ветхой. Надъ водою
Остался онъ какъ черный кустъ.
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего,
И тутъ же хладный трупъ его
Похоронили ради бога.

*Гравюра неизвестного художника.
1820-е годы.
Государственный музей А. С. Пушкина.
Москва.*

Сказки

Сказка о попе и о работнике его Балде

{767}

*Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднял-
ся?
Чего ты взыскался?»
Поп ему в ответ: «Нужен мне ра-
ботник:
Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такого
Служителя не слишком дорого-
го?»
Балда говорит: «Буду служить
тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай вареную пол-
бу».*

Призадумался поп,
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русский авось.
Поп говорит Балде: «Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моем подворье,
Окажи свое усердие и проворье».
Живет Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
До света все у него пляшет.
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, все заготовит, закупит,
Яичко испечет да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится,
Попенок зовет его тятей:
Кашу заварит, нянчится с дитятей.
Только поп один Балду не любит,
Никогда его не приголубит.
О расплате думает частенько:
Время идет, и срок уж близенько.

Поп ни ест, ни пьет, ночи не спит:
Лоб у него заране трещит.
Вот он попадье признается:
«Так и так: что делать остается?»
Ум у бабы догадлив,
На всякие хитрости повадлив.
Попадья говорит: «Знаю средство,
Как удалить от нас такое бед-
ство:
Закажи Балде службу, чтоб ста-
ло ему невмочь;
А требуй, чтоб он ее исполнил
точь-в-точь.
Тем ты и лоб от расправы изба-
вишь
И Балду-то без расплаты отпра-
вишь».
Стало на сердце попа веселее,
Начал он глядеть на Балду посме-
лее.
Вот он кричит: «Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались чер-
ти
Мне оброк по самой моей смерти;
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три

года.

Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне пол-
ный».

Балда, с попом понапрасну не спо-
ря,

Пошел, сел у берега моря;

Там он стал веревку крутить
Да конец ее в море мочить.

Вот из моря вылез старый Бес:

«Зачем ты. Балда, к нам залез?»

— «Да вот веревкой хочу море мо-
рщить

Да вас, проклятое племя, кор-
чить».

Беса старого взяла тут уны-
лость.

«Скажи, за что такая неми-
лость?»

— «Как за что? Вы не плотите
оброка,

Не помните положенного срока;

Вот ужо будет нам потеха,

Вам, собакам, великая помеха».

— «Балдушка, погоди ты мор-
щить море.

Оброк сполна ты получишь вско-
ре.

Погоди, вышлю к тебе внука».
Балда мыслит: «Этого провести
не штука!»

Вынырнул подосланный бесенок,
Замяукал он, как голодный котенок:

«Здравствуй, Балда-мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слыхали,
Не было чертям такой печали.
Ну, так и быть — возьми, да с уговору,

С общего нашего приговору —
Чтобы впредь не было никому горя:

Кто скорее из нас обежит около
моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок».

Засмеялся Балда лукаво:
«Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата!
Подожди-ка моего меньшего брата».

Пошел Балда в ближний лесок,

Поймал двух зайков да в мешок.
К морю опять он приходит,
У моря бесенка находит.

Держит Балда за уши одного зайку:

«Попляши-тка ты под нашу бала-лайку;

Ты, бесенок, еще молоденок,
Со мною тягаться слабенок;
Это было б лишь времени трата.

Обгони-ка сперва моего брата.

Раз, два, три! догоняй-ка».

Пустились бесенок и заяка:

Бесенок по берегу морскому,

А заяка в лесок до дому.

Вот, море кругом обежавши,

Высунув язык, мордку поднявши,

Прибежал бесенок задыхаясь,

Весь мокрешенок, лапкой утира-ясь,

Мысля: дело с Балдою сладит.

Глядь — а Балда братца гладит,

Приговаривая: «Братец мой люби-мый,

Устал, бедняжка! отдохни, роди-мый».

Бесенок оторопел,

Хвостик поджал, совсем присми-

рел,
На братца поглядывает боком.
«Погоди, — говорит, — схожу за
оброком».

Пошел к деду, говорит: «Беда!
Обогнал меня меньшей Балда!»
Старый Бес стал тут думать ду-
му.

А Балда наделал такого шуму,
Что все море смутилось
И волнами так и расходилось.
Вылез бесенок: «Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк —
Только слушай. Видишь ты палку
эту?

Выбери себе любимую мету.
Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть руч-
ки?

Чего ты ждешь?» — «Да жду вон
этой тучки:

Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свал-
ку».

Испугался бесенок да к деду,
Рассказывать про Балдову победу,
А Балда над морем опять шумит

Да чертям веревкой грозит.
Вылез опять бесенок: «Что ты
хлопочешь?

Будет тебе оброк, коли захо-
чешь...»

— «Нет, — говорит Балда, —
Теперь моя чередка,

Условия сам назначу,
Задам тебе, враженюк, задачу.
Посмотрим, какова у тебе сила.

Видишь: там сивая кобыла?

Кобылу подыми-тка ты,

Да неси ее полверсты;

Снесешь кобылу, оброк уж твой;

Не снесешь кобылы, ан будет он
мой».

Бедненький бес

Под кобылу подлез,

Понатужился,

Понапружился,

Приподнял кобылу, два шага шаг-
нул.

На третьем упал, ножки протя-
нул.

А Балда ему: «Глупый ты бес,

Куда ж ты за нами полез?

И руками-то снести не смог,

А я, смотри, снесу промеж ног».

Сел Балда на кобылку верхом
Да версту проскакал, так что
пыль столбом.

Испугался бесенок и к деду
Пошел рассказывать про такую
победу.

Черти стали в кружок,
Делать нечего — собрали полный
оброк

Да на Балду взвалили мешок.

Идет Балда, побрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.

Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать
стал.

Бедный поп

Подставил лоб:

С первого щелка

Прыгнул поп до потолка;

Со второго щелка

Лишился поп языка,

А с третьего щелка

Вышибло ум у старика.

А Балда приговаривал с укоризной:
«Не гонялся бы ты, поп, за деше-
визной».

Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди

{768}

Три девицы под окном
 Пряли поздно вечерком.
 «Кабы я была царица, —
 Говорит одна девица, —
 То на весь крещеный мир
 Приготовила б я пир».
 — «Кабы я была царица, —
 Говорит ее сестрица, —
 То на весь бы мир одна
 Наткала я полотна».
 — «Кабы я была царица, —
 Третья молвила сестрица, —
 Я б для батюшки-царя
 Родила богатыря».

Только вымолвить успела,
 Дверь тихонько заскрыпела,
 И в светлицу входит царь,
 Стороны той государь.

Во все время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилась ему.
«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы.
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха —
И завидуют оне

Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра коня садясь,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем, как он далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком,
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой
Обождать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —

Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел — царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна?
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она

Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле;
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно, на море не тихо:
Смотрит — видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клев кровавый наострил...
Но как раз стрела запела —
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил.
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — все не горе.

Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девуцу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Век тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натошак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? —
Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду.

Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают,
И царевича венчают
Княжесой шапкой, и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой —
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.

Пристают к заставе гости
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чорнобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой пре-
красный!
Что ты тих, как день ненаст-
ный?»

Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Ну послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;

Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,

С теремами садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!
Найдите, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,

Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой пре-
красный!
Что ж ты тих, как день ненаст-
ный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завестъ
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —
Белка песенки поет
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,

Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут».
Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу».
С ободренной душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкий —
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет,
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо, — молвил он, —
Ай да лебедь — дай ей боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом.
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил

Строгий счет орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Все донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну

К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,

Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят.
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,

Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам вести;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груди

Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится...
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» — и тут же окривела;
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вот ужо! постой немножко,

Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой пре-
красный!
Что ты тих, как день ненаст-
ный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел».
«А какое ж это диво?»
— «Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,

Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор».
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала

И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежеденно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжеск воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;

Торговали мы булатом,
Чистым серебром и золотом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:

Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе золотой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навешу
И у князя погошу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха,

Усмехнувшись, говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо.
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружит-
ся —

Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой пре-
красный!
Что ж ты тих, как день ненаст-
ный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Не женат лишь я хожу».
— «А кого же на примете
Ты имеешь?» — «Да на свете,

Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвесть.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царицею прекрасной

Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царица эта — я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилась в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царицей обернулась:
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царицу обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:

Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости.
Он их кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром

Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да напомним ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце.

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом:
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет
Да орешки все грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые.
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.

Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».

Тут уж царь не утерпел,

Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя. —
Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва-едва трепещет.
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда».
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:

Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкий:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает

И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня —
диво:
Под косою луна блестит,
А во лбу звезда горит:
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...
В нем взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насилиу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.

День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

1831

Сказка о рыбаке и рыбке

{769}

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришёл невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод, —
Пришёл невод с травой морскойю.
В третий раз закинул он невод, —
Пришёл невод с одною рыбкой.
С непростую рыбкой, — золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в мо-
ре,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожела-

ешь».

Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три
года

И не слыхивал, чтоб рыба говори-
ла.

Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.

«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожела-
ю.

Не посмел взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».

Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыб-
ки!

*Хоть бы взял ты с неё корыто,
Наше-то совсем расколосось».*

*Вот пошел он к синему морю;
Видит — море слегка разыгра-
лось.*

*Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спроси-
ла:*

«Чего тебе надобно, старче?»

Ей с поклоном старик отвечает:

*«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха.*

Не даёт старику мне покою:

Надобно ей новое корыто;

Наше-то совсем расколосось».

Отвечает золотая рыбка:

*«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».*

Воротился старик ко старухе,

У старухи новое корыто.

Еще пуще старуха бранится:

«Дурачина ты, простофиля!

Выпросил, дурачина, корыто!

В корыте много ли корысти?

Воротись, дурачина, ты к рыбке;

Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошел он к синему морю,
(Помутилось синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даёт старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».
Пошёл он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светёлкой,
С кирпичною, белёною трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чём свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофи-
ля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть чёрной крестьян-
кой,
Хочу быть столбовою дворян-
кой».

Пошёл старик к синему морю;
(Не спокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся; государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздури-
лась;
Не даёт старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьян-
кой,
Хочет быть столбовою дворян-
кой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с бо-
гом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьёт их, за чупрун таскает.

Говорит старик свой старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня
дворянка.

Чай; теперь твоя душенька до-
вольна».

На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его посла-
ла.

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась:
Опять к рыбке старика посылает.

«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворян-
кой,

А хочу быть вольною царицей».

Испугался старик, взмолился:

«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не уме-
ешь,

Насмешишь ты целое царство».

Осердилась пуще старуха,

По щеке ударила мужа.

«Как ты смеешь, мужик, спорить
со мною,

Со мною, дворянкой столбо-
вою? —

Ступай к морю, говорят тебе че-
стью,
Не пойдёшь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно; старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с бо-
гом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж! пред ним царские палаты,
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печат-
ным;
Вкруг ее стоит грозная стража,

На плечах топорики держат.
Как увидел старик, — испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная ца-
рица
Ну, теперь твоя душенька доволь-
на».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашеи затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Подделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе невежа, наука:
Не садись не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золо-

тая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперёк слова мол-
вить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море чёрная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою ба-
бой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей мор-
скою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа
Не дождался, к старухе воротил-

ся —

*Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха;
А пред нею разбитое корыто.*

1833

Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях

{770}

*Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядячи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,*

День и ночь так долго жданный,
Издавеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошел как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:

Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь

Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне на зло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна все ж милее,
Все ж румяней и белее».

Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Черт ли сладит с бабой гнев-
ной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалею тебя».
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, бог с тобой».
А сама пришла домой.

«Что? — сказала ей царица, —
Где красавица девица?»
— Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она. —
Крепко связаны ей локти;
Попадетя зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем все шла да шла
И на терем набрела.
Ей на встречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,

Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно!
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Все порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Все так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,

С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И царица к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок;
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломил,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.

Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Все в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйюшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечут ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу

Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»

«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, —
Им царевна говорит, —
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».

Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил поклонясь, —
Коли так, не заикнуса
Уж о том». — «Я не сержуся, —
Тихо молвила она, —
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:

«Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все ж тебя милей».
И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чем!..»
Та призналася во всем:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко, —
Ей кричит она в окошко, —
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитяtko девица!

Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Выдь ко мне». — Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги — и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Видно, выпался он худо, —
Ей царевна говорит: —
На ж, лови!» — и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала:
«Благодарствую, — сказала. —
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит...
Пес как прыгнет, завизжит...
Но царевна в обе руки
Хватъ — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед».
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала...

И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! — Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» — и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Все на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь...
Подождать она хотела
До обеда; не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,

Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им на встречу, грозно воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру! —
Братья молвили: — печали
Не минуем». Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой,
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,

Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решеткой оградил;
И, пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному».

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:

«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

За невестою своею
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
«Свет наш солнышко! Ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Свет ты мой, —
Красно солнце отвечало, —
Я царевны не видало.
Знать ее в живых уж нет.

Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил
Или след ее заметил».

Темной ночью Елисей
Дождлся в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царицы молодой?
Я жених ей». — «Братец мой,
Отвечает месяц ясный, —
Не видал я деви красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царица, видно,
Пробежала». — «Как обидно!» —
Корольевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.

Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее». — «Постой, —
Отвечает ветер буйный, —
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места;
В том гробу твоя невеста».

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал

И пошел к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним.
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна все ж милее,
Все румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своею
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

Сказка о золотом петушке

{771}

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, глядь, —
Ан с востока лезет рать.
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон,

Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о подмоге
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу —
Шлет за ним гонца с поколоном.

Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом все будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незванной,
В миг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется,
И в то место обернется».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит:
«За такое одолженье, —
Говорит он в восхищенье, —
Волю первую твою

Я исполню, как мою».

*Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож, как со сна,
Шевельнется, встрепетается,
К той сторонке обернется
И кричит: «Кири-ку-ку!
Царствуй, лежачи на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!*

*Год, другой проходит мирно,
Петушок сидит все смирно;
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробужден:
«Царь ты наш! Отец народа! —
Возглашает воевода, —
Государь! проснись! беда!» —
— «Что такое, господа? —
Говорит Дадон, зевая, —
А?.. Кто там?.. беда какая?»
Воевода говорит:
«Петушок опять кричит,
Страх и шум во всей столице».*

Царь к окошку, — ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлит нечего: «Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!»
Царь к востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья —
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять.
Кличит царь вторую рать.
Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них,
Снова восемь дней проходит;
Люди в страхе дни проводят,
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку,
Сам не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;

Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» — мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер.
Все в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По протоптанной траве,
По кровавой мураве...
Царь завыл: «Ох, дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор

Потряслось. Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смарть обоих сыновей.
И она перед Дадонем
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала,
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала.
Быль и небыль разглашала.

Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ, —
Все бегут за колесницей,
За Дадонем и царицей;
Всех приветствует Дадон...
Вдруг в толпе увидел он:
В сарачинской шапке белой,
Весь, как лебедь, поседелый
Старый друг его, скопец,
«А, здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, — что ска-
жешь?
Подъ поближе. Что прикажешь?»
— «Царь! — ответствует муд-
рец, —
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».
Крайне царь был изумлен.
«Что ты? — старицу молвил он, —
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся.
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,

Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего».
— Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу, —
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь схватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась, а девица —
Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха.
Царь, хоть был встревожен силь-
но,
Усмехнулся ей умильно.
Вот — въезжает в город он...

Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз, — и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрый молодцам урок.

Алфавитный указатель произведений

Адели — 182.

Аквилон — 212.

Алексееву («Мой милый, как несправедливы...») — 169.

«Альфонс садится на коня...» — 394.

Амур и Гименей — 105.

Ангел — 256.

Анджело. *Поэма* — 611.

Андрей Шенье («Меж тем, как изумленный мир...») — 219.

Анчар — 280.

Арион — 255.

Баратынскому. *Из Бессарабии* («Сия пустынная страна...») — 171.

Батюшкову («В пещерах Геликона...») — 62.

Бахчисарайский фонтан. *Поэма* — 511.

Безверие — 109.

«Безумных лет угасшее веселье...» (Элегия) — 307.

Бесы — 306.

Битва у Зеницы-Великой (Песни западных

славян) — 356.

«Блажен в златом кругу вельмож...» — 264.

«Близ мест, где царствует Венеция златая...» — 258.

«Бог веселый винограда...» — 335.

«Бог помочь вам, друзья мои...» (19 октября 1827) — 264.

«Богами вам еще даны...» (Друзьям) — 103.

Бонапарт и черногорцы (Песни западных славян) — 365.

Бородинская годовщина — 326.

Братья разбойники. *Поэма* — 505.

«Брожу ли я вдоль улиц шумных...» — 292.

Будрыс и его сыновья — 340.

Буря — 237.

«Был и я среди донцов...» — 288.

«Была пора: наш праздник молодой...» — 397.

«Быть может, уж недолго мне...» (П. А. Осиповой) — 218.

В альбом («Гонимый рока самовластьем...») — 334.

В альбом кж. А. Д. Абамелек («Когда-то (помню с умилением)...») — 332.

В альбом А. О. Смирновой («В тревоге пест-

рой и бесплодной...») — 332.

«В Дориде нравятся и локоны золотые...»
(Дорида) — 128.

«В его «Истории» изящность, простота...»
(На Карамзина) — 128.

«В крови горит огонь желанья...» — 237.

«В младенчестве моем она меня любила...»
(Муза) — 148.

«В надежде славы и добра...» (Стансы) —
250.

«В начале жизни школу помню я...» — 317.

«В печальной праздности я лиру забывал...»
(К ней) — 117.

«В пещерах Геликона...» (Батюшкову) — 62.

«В поле чистом серебрится...» — 339.

«В последний раз, в сени уединенья...»
(Разлука) — 115.

«В последний раз твой образ милый...»
(Прощание) — 310.

«В прохладе сладостной фонтанов...» —
279.

«В степи мирской, печальной и безбрежной...» — 255.

«В стране, где Юлией венчанный...» (Из
письма к Гнедичу) — 150.

«В стране, где я забыл тревоги прежних лет...» (Чаадаеву) — 154.

«В тревоге пестрой и бесплодной...» (В альбом А. О. Смирновой) — 332.

«В часы забав иль праздной скуки...» — 300.

Вакхическая песня — 231.

«Вертоград моей сестры...» — 236.

Веселый пир — 136.

Видение короля (Песни западных славян) — 352.

Вино (*Ион Хиосский*) — 335.

Виноград — 203.

Влах в Венеции (Песни западных славян) — 360.

«... Вновь я посетил...» — 387.

«Во глубине сибирских руд...» — 253.

Воевода — 342.

Воевода Милош (Песни западных славян) — 368.

Возрождение — 138.

Война — 149.

Княгине З. А. Волконской («Среди рассеянной Москвы...») — 254.

Вольность. *Ода* — 118.

«Ворон к ворону летит...» — 278.

«Воспитанный под барабаном...» — 242.

Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день...») — 269.

Воспоминание (*К Пушкину*) («Помнишь ли, мой брат по чаше...») — 73.

Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой ночи...») — 47.

«Всё в жертву памяти твоей...» — 235.

«Всё в ней гармония, всё диво...» (*Красавица*) — 333.

«Все кончено: меж нами связи нет...» — 190.

Всеволожскому («Прости, счастливый сын пиров...») — 136.

«Всей России притеснитель...» (*На Аракчева*) — 147.

«Всем красны боярские конюшни...» — 259.

«Встречаюсь я с осмнадцатой весной...» (*Князю А. М. Горчакову*) — 113.

Второе послание к цензору — 213.

Вурдалак (*Песни западных славян*) — 369.

«Вчера был день разлуки шумной...» (*Друзьям*) — 171.

«Вы избалованы природой...» (*Е. Н. Ушако-*

вой) — 284.

Выздоровление — 124.

Гавриилиада. *Поэма* — 492.

Гайдук Хризич (Песни западных славян) — 361.

Герой — 315.

Ф. Н. Глинке («Когда среди оргий жизни шумной...») — 181.

«Глухой глухого звал к суду судьи глухого...» — 309.

Гнедичу («С Гомером долго ты беседовал один...») — 333.

Кн. М. А. Голицыной («Давно об ней воспоминае...») — 187.

Кн. Голицыной, посылая ей оду «Вольность» — 123.

«Гонимый рока самовластьем...» (В альбом) — 334.

«Горишь ли ты, лампада наша...» (Из письма к Я. Н. Толстому) — 176.

«Город пышный, город бедный...» — 278.

Городок (*К ****) — 52.

Князю А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осмнадцатой весной...») — 113.

Граф Нулин. *Поэма* — 543.

«Гречанка верная! не плачь, — он пал геро-
ем...» — 164.

Гречанке («Ты рождена воспламе-
нить...») — 176.

Гроб Анакреона — 87.

«Грустен и весел вхожу...» (Художнику) —
397.

Гусар — 336.

«Давно об ней воспоминанье...»
(Кн. М. А. Голицыной) — 187.

В. Л. Давыдову («Меж тем как генерал Ор-
лов...») — 152.

Давыдову («Нельзя, мой толстый Ари-
стип...») — 191.

Д. В. Давыдову («Тебе, певцу, тебе, ге-
рою!...») — 392.

«Дар напрасный, дар случайный...» — 270.

Движение — 242.

Дева — 153.

19 октября («Роняет лес багряный свой
убор...») — 231.

19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья
мои...») — 264.

19 октября 1828 («Усердно помолившись
богу...») — 279.

- Делибаш — 295.
- Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью...») — 111.
- Демон — 185.
- Деревня — 131.
- Десятая заповедь — 170.
- Дионея — 160.
- «Для берегов отчизны дальней...» — 319.
- Добрый человек — 140.
- Домик в Коломне. *Поэма* — 601.
- Домовому — 133.
- Дон — 289.
- Дорида («В Дориде нравятся и локоны золотые...») — 128.
- Дориде («Я верю: я любим; для сердца нужно верить...») — 140.
- Дорожные жалобы — 309.
- Дочери Карагеоргия — 144.
- Дружба — 205.
- Друзьям («Богами вам еще даны...») — 103.
- Друзьям («Вчера был день разлуки шумной...») — 171.
- Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю...») — 266.
- «Его стихов пленительная сладость...» (К

портрету Жуковского) — 125.

Ее глаза — 271.

«Если жизнь тебя обманет...» — 230.

«Есть роза дивная: она...» — 254.

«Еще дуют холодные ветры...» — 270.

Желание — 103.

Желание славы — 217.

Жених — 225.

Жив, жив Курилка! — 241.

«Житье тому, любезный друг...» (К Щербинину) — 131.

«Житье тому, мой милый друг...» (Щербинину) — 284.

Жуковскому («Когда, к мечтательному миру...») — 124.

«Журналами обиженный жестоко...» (Эпиграмма) — 296.

«Забудь, любезный мой Каверин...» (К Каверину) — 108.

«Завидую тебе, питомец моря смелый...» — 184.

Заздравный кубок — 104.

Заклинание — 314.

«Зачем безвременную скуку...» (К***) — 142.

«Здравствуй, Вульф, приятель мой!..» (Из письма к Вульфу) — 192.

Земля и море — 148.

«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...» — 289.

Зимнее утро — 290.

Зимний вечер — 235.

Зимняя дорога — 251.

Золото и булат — 253.

«Зорю бьют... из рук моих...» — 288.

«И дале мы пошли — и страх обнял меня...» — 330.

«И недоверчиво и жадно...» (Ответ А. И. Готовцовой) — 281.

(Из Анакреона). *Отрывок* («Узнают коней ретивых...») — 380.

Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой...») — 287.

(Из Ксенофана Колофонского) («Чистый лоснится пол...») — 334.

(Из Пиндемонти) («Не дорого ценю я громкие права...») — 393.

Из письма к Вульфу («Здравствуй, Вульф, приятель мой!..») — 192.

Из письма к Гнедичу («В стране, где Юлией

венчаный...») — 150.

Из письма к Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша...») — 176.

Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью...») — 384.

Из Barry Cornwall — 320.

«Издравле сладостный союз...» (К Языкову) — 193.

Иностранке — 180.

История стихотворца — 128.

«Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...» — 78.

К *** («Зачем безвременную скуку...») — 142.

К *** («Не спрашивай, зачем унылой думой...») — 116.

К *** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...») — 334.

К ** («Ты богоматерь, нет сомненья...») — 251.

К *** («Я помню чудное мгновенье...») — 225.

К Батюшкову («Философ резвый и пит...») — 45.

К бюсту завоевателя — 296.

К вельможе — 301.

К Вяземскому («Так море, древний душегубец...») — 243.

К бар. М. А. Дельви́г — 79.

К Дельви́гу (*Ответ*) («Послушай, муз невинных...») — 76.

К другу стихотворцу — 35.

К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин...») — 108.

К моей чернильнице — 156.

К Морфею — 103.

К морю — 199.

К ней («В печальной праздности я лиру забывал...») — 117.

К Овидию («Овидий, я живу близ тихих берегов...») — 165.

К Н. Я. Плюсковой («На лире скромной, благородной...») — 126.

К портрету Вяземского («Судьба свои дары явить желала в нем...») — 147.

К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость...») — 125.

К портрету Чаадаева («Он вышней волею небес...») — 147.

К Пущину (4 мая) («Любезный именин-

ник...») — 68.

К студентам — 43.

«К тебе сбирался я давно...» (К Языкову) — 272.

К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...») — 127.

«К чему холодные сомненья?..» (Чаадаеву) — 211.

К Щербинину («Житье тому, любезный друг...») — 131.

К Языкову («Издревле сладостный союз...») — 193.

К Языкову («К тебе сбирался я давно...») — 272.

К Языкову («Языков, кто тебе внушил...») — 243.

Кавказ — 293.

Кавказский пленник. *Поэма* — 470.

Казак — 41.

«Как брань тебе не надоела?..» — 147.

«Как с древа сорвался предатель ученик...» (Подражание италиянскому) — 393.

«Как сатирой безымянной...» — 297.

«Как счастлив я, когда могу покинуть...» — 248.

«Какая ночь! Мороз трескучий...» — 256.

«Каков я прежде был, таков и ныне я...» — 249.

Калмычке — 286.

Катенину («Кто мне пришлет ее портрет...») — 154.

Кинжал — 151.

Кипренскому («Любимец моды легкокрылой...») — 257.

Клеветникам России — 325. «Кобылица молодая...» — 270.

Коварность — 201.

«Когда б не смутное влечение...» — 344.

«Когда, бывало, в старину...»

(Ек. Н. Ушаковой) — 254.

«Когда в объятия мои...» — 304.

«Когда для смертного умолкнет шумный день...» (Воспоминание) — 269.

«Когда за городом, задумчив, я брожу...» — 396.

«Когда, к мечтательному миру...»

(Жуковскому) — 124.

«Когда сожмешь ты снова руку...» — 123.

«Когда средь оргий жизни шумной...»

(Ф. Н. Глинке) 181.

«Когда твои молодые лета...» — 295.

«Когда-то (помню с умилением)...» (В альбом кж. А. Д. Абамелек) — 332.

Козлову («Певец, когда перед тобой...») — 216.

Кокетке — 168.

«Колокольчики звенят...» — 344.

Конь (Песни западных славян) — 374.

«Краев чужих неопытный любитель...» — 117.

Красавица («Всё в ней гармония, всё диво...») — 333.

Красавице, которая нюхала табак — 40.

«Кто видел край, где роскошью природы...» — 159.

«Кто, волны, вас остановил...» — 184.

«Кто знает край, где небо блещет...» — 267.

«Кто из богов мне возвратил...» — 384.

«Кто мне пришлет ее портрет...» (Катенину) — 154.

Лицинию — 63.

«Лук звенит, стрела трепещет...» (Эпиграмма) (Из антологии) — 265.

«Любви, надежды, тихой славы...» (К Чаадаеву) — 127.

«Любезный именинник...» (К Пущину) (4 мая) — 68.

«Любимец ветреных Лаис...» (Юрьеву) — 141.

«Любимец моды легкокрылой...» (Кипренскому) — 257.

«Люблю ваш сумрак неизвестный...» — 175.

«Любовью, дружеством и ленью...» (Дельвигу) — 111.

Любопытный — 108.

Мадона — 305.

Мадригал М...ой («О вы, которые любовью не горели...») — 140.

Мальчику (*Из Катуллы*) — 332.

«Мальчишка Фебу гимн поднес...» (Эпиграмма) — 298.

Марко Якубович (Песни западных славян) — 362.

Медный всадник. *Поэма* — 629.

«Меж тем как генерал Орлов...» (В. Л. Давыдову) — 152.

«Меж тем, как изумленный мир...» (Андрей Шенье) — 219.

Мечтатель («По небу крадется луна...») — 69.

Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслажденье...») — 125.

Мирская власть — 392.

«Мне бой знаком — люблю я звук мечей...» — 141.

«Мне вас не жаль, года весны моей...» — 143.

Мое завещание. Другьям — 71.

«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...» — 160.

«Мой милый, как несправедливы...» (Алексееву) — 169.

«Мой первый друг, мой друг бесценный!..» (И. И. Пущину) — 249.

Монастырь на Казбеке — 294.

Мордвинову («Под хладом старости угрюмо угасал...») — 252.

Моя родословная — 321.

Моя эпитафия — 74.

Муза («В младенчестве моем она меня любила...») — 148.

На Аракчеева («Всей России притеснитель...») — 147.

На выздоровление Лукулла. *Подражание латинскому* — 389.

На Карамзина («В его «Истории» изящность, простота...») — 128.

«На лире скромной, благородной...» (К. Н. Я. Плюсковой) — 126.

На перевод Илиады — 319.

На статую играющего в бабки — 399.

На статую играющего в свайку — 399.

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...» — 286.

«Навис покров угрюмой ночи...» (Воспоминания в Царском Селе) — 47.

«Над лесистыми берегами...» (Цыганы) — 323.

«Над озером, в глухих дубровах...» (Русалка) — 134.

«Надеждой сладостной младенчески дыша...» — 185.

Надпись к беседке — 108.

Наездники — 101.

Наперсник — 273.

«Наперсница волшебной старины...» — 181.

Наполеон («Чудесный жребий совершился...») — 161.

Наполеон на Эльбе (1815) — 65.

«Напрасно, пламенный поэт...» (Ответ Катенину) — 281.

«Не дай мне бог сойти с ума...» — 347.

«Не дорого ценю я громкие права...» (Из Пиндемонти) — 393.

«Не знаю где, но не у нас...» — 215.

«Не пленяйся бранной славой...» (Из Гафиза) — 287.

«Не пой, красавица, при мне...» — 271.

«Не розу пафосскую...» (Отрывок) — 320.

«Не спрашивай, зачем унылой думой...» (К ***) — 116.

«Недвижный страж дремал на царственном пороге...» — 188.

Недоконченная картина — 135.

«Нельзя, мой толстый Аристип...» (Давыдову) — 191.

«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...» — 204.

Нереида — 146.

«Нет, не черкешенка она...» (Ответ Ф. Т ***) — 250.

«Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...» (К ***) — 334.

«Нет ни в чем вам благодати...» — 242.

«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» — 330.

«Нет, я не льстец, когда царю...» (Друзьям) — 266.

Новоселье — 304.

«Ночной зефир...» — 204.

Ночь — 184.

Няне — 248.

«О вы, которые любовью не горели...» (Мадригал М... ой) — 140.

«О дева-роза, я в оковах...» — 202.

«О муза пламенной сатиры!..» — 239.

«О ты, который сочетал...» (Орлову) — 129.

Обвал — 294.

«Овидий, я живу близ тихих берегов...» (К Овидию) — 165.

Ода LVI (*Из Анакреона*) («Поредели, побелели...») — 381.

Ода LVII («Что же сухо в чаше дно?...») — 381.

Окно — 100.

«Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...» (Осень) (*Отрывок*) — 344.

Олегов щит — 287.

«Он вышней волею небес...» (К портрету

Чаадаева) — 147.

«Он между нами жил...» — 349.

«Опять я ваш, о юные друзья!..» (Элегия) — 109.

Орлову («О ты, который сочетал...») — 129.

Осгар — 37.

Осеннее утро — 100.

Осень (*Отрывок*) («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...») — 344.

П. А. Осиповой («Быть может, уж недолго мне...») — 218.

«От меня вечер Леила...» — 400.

«От многоречия отрекшись добровольно...» — 242.

Ответ («Я вас узнал, о мой оракул...») — 300.

Ответ анониму — 308.

Ответ А. И. Готовцовой («И недоверчиво и жадно...») — 281.

Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт...») — 281.

Ответ Ф. Г*** («Нет, не черкешенка она...») — 250.

Отрок — 314.

«Отрок милый, отрок нежный...» (Подражание арабскому) — 392.

- Отрывок («Не розу пафосскую...») — 320.
- «Отцы пустынники и жены непорочны...» — 395.
- «Охотник до журнальной драки...» — 215.
- Паж, или Пятнадцатый год — 311.
- Певец — 102.
- «Певец, когда перед тобой...» (Козлову) — 216.
- «Перед гробницею святой...» — 324.
- Песни западных славян — 349.
- Песни о Стеньке Разине — 244.
- Песнь о вещем Олеге — 172.
- Песня о Георгии Черном (Песни западных славян) — 367.
- Пир Петра Первого — 390.
- «Питомец мод, большого света друг...» (Послание к кн. Горчакову) — 139.
- «По небу крадется луна...» (Мечтатель) — 69.
- «Погасло дневное светило...» — 143.
- «Под вечер, осенью ненастной...» (Романс) — 51.
- «Под небом голубым страны своей родной...» — 243.
- «Под хладом старости угрюмо угасал...»

(Мордвинову) — 252.

Подражание арабскому («Отрок милый, отрок нежный...») — 392.

(Подражание италиянскому) («Как с древа сорвался предатель ученик...») — 393.

Подражания Корану — 205.

«Подъезжая под Ижоры...» — 285.

«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...» — 291.

«Пока не требует поэта...» (Поэт) — 258.

«Покров, упитанный язвительною кровью...» (Из А. Шенье) — 384.

Полководец — 382.

Полтава. *Поэма* — 552.

«Полу-милорд, полу-купец...» — 215.

«Помнишь ли, мой брат по чаше...» (Воспоминание) (*К Пущину*) — 73.

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» — 349.

«Поредели, побелели...» (Ода LVI) (*Из Анакреона*) — 381.

Портрет («С своей пылающей душой...») — 273.

Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг, он...») — 260.

Послание к кн. Горчакову («Питомец мод, большого света друг...») — 139.

Послание к Юдину («Ты хочешь, милый друг, узнать...») — 88.

Послание цензору — 177.

«Послушай, муз невинных...» (К Дельвигу) (Ответ) — 76.

Похоронная песня Иакинфа Маглановича (Песни западных славян) — 362.

Поэт («Пока не требует поэта...») — 258.

«Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...» — 297.

Поэт и толпа — 282.

Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной...») — 305.

«Пред испанкой благородной...» — 320.

Предчувствие — 274.

Признание («Я вас люблю, — хоть я бешусь...») — 246.

Приметы («Старайся наблюдать различные приметы...») — 167.

Приметы («Я ехал к вам: живые сны...») — 285.

«Прими сей череп, Дельвиг, он...» (Послание Дельвигу) — 260.

Прятелям — 240.

Пробуждение — 107.

Прозаик и поэт — 240.

Прозерпина — 191.

«Промчались годы заточенья...» (Прощанье) — 115.

Пророк — 247.

«Прости, счастливый сын пиров...» (Всеволожскому) — 136.

«Простите, верные дубравы!..» — 116.

«Простишь ли мне ревнивые мечты...» — 186.

Прощание («В последний раз твой образ милый...») — 310.

Прощанье («Промчались годы заточенья...») — 115.

Птичка — 183.

«Пускай увенчанный любовью красоты...» — 213.

В. Л. Пушкину («Что восхитительней, живей...») — 112.

И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!..») — 249.

Разговор книгопродавца с поэтом — 194.

Разлука («В последний раз, в сени уединенья...») — 115.

- «Редеет облаков летучая гряда...» — 146.
- Рифма («Эхо, бессонная нимфа...») — 313.
- «Рифма, звучная подруга...» — 276.
- Роза — 78.
- Романс («Под вечер, осенью ненастной...») — 51.
- «Роняет лес багряный свой убор...» (19 октября) — 231.
- «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» — 312.
- Русалка («Над озером, в глухих дубровах...») — 134.
- Руслан и Людмила. *Поэма* — 403.
- «С Гомером долго ты беседовал один...» (Гнедичу) — 333.
- С португальского — 237.
- «С своей пылающей душой...» (Портрет) — 273.
- Сапожник (*Притча*) — 297.
- «Сват Иван, как пить мы станем...» — 339.
- «Свободы сеятель пустынный...» — 187.
- Сестра и братья (Песни западных славян) — 369.
- «Сия пустынная страна...» (Баратынскому. *Из Бессарабии*) — 171.

- «Сказали раз царю, что наконец...» — 239.
- Сказка о золотом петушке — 691.
- Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях — 678.
- Сказка о попе и о работнике его Балде — 645.
- Сказка о рыбаке и рыбке — 673.
- Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди — 649.
- Сказки. *Noël* («Ура! в Россию скачет...») — 126.
- Слеза — 77.
- Собрание насекомых — 298.
- Совет — 240.
- Сожженное письмо — 216.
- Соловей (Песни западных славян) — 366.
- Соловей и кукушка — 241.
- Соловей и роза — 253.
- Сон (*Отрывок*) — 94.
- Сонет («Суровый Дант не презирал сонета...») — 301.
- Сраженный рыцарь — 75.
- «Среди рассеянной Москвы...» (Княгине З. А. Волконской) — 254.

Стансы («В надежде славы и добра...») — 250.

Стансы Толстому («Философ ранний, ты бежишь...») — 138.

«Старайся наблюдать различные приметы...» (Приметы) — 167.

Старик — 65.

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы — 315.

Странник — 385.

«Судьба свои дары явить желала в нем...» (К портрету Вяземского) — 147.

«Суровый Дант не презирал сонета...» (Сонет) — 301.

«Счастлив, кто избран своенравно...» — 273.

Тазит. *Поэма* — 593.

«Так море, древний душегубец...» (К Вяземскому) — 243.

Талисман — 264.

«Тебе, певцу, тебе, герою!..» (Д. В. Давыдову) — 392.

Телега жизни — 188.

Тень Фонвизина — 79.

Торжество Вакха — 121.

Труд — 309.

«Туманский прав, когда так верно вас...» — 202.

Туча — 383.

«Ты богоматерь, нет сомненья...» (К **) — 251.

«Ты в страсти горестной находишь наслаждение...» (Мечтателю) — 125.

«Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...» — 211.

Ты и вы — 269.

«Ты рождена воспламенять...» (Гречанке) — 176.

«Ты хочешь, милый друг, узнать...» (Послание к Юдину) — 88.

«Увы! зачем она блистает...» — 142.

Уединение — 135.

«Узнают коней ретивых...» (Из Анакреона).

Отрывок — 380.

Узник — 182.

«Умолкну скоро я!.. Но если в день печали...» — 160.

«Ура! в Россию скачет...» (Сказки. Noël) — 126.

«Усердно помолившись богу...» (19 октября)

1828) — 279.

Усы. *Философическая ода* — 94.

Утопленник — 274.

Ек. Н. Ушаковой («Когда, бывало, в стари-
ну...») — 254.

Е. Н. Ушаковой («Вы избалованы приро-
дой...») — 284.

Феодор и Елена (Песни западных сла-
вян) — 357.

«Философ ранний, ты бежишь...» (Стансы
Толстому) — 138.

«Философ резвый и пиит...» (К Батюшко-
ву) — 45.

Фонтану Бахчисарайского дворца — 203.

«Хоть, впрочем, он поэт изрядный...» —
171.

«Храни меня, мой талисман...» — 218.

«Хранитель милых чувств и прошлых на-
слаждений...» (Царское Село) — 183.

Художнику («Грустен и весел вхожу...») —
397.

Царское Село («Хранитель милых чувств и
прошлых наслаждений...») — 183.

Царскосельская статуя — 309.

Цветок — 282.

«Цветы последние милей...» — 231.

Циклоп — 299.

Цыганы. *Поэма* — 525.

Цыганы («Над лесистыми берегами...») — 323.

Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») — 154.

Чаадаеву («К чему холодные сомненья?..») — 211.

«Чем чаще празднует лицей...» — 329.

Черная шаль — 145.

«Чистый лоснится пол...» (Из Ксенофана Колофонского) — 334.

«Что в имени тебе моем?..» — 299.

«Что восхитительней, живей...» (В. Л. Пушкину) — 112.

«Что же сухо в чаше дно?..» (Ода LVII) — 381.

«Чудесный жребий совершился...» (Наполеон) — 161.

Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...») — 106.

Щербинину («Житье тому, мой милый друг...») — 284.

Элегия («Безумных лет угасшее весе-

лье...») — 307.

Элегия («Опять я ваш, о юные друзья!...») — 109.

Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко...») — 296.

Эпиграмма (*Из антологии*) («Лук звенит, стрела трепещет...») — 265.

Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес...») — 298.

Эпитафия младенцу — 286.

Эхо — 328.

«Эхо, бессонная нимфа...» (Рифма) — 313.

«Юноша, скромно пируй, и шумную Вакхову влагу...» — 335.

«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...» — 381.

Юрьеву («Любимец ветреных Лаис...») — 141.

«Я вас любил: любовь еще, быть может...» — 291.

«Я вас люблю, — хоть я бешусь...» (Признание) — 246.

«Я вас узнал, о мой оракул...» (Ответ) — 300.

«Я верю: я любим; для сердца нужно верить...» (Дориде) — 140.

«Я возмужал среди печальных бурь...» — 348.

«Я думал, сердце позабыло...» — 389.

«Я ехал к вам: живые сны...» (Приметы) — 285.

«Я здесь, Инезилья...» — 313.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» — 396.

«Я пережил свои желанья...» — 149.

«Я помню чудное мгновенье...» (К ***) — 225.

«Я ускользнул от Эскулапа...» (N. N.) (В. В. Энгельгардту) — 129.

«Языков, кто тебе внушил...» (К Языкову) — 243.

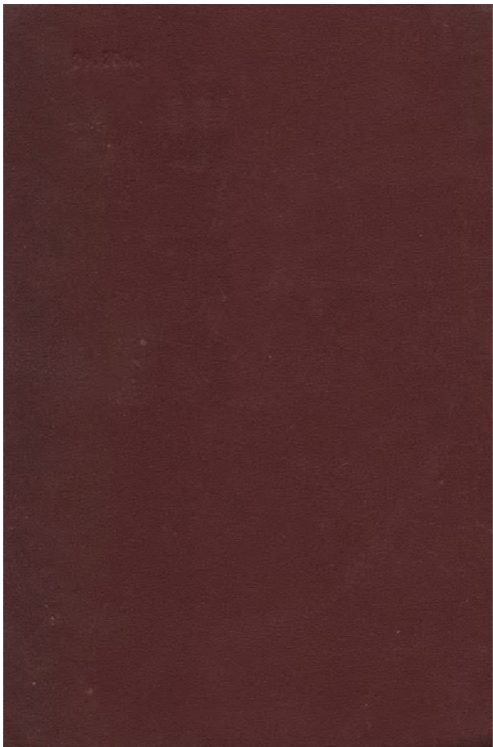
Янко Марнавич (Песни западных славян) — 355.

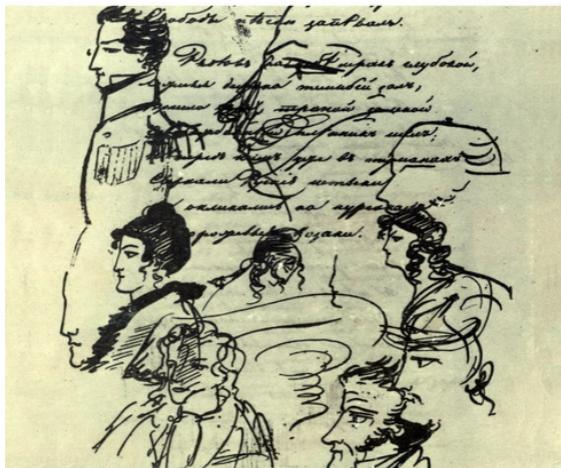
Яныш королевич (Песни западных славян) — 372.

Ex ungue leonem — 241.

N. N. (В. В. Энгельгардту) («Я ускользнул от Эскулапа...») — 129.

To Dawe, Esqr — 268.

Примечания

Об этих вершинах пушкинского творчества см. статью Д. Благого к тому «Библиотеки всемирной литературы»: «А. Пушкин. Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы. Повести».

[^^^]

То есть в школе.

[^^^]

Будь здоров! (*лат.*)

[^^^]

4

Кому неизвестны «Воспоминания на 1807 год»?

[^^^]

«Нечестивые, пишет Магомет (глава Награды), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих нечестивых, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

[^^^]

6

В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободю Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

[^^^]

«Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромн; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

[^^^]

Из книги *Слепец*.

[^^^]

Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

[^^^]

10

Так, когда я был печальным и пленным, моя лира все же Пробуждалась... *(франц.)*.

[^^^]

По когтям льва (узнают) (*лат.*).

[^^^]

12

Ты знаешь край... *Вильгельм Мейстер* (нем.).

[^^^]

Господину Дау (*англ.*).

[^^^]

Древо яда.

[^^^]

Прочь, непосвященные (*лат.*).

[^^^]

Но где (*итал.*).

[^^^]

Не презирай сонета, критик. Вордсворт (*англ.*).

[^^^]

18

Это возраст Керубино... *(франц.)*.

[^^^]

Mémoires de Bourrienne.

[^^^]

Твое здоровье, Мери (*англ.*).

[^^^]

Старого фалернского, мальчик (*лат.*).

[^^^]

Гузла, или сборник иллирийских стихотворений, собранный в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине (*франц.*).

[^^^]

О нравах морлаков (*итал.*).

[^^^]

Что белеет на *горе* зеленой (*серб.*).

[^^^]

Что же белеет в зеленой роще (*итал.*).

[^^^]

Hamlet.

[^^^]

Я воздвиг памятник *(лат.)*.

[^^^]

Ну, смелей! (*франц.*).

[^^^]

Прозрачных (ажурных) (*франц.*).

[^^^]

Остротами (*франц.*).

[^^^]

И так далее, и так далее (*франц.*).

[^^^]

Он очень плох, он просто жалок (*франц.*).

[^^^]

Великий Потье! (*франц.*)

[^^^]

*Мощь и слава войны,
Как и люди, их суетные поклонни-
ки,
Перешли на сторону торжествую-
щего царя.*

Байрон (англ.).

[^^^]

*Стихи кн. Вяземского к графине З***.*— «Разговор 7 апреля 1832 года», посвященный гр. Е. М. Завадовской; в третьей строфе его дано описание Петербурга: «Я Петербург люблю с его красою стройной, с блестящим поясом роскошных островов...» и т. д.

[^^^]

Смотри описание памятника... — Описание памятника Петру I дано Мицкевичем в стихотворении «Памятник Петра Великого», содержание которого — размышления о Петре и его деле стоящих у памятника под одним плащом самого Мицкевича и его друга — великого русского поэта (он не назван, но ясно, что автор имеет в виду Пушкина), резко обличительный монолог которого и занимает главную часть стихотворения. К казенно-хвалебному четверостишию, написанному малоизвестным поэтом XVIII в. В. Г. Рубаном, это не имеет никакого отношения, и сама ссылка на него была введена Пушкиным по цензурным соображениям. И «Олешкевич» и это стихотворение входили в цикл стихов Мицкевича, опубликованных им при третьей части его поэмы «Дзяды». Под влиянием мучительных переживаний, вызванных подавлением Николаем I польского восстания 1830 г., стихи Мицкевича проникнуты не только ненавистью к русскому самодержавию, но и крайне неприязненным отношением к России во-

обще и, в частности, к Пушкину, как автору стихотворений «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Пушкин отозвался на стихи Мицкевича написанным несколько позднее стихотворением «Он между нами жил...», а в «Медном всаднике» (в особенности во вступлении к поэме) противопоставил им горячее национально-патриотическое чувство и подчеркивание огромного значения исторического дела Петра.

[^^^]

Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

[^^^]

J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

[^^^]

Espèce de bandits.

[^^^]

Soldats de la police.

[^^^]

Все эти подробности были сообщены мне в 1817 году самим Маглановичем.

[^^^]

Я тщетно разыскивал эту балладу. Сам Магланович ее забыл или, может быть, стыдился петь мне первый свой поэтический опыт.

[^^^]

Род разбойников.

[^^^]

Полицейские солдаты.

[^^^]

«Петербург — окно, через которое Россия
смотрит в Европу» (*франц.*).

[^^^]

Альгаротти Франческо (1712–1764) — итальянский писатель и ученый; был близок с Вольтером, позже жил в Петербурге и выпустил в 1739 г. «Письма о России», где и находится цитируемое Пушкиным афористическое выражение.

[^^^]

Комментарии

Тексты печатаются по десяти томному собранию сочинений А. С. Пушкина, выпущенному издательством «Художественная литература» (М., 1959–1962). Лицейские стихотворения «Воспоминания в Царском Селе», «Лицинию», «Старик», «Роза», «Гроб Анакреона», «Певец», «К Морфею», «Друзьям» («Богами вам еще даны...»), «Амур и Гименей», «Шишкову» («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...»), «Пробуждение», «Любопытный», «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»), «Дельвигу» («Любовью, дружеством и ленью...»), «В. Л. Пушкину» («Что восхитительней, живей...»), «Разлука» публикуются в окончательных редакциях 1817–1819 и 1825 гг.

[^^^]

СТИХОТВОРЕНИЯ

К другу стихотворцу (стр. 35). — Первое появившееся в печати стихотворение Пушкина; опубликовано в «Вестнике Европы» за подписью Александр Н. к. ш. п. (перевернутые согласные фамилии Пушкин).

[^^^]

3

Чтоб не слететь с горы... — «Взойти» на отроги Пинда Парнас или Геликон означало, на условном языке классицизма XVIII в., писать стихи.

[^^^]

Отец второй «Телемахиды» — намек на Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797–1846), к которому, по-видимому, обращено послание («Телемахиды» — поэма В. К. Тредиаковского).

[^^^]

Витгенштейн Петр Христианович
(1769–1843) — генерал, командовавший в
1812 г. русским корпусом, стоявшим на доро-
ге, ведущей к Петербургу.

[^^^]

Рифматов, Графов, Бибрус — стихотворцы: Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783–1837), гр. Д. И. Хвостов (1757–1835) и Семен Сергеевич Бобров (1767–1810) — члены «Беседы любителей русского слова». Их же имеет в виду поэт, говоря о «бессмысленных певцах».

[^^^]

Глазунов — петербургский книгоиздатель и
владелец книжной лавки.

[^^^]

Руссо Ж.-Б. (1670–1741) — французский поэт, умерший в крайней бедности.

[^^^]

Камоэнс Луис (1524–1580) — португальский поэт, умерший в приюте для нищих.

[^^^]

Костров Ермил Иванович (1750–1796) — русский поэт, влачивший нищенское существование.

[^^^]

Парнасские сестры — музы, покровительницы искусств.

[^^^]

Рамаков — П. И. Макаров (1765–1804), критик и журналист, выступавший против главы «Беседы любителей русского слова» — А. С. Шишкова.

[^^^]

Осгар (стр. 37). — Оригинальное «оссиановское» стихотворение самого Пушкина.

[^^^]

Казак (стр. 41). — В рукописи подзаголовок:
«Подражание мало-российскому».

[^^^]

К студентам (стр. 43). — *Галич* Александр Иванович (1783–1848) — профессор российской и латинской словесности, в течение года преподававший в Лицее (с 5 мая 1814 г. до июня 1815 г.).

[^^^]

Остряк любезный — Алексей Демьянович Илличевский (1798–1837), товарищ Пушкина по Лицею.

[^^^]

Сиятельный повеса — князь Александр Михайлович Горчаков (1798–1883).

[^^^]

Повеса из повес — Иван Васильевич Малиновский (1796–1873), товарищ Пушкина по Лицею.

[^^^]

Платов Матвей Иванович (1751–1818) — атаман донских казаков, герой войны 1812 г.

[^^^]

Товарищ милый, друг прямой — Иван Иванович Пущин (1798–1859).

[^^^]

Вильгельм — Кюхельбекер.

[^^^]

К Батюшкову («Философ резвый и пиит...») (стр. 45). — После возвращения из заграничных походов 1813–1814 гг. Батюшков переживал тяжелый кризис мировоззрения и творчества, мало писал. В его поэзии стали звучать пессимистические ноты.

[^^^]

Певец тиисский — Анакреонт (Анакреон), (ок. 570–487 гг. до н. э.), древнегреческий поэт, воспевавший любовь, вино, беззаботную жизнь.

[^^^]

Лилета — имя, упомянутое Батюшковым в одном из наиболее известных его стихотворений «Мои пенаты» (1811).

[^^^]

Назон — имеется в виду древнеримский поэт Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.).

[^^^]

Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой ночи...») (стр. 47). — Написано по предложению лицейского профессора Галича для публичного экзамена по русской словесности, на котором и было прочитано 8 января 1815 г. в присутствии восторженно отозвавшегося о стихотворении Г. Р. Державина. Поэт вспоминает об этом в послании к Жуковскому 1816 г., в 8-й главе «Евгения Онегина» и в заметке 1835 г.: «Державина видел я только однажды в жизни». При переработке стихотворения в 1819 г. Пушкин демонстративно снял все имевшиеся в нем традиционные похвалы царю Александру I и опустил две строфы (вторую и предпоследнюю).

[^^^]

Минерва российская — Екатерина II. При ней царскосельский дворец и парки приобрели тот вид, который они сохранили в основном и до настоящего времени. Дальше поэт называет ее «великой женой». Позднее Пушкин давал ей другие, гораздо менее лестные наименования.

[^^^]

Элизиум полнощный — северный рай.

[^^^]

Лев — герб Швеции.

[^^^]

Орел — герб России.

[^^^]

Над... скалой // Вознесся памятник... — колонна, воздвигнутая Екатериной II на островке, среди одного из царскосельских озер, в честь морской победы графа А. Г. Орлова над турками под Чесмою в 1770 г.

[^^^]

Памятник простой — колонна графу П. А. Румянцеву, прославленному полководцу XVIII в.; воздвигнута в честь победы над турками на берегу реки Кагула в 1770 г.

[^^^]

Петров Василий Петрович (1736–1799) — поэт, одописец.

[^^^]

Воитель поседелый — М. И. Кутузов.

[^^^]

Скальд России — В. А. Жуковский.

[^^^]

Городок (стр. 52). — *Великий четверток* — четверг на страстной неделе, когда происходила особенно длинная церковная служба.

[^^^]

Рифмов — Ширинский-Шихматов.

[^^^]

Мом — бог насмешки (*греч. миф.*).

[^^^]

Фернейский злой крикун — Вольтер, который последние 20 лет своей жизни провел в Швейцарии (около Женевы) в приобретенном им имении Ферней.

[^^^]

Арьоста, Тасса внук — подразумевается Вольтер, как автор пародийной поэмы «Орлеанская девственница», написанной в манере поэмы Ариосто «Неистовый Роланд», и героико-эпической поэмы «Генриада», написанной в манере «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо.

[^^^]

Ванюша Лафонтен — знаменитый французский баснописец, автор фривольных стихотворных «Сказок», Жан Лафонтен (1621–1695).

[^^^]

Дмитрев нежный — поэт Иван Иванович Дмитриев (1760–1837), наряду с Карамзиным — глава русского сентиментализма.

[^^^]

Наперсник милый // Психеи — поэт Ипполит Федорович Богданович (1743–1803), автор сказочно-иронической поэмы «Душенька», написанной на тот же сюжет, что и поэма Лафонтена об Амуре и Психее.

[^^^]

Вержье Жак (1657–1720), аббат *Грекур* Жан Батист де (1683–1743) — французские поэты, развивавшие традиции фривольно-сатирических сказок Лафонтена.

[^^^]

Озеров Владислав Александрович
(1769–1816) — автор популярных тогда трагедий, окрашенных в сентиментальные тона.

[^^^]

Княжнин Яков Борисович (1742–1791) — русский драматург.

[^^^]

Грозный Аристарх — французский писатель и критик Ж.-Ф. Лагарп (1739–1803), автор курса истории древней и новой литературы в 16-ти томах «Лицей», написанного в духе классицизма XVIII в.; Аристарх — нарицательное имя строгого критика.

[^^^]

Визгова сочиненья — трагедии Степана Ивановича Висковатова (1786–1831).

[^^^]

Глугона псалмопенья — подражания псалмам Николая Михайловича Шатрова (1765–1841), члена «Беседы любителей русского слова».

[^^^]

Князь, наперсник муз — князь Дмитрий Петрович Горчаков (1758–1824) — автор пользовавшихся в это время большой популярностью рукописных сатирических посланий и нозлей.

[^^^]

Насмешник смелый — Батюшков, неопубликованная сатира которого «Видение на берегах Леты» распространялась в списках.

[^^^]

Буянова певич — В. Л. Пушкин, автор фривольной поэмы «Опасный сосед» (Буянов — герой поэмы).

[^^^]

Шутник бесценный — И. А. Крылов, автор пародийно-сатирической «шутотрагедии» «Трумф»; *Чернавка, Подщипа, князь* и проч. — ее действующие лица.

[^^^]

...высот Парнаса // Боярин небольшой... — поэт и переводчик Иван Семенович Барков (1732–1768), непристойно-озорные пародии которого на Сумарокова и других получили широкую известность.

[^^^]

Велик, велик — Свистов! — цензурная замена вместо «Баркова», дальше *Свистовым* назван и Д. И. Хвостов, за которым закрепилась эта кличка.

[^^^]

Марон — имеется в виду римский поэт Вергилий (Публий Вергилий Марон) (70–19 гг. до н. э.).

[^^^]

Газеты — здесь в старом словоупотреблении — вести, слухи, сплетни.

[^^^]

...с очаковской медалью... — за взятие в 1788 г.
турецкой крепости Очаков.

[^^^]

Батюшкову («В пещерах Геликона...») (стр. 62). — Батюшков, прочитав послание к нему Пушкина 1814 г., опубликованное в «Российском музее» (см. выше), приехал в начале февраля 1815 г. в Лицей познакомиться с его автором. Откликом на беседу поэтов и явилось это новое послание Пушкина.

[^^^]

Лары — души предков, боги-покровители домашнего очага (*рим. миф.*).

[^^^]

Будь всякий при своем — слегка измененный стих из послания Жуковского Батюшкову.

[^^^]

Лицинию (стр. 63). — Нападки на Лициния, временщика Ветулия, имели в это время особую выразительность, поскольку вся полнота государственной власти в России оказалась фактически в руках временщика Аракчеева. Видимо, поэтому при публикации стихотворения ему был дан маскировочный подзаголовок «с латинского». Встречающиеся в этом стихотворении имена не связаны ни с какими историческими лицами.

[^^^]

Ликторы — служители, сопровождавшие сановных лиц в Древнем Риме, расчищавшие им путь в толпе.

[^^^]

Ромулов народ, квириты — римляне.

[^^^]

Циник — в данном случае представитель философской школы (в Древней Греции) киников, или циников, проповедовавших полное презрение к житейским благам.

[^^^]

Старик (стр. 65). — Вольный перевод стихотворения французского поэта Клемана Маро (1496–1544) «О себе».

[^^^]

Наполеон на Эльбе (1815) (стр. 65). — Написано после получения известий, что Наполеон, которому после победы союзных войск и его отречения от французского престола в 1814 г. был предоставлен во владение остров Эльба, 26 февраля 1815 г. покинул его и 1 марта триумфально высадился во Франции; вскоре на его сторону перешла армия, а 20 марта перепуганный Людовик XVIII бежал из Парижа.

[^^^]

К Пущину (4 мая) («Любезный именинник...») (стр. 68). — 4 мая — день рождения И. И. Пущина.

[^^^]

Старик крылатый — время.

[^^^]

Вот кубок, наливай! — стих из послания Батюшкова «Мои пенаты».

[^^^]

Венком из миртов... — мирт был посвящен богине любви Афродите.

[^^^]

Семела, мать Вакха (греч. миф.).

[^^^]

Певец мой дорогой — друг Пушкина Антон Антонович Дельвиг (1798–1831), стихотворения которого «Вакх» и «К Темире» были опубликованы в 1815 г. в «Российском музее».

[^^^]

Воспоминание (*К Пущину*) («Помнишь ли, мой брат по чаше...») (стр. 73). — Речь идет о «пирушке» четырех лицеистов Малиновского, Пущина, Дельвига и самого Пушкина.

[^^^]

Педант — дежурный гувернер, донесший о происшествии по начальству.

[^^^]

К Дельвигу (*Ответ*) («Послушай, муз невинных...») (стр. 76). — Ответ на опубликованное в 1815 г. в «Российском музее» восторженное послание Дельвига «Пушкину», заканчивавшееся стихами: «Пушкин! Он и в лесах не укроется, // Лира выдаст его громким пением...» и т. д.

[^^^]

Прадон Никола (1632–1698) — французский драматург, пытавшийся состязаться с Расином и возвеличенный друзьями; вскоре его имя стало нарицательным обозначением бездарного писака.

[^^^]

«Итак, я счастлив был, итак, я наслаждало я...» (стр. 78). — Навеяно приездом в Лицей в гости к брату Екатерины Павловны Бакуниной (1795–1869). Е. П. Бакунина — предмет юношеской любви Пушкина-лицейста и его ближайших лицейских друзей Пущина и Малиновского.

[^^^]

К бар. М. А. Дельвиг (стр. 79). — Обращено к
сестре Дельвига Марии Антоновне.

[^^^]

Эпиталама — брачная песня.

[^^^]

Тень Фонвизина (стр. 79). — *В раю...* — По античным мифам подземное царство, где находились тени умерших, Аид (Пушкин называет его здесь «адам») разделялся на две части: Элизий — для праведных душ (его поэт называет здесь «раем») — и Тартар, где мучились грешники.

[^^^]

Денис, невежде бич и страх... — Фонвизин.

[^^^]

Но свет ни в чем не пременился. — Следующее затем резко сатирическое описание высших кругов современного Пушкину общества в значительной степени повторяет беспощадную характеристику «света», вложенную Фон-визиным в его стихотворном «Послании к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» в уста кучера Ваньки.

[^^^]

С крылатой шапкой набекрени // Богов посланник молодой... — Гермес (Эрмий, Меркурий), в античной мифологии вестник богов, изображался с крыльями у ступней или на головном уборе.

[^^^]

Кропов — Андрей Фролович Кропотов (1780–1821), бездарный писатель, издатель и единственный автор сатирического журнала «Демокрит», выходившего в первой половине 1815 г.

[^^^]

Анненская лента — орден Анны 1-й степени, который носили на ленте через плечо.

[^^^]

«Аспазия» — журнал «Кабинет Аспазии», издававшийся в 1815 г. Б. М. Федоровым при материальной поддержке Д. И. Хвостова. В 4-й книжке журнала был опубликован восторженный «Разбор посланий в стихах графа Д. И. Хвостова».

[^^^]

Анастасевич Василий Григорьевич
(1775–1845), библиограф, журналист, в своем журнале «Улей» (1811–1812) давал положительные отзывы о стихах Хвостова.

[^^^]

Князь Шальной — князь Петр Иванович Шаликов (1767–1852), писатель, автор слащавых сентиментальных стихков, которые еще со времен «Арзамаса» высмеивались Пушкиным и поэтами его круга; редактор официальной газеты «Московские ведомости». В одном из своих стихотворений, следуя обыкновению карамзинистов без нужды засорять русский язык французскими словами, употребил слово «боскет» (фигурно подстриженная группа деревьев).

[^^^]

Безглагольник пресловутый — Ширинский-Шихматов, избегавший в своих стихах глагольных рифм. *Петриада* — его эпическая поэма «Петр Великий, лирическое песнопение» (1810).

[^^^]

Ужасный критикам старик — А. С. Шишков
(см. о нем с. 721, прим, к стих. «Второе послание к цензору»).

[^^^]

Невинная другиня — незамужняя поэтесса Анна Петровна Бунина (1774–1828), почетный член «Беседы любителей русского слова», усиленно восхвалявшаяся Шишковым. Называя ее «другиней», Пушкин высмеивает пристрастие Шишкова к «старинному слогу», «славенщине».

[^^^]

Ежемесячный вздыхатель — уже упомянутый выше издатель журнала «Кабинет Аспазии» («Кокетки старой кабинет») Б. М. Федоров, печатавший в нем свои «чувствительные» стихи.

[^^^]

Открылась тайн священных дверь!.. и т. д. — пародийно перетасованные и слегка измененные Пушкиным строки, взятые им из различных мест огромного стихотворения Державина «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества».

[^^^]

Бобров С. С. — ПОЭТ-МИСТИК.

[^^^]

И ты судьбой Невтону равен... — великий английский математик и физик Исаак Ньютон (1643–1727) под старость поддался религиозно-мистическим настроениям, в частности, занялся толкованием Апокалипсиса.

[^^^]

Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь... —
несколько переиначенная цитата из знаменитой оды Державина «Бог».

[^^^]

...татарин бритый возгремел... — Державин вел свой род от татарского мурзы Багрима и прославившую его оду «Фелица» направил Екатерине II от имени некоего татарского мурзы.

[^^^]

Фальконетов Купидон — статуя французского скульптора Э.-М. Фальконе (1716–1791) «Амур, грозящий пальцем»; находилась в Петербургском Эрмитаже.

[^^^]

Клейст Э.-Х. (1715–1759) — немецкий поэт, автор элегий, песен, идиллий.

[^^^]

Послание к Юдину («Ты хочешь, милый друг, узнать...») (стр. 88). — Павел Михайлович *Юдин* (1798–1852) — лицейский товарищ Пушкина.

[^^^]

Альбион — Англия.

[^^^]

...пышные чехлы Лиона... — во французском городе Лионе находились знаменитые шелковые фабрики.

[^^^]

Захарово — подмосковное имение бабки Пушкина Марии Алексеевны Ганнибал, куда семья Пушкиных уезжала летом с 1806 по 1810 г.

[^^^]

Виланд К.-М. (1733–1813) — немецкий писатель; некоторые рецензенты поэмы «*Руслан и Людмила*» усматривали в ней сходство со сказочной эпикой Виланда «*Оберон*».

[^^^]

Ментия (ментик) — короткая гусарская куртка с несколькими рядами блестящих пуговиц.

[^^^]

Раскат — помост для пушек на крепостном валу.

[^^^]

Милая Сушкова — сверстница детских лет
Пушкина, Сонечка Сушкова.

[^^^]

Клофо — парка, которая прядет нить жизни
(греч. миф.).

[^^^]

Сон (стр. 94). — Отрывок, видимо, из задуманной поэмы «Оправданная лень».

[^^^]

Цитерея — Афродита, богиня любви (греч. миф.).

[^^^]

Бершу Жозеф (1765–1839) — французский поэт, автор шутивно-дидактической поэмы «Гастрономия».

[^^^]

Мамушка моя — образ, в котором, видимо, слились воспоминания о няне Арине Родионовне и бабушке М. А. Ганнибал.

[^^^]

Альбан — Франческо Альбани (1578–1660), модный в России в начале XIX в. итальянский художник академического направления.

[^^^]

Осеннее утро (стр. 100). — Навеяно отъездом Бакуниной, которая провела лето 1816 г. в Царском Селе.

[^^^]

Амур и Гименей (стр. 105). — *Гименей (Гимен)* — бог брака, сын бога огня, хромого кузнеца Вулкана, мужа Венеры. Изображался со светильником в руке. *Амур* — бог любви, его «маленький брат», изображался с повязкой на глазах: любовь слепа (*рим. миф.*).

[^^^]

Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...») (стр. 106). — Царскосельский товарищ Пушкина, Александр Ардалионович *Шишков* (1799–1832) — поручик Кексгольмского полка, расположенного в Софии, подле Царского Села, поэт, переводчик немецких романтиков, племянник главы литературных староверов, адмирала А. С. Шишкова; в отличие от дяди был человеком передовых взглядов и не раз подвергался правительственным репрессиям.

[^^^]

Эрато — муза эротической поэзии (греч. миф.).

[^^^]

Тибулл Альбий — римский поэт (ок. 50–19 гг. до н. э.).

[^^^]

Мелецкий — Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752–1829) — русский поэт.

[^^^]

Парни Эварист Дезире (1753–1814) — французский поэт.

[^^^]

К **Каверину** («Забудь, любезный мой Каверин...») (стр. 108). — Петр Павлович *Каверин* (1794–1855) — офицер лейб-гвардии гусарского полка, стоявшего в окрестностях Царского Села, приятель Пушкина-лицейца. Характерный тип гусара того времени, игрока, прожигателя жизни, что сочеталось в нем, ученике Геттингенского университета, с интеллектуальными интересами и прогрессивными политическими взглядами.

[^^^]

Нескромные стихи. — В своем шутливо-сатирическом «Ноэле на лейб-гусарский полк», до нас не дошедшем, Пушкин задел и Каверина, за что извиняется в послании к нему.

[^^^]

Кифера (или *Цитера*) — одно из названий богини любви Афродиты по острову у берегов Греции, бывшему одним из мест ее культа.

[^^^]

Портик — крытая галерея, в которой античные философы вели беседы со своими учениками.

[^^^]

Элегия («Опять я ваш, о юные друзья!..») (стр. 109). — Написано 1 января, после возвращения с рождественских каникул, на которые впервые после пяти лет безвыездной жизни в Лицее воспитанников отпустили к родным.

[^^^]

Безверие (стр. 109). — Было прочитано Пушкиным 17 мая 1817 г. на выпускном экзамене по русской словесности.

[^^^]

Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью...») (стр. 111). — Написано в связи с отказом издателя журнала «Вестник Европы», профессора М. Т. Каченовского, приверженца отживших литературных направлений, напечатать три стихотворения, присланные Пушкиным.

[^^^]

В. Л. Пушкину («Что восхитительней, живе́й...») (стр. 112). — Написано в связи с намерением поступить на военную службу, не одобрявшимся близкими поэта.

[^^^]

Бессмертный трус. — Древнеримский поэт Гораций (65— 8 гг. до н. э.), сражаясь при Филиппах в войсках республиканцев и видя, что сражение проиграно, бросил легион, которым командовал, и бежал с поля битвы.

[^^^]

...в тибурских... лесах... — местность близ Рима, где находилась вилла Горация.

[^^^]

Князю А. М. Горчакову («Встречаюсь я с
осьмнадцатой весной...») (стр. 113). — *Тебе... //*
Указан путь и счастливый и славный... — Гор-
чаков действительно сделал блестящую кар-
рьеру видного государственного деятеля, до-
служившись до министра иностранных дел и
канцлера.

[^^^]

Прощанье («Промчались годы заточенья...») (стр. 115). — Написано незадолго до выпуска из Лицея.

[^^^]

...оставьте красный мне колпак... — Недруги Карамзина в своих доносах выдвигали против него нелепое обвинение в якобинстве. В связи с этим по шутивому ритуалу «арзамасцев», считавших Карамзина своим идейным главой, очередной председатель на заседаниях кружка облакался в «красный колпак» якобинцев; его же надевали на голову новоприняемого члена, что ожидало и готовившегося вступить в «Арзамас» Пушкина.

[^^^]

Разлука («В последний раз, в сени уединенья...») (стр. 115). — *Лицейской жизни милый брат* — поэт В. К. Кюхельбекер. В первой печатной редакции стихотворение, написанное перед самым выпуском из Лицея, было прямо озаглавлено «Кюхельбекеру». При последующих публикациях его имя как «государственного преступника» пришлось снять, тем более что при переработке стихотворения весной 1825 г. строку «Не разлучайся... с фортуной, дружеством и Фебом» Пушкин характерно изменил: «с свободою и Фебом».

[^^^]

«Простите, верные дубравы!..» (стр. 116). — Написано незадолго до возвращения в Петербург из Михайловского, куда поэт поехал вскоре после окончания Лицея, в альбом владелицы соседнего имения — Тригорского, Прасковьи Александровны Осиповой, по первому браку Вульф (1781–1859).

[^^^]

«Краев чужих неопытный любитель...» (стр. 117). — *Голицыну увидел...* — княгиня Евдокия Ивановна Голицына (1780–1850), хозяйка великосветского салона, женщина образованная, демонстративно подчеркивавшая свой русский «патриотизм».

[^^^]

К ней («В печальной праздности я лиру забывал...») (стр. 117). — Обращено к Екатерине Павловне Бакуниной.

[^^^]

Вольность. *Ода* (стр. 118). — Непосредственным образцом оды Пушкина послужила одноименная ода Радищева, частично включенная последним в «Путешествие из Петербурга в Москву» и явившаяся одной из главных причин постигнувшей его кары — смертного приговора, замененного ссылкой в Сибирь. Стихотворение «Вольность» широко распространилось в списках и явилось одной из причин ссылки Пушкина. Впервые было опубликовано Герценом в лондонской «Полярной звезде на 1856 год»; в России было полностью напечатано только в 1906 г.

[^^^]

...возвышенного галла... — Кого имеет здесь в виду Пушкин, точно не установлено: исследователями называются имена французских поэтов, современников революции конца XVIII в. — Андре Шенье, Экушара Лебрена и автора «Марсельезы» Руже де Лилля.

[^^^]

Мученик ошибок славных — французский король Людовик XVI, казненный в 1793 г. по приговору Конвента; по Пушкину, погиб в качестве искупительной жертвы за бесчисленные преступления, совершенные его «предками» — королями из династии Бурбонов.

[^^^]

Злодейская порфира. — Пушкин имеет в виду последующий захват верховной власти Наполеоном, надевшим на себя императорскую порфиру.

[^^^]

Пустынный памятник тирана — Михайловский дворец в Петербурге, в котором в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. группой заговорщиков, принадлежавших к высшей знати, был задушен император Павел I; по свидетельству современников, Пушкин написал свою оду в квартире братьев А. И. и Н. И. Тургеневых, окна которой выходили на «забвенью брошенный дворец» (после убийства Павла в нем не жили).

[^^^]

Клио — муза истории.

[^^^]

Калигулы последний час... — Павла I поэт приравнивает к одному из самых деспотических и кровожадных римских императоров, Калигуле. Аналогия подкрепляется тем, что Калигула был также убит в своем дворце приближенными заговорщиками, процарствовав, как и Павел, всего около четырех лет (37–41 гг. н. э.). Именуя Павла «увенчанным злодеем», поэт резко отрицательно изображает и его высокопоставленных убийц, именуя их «янычарами» (привилегированная часть войска турецких султанов, неоднократно, подобно русской гвардии XVIII в., использовавшаяся для устройства дворцовых переворотов).

[^^^]

Торжество Вакха (стр. 121). — По древнегреческим преданиям, бог вина и виноделия Вакх (Бахус) победоносно проехал в колеснице, запряженной тиграми, в сопровождении свиты козлоногих фавнов и сатиров, сильванов и нимф-вакханок, по всей Греции и Востоку вплоть до Индии; в честь его устраивался ряд праздников, в том числе «оргии» или «вакханалии», отличавшиеся крайней необузданностью.

[^^^]

Силен — старейший из сатиров, воспитатель Вакха (*греч. миф.*).

[^^^]

Кн. Голицыной, посылая ей оду «Вольность» (стр. 123). — Обращено к той же Е. И. Голицыной, что и стихотворение «Краев чужих неопытный любитель...». В декабре 1817 г. Карамзин писал Вяземскому, что Пушкин «смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера».

[^^^]

«Когда сожмешь ты снова руку...» (стр. 123). — Обращено к Н. И. Кривцову в связи с отъездом его в Лондон для службы в русском посольстве.

[^^^]

Святая библия харит — знаменитая антицерковная поэма Вольтера «Орлеанская девственница».

[^^^]

Выздоровление (стр. 124). — *Прелестный воин* — одна из петербургских «прелестниц», Елизавета Шот-Шедель, посетившая тяжело болевшего в начале 1818 г. поэта под видом гусарского офицера.

[^^^]

Жуковскому («Когда, к мечтательному миру...») (стр. 124). — ...творишь ты для немногих... — Имеются в виду изданные Жуковским сборнички «Для немногих», содержащие в себе образцы немецкой поэзии и переводы их поэтом на русский язык и выпущенные в небольшом количестве экземпляров, которые не поступали в продажу, а раздавались ближайшим друзьям. В первой журнальной публикации стихотворения в 1821 г. Пушкин снабдил его подзаголовком: «По прочтении изданных им книжек «Для немногих».

[^^^]

К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость...») (стр. 125). — Портрет Жуковского писан Кипренским (гравирован Вендрамини).

[^^^]

К Н. Я. Плюсковой («На лире скромной, благородной...») (стр. 126). — Наталья Яковлевна *Плюскова* (ок. 1780–1845) — близкая к литературным кругам фрейлина жены Александра I, императрицы Елизаветы Алексеевны. Нелюбимая царем и отрицательно относившаяся к его реакционной политике, интересовавшаяся литературой, занимавшаяся благотворительной деятельностью, Елизавета Алексеевна пользовалась сочувствием и популярностью в либеральных кругах общества. Воспевание полуопальной царицы само по себе было выражением оппозиционной настроенности Пушкина. Однако стихотворение имело и более широкий политический смысл, поскольку у некоторых членов тайного общества возник проект нового дворцового переворота — замены (как в случае с Екатериной II) Александра I его женой. Душой этого проекта был Ф. Н. Глинка, стоявший во главе «Вольного общества любителей словесности», в органе которого — журнале «Соревнователь просвещения» — и было опубликовано пуш-

кинское стихотворение под заглавием «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны».

[^^^]

Сказки. *Noël* (стр. 126). — *Noël* — французская сатирическая песенка на мотив церковных рождественских песнопений. Написано Пушкиным в связи с речью Александра I на открытии в Варшаве польского сейма, в которой царь обещал дать России конституцию. Ноэль стал широко известен в списках. В печати впервые появился только в 1858 г. в лейпцигском «Собрании стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов».

[^^^]

Кочующий деспот — после свержения Наполеона и организации реакционного так называемого Священного союза Александр I часто бывал за границей, на международных конгрессах.

[^^^]

Меня газетчик прославлял... — Александра I
всячески превозносила реакционная западно-
европейская печать.

[^^^]

Лавров И. П. — директор исполнительного департамента в министерстве полиции.

[^^^]

Соц В. И. — секретарь особого цензурного комитета.

[^^^]

Горголи И. С. — петербургский обер-полицей-
мейстер.

[^^^]

К **Чаадаеву** («Любви, надежды, тихой славы...») (стр. 127). — **Петр Яковлевич Чаадаев** (1794–1856) — офицер лейб-гвардии гусарского полка, человек широкого образования (впоследствии — автор знаменитых «философских писем»), прогрессивных и вольнолюбивых взглядов (в 1821 г. вступил в «Союз благоденствия»), был в период до ссылки Пушкина его ближайшим старшим другом.

[^^^]

На Карамзина («В его «Истории» изящность, простота...») (стр. 128). — Эпиграмма на «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина.

[^^^]

Н. Н. (В, В, Энгельгардту) («Я ускользнул от Эскулапа...») (стр. 129). — Обращено к Василию Васильевичу Энгельгардту (1785–1837), приятелю Пушкина, члену дружеского литературного объединения «Зеленая лампа», бывшего негласным отделом «Союза благоденствия». Активное участие в «Зеленой лампе» принимал и сам Пушкин. Энгельгардт славился своим острословием и забавными куплетами, которые ходили по всему Петербургу.

[^^^]

Пинд — горный хребет в Греции, местопребывание Аполлона и муз.

[^^^]

Орлову («О ты, который сочетал...») (стр. 129). — Обращено к командиру лейб-гвардии Конного полка генералу Алексею Федоровичу Орлову (1786–1861), приятелю генерала Павла Дмитриевича *Киселева* (1788–1872), назначенного в 1819 г. начальником штаба второй армии, который находился в местечке Тульчине (Подольской губернии), и обещавшего записать поэта на военную службу.

[^^^]

Под сенью дедовских лесов... — в Михайловском, куда Пушкин через несколько дней (стихотворение датировано им 4 июля 1819 г.) и уехал.

[^^^]

К Щербинину («Житъе тому, любезный друг...») (стр. 131). — Обращено к офицеру, члену «Зеленой лампы» Михаилу Андреевичу Щербинину (1793–1841).

[^^^]

Деревня (стр. 131). — Написано в июле в Михайловском (пейзаж его зарисован в первой части стихотворения) под влиянием впечатлений от «псковского хамства» — крепостнического быта и тяжкого положения закрепощенных крестьян. Пушкин смог опубликовать под заглавием «Уединение» только первую часть стихотворения (до слов: «Но мысль ужасная здесь душу омрачает», затем следовали четыре строки многоточий), вторая получила широкое распространение в списках.

[^^^]

Оракулы веков — великие писатели прошлого.

[^^^]

Друг человечества — выражение, широко распространенное в просветительской философии XVIII в.

[^^^]

Русалка («Над озером, в глухих дубровах...») (стр. 134). — Стихотворение было запрещено к печати цензором Тимковским, а когда поэту удалось опубликовать его в 1826 г. в собрании стихотворений, это вызвало жалобу со стороны духовенства министру просвещения.

[^^^]

Уединение (стр. 135). — Вольный перевод одноименного стихотворения французского поэта Антуана Арно (1766–1834). Пушкин добавил отсутствующее в оригинале: «Вдали тиранов и невежд» (для печати был вынужден ослабить эту строку, заменив на: «Вдали взыскательных невежд»).

[^^^]

Всеволожскому («Прости, счастливый сын пиров...») (стр. 136). — Обращено к Никите Всеволодовичу *Всеволожскому* (1799–1862), сослуживцу Пушкина по Коллегии иностранных дел, члену «Зеленой лампы», в доме которого и происходили заседания кружка. На одном из них послание было оглашено поэтом.

[^^^]

Египетские девы — цыганки.

[^^^]

Пленница младая — ученица балетной школы, находившейся неподалеку от дома Всеволожского, Евдокия Михайловна Овошникова (1804–1846).

[^^^]

Стансы Толстому («Философ ранний, ты бежишь...») (стр. 138). — Ответ на «Послание А. С. Пушкину» петербургского приятеля поэта, члена «Союза благоденствия», одного из руководителей «Зеленой лампы» Якова Николаевича *Толстого* (1791–1867).

[^^^]

Эпиктет — греческий философ-стоик (ок. 50—ок. 138 гг.).

[^^^]

Послание к кн. Горчакову («Питомец мод, большого света друг...») (стр. 139). — Обращено к лицейскому товарищу Пушкина князю Александру Михайловичу *Горчакову*.

[^^^]

«Мне бой знаком — люблю я звук мечей...»
(стр. 141). — Написано под влиянием известий о революции в Испании.

[^^^]

Юрьеву («Любимец ветреных Лаис...») (стр. 141). — Обращено к офицеру Уланского полка, члену «Зеленой лампы» Федору Филипповичу **Юрьеву** (1796–1860). Батюшков, прочитав это стихотворение, воскликнул: «О! Как стал писать этот злодей!»

[^^^]

«Увы! зачем она блистает...» (стр. 142). — Написано в Гурзуфе. Она — одна из дочерей генерала Николая Николаевича Раевского, слабая здоровьем Елена либо Екатерина, болезнью которой и была вызвана поездка Раевских на юг.

[^^^]

«**Погасло дневное светило...**» (стр. 143). — Написано, по свидетельству самого поэта, ночью на корабле по пути из Керчи в Гурзуф. Напечатано в 1820 г. в журнале «Сын отечества» с пометой под текстом: «Черное море». В последующих публикациях было указано: «Подражание Байрону».

[^^^]

Дочери Карагеоргия (стр. 144). — *Карагеоргий* (Георгий Черный) — организатор и глава национально-освободительной борьбы сербов против турецкого ига (1804–1813), с 1808 г. верховный воевода — господарь Сербии. Для достижения своей цели не останавливался ни перед чем: убил отца (точнее, отчима), угрожавшего донести туркам на повстанцев, казнил брата. Разбитый в 1813 г. турками, получил убежище в России в Хотине, близ Кишинева, где и проживала в годы ссылки Пушкина его семья. После того как его бывший соратник, воевода Милош Обренович, снова поднял восстание против турок, он тайно вернулся в 1817 г. в Сербию, но был изменнически убит Милошем, опасавшимся, что Георгий снова возьмет в свои руки верховную власть.

[^^^]

Черная шаль (стр. 145). — При первой публикации стихотворение имело подзаголовок «Молдавская песня».

[^^^]

«Редееет облаков летучая гряда...» (стр. 146). — Написано в имении А. Л. и В. Л. Давыдовых — селе Каменке, Киевской губернии. Пейзажу Каменки, расположенной на скалистых берегах реки Тясмина, противопоставляется морской пейзаж Гурзуфа.

[^^^]

Дева юная — скорее всего младшая дочь генерала Раевского Мария Николаевна (1805–1863), которой во время пушкинской поездки в Крым было всего пятнадцать лет. При публикации стихотворения в «Полярной звезде» Пушкин просил Бестужева опустить три относящиеся к ней стиха элегии и был крайне огорчен, что тот напечатал ее полностью.

[^^^]

К портрету Чаадаева («Он вышней волею небес...») (стр. 147). — *Брут* Марк Юний (85–42 гг. до н. э.) — политический деятель Древнего Рима, пламенный республиканец, участвовавший в убийстве Юлия Цезаря после захвата им верховной власти. Когда республиканские войска, предводительствуемые Брутом, потерпели поражение, он бросился на меч. Считался классическим образцом борца за свободу.

[^^^]

Периклес — Перикл (490–424 гг. до н. э.), крупнейший государственный деятель Афин, способствовавший наивысшему расцвету греческой литературы и искусства.

[^^^]

К портрету Вяземского («Судьба свои дары
явить желала в нем...») (стр. 147). — **Петр Ан-
дreeвич Вяземский** (1792–1878) — поэт, кри-
тик, близкий к Карамзину (его сестра была
женой Карамзина), член «Арзамаса», актив-
ный участник борьбы романтиков с класси-
ками, друг Пушкина.

[^^^]

На Аракчеева («Всей России притеснитель...») (стр. 147). — *Совета* — высшего правительственного органа — Государственного совета; для своего герба Аракчеев взял девиз: «Предан без лести». Особенно убийственна последняя строка эпиграммы, бросающая в лицо Аракчееву то, что было широко известно, но о чем никто не осмеливался гласно сказать: всемогущий временщик сам находился в полном подчинении у простой, наглой и злой крепостной девки (в подлиннике употреблено еще более резкое слово), Настасьи Минкиной, его «домоправительницы» и любовницы, которая позднее за жестокое обращение с дворовыми была ими убита.

[^^^]

Земля и море (стр. 148). — Вольное переложение идиллии древнегреческого поэта Мосха (II в. до н. э.).

[^^^]

«Я пережил свои желанья...» (стр. 149). — Вначале входило в состав первой кавказской поэмы Пушкина, в монолог пленника, но затем было выделено в самостоятельное произведение (в одной из пушкинских рукописей озаглавлено «Элегия (из поэмы «Кавказ»)»).

[^^^]

Война (стр. 149). — Написано в связи с греческим восстанием против турок в 1821 г. и слухами о готовящемся объявлении Россией войны Турции. Пушкин, который во время кишиневской ссылки находился недалеко от районов восстания, горячо сочувствовал грекам.

[^^^]

Из письма к Гнедичу («В стране, где Юлией венчанный...») (стр. 150). — Начало письма к поэту, переводчику «Илиады» Николаю Ивановичу *Гнедичу* (1784–1833) из Кишинева от 24 марта 1821 г.

[^^^]

Овидий мрачны дни влачил... — Древнеримский поэт Публий Овидий Назон был сослан императором Октавианом Августом, по бытовавшему преданию, за любовную связь с его дочерью Юлией в город Томы (ныне Констанца в Румынии), на берегу Черного моря. О муках изгнания Овидий писал в своих элегиях «Tristia» («Скорби»), взывая к Августу о прощении, и в «Письмах с Понта». Не одобряя «малодушия» поэта и противопоставляя ему в этом отношении себя, не поющего «молебнов лести» своему «Октавию» — Александру I, Пушкин высоко ценил поэтические достоинства этих произведений.

[^^^]

С Орловым спорю... — Генерал Михаил Федорович Орлов (1778–1842), брат А. Ф. Орлова, член «Арзамаса» и один из руководящих деятелей «Союза благоденствия»; с 1820 г. командовал Кишиневской дивизией. Ссылный Пушкин, знакомый с ним еще по «Арзамасу», часто бывал в его доме — средоточии членов кишиневской ячейки тайного общества.

[^^^]

И смелую певицу славы // От звонких уз осво-
бодил... — После некоторых колебаний Гне-
дич стал переводить «Илиаду» размером под-
линника — гекзаметром без рифм, в противо-
вес своему предшественнику, поэту XVIII в.
Е. И. Кострову, который переводил ее рифмо-
ванным шестистопным ямбом.

[^^^]

Кинжал (стр. 151). — Стихотворение, пользовавшееся особенной популярностью среди наиболее радикально настроенных декабристов. С ним специально знакомили тех, кого подготавливали к цареубийству.

[^^^]

Лемносский бог — Вулкан.

[^^^]

Кесарь — Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.) был заколот республиканцами в Сенате и упал к подножию статуи главы республиканцев Помпея, незадолго до этого им побежденного.

[^^^]

Апостол гибели — Жан-Поль Марат (1743–1793), один из крупнейших вождей революционной мелкой буржуазии во время французской революции конца XVIII в.; был убит жирондисткой Шарлоттой Корде — *девой Эвменидой*. Эвменида — богиня мщения (*греч. миф.*). Восторженно принимая первый период французской революции, Пушкин отрицательно относился к диктатуре якобинцев и террору. Этим объясняется оценка им Марата и идеализация Шарлотты Корде.

[^^^]

На торжественной могиле... — могила казненного студента Карла Занда, заколовшего 23 марта 1819 г. реакционного немецкого писателя Августа Коцебу (служившего агентом русского правительства), стала местом паломничества передовой немецкой молодежи.

[^^^]

Без надписи — т. е. направленный против всякого тирана или деятеля *преступной силы* — реакции.

[^^^]

В. Л. Давыдову («Меж тем как генерал Орлов...») (стр. 152). — Обращено к одному из видных деятелей тайного Южного общества, председателю Каменской управы Тульчинской думы, после разгрома восстания декабристов осужденному по первому разряду и посланному на каторгу в Сибирь, где он и умер, **Василию Львовичу Давыдову** (1792–1855). Пушкин гостил с ноября 1820 по январь 1821 г. у В. Л. и А. Л. (*милый брат*) Давыдовых в Каменке, куда, воспользовавшись именинами их матери, съехалось для совещания много членов тайного общества.

[^^^]

Обритый рекрут Гименея — М. Ф. Орлов, который вскоре подошел «под меру» — женился на старшей дочери генерала Раевского Екатерине Николаевне.

[^^^]

Раевские мои — сам генерал Н. Н. Раевский, брат Давыдовых по матери, и его старший сын Александр Николаевич (1795–1868), которые также гостили в эту пору в Каменке.

[^^^]

Безрукий князь — князь Александр Константинович Ипсиланти (1792–1828), потерявший правую руку в сражении под Дрезденом в 1813 г.; Пушкин познакомился с ним в Кишиневе в октябре 1820 г. В начале марта 1821 г. Ипсиланти поднял восстание с целью освобождения Греции от турецкого ига.

[^^^]

Седой обжора — митрополит Гавриил Банулеску, похороны которого состоялись незадолго перед пасхой, 30 марта 1821 г.: отсюда *...с сыном птички и Марии // Пошел христосоваться в рай...* — пародийное переиначивание евангельского рассказа о рождении Иисуса Христа от девы Марии и духа святого, изображавшегося в виде голубя. В этих строках зерно написанной в том же месяце поэмы «Гавриилиада».

[^^^]

Я променял парнасски бредни... на сушеные грибы. — В качестве чиновника Пушкин обязан был, как и его начальник, генерал Инзов, говеть, исповедоваться и причащаться.

[^^^]

Лафит иль *кло-д-вужо* — красные вина.

[^^^]

Эвхаристия — обряд причащения.

[^^^]

Те — члены итальянского революционного общества карбонариев, организовавшие в 1820 г. восстание в Неаполе, в марте 1821 г. подавленное австрийскими войсками.

[^^^]

Та — свобода.

[^^^]

Катенину («Кто мне пришлет ее портрет...») (стр. 154). — Обращено к полковнику лейб-гвардии Преображенского полка, поэту, критику, драматургу Павлу Александровичу *Катенину* (1792–1853), деятелю ранних декабристских организаций, отставленному в 1820 г. по политическим причинам от военной службы. Страстный театрал, Катенин был учителем актрисы А. М. Колосовой, которую Пушкин больно задел в эпиграмме «Все пленяет нас в Эсфири...» («свистом гимны заглушил»). Желая искупить свою «вину» и воспользовавшись появлением гравированного портрета Колосовой при новом издании «Андромахи» Расина в переводе гр. Д. И. Хвостова, Пушкин в форме послания к Катенину сложил артистке блистательный мадригал.

[^^^]

Селимена и Моина — роли, исполнявшиеся Колосовой в комедии Мольера «Мизантроп» и трагедии Озерова «Фингал».

[^^^]

Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (стр. 154). — Пушкин, узнав о распространившихся по Петербургу слухах, что его высекли в полиции, был так потрясен, что в первом порыве негодования хотел или покончить с собой, или убить царя Александра. Своим намерением он, очевидно, поделился с особенно близким ему тогда Чаадаевым, который сумел успокоить его.

[^^^]

...философа, который... стал картежный вор. — Пушкин имеет в виду Толстого-американца, отставного гвардейского офицера, кутилу, игрока, шулера, дуэлянта, как правило, убивавшего своих противников наповал, графа Федора Ивановича Толстого (1782–1846). Прозвище «американец» он получил за то, что, будучи участником первого русского кругосветного плавания, за недостойное поведение был высажен на одном из Алеутских островов, где прожил несколько месяцев и после всякого рода приключений вернулся через Камчатку домой. В Кишиневе до Пушкина дошло известие, что якобы Ф. И. Толстой был инициатором сплетни, согласно которой его высекли в полиции.

[^^^]

Оратор Лужников — профессор М. Т. Каченовский (1775–1842), издатель «Вестника Европы» (1805–1830), подписывавший некоторые свои статьи псевдонимом «Лужницкий старец» (Лужники — местность в Москве).

[^^^]

Вольнолюбивые надежды оживим... — Имеется в виду концовка послания Пушкина к Чаадаеву 1818 г. При публикации послания в 1821 г. эта строка была исключена цензурой.

[^^^]

Гони ты Шеппинга... — очевидно, того, о ком саркастически упомянул Пушкин в послании к Горчакову 1819 г.

[^^^]

«Кто видел край, где роскошью природы...»
(стр. 159). — Навеяно воспоминаниями о поезде Пушкина в 1820 г. вдоль берегов Крыма и его жизни в Гурзуфе.

[^^^]

Дионея (стр. 160). — В издании 1826 г. включено в раздел «Подражаний древним». *Дионея* и *Хромид* — имена из древнегреческих идиллий.

[^^^]

Наполеон («Чудесный жребий совершился...») (стр. 161). — Написано по получении 18 июля 1821 г. известия о смерти 5 мая Наполеона на острове св. Елены.

[^^^]

Царский труп — гильотинированный Людо-
вик XVI.

[^^^]

Тильзит... // Последней славою венчал... — Александр I в 1807 г. после неудачной войны в союзе с Пруссией против Наполеона вынужден был признать законность его власти как императора Франции и заключить с ним в пограничном городе Восточной Пруссии Тильзите мир и союз на весьма выгодных для него и «обидных» для русских условиях.

[^^^]

Померкни, солнце Австерлица... — близ города Аустерлица, в Моравии, Наполеон одержал в 1805 г. блестящую победу над союзными войсками, решившую участь всей кампании. Есть свидетельство, что, когда перед началом Бородинского сражения показалось солнце, Наполеон, обращаясь к войскам, воскликнул: «Солдаты, это солнце Аустерлица».

[^^^]

Льдистый ужас полуночи — жестокая зима 1812 г., способствовавшая гибели «великой армии» Наполеона во время русского похода.

[^^^]

«Гречанка верная! не плачь, — он пал героем...» (стр. 164). — Возможно, что стихотворение подсказано конкретным случаем, но под пером поэта он обрел обобщенный смысл прославления героизма греков, восставших против турецкого ига.

[^^^]

Аристогитон — афинский юноша, вместе со своим братом Гармодием убивший (в VI в. до н. э.) во время народного праздника тирана Гиппарха кинжалом, спрятанным под миртовыми ветками, и казненный за это.

[^^^]

К Овидию («Овидий, я живу близ тихих берегов...») (стр. 165). — Называя Овидия *певцом любви*, Пушкин имеет в виду его «Любовные элегии» («Amores») и прославленную поэму «Ars amatoria» («Наука любви»).

[^^^]

Скифия — степи, примыкающие к северным берегам Черного моря и населенные в первом тысячелетии различными племенами, считавшимися древними греками и римлянами варварскими.

[^^^]

Истр — древнее название Дуная.

[^^^]

Кокетке (стр. 168). — Обращено к жене владельца Каменки А. Л. Давыдова Аглае Антоновне, урожденной герцогине Граммон.

[^^^]

Простодушная Аньеса — персонаж комедии Мольера «Школа жен».

[^^^]

Алексееву («Мой милый, как несправедливы...») (стр. 169). — Обращено к кишиневскому сослуживцу и приятелю поэта Николаю Степановичу *Алексееву* (1788–1854). Слова Баратынского взяты из напечатанного им в том же 1821 г. послания «Коншину» («Пора покинуть, милый друг...»). Алексеев приревновал поэта к своей близкой знакомой Марии Егоровне Эйхфельдт.

[^^^]

Десятая заповедь (стр. 170). — Первая половина стихотворения — шуточный пересказ библейской заповеди Моисея.

[^^^]

«Хоть, впрочем, он поэт изрядный...» (стр. 171). — Поскольку в черновиках вместо «Эмилей» было «Людмилиин», — видимо, сам автор «Руслана и Людмилы», — адресатом эпиграммы может быть кто-то из светских знакомых поэта.

[^^^]

Баратынскому. Из Бессарабии («Сия пустынная страна...») (стр. 171). — С одним из лучших поэтов-современников, Евгением Абрамовичем *Баратынским* (1800–1844), Пушкин познакомился в 1819 г. и очень высоко ценил его творчество.

Бессарабия, по которой Пушкин только что (в декабре 1821 г.) совершил поездку, побывав в Аккермане и в Измаиле, была воспета Державиным в «Песне на взятие Измаила».

[^^^]

Тень Назона — тень Овидия;

[^^^]

Овидием живым Баратынский назван потому, что за мальчишеский проступок он был исключен из пажеского корпуса с запретом поступать на государственную службу. Это вынудило его зачислиться рядовым в один из петербургских полков, откуда в чине унтер-офицера он был переведен в 1820 г. — год ссылки Пушкина — в Финляндию, что явилось для него также своего рода ссылкой.

[^^^]

Друзьям («Вчера был день разлуки шумной...») (стр. 171). — Адресовано офицерам генерального штаба В. Т. Кеку, А. П. и М. А. Полторацким и В. П. Горчакову, занимавшимся топографическими съемками Бессарабской области.

[^^^]

День разлуки шумной — прощальный обед, данный 14 февраля 1822 г. Полторацкими по случаю отъезда Кека. Пили из походных стаканов, вставлявшихся один в другой; самый большой из них предоставили Пушкину.

[^^^]

Песнь о вещем Олеге (стр. 172). — *Олег* — первый киевский князь из рода Рюрика, овладевший Киевом, в который перенес столицу из Новгорода, и подчинивший своей власти ряд славянских племен. После похода в 907 г. на столицу Византии, Царьград, во время которого он, по сказанию летописца, прибил в знак победы свой щит на царьградских воротах, получил прозвище *Вещий* — чародей. Рассказ о смерти Олега основан Пушкиным на летописном предании, приведенном Карамзиным в «Истории Государства Российского».

[^^^]

Хазары — кочевой народ, обитавший некогда в областях, граничивших на юге с Киевской Русью; Олег вел с ними удачную борьбу.

[^^^]

Кудесник, волхв — в Древней Руси мудрец-прорицатель.

[^^^]

Перун — бог молнии и грома, главное божество древних славян.

[^^^]

Игорь — сын Рюрика; после смерти Олега, который был его опекуном, княжил в Киеве.

[^^^]

Ольга — жена Игоря.

[^^^]

Гречанке («Ты рождена воспламенять...») (стр. 176). — Обращено к Калипсо Полихрони, во время греческого восстания бежавшей вместе с другими своими соотечественниками из Константинополя в Кишинев. Ходили слухи, что она была возлюбленной *певца Лейлы* (героиня поэмы Байрона «Гяур», очень ценимой Пушкиным). Приглашая Вяземского (в письме от 5 апреля 1822 г.) по дороге в Одессу «завернуть» в Кишинев, Пушкин обещал познакомить его «с гречанкой, которая целовалась с Байроном».

[^^^]

Из письма к Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша...») (стр. 176). — Вписано в письмо к Я. Н. Толстому, одному из основателей и особенно активных участников кружка «Зеленая лампа», из Кишинева от 26 сентября 1822 г. после строк: «Ты один изо всех моих товарищей, минутных друзей минутной младости, вспомнил обо мне... два года и шесть месяцев не имею от них никакого известия, никто ни строчки, ни слова...»

[^^^]

Лампада наша — зеленая лампа, висевшая в комнате собраний членов кружка, от которой он и получил свое название.

[^^^]

Вино кометы — шампанское сбора 1811 г. — года появления кометы, — славившееся своим особенно высоким качеством.

[^^^]

Калмык — слуга-мальчик, прислуживавший за столом. По установившемуся обычаю, когда кто-нибудь из присутствующих, вспоминал Толстой, «отпускал» «пошлое словцо», мальчик должен был подойти к нему и сказать «здравия желаю». Пушкин, продолжает Толстой, «ни разу не подвергался калмыцкому желанию здравия. Он иногда говорил: «Калмык меня балует, Азия протезирует Африку...»

[^^^]

Послание цензору (стр. 177). — Послание обращено к одному из самых трусливых и тупых цензоров того времени, петербургскому цензору А. С. Бирукову, на просмотр к которому попадала большая часть произведений Пушкина.

[^^^]

Булнина А. П. — посредственная поэтесса, почетный член «Беседы любителей русского слова».

[^^^]

...Куницына Маратом... — лицейский учитель Пушкина, Александр Петрович Куницын (1783–1840), исполненный свободолюбивых идей, оказал очень большое влияние на самого поэта и на его товарищей. В разгар реакции, в 1821 г., его ранее напечатанная книга «Право естественное», в основу которой был положен курс его лицейских лекций, стала конфисковываться и уничтожаться, как «противоречащая явным истинам христианства и клонящаяся к ниспровержению всех связей, семейственных и государственных».

[^^^]

...государь велит печатать без тебя. — Пушкин имеет в виду данное Александром I Карамзину право печатать его «Историю Государства Российского» без цензуры.

[^^^]

Певец Пиров — Е. А. Баратынский, автор поэмы «Пир», опубликованной в 1821 г.

[^^^]

Шутливые оды — непристойные произведения поэта и переводчика XVIII в. И. С. Баркова широко распространялись в списках.

[^^^]

Пушкина стихи. — Поэт имеет в виду свои собственные политические стихи и эпиграммы.

[^^^]

Шаликов — князь Петр Иванович Шаликов (см. о нем с. 703, прим, к стих. «Тень Фонвизина») (см. прим. 89 — верстальщик).

[^^^]

Наказ Екатерины — руководство для созданной Екатериной II в 1767 г. комиссии по выработке новых государственных законов; «Наказ» был составлен в весьма либеральных тонах, но никакого фактического влияния не имел. В «Замечаниях по русской истории XVIII века» Пушкин прямо называл его «лицемерным». Цензору он напоминает о нем по чисто тактическим соображениям, делая вид, что принимает его всерьез.

[^^^]

Сатирик превосходный — Д. И. Фонвизин.

[^^^]

Державин, бич вельмож. — Державину принадлежит много сатирических и обличительных од, направленных против высшей знати («Вельможа», «Властителям и судьям» и др.).

[^^^]

Наперсник Душеньки — И. Ф. Богданович, автор поэмы «Душенька».

[^^^]

Дней Александровых прекрасное начало. — Самые первые годы царствования Александра I отличались некоторым либерализмом; в частности, тогда было издано много книг, переиздание которых впоследствии безусловно запрещалось цензурой.

[^^^]

Те годы — времена царствования Павла I, в 1797 г. запретившего к употреблению тринадцать слов, которые, по его мнению, имели революционное звучание, в числе их находилось и слово «отечество», вместо которого предписывалось употреблять слово «государство».

[^^^]

Бентам Иеремия (1748–1832) — английский либеральный правовед. Переизданная в 1820 г. в новом переводе «Всеобщая история» французского историка XVIII в. аббата *Милота* «попала в сети» — подверглась резким цензурным искажениям.

[^^^]

Хоть умного себе возьми секретаря. —
Несколько измененная строка из басни Крылова «Оракул».

[^^^]

«Наперсница волшебной старины...» (стр. 181). — В образе *веселой старушки*, первом не условном, а реальном олицетворении своей музы, Пушкин, по-видимому, объединяет няню Арину Родионовну и свою бабушку Марию Алексеевну Ганнибал, которая обучила поэта русской грамоте и любила рассказывать о старине, о предках.

[^^^]

Ф. Н. Глинке («Когда средь оргий жизни шумной...») (стр. 181). — Федор Николаевич *Глинка* (1786–1880) — офицер, участник Отечественной войны. Пушкин высоко ценил его как человека, но об его стихах отзывался чаще всего иронически. Глинка принял горячее участие в защите Пушкина, когда в апреле 1820 г. над ним нависла угроза тяжелой правительственной кары, а после того как поэта постигнул *отракизм* (так называлось в Древней Греции изгнание по политическим мотивам из пределов государства) — ссылка из *Афин* — Петербурга на юг, не побоялся в отличие от большинства его друзей и знакомых публично обратиться к нему со стихотворным приветствием, содержащим восторженную характеристику его творчества. За это в своем ответном послании Пушкин и называет его *Аристидом*. Аристид (ок. 540 — ок. 487 гг. до н. э.) — афинский государственный деятель, слывший образцом чести и справедливости.

[^^^]

Адели (стр. 182). — Обращено к дочери А. Л. и А. А. Давыдовых *Адели* Александровне, которой, когда Пушкин встречался с ней в Каменке, было двенадцать лет.

[^^^]

Лель — по ошибочным представлениям того времени, древнеславянский бог любви (на самом деле это лишь песенный припев).

[^^^]

Узник (стр. 182). — *Вскормленный в неволе орел молодой* находился во дворе кишиневского острога; о посещении острога в 1821 г. Пушкин записал в своем дневнике.

[^^^]

Птичка (стр. 183). — Посылая стихотворение в письме к Гнедичу от 13 мая 1823 г., Пушкин спрашивал, знает ли он о «трогательном обычае русского мужика» весной в «светлое», то есть пасхальное, воскресенье выпускать на волю птичку, и добавлял: «Вот вам стихи на это».

[^^^]

Царское Село («Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений...») (стр. 183). — Набро­санное в 1817–1819 гг. стихотворение оста­лось недоработанным. Снова Пушкин вернул­ся к нему в Кишиневе и начал перерабаты­вать, в частности, хотел закончить строфу стихами, связанными со своим положением ссыльного: «Печали тихий друг и глаз очаро­ванье, // Явись, тебя зову я в мрачное изгна­нье». Но и на этот раз работа не была завер­шена.

[^^^]

«Кто, волны, вас остановил...» (стр. 184). — Недоработанный черновой набросок; в предпоследнем стихе слово «свободы» отсутствует и добавлено по смыслу редакторами.

[^^^]

«Завидую тебе, питомец моря смелый...»
(стр. 184). — Недоработанный черновик.

[^^^]

«Надеждой сладостной младенчески дыша...» (стр. 185). — Строка «В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений» — в первых вариантах носила политический характер: «Страну, где нет оков, где нет предрассуждений» и еще резче: «Страну, где нет царей...»

[^^^]

«Простишь ли мне ревнивые мечты...» (стр. 186). — Обращено к предмету одного из самых страстных увлечений Пушкина, дочери венского банкира Риппа, Амалии, вышедшей замуж за триестского купца Ризнича и весной 1823 г. приехавшей вместе с матерью-итальянкой в Одессу, где поэт с ней и познакомился.

[^^^]

«Свободы сеятель пустынный...» (стр. 187). — Посылая Александру Ивановичу Тургеневу (1784–1845), давнему другу семьи поэта, в письме от 1 декабря 1823 г. «лучшие», но политически нецензурные строфы из стихотворения «Наполеон» о победе французской революции, Пушкин иронически прибавлял: «Это последний мой либеральный бред. Теперь я раскаялся и на днях написал подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа». Эпиграф к стихотворению заимствован из Евангелия.

[^^^]

Кн. М. А. Голицыной («Давно об ней воспомина-
натье...») (стр. 187). — Обращено к Марии Ар-
кадьевне *Голицыной* (1802–1870), внучке пол-
ководца А. В. Суворова, с которой Пушкин
встречался до ссылки и, по-видимому, снова
встретился в Одессе. Во время этих встреч она
повторяла поэту создания его *лиры слез и*
тайной муки — пела положенные на музыку
его элегические стихи.

[^^^]

«Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (стр. 188). — Политическое стихотворение, связанное с горькими раздумьями Пушкина о нанесшем тяжелый удар по его «вольнолюбивым надеждам» на победу «народов» над «королями» разгроме силами Священного союза, под эгидой *владыки севера* — царя Александра I, национально-освободительных движений в ряде европейских стран и торжестве реакции, распространившейся на всю континентальную Европу от Италии (*Тибровых валов* — холмов на берегу Тибра, на которых построен Рим) и Испании (*башен Гибралтара*) до Польши (*Вислы*), Петербурга (*Невы*) и Царского Села — резиденции Александра.

[^^^]

Давыдову («Нельзя, мой толстый Аристип...») (стр. 191). — Обращено к Александру Львовичу *Давыдову* (1773–1833), генерал-майору в отставке, который оставался чужд политической деятельности своего брата-декабриста, Василия Львовича, и старался жить в свое удовольствие.

[^^^]

Аристип — древнегреческий философ (V в. до н. э.), учивший, что цель и смысл жизни — в наслаждениях.

[^^^]

Но не могу с тобою плыть... — при первой публикации стихотворение имело подзаголовок: «На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма». Поездка эта была организована новороссийским генерал-губернатором, графом Михаилом Семеновичем Воронцовым, в одесской канцелярии которого служил в течение года (с июля 1823 по июль 1824 г.) Пушкин. Воронцов вскоре возненавидел поэта, который, в свою очередь, преследовал его убийственными эпиграммами. В число многочисленных участников этой поездки Пушкин подчеркнуто не был включен.

[^^^]

Чахоточный отец... Энеиды — древнеримский поэт Вергилий — автор эпической поэмы «Энеида». Вергилий болел легкими, поэтому жил на южном побережье Италии и наконец — после нескольких лет работы над поэмой — *пустился* морем на места ее действия — в Грецию и Азию.

[^^^]

Гораций — древнеримский поэт.

[^^^]

Августов певец (в ряде своих од прославлял императора Августа), написавший оду «К кораблю, везущему в Афины Вергилия».

[^^^]

Прозерпина (стр. 191). — Вольный перевод из «Déguisements de Vénus» («Превращений Венеры») (XVII картина) Парни (в рукописи подзаголовок «Подражание Парни»).

Прозерпина — дочь Кереры (Цереры), богини растительного царства, жена Плутона, бога подземного царства — Аида, самая нижняя область которого, *Тартар*, окружена огненной рекой *Флегетоном* (греч. миф.).

[^^^]

Пелион — горный хребет в Фессалии, в Греции.

[^^^]

Из письма к Вульффу («Здравствуй, Вульф, приятель мой!..») (стр. 192). — Стихотворная часть письма Пушкина от 20 сентября 1824 г. Алексей Николаевич Вульф (1805–1881) — сын (от первого брака) П. А. Осиповой, студент Дерптского (Тартуского) университета, где он учился вместе с поэтом Языковым. Когда Пушкин приехал в августе 1824 г. в ссылку в Михайловское, Вульф во время летних каникул жил у матери в Тригорском, и поэт близко сошелся с ним.

[^^^]

Пострелять из пистолета... — Готовясь к дуэли с таким грозным противником, как Толстой-американец, Пушкин, и без того отлично стрелявший, систематически упражнялся в пистолетной стрельбе.

[^^^]

Курчавый брат — Лев (по-английски *Лайон*)
Сергеевич Пушкин.

[^^^]

К Языкову («Издrevле сладостный союз...») (стр. 193). — С Николаем Михайловичем Языковым (1803–1846) Пушкин еще не был лично знаком, но высоко ценил его поэтическое дарование и много слышал о нем от Вульфа. Языков отозвался на пушкинское письмо ответным посланием «А. С. Пушкину» («Не во все чую бога света...»), но на приглашение Пушкина откликнулся позднее, приехав в Тригорское только в середине июня 1826 г.

[^^^]

Разговор книгопродавца с поэтом (стр. 194). — Пушкин был первым русским писателем, сделавшим свой литературный труд во всех отношениях основным делом своей жизни, начавшим жить на свой литературный заработок. Это было явлением исторически весьма прогрессивным, делало писателя материально независимым от всякого рода покровителей и «меценатов». В силу укоренившихся понятий своего круга на первых порах Пушкин несколько стеснялся писательского «ремесла». Однако через некоторое время он, по его собственным словам, «поборол в себе отвращение писать и продавать свои стихи для того, чтобы иметь средства к существованию», и в то же время понял, что в этом залог его независимости — «свободы». Выражением этого и является «Разговор...», которому Пушкин придавал особое значение и напечатал его перед первой главой «Евгения Онегина» в качестве своего рода введения в роман, демонстрирующего новое, «прозаическое» отношение Пушкина к действительности.

[^^^]

К морю (стр. 199). — Стихотворение написано в связи с высылкой поэта из Одессы в Михайловское; начато в Одессе, закончено в Михайловском (строфы о Наполеоне и о Байроне). В период пребывания в Одессе Пушкин, стремясь вырваться из ссылки, подумывал бежать морем за границу, отсюда и слова о *поэтическом побеге*.

[^^^]

Могучей страстью очарован... — увлечение женой М. С. Воронцова, Елизаветой Ксаверьевной (урожд. гр. Браницкой; 1792–1880).

[^^^]

Гробница славы — остров св. Елены.

[^^^]

Другой властитель наших дум — Байрон; он стал на сторону восставших греков и снарядил военный корабль, на котором отплыл в Грецию, где вскоре простудился и умер в апреле 1824 г.

[^^^]

Где капля блага, там на страже // Уж просвещение... — тезис Руссо, подхваченный романтиками, о том, что «просвещение» — собственническая европейская цивилизация — источник всех зол и спасенье в возврате к «природе».

[^^^]

Коварность (стр. 201). — Стихотворение вызвано дошедшими до Пушкина слухами, что А. Н. Раевский, злоупотребив дружеской доверчивостью поэта, из ревности выдал гр. Воронцову тайну его сердечных отношений с женой Воронцова.

[^^^]

«О дева-роза, я в оковах...» (стр. 202). — При первой публикации имело подзаголовок: «Подражание турецкой песне».

[^^^]

«Туманский прав, когда так верно вас...» (стр. 202). — По обоснованному предположению редакторов, первое слово стихотворения в автографе, обозначенное только начальной буквой Т., следует читать: «Туманский». Василий Иванович *Туманский* (1800–1860) — поэт, служил чиновником по особым поручениям при графе Воронцове. Летом 1823 г. прибыл с Воронцовым в Одессу (там Пушкин с ним и познакомился).

[^^^]

Фонтану Бахчисарайского дворца (стр. 203). — В числе достопримечательностей ханского дворца в Бахчисарае находится так называемый «Фонтан слез», который, по преданию, хан Гирей воздвиг в память своей возлюбленной, польской княжны *Марии*, убитой из ревности женой хана, грузинкой *Заремой*, — сюжет, положенный Пушкиным в основу его поэмы «Бахчисарайский фонтан». В надписи над фонтаном содержится похвала Сирии и Багдаду.

[^^^]

«Ночной зефир...» (стр. 204). — Впервые опубликовано в альманахе «Литературный музей на 1827 год», под заглавием «Испанский романс», вместе с нотами А. Н. Верстовского, положившего романс на музыку.

[^^^]

«**Ненастный день потух...**» (стр. 204). — Поскольку в стихотворении имеется противопоставление северному пейзажу южного, одесского, очевидно, оно навеяно мыслями о Е. К. Воронцовой.

[^^^]

Подражания Корану (стр. 205). — Цикл «Подражаний Корану» — собранию проповедей Магомета, объявленных им божественным откровением и ставших главной священной книгой мусульман, — один из великолепных образцов художественного проникновения Пушкина в мир других национальных культур. Давая вольный пересказ различных глав («сур») и отдельных мест из Корана, Пушкин сумел замечательно передать общий дух подлинника. В то же время боевой, призывно-воинствующий пафос некоторых из «Подражаний» соответствовал психологическому настрою передовых людей эпохи. Недаром они были так восторженно встречены декабристами. В первом «Подражании» звучат и лирико-биографические ноты (мотивы *гоненья*, одаренности языка Магомета *могучей властью над умами* — в подлиннике отсутствуют). Посвящение цикла П. А. Осиповой также могло быть связано с тем, что в особенно тяжкие первые месяцы новой ссылки поэта (принятие его отцом поручения следить за сыном,

просматривать его письма, отсюда резкий разрыв с родителями) он обретал *сень успокоенья* в соседнем Тригорском.

[^^^]

**«Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снеда-
ет...»** (стр. 211). — В рукописи названо «Подра-
жание Андрею Шенье — вольный перевод его
стихотворения «Jeune fille, ton coeur avez nous
veut se taire...» («Юная девушка, твое сердце
молчит в нашем присутствии»),

[^^^]

Чаадаеву («К чему холодные сомненья?..») (стр. 211). — Стихотворение навеяно впечатлениями крымской поездки и тогдашними раздумьями поэта на месте развалин (у Георгиевского монастыря на южном побережье Крыма), считавшихся, по преданию, руинами храма древнегреческой богини Артемиды. *Холодные сомненья* в достоверности этого предания высказал И. М. Муравьев-Апостол в вышедшей в 1823 г. книге «Путешествие по Тавриде». С грозным храмом Артемиды связан миф о сыне царя Агамемнона Оресте, который, мстя матери за убийство отца, убил ее возлюбленного. Обрушившаяся на него за это *вражда свирепой Эмениды* — богини мщения могла прекратиться при условии похищения им крымской статуи Артемиды. Отправившийся туда вместе со своим другом Пил адом Орест был схвачен и должен был быть принесен в жертву богине. Пилад великодушно предложил заменить друга, но Орест отказался от этого. Жрица Артемиды, которая должна была заколоть Ореста, оказалась его сестрой

Ифигенией. В самый критический момент она узнала брата, спасла обоих друзей и бежала вместе с ними в Грецию, где явилась *провозвестницей* культа Артемиды Таврической. Дружбу Ореста и Пилада Пушкин приравнивает к своим отношениям с Чаадаевым, непосредственно связывая новое послание к нему с посланием 1818 г., в котором надеялся, что имена их обоих будут написаны благодарной родиной на *развалинах иных* — «обломках самовластья».

[^^^]

Аквилон (стр. 212). — Своеобразное обращение к Александру I — *грозному аквилону*, низвергнувшему надменный дуб — Наполеона, а теперь ополчившемуся на легкое *облачко* — поэта, гневно перебросившему его *на дальний небосклон* — с юга на север, в Михайловское. Попытки некоторых исследователей связать несомненный аллегоризм этого стихотворения с разгромом восстания декабристов не убедительны.

[^^^]

«Пускай увенчанный любовью красоты...»
(стр. 213). — *Заветное золото* — медальон с
миниатюрой любимой.

[^^^]

Второе послание к цензору (стр. 213). — В 1824 г. министром народного просвещения на место Александра Николаевича Голицына (1773–1844) был назначен Александр Семенович *Шишков* (1754–1841) — адмирал, писатель и реакционный государственный деятель. По своим литературным вкусам Шишков был безусловным сторонником старой, отжившей поэзии XVIII в. и решительным противником новой литературной школы Карамзина — Жуковского — Пушкина. Тем не менее Пушкин надеялся, что с назначением Шихкова на пост министра народного просвещения, который тем самым становился главой цензурного ведомства, гнет цензуры несколько ослабнет. Этим и вызвано новое послание к наследнику *Тимковского* (в 1821 г. вышедшего в отставку), *Бирукову*, к которому было обращено и первое послание.

...он русских муз... созвал, соединил...— Имеется в виду «Беседа любителей русского слова», главой которой был Шишков, привлечший к участию в ней Державина (венца Екатерины).

[^^^]

Святой отец — князь Голицын (см. выше), который, *прияв за образец* Омара-ибн-Хаттаба, мусульманского калифа, которому приписывалось сожжение в 642 г. знаменитой александрийской библиотеки, и Али-бен-Аби-Талеба, другого мусульманского калифа, распорядился сжечь труд А. П. Куницына «Право естественное».

[^^^]

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1844) — один из самых крайних реакционеров и «душителей просвещения» александровского царствования, разгромивший в 1819 г. Казанский университет «за безбожное направление».

[^^^]

Кавелин-дурачок — Кавелин Дмитрий Александрович (1778–1851) — ректор Петербургского университета, деятельный пособник Голицына и Магницкого; возбудил дело против другого лицейского учителя Пушкина, проф. А. И. Галича, за вредное направление его лекций. Над Галичем, который покаялся в своих «заблуждениях», была совершена специальная церемония «очищения» в церкви «святой водой». Одно время (до его «подвигов» на поприще просвещения) Кавелин был близок литературным кругам, в которых до ссылки вращался и молодой Пушкин, и был принят в «Арзамас».

[^^^]

«Полу-милорд, полу-купец...» (стр. 215). — Эпиграмма на М. С. Воронцова (1782–1856), который был сыном русского посла в Лондоне, где и получил образование. В дальнейшем кичился своей англomанией, на что намекает Пушкин словом *полу-милорд*. *Полу-купцом* он назван за то, что принимал участие в торговых операциях Одесского порта.

[^^^]

«Не знаю где, но не у нас...» (стр. 215). — Эпиграмма на М. С. Воронцова. Первый стих — отклик на аналогичное выражение в эпиграмме Вяземского (1821).

[^^^]

«Охотник до журнальной драки...» (стр. 215). — Эпиграмма на Каченовского, которого Пушкин счел автором статьи «Второй разговор между классиком и издателем «Бахчисарайского фонтана», направленной против Вяземского. На самом деле статья, опубликованная под псевдонимом N в журнале Каченовского, была написана М. А. Дмитриевым.

[^^^]

Сожженное письмо (стр. 216). — Она — Е. К. Воронцова. О том, какое значение имели для Пушкина ее письма, рассказывает (со слов сестры поэта) его первый биограф П. В. Анненков; «...когда приходило из Одессы письмо с печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какие находились и на перстне ее брата, — последний запирался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал к себе».

[^^^]

Козлову («Певец, когда перед тобой...») (стр. 216). — Иван Иванович *Козлов* (1779–1840) — поэт, переводчик Байрона. В возрасте около сорока лет был разбит параличом, лишившим его ног, а три года спустя совершенно ослеп. Год потери зрения был вместе с тем и годом оживленной литературной деятельности Козлова. В 1825 г. вышла его поэма «Чернец», в которой современники увидели черты сходства с трагической судьбой автора и которая имела огромный успех. Козлов послал Пушкину экземпляр «Чернеца» с собственноручной надписью. Это глубоко взволновало Пушкина. «Подпись слепого поэта тронула меня несказанно. Повесть его прелесть», — писал он брату. Этим и было вызвано настоящее послание, которое Пушкин, введя в собрание своих стихотворений, сопровождал (в оглавлении) подзаголовком («по получению от него «Чернеца»). Эпитет *небесным пением*, видимо, по цензурным причинам в печати был заменен на «чудесным».

[^^^]

Желание славы (стр. 217). — Обращено к
Е. К. Воронцовой.

[^^^]

Грозный день разлуки пришел в связи с ссылкой поэта из Одессы в Михайловское.

[^^^]

П. А. Осиповой («Быть может, уж недолго мне...») (стр. 218). — ...в дали, в краю чужом ... — как и в бытность в Одессе, Пушкин замышлял бежать из ссылки за границу.

[^^^]

«Храни меня, мой талисман...» (стр. 218). — *Талисман* — перстень, который в день печали — перед разлукой — подарила на память поэту Е. К. Воронцова и о котором упомянуто в стихотворении «Сожженное письмо».

[^^^]

Андрей Шенье (стр. 219). — Шенье Андре (1762–1794) — французский поэт. В своей лирике Шенье стремился дать почувствовать подлинную стихию древнегреческой поэзии — ее замечательную пластичность, строгость и сдержанность формы, величайшую художественную простоту. Этим он был очень близок Пушкину, что сказалось на целом ряде стихотворений Пушкина, являющихся порой непосредственным переложением стихов Шенье, порой сходных по своим мотивам. Шенье горячо приветствовал первые шаги Великой французской буржуазной революции, воспев их в двух одах. Однако он не принял дальнейшего развития революционных событий: во время процесса короля выступил в его защиту, резко выступал против якобинцев. Шенье был арестован и казнен 25 июля 1794 г., накануне переворота, свергнувшего вождя революционной мелкой буржуазии Робеспьера, который вскоре был казнен вместе с его наиболее преданными сторонниками. Как уже указано в примечаниях

нии к стихотворению «Кинжал», в основном так же относился к событиям первой французской революции и сам Пушкин. Однако разница была в том, что не пойти в революционной Франции 1793 г. дальше прославления первых шагов революции — значило стать в лагерь ее врагов, славить же в реакционной аракчеевской России, накануне 14 декабря 1825 г., те же первые дни французской революции — значило писать революционные стихи. Это доказывается и судьбою данного стихотворения Пушкина. Строки, посвященные в нем описанию французских революционных событий (44 стиха), были выкинуты цензурой. Мало того, после восстания декабристов эти выброшенные строки стали распространяться в списках с надписью «На 14 декабря». Списки дошли до правительства. Главный виновник распространения их, офицер Алексеев, был приговорен к смертной казни; допрашивался и Пушкин, которому удалось доказать, что «все сии стихи, написанные к тому же до восстания декабристов, никак без явной бессмыслицы не могут относиться к 14 декабря» и что они столь же «явно

относятся к французской революции». Однако это не исключало лирической окраски в описании ссыльным Пушкиным переживаний заключенного в темницу французского поэта. Равным образом проклятия Шенье в адрес его врагов — Робеспьера и якобинцев — в том же внутреннем, лирическом плане переклювались Пушкиным в адрес преследовавшего его Александра I, узнав о смерти которого, Пушкин восклицал в письме к П. А. Плетневу: «...душа, я пророк, ей-богу, пророк! Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами, во имя отца и сына etc.».

[^^^]

Близ Данте Пушкин помещает Байрона, потому что он принимал участие в национальном освободительном движении итальянских революционеров-карбонариев, считавших Данте величайшим национальным гением и своим предтечей.

[^^^]

Усталая секира — гильотина.

[^^^]

*Comme un dernier rayon, comme un
dernier zéphyre
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encor
ma lyre.*

(V. Les derniers vers d'André
Chénier.) —

— (примечание автора — верстальщик)

—
*Как последний луч, как последнее
веяние ветра
Оживляет вечер прекрасного дня,
Так у подножья эшафота я еще
пробую свою лиру.*

(См. Последние стихи Андрея Шенье) (франц.).

[^^^]

Позорная твердыня — Бастилия, взятая и разрушенная восставшим народом.

[^^^]

Великодушная присяга — клятва, данная членами генеральных штатов, представителями третьего сословия, объявившими себя Национальным собранием, — не расходиться, пока они не выработают конституции.

[^^^]

...самовластную бестрепетный ответ. — Ответ вождя «конституционалистов» графа Онуэре Мирабо (1749–1791) посланцам короля, объявившим о роспуске генеральных штатов, что они собрались по воле нации и удалить их можно только силою штыков: «Подите, скажите вашему повелителю...» и т. д.

[^^^]

Пламенный трибун — по объяснению самого Пушкина, данному на следственной комиссии: «Он же, Мирабо».

[^^^]

Пантеон — в древности храм всех богов, в Париже — здание, предназначавшееся для церкви святой Женевьевы, но превращенное декретом Национального собрания в место погребения великих людей; туда был перенесен прах Вольтера и Руссо.

[^^^]

Убийца с палачами — «Робеспьер и Конвент» — ответ, данный Пушкиным следственной комиссии.

[^^^]

У Авеля, у Фанни. —

Abel, doux confident des mes jeunes mystères
(El. I): ¹ один из друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les
odes qui lui sont adressées ². — (*примечание ав-
тора — верстальщик*)

¹ Авель, милый наперсник моих юноше-
ских тайн (Элегия I) (*франц.*),

² Фанни, одна из любовниц Андрея Шенье.
См. оды, к ней обращенные (*франц.*).

[^^^]

И Узница моя. —

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny) ¹. — (*примечание автора — верстальщик*)

¹ См. Юная Пленница (М-ль де Куаньи) (*франц.*).

[^^^]

Voyes ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

*(H. de la Touche.)*¹ — *(примечание автора — верстальщик)*

¹ См. его ямбы.

Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера. — Известно, что король испрашивал у Конвента письмом, исполненным спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье.

(A. de la Tuш) (франц.). — (примечание ав-

тора — верстальщик)

[^^^]

Дева-эвменида — Шарлотта Корде.

[^^^]

Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера. — *(примечание автора — верстальщик)*

[^^^]

На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

*(H. de la Touche.)*¹ — *(примечание автора — верстальщик)*

¹ В свои последние минуты они беседовали о поэзии. Она была для них, после дружбы, прекраснее всего на свете. Предметом их разговора и последнего восхищения был Расин. Они решили читать его стихи. Выбрали они первую сцену Андромахи.

(A. de la Touche) (франц.)

[^^^]

На месте казни он ударил себя в голову и сказал: *pourtant j'avais quelque chose là*¹. — *(примечание автора — верстальщик)*

¹ Все же здесь у меня кое-что было *(франц.)*.

[^^^]

К*** («Я помню чудное мгновенье...») (стр. 225). — Обращено к Анне Петровне Керн (1800–1879) — родственнице П. А. Осиповой. Пушкин встретил ее впервые на балу в Петербурге в 1819 г. Вторая встреча, более длительная, произошла летом 1825 г., когда А. П. Керн гостила у Осиповой в соседнем Тригорском. Передано ей в день отъезда «на прощанье».

[^^^]

«Если жизнь тебя обманет...» (стр. 230). — Вписано в альбом дочери П. А. Осиповой, тогда пятнадцатилетней Евпраксии Николаевны (Зизи) Вульф (1809–1883).

[^^^]

«Цветы последние милей...» (стр. 231). — Стихотворение-отклик на присылку П. А. Осиповой «в позднюю осень» (датировано 16 октября) цветов поэту.

[^^^]

19 октября («Роняет лес багряный свой убор...») (стр. 231). — Первая из серии так называемых «лицейских годовщин» Пушкина, связанных с открытием в этот день царско-сельского Лицея (в 1811 г.) и по установившейся традиции ежегодно праздновавшихся лицеистами первого — пушкинского — выпуска.

[^^^]

Кудрявый наш певец — Н. А. Корсаков, даровитый композитор-любитель, положивший на музыку два лицейских стихотворения Пушкина.

[^^^]

Чужих небес любовник беспокойный — товарищ Пушкина Федор Федорович Матюшкин (1799–1872), по окончании Лицея поступил во флот и вскоре отправился в кругосветное плавание.

[^^^]

«На долгую разлуку...» — переиначенные строки из прощальной песни Дельвига по случаю окончания Лицея «Судьба на вечную разлуку, // Быть может, здесь сроднила нас». Пущин в январе 1825 г. первый из всех друзей Пушкина отважился посетить опального друга в Михайловском.

[^^^]

...проселочной дорогой // Мы встретились... —
В сентябре 1825 г., проездом из-за границы, А. М. Горчаков заехал в псковское имение своего дяди, куда Пушкин приехал повидаться с ним.

[^^^]

Вещун пермских дев — т. е. муз — А. А. Дель-
виг, также посетивший ссыльного Пушкина в
Михайловском.

[^^^]

Брат родной по музе, по судьбам — Вильгельм Карлович Кюхельбекер, в 1821 г. выступил в Париже (куда попал в качестве секретаря одного знатного русского путешественника) с публичными лекциями о русской литературе. Лекции своим «вольнодумным тоном» вызвали неудовольствие русских властей, и Кюхельбекер вынужден был вернуться в Россию. С большим трудом ему удалось получить место при главнокомандующем на Кавказе, генерале Ермолове. Однако уже в 1822 г. вследствие ссоры и дуэли с племянником Ермолова он должен был выйти в отставку и с того времени перебивался частными уроками и мелкой литературной работой.

[^^^]

Поговорим... о Шиллере... — Кюхельбекер из всех лицеистов особенно хорошо знал немецкую литературу и больше всего увлекался Шиллером. В рукописи стихотворению был предпослан эпитафия из Горация: «Nunc est bibendum» («Теперь следует пить»).

[^^^]

Зимний вечер (стр. 235). — *Добрая подружка* — няня Арина Родионовна. Здесь упоминаются народные песни: «За морем синичка не пышно жила» и «По улице мостовой шла девица за водой».

[^^^]

«Вертоград моей сестры...» (стр. 236). — Это и следующее стихотворения, объединенные при первой публикации заглавием «Подражания», навеяны мотивами библейской «Песни песней» царя Соломона.

[^^^]

Вертоград — сад.

[^^^]

Нард, алой и киннамон — благовонные растения.

[^^^]

С португальского (стр. 237). — Вольный перевод стихотворения «Воспоминания» бразильского поэта Т.-А. Гонзага (1744–1810).

[^^^]

«О муза пламенной сатиры!..» (стр. 239). — По свидетельству близкого друга Пушкина С. А. Соболевского, поэт хотел предпослать это стихотворение в качестве предисловия к задуманному, но не осуществленному им сборнику своих эпиграмм.

[^^^]

«Сказали раз царю, что наконец...» (стр. 239). — *Мятежный вождь, Риэго-и-Нуньес Рафаэль* (1785–1823), возглавлявший в 1820 г. восстание против испанского короля Фердинанда VII, в 1823 г. был арестован и вскоре казнен в Мадриде. Когда Александр I получил известие об этом, граф Воронцов, хотя и слыл либералом на английский лад, в присутствии многих сказал царю: «Какое счастливое известие» (по другим свидетельствам, даже добавив: «Одним мерзавцем меньше»).

[^^^]

Прятелям (стр. 240). — Было опубликовано в «Московском телеграфе» под заглавием «Журнальным прятелям», произвольно сужавшим более широкое — не специально литературное, а скорее политическое — звучание, придававшееся ему поэтом (в письме его к Рылееву, написанном около этого же времени, во второй половине июля — августе 1825 г. «нашим прятелем» иронически назван сам Александр I). Видимо, поэтому Пушкин счел необходимым довести это до сведения читателей, опубликовав в «Северной пчеле» Булгарина, тогда еще не ставшего на сторону реакции, соответствующее уточнение: «А. С. Пушкин просил издателей «Северной пчелы» известить публику, что стихи его сочинения, напечатанные в № 3 «Московского телеграфа», на стр. 215, под заглавием «К журнальным прятелям» должно читать просто: «К прятелям».

Совет (стр. 240). — В отличие от предыдущей данная эпиграмма непосредственно направлена в адрес «приятелей» журнальных.

[^^^]

Жив, жив Курилка! (стр. 241). — Эпиграмма на Каченовского вызвана пренебрежительным отзывом о «Кавказском пленнике», опубликованном в «Вестнике Европы» (1825, № 3) за подписью: «Юст Веридиков». В основе эпиграммы — старинная песенка, исполнявшаяся при гадании с лучинкой; если до конца ее лучинка не сгорит, задуманное желание исполнится.

[^^^]

Ex ungue leonem (стр. 241). — На эпиграмму Пушкина, опубликованную за подписью А. П. и под неверным заглавием «Журнальным приятелям» (см. прим. к стих. «Приятелям»), отозвался один из них — писатель Александр Ефимович Измайлов (1779–1831), написав статью в издававшемся им журнале «Благонамеренный», над которым Пушкин и его друзья неоднократно подтрунивали: «Страшно, очень страшно! Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть *когти!*»

[^^^]

Движение (стр. 242). — В основу первой части стихотворения положен известный анекдот из истории античной философии о споре Зенона Элейского (V в. до н. э.) с Антисфеном.

[^^^]

Мудрец брадатый — Зенон, который софистически утверждал, что движения по существу нет, ибо оно «только название, данное целому ряду одинаковых положений, из которых каждое отдельно взятое есть покой».

[^^^]

Другой — Антисфе н апеллировал к непосредственному чувству (*Другой* смолчал и стал пред ним ходить).

[^^^]

«**Воспитанный под барабаном...**» (стр. 242). — Эпиграмма на Александра I, лично командовавшего русской армией, разбитой Наполеоном под Аустерлицем. Александр придавал огромное значение «фрунтовой науке» — превращению солдат в обезличенных автоматов, что достигалось путем непрерывной и самой свирепой муштры, при которой за малейшую неисправность виновного подвергали жесточайшим наказаниям. После победы над Наполеоном Александр в качестве одного из вождей Священного союза стал обращать почти все свое внимание не на внутреннее управление Россией, которое целиком перешло в руки Аракчеева, а на подавление революционного движения в различных европейских странах, причем русская политика оказалась всецело на поводу у реакционнейшего австрийского министра Меттерниха, который ловко сумел использовать организацию Священного союза в интересах Австрийской империи. Это и имеет в виду Пушкин, иронически называя Александра коллеж-

ским ассессором (небольшой чиновничий чин) по части иностранных дел.

[^^^]

«От многоречия отрекшись добровольно...» (стр. 242). — Написано на полях рукописной тетради 1819 г., из которой Пушкин отобрал очень небольшое число ранних стихов для подготавливавшегося им в 1825 г. первого отдельного издания своих стихотворений. По-видимому, это четверостишие должно было объяснить друзьям причину столь строгого отбора, однако печатать его Пушкин не стал.

[^^^]

«Нет ни в чем вам благодати...» (стр. 242). — Эпиграмма, видимо, связанная с каламбурным переводом имени Анна (по-древнееврейски — благодать); относится к старшей дочери П. А. Осиповой Анне Николаевне Вульф (1799–1857).

[^^^]

«Под небом голубым страны своей родной...» (стр. 243). — Написано в связи с получением Пушкиным известия о смерти в Италии от чахотки Амалии Ризнич. Стихотворение озаглавлено в рукописи «29 июля 1826» (т. е. дата написания).

[^^^]

К **Вяземскому** («Так море, древний душегубец...») (стр. 243). — Послано Вяземскому в письме от 14 августа 1826 г. в ответ на присланное им стихотворение «Море». Вызвано дошедшим до поэта слухом (он оказался неверным), что Н. И. Тургенев, заочно приговоренный по делу декабристов к смертной казни и находившийся в Англии, выдан русскому правительству и привезен морем в Петербург.

[^^^]

К Языкову («Языков, кто тебе внушил...») (стр. 243). — Написано в ответ на стихотворное послание Языкова («О ты, чья дружба мне дороже...» в письме из Дерпта от 19 августа 1826 г.), который незадолго до этого в течение месяца гостил в Тригорском, непрерывно встречаясь там с Пушкиным.

[^^^]

Кастальская вода — источник на горе Парнас (отрог горного кряжа Пинд), считавшейся наряду с горой Геликон местопребыванием Аполлона и *камен* — муз. С вершины Геликона стекал другой источник поэтического вдохновения — *Иппокрена*, выбитый ударом копыта крылатого коня Аполлона, *Пегаса*.

[^^^]

Песни о Стеньке Разине (стр. 244). — Пушкин издавна интересовался личностью Разина. В самом начале ссылки в Михайловском он просил брата прислать ему книг о Разине, называя его «единственным поэтическим лицом русской истории». Данные песни — оригинальные произведения самого Пушкина, использовавшего мотивы народного творчества и некоторые книжные источники. В основе фабулы первой из них — рассказ очевидца, голландского путешественника Стрейса; эпизод с требованием астраханским воеводой шубы от Разина имеется в хронографе начала XVIII в. В 1827 г. Пушкин сделал попытку напечатать «Песни», но получил весьма многозначительную отповедь Николая I, переданную ему через Бенкендорфа: «Песни о Стеньке Разине, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того, церковь прокликает Разина, равно как и Пугачева».

Признание («Я вас люблю, — хоть я бешусь...») (стр. 246). — *Опочка* — уездный город Псковской губернии; в Опочецком уезде находились Михайловское и Тригорское.

[^^^]

Алина — падчерица П. А. Осиповой, Александра Ивановна Осипова (ок. 1805–1864).

[^^^]

Пророк (стр. 247). — Написано под впечатлением казни пяти и ссылки многих из декабристов на каторгу в Сибирь. В основу положен образ библейского пророка — проповедника правды и беспощадного обличителя грехов и беззаконий царской власти; некоторые мотивы были взяты Пушкиным из книги самого пламенного и вдохновенного из древнееврейских пророков, Исайи, погибшего мучительной смертью. Первоначальный конец (последняя строфа) стихотворения дошел до нас в нескольких, едва ли вполне точных и расходящихся в мелочах, но в основном совпадающих записях:

*Восстань, восстань, пророк Рос-
сии,
Позорной ризой облекись,
Иди и с вервием вокруг выи
К царю-губителю явись.*

Позднее (стихотворение было впервые опубликовано только в 1828 г.) Пушкин отказался от этой концовки, заменив ее новым четверостишием, хотя и лишенным прямого,

конкретно-исторического приурочения, но с предельной страстью и силой утверждающим великую мощь и значение поэтического слова и высокое гражданское призвание поэта-пророка.

[^^^]

Няне (стр. 248). — Написано в октябре в Москве, неожиданный вызов в которую Пушкина царем очень встревожил Арину Родионовну.

[^^^]

«Как счастлив я, когда могу покинуть...»
(стр. 248). — Отрывок, видимо, представляет собой зерно будущей драмы «Русалка».

[^^^]

Боян — древнерусский певец, упоминаемый в «Слове о полку Игореве».

[^^^]

Славья — СОЛОВЬЯ.

[^^^]

«Каков я прежде был, таков и ныне я...»
(стр. 249). — Эпиграф (переводом его является первая строка стихотворения) взят из А. Шенье.

[^^^]

И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!..») (стр. 249). — Написано 13 декабря, т. е. накануне первой годовщины восстания декабристов. Послание было направлено поэтом Пущину с женой декабриста Н. М. Муравьева, А. Г. Муравьевой, поехавшей к мужу в Сибирь, и передано ему в первый день его приезда в Читинский острог. «Отрадно отозвался во мне голос Пушкина», — вспоминал об этом Пущин.

[^^^]

Стансы («В надежде славы и добра...») (стр. 250). — Стихотворение, состоящее из отдельных, вполне законченных в себе (в ритмическом и смысловом отношениях) строф.

[^^^]

Мятежи и казни — стрельецкие бунты в начале царствования Петра, подавленные им с исключительной жестокостью.

[^^^]

...был... отличен Долгорукой, — Князь Яков Федорович Долгорукий (1639–1720), один из видных государственных деятелей петровского царствования, славившийся неподкупной честностью, прямоотой и смелостью в отношениях с царем (однажды разорвал в Сенате указ, подписанный Петром, считая его несправедливым, и Петр простил ему это). Долгорукий неоднократно воспевался декабристами.

[^^^]

Ответ Ф. Т*** («Нет, не черкешенка она...») (стр. 250). — Она — Софья Федоровна Пушкина (1806–1862), дальняя родственница поэта, которой он после возвращения из ссылки предложил стать его женой. Кто скрывается под буквами Ф. Т., точно не установлено.

[^^^]

Зимняя дорога (стр. 251). — Обращение к *Нине*, по-видимому, навеяно мыслями о браке с С. Ф. Пушкиной, на встречу с которой он спешил из Михайловского в Москву. Однако поэта постигла неудача. Его сватовство было отклонено.

[^^^]

К** («Ты богоматерь, нет сомненья...») (стр. 251). — Друг Байрона английский поэт Томас Мур, автор восточной поэмы «Лалла-Рук», назван здесь наряду с *Тибуллом* и *Парни* как певец любви.

[^^^]

Мордвинову («Под хладом старости угрюмо угасал...») (стр. 252). — Граф Николай Семенович *Мордвинов* (1754–1845) — адмирал, видный государственный деятель екатерининского и александровского времени; член Финансового комитета и Комитета министров и председатель одного из департаментов Государственного совета. Мнения, подаваемые им в Государственный совет по важнейшим юридическим и экономическим вопросам, были проникнуты оппозиционным духом и широко распространялись в списках. Мордвинов пользовался популярностью в кругах декабристов, прочивших его в члены временного правительства.

[^^^]

Единый из... орлов Екатерины — В. П. Петров,
написавший в 1796 г. оду Мордвинову.

[^^^]

Коцит — река «плача», одна из подземных рек, окружающих «царство мертвых» — Аид.

[^^^]

Золото и булат (стр. 253). — Перевод французского стихотворения (автор неизвестен) «Tout est à moi, car je l'achète» («Все мое, ибо я его покупаю»).

[^^^]

«Во глубине сибирских руд...» (стр. 253). — Непосредственным толчком к написанию стихотворения послужил героический отъезд к мужьям-декабристам на каторгу в Сибирь (с этим прямо связаны строки «Любовь и дружба до вас // Дойдут сквозь мрачные затворы») многих из их жен, в том числе особенно дорогой поэту М. Н. Волконской, с которой он и хотел переслать свой стихотворный привет-призыв к вере в *высокое стремленье* их помыслов, к мужеству и *гордому терпенью* (слова, взятые из «Прощальной песни воспитанников Царскосельского Лицея», написанной Дельвигом и исполнявшейся хором при выпускном лицейском торжестве). Однако к отъезду спешившей Волконской оно не было закончено, и поэт переслал его, как и послание Пущину, с уехавшей несколько позднее, в начале января 1827 г., А. Г. Муравьевой. От имени декабристов ответил Пушкину поэт А. И. Одоевский («Струн вещей пламенные звуки...»). Послание Пушкина и ответ Одоевского разошлись в огромном количестве

списков. Строка Одоевского «Из искры возгорится пламя» подсказала Ленину название первой большевистской газеты «Искра», эпиграфом к которой она была взята, а знаменитые ленинские слова о декабристах: «...но дело их не пропало» — перекликаются со строкой пушкинского послания: «Не пропадет ваш скорбный труд».

[^^^]

Ек. Н. Ушаковой («Когда, бывало, в стари-
ну...») (стр. 254). — Вписано в альбом ко дню
восемнадцатилетия — 3 апреля 1827 г. — Ека-
терины Николаевны *Ушаковой* (1809–1872), с
которой поэт познакомился в конце 1826 г. на
балу в Дворянском собрании. Поэт стал ча-
стым гостем в московском доме Ушаковых, в
котором собирались писатели, музыканты.

[^^^]

Княгине З. А. Волконской («Среди рассеянной Москвы...») (стр. 254). — Послано Пушкиным вместе с экземпляром только что вышедшей поэмы «Цыганы».

[^^^]

Царица муз и красоты — княгиня Зинаида Александровна *Волконская* (1792–1862) была не только хозяйкой самого известного московского салона, в котором собирались выдающиеся деятели литературы и искусства, но и являлась богато и разносторонне одаренной дилетанткой — поэтессой, певицей, с чем и связаны слова Пушкина о *двойном венке*.

[^^^]

Анжелика *Каталани* — итальянская певица, с огромным успехом выступавшая в 20-е гг. в России; услышав пение одной из участниц цыганского хора в Москве, цыганки Стеши, она в знак восхищения подарила ей свою шаль.

[^^^]

«В степи мирской, печальной и безбрежной...» (стр. 255). — Написано вскоре по приезде Пушкина впервые после его семилетнего отсутствия в Петербург.

[^^^]

Арион (стр. 255). — *Арион* — древнегреческий поэт и музыкант (VII–VI вв. до н. э.), по преданию, спасенный от гибели в море очарованным его пением дельфином. Пушкин воспользовался этим преданием для иносказательного изображения своих связей с движением декабристов и утверждения верности своим свободолобивым идеалам. Стихотворение датировано 16 июля 1827 г., т. е. написано в несомненной связи с первой годовщиной казни декабристов 13 июля 1826 г.

[^^^]

«Какая ночь! Мороз трескучий...» (стр. 256). — Незавершенное стихотворение из времен Ивана Грозного. (Предположительное прочтение последней строки: «В столбы под трупом проскакал».)

[^^^]

Кромешник удалой — опричник.

[^^^]

Кипренскому («Любимец моды легкокрылой...») (стр. 257). — В бытность Пушкина в 1827 г. в Петербурге знаменитым художником-портретистом О. А. *Кипренским* (1782–1836) был написан известный портрет Пушкина, восхищавший современников сходством с оригиналом. Художник намерен был показать его на предполагавшейся в Западной Европе выставке своих произведений.

[^^^]

Аониды — одно из названий муз.

[^^^]

Поэт («Пока не требует поэта...») (стр. 258). —
Написано в Михайловском, куда Пушкин бе-
жал из Петербурга в конце июля 1827 г.

[^^^]

«Близ мест, где царствует Венеция златая...» (стр. 258). — Перевод стихотворения А. Шенье «Près des bords où Venise est la reine de la mer...» («Близ берегов, где Венеция — королева мира»).

[^^^]

Веспер — «вечерняя звезда» — планета Венера.

[^^^]

Ринальд, Годфред, Эрминия — герои поэмы итальянского поэта Торквато Тассо (1544–1595) «Освобожденный Иерусалим»; отдельные строфы этой поэмы приобрели значение народных песен и распевались венецианскими лодочниками-гондольерами.

[^^^]

«Всем красны боярские конюшни...» (стр. 259). — Пушкин не стал дорабатывать этот опыт в народном духе, а сюжет его подсказал крестьянину-поэту Федору Никифоровичу Слепушкину (1783–1848), который и написал на него стихотворение «Конь и домовый».

[^^^]

Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг, он...») (стр. 260). — Одновременно со стихами Пушкин вручил Дельвигу и череп, подаренный ему дерптским «студентом» — А. Н. Вульфом.

[^^^]

Кистер — церковный сторож.

[^^^]

Клянусь... айдесским богом... — т. е. Плутоном, богом царства мертвых; у древних это считалось самой страшной клятвой.

[^^^]

...братъ с собою будущаго... — документ на проезд так называемыми почтовыми, или перекладными, лошадьми — «подорожная» — мог братья не только на себя, но и на спутника, которого проезжий имел право себе подыскать и имя которого в подорожной не проставлялось; скелет, понятно, в качестве «будущаго» не годился.

[^^^]

Певец Корсара — Байрон, написавший стихотворение «Надпись на кубке из черепа».

[^^^]

...скандинавов рай воинский // В пирах домашних воскрешай... — Во дворце бога Одина — Валгалле по верованиям скандинавов души убитых храбрых воинов пьют вино из черепов поверженных врагов.

[^^^]

Гамлет-Баратынский — Баратынский — автор стихотворения «Череп», в связи с которым Пушкин припоминает знаменитый монолог шекспировского Гамлета, который тот произносит, держа в руке череп.

[^^^]

«Блажен в златом кругу вельмож...» (стр. 264). — Черновой необработанный отрывок.

[^^^]

19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои...») (стр. 264). — Написано к очередной лицейской годовщине

[^^^]

В краю чужом находились С. Г. Ломоносов, служивший в русских посольствах в Испании и Франции, и А. М. Горчаков;

[^^^]

в пустынном море — Ф. Ф. Матюшкин;

[^^^]

в мрачных пропастях земли — на каторге, в Сибири, И. И. Пущин, в заключении, в крепости, В. К. Кюхельбекер.

[^^^]

Талисман (стр. 264). — Возвращение к теме стихотворения 1825 г. «Храни меня, мой талисман...» и новое ее воплощение, видимо, навеяно приездом Е. К. Воронцовой в 1827 г. в Петербург.

[^^^]

Эпиграмма (*Из антологии*) («Лук звенит, стрела трепещет...») (стр. 265). — Направлена против слабенького поэта (отсюда сравнение его с героем фонвизинского «Недоросля» — *Бельведерский Митрофан*), позднее ставшего писателем по церковным вопросам, Андрея Николаевича Муравьева (1806–1874), который, желая помериться ростом с копией знаменитой статуи Аполлона Бельведерского (в салоне З. Волконской), отбил ей руку и написал на пьедестале весьма корявые извинительные стишки.

[^^^]

Пифон — дракон, охранявший Дельфы и убитый стрелой Аполлона.

[^^^]

Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю...») (стр. 266). — Ответ на неправильное восприятие «Стансов» 1826 г. как «лести» царю. Николай I, стремясь расположить к себе общественное мнение, сделал ряд либеральных жестов: сместил наиболее ненавистных реакционных деятелей александровского царствования, стал на сторону греков, боровшихся против турецкого ига, назначил пенсию вдове казненного Рылеева (*в тайне милости творит*). Все это было той игрой в либерализм, которую Ленин считал характерной чертой русского царизма, начиная с Екатерины II. Но Пушкину это казалось осуществлением того «наказа» — идти путем Петра I, который он преподал Николаю в «Стансах». Поэтому в данном стихотворении с особенной силой сказались иллюзорные надежды поэта. В то же время он решительно выступает в нем против тех действительно «льстецов» — ближайшего окружения царя, — которые, считал он, мешают осуществлению либеральной правительственной программы. Поэтому Ни-

колай, отозвавшись об этом стихотворении для приличия с похвалой, печатать его запретил.

[^^^]

«Кто знает край, где небо блещет...» (стр. 267). — Людмила — графиня Мария Александровна Мусина-Пушкина, которая, вернувшись после путешествия в Италию и стосковавшись по родине, на одном светском собрании демонстративно потребовала себе клюквы, с чем и связан второй эпитаф, предпосланный стихотворению.

[^^^]

Сыны Авзонии — итальянцы.

[^^^]

Флорентийская Киприда — античная статуя Венеры Медицейской в музее Уффици во Флоренции, принадлежавшая резцу неизвестного скульптора — *ваятеля безымянного*.

[^^^]

Форнарина — натурщица Рафаэля.

[^^^]

To Dawe, Esqr (стр. 268). — Обращено к английскому художнику Джорджу Дау (Доу; 1781–1829), проведшему много лет в России. Рисунок, сделанный им с Пушкина, до нас не дошел.

[^^^]

Олениной черты — Анна Алексеевна Оленина (1808–1888) (см. о ней во вступительной статье).

[^^^]

Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день...») (стр. 269). — *Полупрозрачная... ночи тень...* — петербургская белая ночь (написано 19 мая).

[^^^]

Ты и вы (стр. 269). — *Она*— А. А. Оленина.

[^^^]

«Дар напрасный, дар случайный...» (стр. 270). — В рукописи названо «На день рождения», дата которого и стоит в заголовке стихотворения.

[^^^]

«Кобылица молодая...» (стр. 270). — Вольное переложение оды Анакреонта.

[^^^]

Ее глаза (стр. 271). — Обращено к П. А. Вяземскому, воспевшему в стихотворении «Черные очи» фрейлину императрицы Марии Федоровны Александру Осиповну Россет (1809–1882).

[^^^]

Ангел Рафаэля — на прославленной картине
«Сикстинская мадонна».

[^^^]

«Не пой, красавица, при мне...» (стр. 271). —
Навеяно народной грузинской мелодией, ко-
торая сообщена Грибоедовым М. И. Глинке и
исполнялась ученицей Глинки А. А. Олени-
ной.

[^^^]

Призрак милый, роковой — очевидно,
М. Н. Волконская (Раевская).

[^^^]

К Языкову («К тебе собирался я давно...») (стр. 272). — Написано в связи с отъездом за границу, через *немецкий град* — Дерпт (ныне Тарту), университетского товарища поэта Н. М. Языкова и приятеля Пушкина, дипломата Николая Дмитриевича *Киселева* (1800–1869).

[^^^]

Гербовые заботы — векселя, писавшиеся на бумаге с государственным гербом.

[^^^]

Портрет («С своей пылающей душой...») (стр. 273). — Это и два следующих стихотворения обращены к Аграфене Федоровне Закревской (1799–1879), которую Пушкин в последней главе «Евгения Онегина» назвал «Клеопатрою Невы».

[^^^]

Предчувствие («Снова тучи надо мною...») (стр. 274). — Связано, по-видимому, с последним этапом дела об «Андрее Шенье» (см. прим. к этому стихотворению); вскоре возникло угрожавшее Пушкину еще более тяжкими последствиями дело об авторстве «Гавриилиады».

[^^^]

Мой ангел — А. А. Оленина.

[^^^]

Утопленник (стр. 274). — Пушкин сопровождал заглавие при первой публикации подзаголовком «Простонародная песня», а в собрании своих стихотворений (в оглавлении) — «Простонародная сказка».

[^^^]

«Рифма, звучная подруга...» (стр. 276). — Окончательно не доработано. В античной поэзии рифмы не было. Поэтому в духе ее Пушкин сам создает миф о возникновении рифмы, как дочери *Аполлона* и богини памяти и матери девяти муз — *Мнемозины*.

[^^^]

Гезиод (VIII в. до н. э.) наряду с Гомером считался величайшим поэтом древности.

[^^^]

Феб... стадо пас... — Зевс, разгневавшись на Аполлона, изгнал его с Олимпа на землю и заставил пасти в горах *Тайгета* стада фессалийского царя *Адмета*.

[^^^]

Ворон к ворону летит...» (стр. 278). — Вольное переложение первой половины одной из шотландских народных песен из сборника «Chants populaires des Frontières Méridionales de l'Ecosse, recueillis et commentés par Sir Walter Scott, traduits de l'anglais par M. Artaud». Paris. 1826 («Народные песни шотландского порубежья, собранные и объясненные г. Вальтером Скоттом, переведенные с английского г. Арто». Париж. 1826).

[^^^]

«Город пышный, город бедный...» (стр. 278). — Написано в связи с готовящимся отъездом поэта из Петербурга в Михайловское. Последние две строки относятся к А. А. Олениной.

[^^^]

«19 октября 1828 (стр. 279). — Написано в день очередной лицейской годовщины; после традиционного празднования Пушкин сразу же уехал из Петербурга.

[^^^]

«В прохладе сладостной фонтанов...» (стр. 279). — *Прозорливый и крылатый поэт* — по новейшим разысканиям, Адам Мицкевич, автор «Крымских сонетов».

[^^^]

Анчар (стр. 280). — Образ *древа яда* подсказан сообщением о нем (по последующим данным, сильно преувеличенным) находившегося на Яве врача голландской Ост-индской компании Ф. П. Фурша. Опубликование этого стихотворения, которое Пушкин не послал предварительно Николаю I, в особенности имеющееся в нем слово «царь», вызвало резкое неудовольствие властей, и цензурный надзор над поэтом был усилен.

[^^^]

Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт...») (стр. 281). — П. А. Катенин, находившийся в это время в опале в своей деревне, был одним из «друзей», осудивших пушкинские «Стансы». Он аллегорически высказал это в стихотворной повести «Русская быль», посланной Пушкину со стихотворным посвящением, в котором призывал поэта, испив из кубка былого романтического вольнолюбия, снова «закипеть духом» и огласить застольную беседу «бейронским пенъем». Это и вызвало пушкинский ответ. *Не пью, любезный мой сосед!* — цитата из стихотворения Державина «Философы, пьяный и трезвый».

[^^^]

...лавр Корнеля или Тасса... — Катенин «воскресил Корнеля гений величавый» — перевел его трагедии. Корнель кончил дни в забвении и нищете. Торквато Тассо был заключен герцогом Феррарским в сумасшедший дом.

[^^^]

Ответ А. И. Готовцовой («И недоверчиво и жадно...») (стр. 281). — Анна Ивановна *Готовцова* опубликовала в «Северных цветах на 1829 год» восторженное послание «А. С. Пушкину», в конце которого, однако, сетовала на «несправедливый приговор» женскому полу в каком-то из его произведений (возможно, в «Разговоре книгопродавца с поэтом» или отдельно опубликованных строфах, предназначенных к 4-й главе «Евгения Снегина» — «Женщины»). В той же книжке «Северных цветов» был опубликован и ответ Пушкина.

[^^^]

Поэт и толпа (стр. 282). — Эпиграф — слова жрицы из 6-й книги «Энеиды» Вергилия.

[^^^]

Щербинину («Житье тому, мой милый друг...») (стр. 284). — Пушкин взял из послания к М. А. Щербинину 1819 г. первые четыре стиха, слегка изменив их, и приписал другой конец, соответствующий новому быту адресата (вышел в отставку, женился и поселился в своем харьковском имении).

[^^^]

Е. Н. Ушаковой («Вы избалованы природой...») (стр. 284). — Елизавета Николаевна *Ушакова* (1810–1872) — младшая сестра Ек. Н. Ушаковой (см. о ней с. 730, прим. к стих. «Ек. Н. Ушаковой» (см. прим. 397 — верстальщик)). В ее альбоме имеется много рисунков Пушкина.

[^^^]

Армида — прекрасная волшебница в поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим».

[^^^]

Пресненское поле— в Старой Москве подле Средней Пресни, где находился дом Ушаковых.

[^^^]

«Подъезжая под Ижоры...» (стр. 285). — Обращено к Екатерине Васильевне Вельяшевой (1812–1865), с которой поэт познакомился в тверском имении Вульфов, куда часто наезжал в эти годы.

[^^^]

Ижоры — последняя станция на пути из Торжка в Петербург.

[^^^]

Вампир — герой нашумевшего одноименного романа, ошибочно приписывавшегося Байрону.

[^^^]

Эпитафия младенцу (стр. 286). — *Младенец* — двухлетний сын М. Н. Волконской, которой было запрещено взять его с собою в Сибирь. Эпитафия была выбита на надгробии ребенка в Александро-Невской лавре в Петербурге.

[^^^]

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»
(стр. 286). — Написано во время поездки Пушкина на театр военных действий в Закавказье. В первой редакции связано с воспоминаниями о первой поездке с семьей Раевских на Кавказ и с вспыхнувшим с прежней силой чувством к М. Н. Раевской. Вторая, окончательная редакция, написанная несколько позднее, переадресована Н. Н. Гончаровой.

[^^^]

Калмычке (стр. 286). — О своем посещении калмыцкой кибитки Пушкин рассказывает в «Путешествии в Арзрум».

[^^^]

Сен-Мар — модный в то время исторический роман французского поэта-романтика Альфреда де Виньи (1797–1863) «Сен-Мар, или Заговор времен Людовика XIII». Пушкин весьма неодобрительно относился к этому произведению.

[^^^]

Ma dov'è — ария из модной тогда оперы Галуппи (1706–1785) «Покинутая Дидона».

[^^^]

Собрание — Московское Благородное Собрание, место дворянских публичных балов (в настоящее время — Дом Союзов).

[^^^]

Из Гафиза (стр. 287). — Написано в духе восточной поэзии, но у знаменитого персидского поэта Гафиза (XIV в.) подобного стихотворения нет. В рукописях заглавие: «Фаргат-Беку». Очевидно, стихотворение обращено к Фаргат-Беку, служившему в конном мусульманском полку русской армии, сражавшейся с турками.

[^^^]

Карабах — горная страна на южном Кавказе, где разводилась знаменитая порода горных кавказских лошадей.

[^^^]

Азраил— ангел смерти у мусульман.

[^^^]

Олегов щит (стр. 287). — Во время русско-турецкой войны 1829 г. русские войска перешли Балканы и взяли 8 августа город Адрианополь, находящийся всего в нескольких переходах от тогдашней столицы Турции — *града Константина* — Константинополя, по-турецки — *Стамбула*, но дальше не пошли. Вскоре после этого, 2 сентября, между Россией и Турцией был заключен Адрианопольский мир. В первой строфе речь идет о походе на греков *воинственного варяга* — киевского князя Олега, который, по летописи, «повесил щит свой на воротах в знак победы и ушел от Царьграда».

[^^^]

«Зорю бьют... из рук моих...» (стр. 288). — Написано в военном лагере во время Арзрумского похода. Звук *зори* — барабанного боя (сигнала к вставанию) — напомнил поэту подобный же сигнал, звучавший каждое утро в лицейские годы.

[^^^]

«**Был и я среди донцов...**» (стр. 288). — Навер-
яно разговором с донскими казаками, зане-
сенным Пушкиным в свои путевые записки.

[^^^]

Дон (стр. 289). — *Арпачай* — левый приток Аракса, граница между Закавказьем и Турцией.

[^^^]

«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...» (стр. 289). — Написано, как и стихотворение «Зимнее утро», в тверском имении П. И. Вульфа, где Пушкин гостил по пути в Петербург.

[^^^]

«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...» (стр. 291). — Получивший грозный разнос от властей за свою самовольную поездку в действующую армию и холодно встреченный после возвращения из нее *гордой, мучительной де-вой* — своей будущей женой Н. Н. Гончаровой (к ней, вероятнее всего, обращено и предыдущее стихотворение «Я вас любил...»), Пушкин обратился с просьбой разрешить ему поехать во Францию или Италию либо причислить его к русской миссии, отправлявшейся в Китай. На эти просьбы последовал отказ.

[^^^]

Ночной гребец— гондольер; он *не поет*, потому что Венеция была захвачена в это время австрийцами.

[^^^]

Мощи городов — древние римские города Помпея и Геркуланум, расположенные на берегу Неаполитанского залива, у подножия Везувия, и засыпанные пеплом во время извержения 79 г. н. э. Ко времени Пушкина удалось отрыть часть улиц и домов Помпеи с их сохранившимся, сохранившимся в полной неприкосновенности в течение почти двух тысячелетий.

[^^^]

Монастырь на Казбеке (стр. 294). — *Монастырь за облаками* — старинная грузинская церковь Цминда Самеба.

[^^^]

Делибаш (стр. 295). — *Делибаш* — по-русски: сумасшедший, сорвиголова, начальник так называемых «дели», особых отрядов турецкой армии, состоявших из испытанных храбрецов и употреблявшихся в дело в наиболее ответственные минуты, дабы увлечь их примером остальные войска.

[^^^]

К бюсту завоевателя (стр. 296). — Имеется в виду бюст Александра I, сделанный знаменитым датским скульптором Б. Торвальдсеном (1768–1844) в 1820 г. в Варшаве.

[^^^]

Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко...») (стр. 296). — *Зоил Пахом* — Каченовский, подавший жалобу на цензора С. Н. Глинку, пропустившего статью Н. А. Полевого, в которой якобы содержались «неблагодонамеренные» личные выпады против Каченовского как издателя «Вестника Европы».

[^^^]

«Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...» (стр. 297). — Эпиграмма на Ивана Ермолаевича Великопольского (1797–1868). Ответ на сатирическое послание к Пушкину, в котором упоминается о том, что Пушкин проиграл в карты гонорар за вторую главу «Евгения Онегина».

[^^^]

«Как сатирой безымянной...» (стр. 297). — В своих эпиграммах против Каченовского Пушкин не называл прямо его имени. Тем не менее в опубликованной в «Вестнике Европы» статье о «Полтаве» Пушкина, подписанной «С Патриарших прудов» (написана Н. И. Надеждиным), было сказано, что автор «Полтавы» «ударился в язвительные стишонки и ругательства».

[^^^]

Сапожник (Притча) (стр. 297). — Рассказ о греческом живописце Апеллесе (IV в. до н. э.) — эпиграмма (в форме «притчи» — басни) на Надеждина. Он *судил о свете* в разностной статье о пушкинском «Графе Нулине», а в качестве эпиграфа к статье о «Полтаве» взял слова Горация: «Берите труд не свыше сил своих».

[^^^]

Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес...») (стр. 298). — *Семинарист* — Надеждин, окончивший духовную семинарию и напечатавший в «Вестнике Европы» отрывки из своей латинской диссертации о романтизме.

[^^^]

Собрание насекомых (стр. 298). — Верный принятому им правилу не задевать «личностей», Пушкин вместо имен имевшихся им в виду литераторов проставил в этой эпиграмме звездочки (количество их по числу слогов), предоставляя угадывать их как самим затронутым лицам, так и читателям. Это придавало эпиграмме и более широкий, обобщенный характер. Современниками подставлялись различные имена: Глинка, Каченовский, Свиньин, Олин, Раич, Бестужев-Рюмин, Греч, Федоров.

[^^^]

Циклоп (стр. 299). — Написано для графини Екатерины Федоровны Тизенгаузен, внучки Кутузова, участвовавшей в придворном костюмированном бале по случаю заключения мира с Турцией. Соответственно выбранному ею костюму циклопа, она должна была прочесть приветственные стихи императорской чете.

[^^^]

«Что в имени тебе моем?..» (стр. 299). — Обращено к красавице польке Каролине Собаньской, просившей поэта, который встречался с ней во время южной ссылки и снова встретился в Петербурге, занести в ее альбом свое имя.

[^^^]

Ответ («Я вас узнал, о мой оракул...») (стр. 300). — Ответ на письмо Ек. Н. Ушаковой, до нас не дошедшее.

[^^^]

«В часы забав иль праздной скуки...» (стр. 300). — Обращено к одному из видных церковных деятелей того времени, славившемуся своим красноречием, московскому митрополиту Филарету, который, сохранив полностью внешнюю форму стихотворения Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» и лишь слегка изменив его, придал ему прямо противоположный, религиозно-христианский характер. Позднее Пушкин разочаровался в идеализированной им в этом стихотворении личности Филарета. В дневнике 1834 г. он иронически отзывается о его проповедях и резко осуждает практиковавшиеся им доносы на своих противников.

[^^^]

Сонет («Суровый Дант не презирал сонета...») (стр. 301). — Вильям *Вордсворт* (1770–1850), из сонета которого Пушкиным взят эпиграф, английский поэт-романтик, глава так называемой Озерной школы, возродивший пришедшую в упадок в век классицизма старинную форму сонета, которую культивировали многие великие писатели прошлого — Данте (*Дант*), *Петрарка*, Шекспир (*творец Макбета*), португальский поэт *Луис Камоэнс*, автор знаменитой героико-эпической поэмы «Луизиады». Вольным переложением сонета Вордсворта о сонете и является настоящее стихотворение Пушкина, вскоре сложившего еще два сонета. Пушкин опустил некоторые упоминаемые Вордсвортом имена сонетистов, но прибавил два новых: *певца Литвы* — *Мицкевича* и *Дельвига*.

[^^^]

К **вельможе** (стр. 301). — Обращено Пушкиным к одному из характерных представителей русской феодально-крепостнической — «вельможной» — культуры второй половины XVIII в., владельцу колоссальных земельных богатств, Николаю Борисовичу Юсупову (1751–1831). Почти вся молодость Юсупова прошла в путешествиях по западной и южной Европе — Англии, Франции, Испании и Италии, где он позднее занимал ряд крупных дипломатических постов. Юсупов познакомился со многими наиболее выдающимися деятелями эпохи Просвещения и незадолго до 1789 г. посетил резиденцию французских королей — Версаль. Из заграничных путешествий он вывез превосходно составленную библиотеку и замечательное собрание картин и статуй, которыми украсил свое подмосковное имение — Архангельское. Родители Пушкина одно время жили в Москве в доме Юсупова; поэт мог знать его таким образом с раннего детства. С Юсуповым Пушкин встречался и позднее, не раз бывая в его Архан-

гельском, описание которого и дает в этом стихотворении.

[^^^]

Ферней (Фернэ) — поместье Вольтера на границе Франции и Швейцарии, в котором он провел последние годы своей жизни. По поручению Екатерины II Юсупов посетил Вольтера в Фернее.

[^^^]

Армида — французская королева Мария-Антуанетта.

[^^^]

Трианон — название двух павильонов в Версальском парке: один из них — Малый Трианон — был любимым местопребыванием Марии-Антуанетты.

[^^^]

Дидерот — Дидро Дени (1713–1784), французский философ и писатель. Сперва католик и идеалист, Дидро затем перешел к решительному атеизму и воинствующему материалистическому миросозерцанию. В частности, Дидро славился своими блестящими беседами-импровизациями.

[^^^]

Треножник — на треножнике, устанавливавшемся у расщелины скалы, из которой исходили одуряющие газы, жрицы бога Аполлона — пифии — произносили свои «прорицания».

[^^^]

Афей — атеист, безбожник.

[^^^]

Деист — представитель религиозно-философского направления, допускающего существование бога в качестве творца мира, но отрицающего какое бы то ни было дальнейшее его вмешательство в изначально установленную закономерность явлений природы. Деистом был Вольтер.

[^^^]

Софисты — в Древней Греции странствующие учителя философии, которые расшатывали традиционную религию и мораль, доводя до большого совершенства искусство философского анализа и спора.

[^^^]

Двойственный собор — английский парламент, состоящий из двух «палат»: верхней — палаты лордов и нижней — палаты общин.

[^^^]

Вихорь бури — Великая французская буржуазная революция.

[^^^]

Фурии — богини мщения и кары.

[^^^]

...странствует с кладбища на кладбище. — Во время французской революции прах Вольтера был торжественно перенесен в Пантеон (место погребения великих людей Франции); в разгул реакционных неистовств периода Реставрации роялисты выбросили его на свалку.

[^^^]

Барон д'Ольбах — Гольбах Поль (1723–1789), французский философ-материалист.

[^^^]

Морле Андре (1727–1819) — французский философ и экономист, сотрудник знаменитой «Энциклопедии или объяснительного словаря наук, искусств и ремесел», в которой принимали ближайшее участие выдающиеся французские философы-материалисты XVIII в.

[^^^]

Гальяни (1728–1787) — итальянский аббат, экономист, писатель; был близок с Дидро и другими «энциклопедистами».

[^^^]

Касту Джамбаттиста (1721–1803) — итальянский поэт, автор сатирических поэм и эротических стихотворений.

[^^^]

Александра Васильевна *Алябьева*
(1812–1891) — одна из первых московских кра-
савиц того времени.

[^^^]

Наталья Николаевна *Гончарова* (1812–1863) —
будущая жена Пушкина.

[^^^]

Корреджио (Корреджо) Антонио Аллегри (ок. 1489–1534) — знаменитый итальянский художник.

[^^^]

Канова Антонио (1757–1822) — знаменитый итальянский скульптор.

[^^^]

Диктатор — в Древнем Риме лицо, которому Сенат передавал в исключительных случаях всю полноту государственной власти.

[^^^]

Новоселье (стр. 304). — Обращено к историку, писателю, редактору журнала «Московский вестник», Михаилу Петровичу Погодину (1800–1875), которого 26 апреля 1830 г. Пушкин поздравил с новосельем.

[^^^]

«Когда в объятия мои...» (стр. 304). — Обращено к невесте Пушкина, Н. Н. Гончаровой.

[^^^]

Мадона (стр. 305). — 30 июля 1830 г. Пушкин писал Н. Н. Гончаровой, ставшей уже его невестой, о картине, приписывавшейся итальянскому художнику Пьетро Перуджино (между 1445 и 1452–1523): «...часами простаиваю перед белокурой мадоной, похожей на вас как две капли воды», и шутя прибавлял: «...я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей». Описание этой картины и дано в сонете.

[^^^]

Сион — один из холмов, на которых расположен Иерусалим.

[^^^]

Ответ анониму (стр. 308). — *Аноним* — Иван Александрович Гулянов (1789–1841), выдающийся египтолог, член Российской академии; в связи с предстоящей женитьбой Пушкина послал ему, не подписывая своего имени, приветственное стихотворение, выражая уверенность, что семейное счастье послужит для поэта источником новых творческих вдохновений.

[^^^]

Труд (стр. 309). — Написано в последних числах сентября 1830 г. в связи с окончанием романа в стихах «Евгений Онегин».

[^^^]

Царскосельская статуя (стр. 309). — Имеется в виду находящаяся в Царскосельском парке бронзовая статуя-фонтан «Молочница» скульптора П. П. Соколова на тему басни Лафонтена «Молочница и кувшин».

[^^^]

«Глухой глухого звал к суду судьи глухого...» (стр. 309). — Вольное переложение басни французского поэта Поля Пелисона (1624–1693) «Трое глухих».

[^^^]

Дорожные жалобы (стр. 309). — *Яр* — старый московский ресторан.

[^^^]

Мясницкая — прежнее название улицы Кирова в Москве; в рукописи было «по Никитской», где жила Н. Н. Гончарова.

[^^^]

Прощание («В последний раз твой образ милый...») (стр. 310). — Навеяно воспоминаниями о Е. К. Воронцовой.

[^^^]

Паж, или Пятнадцатый год (стр. 311). — *Керубино* — юный паж в комедии Бомарше «Женитьба Фигаро».

[^^^]

«Румяный критик мой, насмешник толсто-пузый...» (стр. 312). — *Индийская зараза* — холера; на обратном пути из Арзрума Пушкин из-за начавшейся эпидемии чумы провел три дня у *ворот угрюмого Кавказа* в карантине в Гумрах.

[^^^]

Рифма («Эхо, бессонная нимфа...») (стр. 313). — В античном стихосложении рифмы не было, и миф о происхождении ее создан самим Пушкиным.

[^^^]

Отрок (стр. 314). — *Отрок* — гениальный русский ученый и поэт-одописец М. В. Ломоносов.

[^^^]

Заклинание (стр. 314). — Литературным толчком к написанию стихотворения послужило стихотворение на ту же тему очень нравившегося Пушкину английского поэта-романтика Барри Корнуолла (псевдоним Б.-У. Проктера; 1787–1874) «Призыв». Вместе с тем оно проникнуто глубоким личным чувством, связанным с образом Амалии Ризнич.

[^^^]

Леила — героиня поэмы Байрона «Гяур»; тень убитой Леилы в конце поэмы является ее возлюбленному.

[^^^]

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы (стр. 315). — Было опубликовано впервые только после смерти Пушкина с чтением последней строки: «Темный твой язык учу». Как ни прекрасен сам по себе этот стих, однако, по разысканиям исследователей, он принадлежит не Пушкину, а Жуковскому.

[^^^]

Парки — богини человеческой судьбы, одна из которых выпрядала, другая развертывала, а последняя разрывала нить жизни человека. Часто изображались в виде безобразных старух.

[^^^]

Герой (стр. 315). — Эпиграф — вопрос, который, по евангельскому преданию, римский наместник Иудеи Понтий Пилат задал приведенному к нему на суд Христу. Стихотворение было написано в связи с приездом Николая I 29 сентября 1830 г. в Москву, во время холерной эпидемии, что и подчеркивается датой, поставленной под стихами (на самом деле они написаны в октябре того же года). По требованию Пушкина, оно было напечатано без подписи, и авторство его стало известно только после смерти поэта.

[^^^]

Пришлец сей бранный — Наполеон. В следующих строках Пушкиным упоминается итальянская кампания 1796–1797 гг., в которой выдвинулся Наполеон; совершенный им переворот 9 ноября 1799 г., поход в Египет в 1798–1799 гг., наконец, Взятие Москвы в 1812 г.

[^^^]

Зять кесаря — в 1810 г. Наполеон женился на дочери австрийского императора Марии-Луизе.

[^^^]

Скала — остров святой Елены.

[^^^]

Бурьен Луи (1769–1834) — секретарь Наполеона. В 1829–1830 гг. вышли в десяти томах «Мемуары Бурьена», автор которых старается всячески «разоблачать» Наполеона и, между прочим, опровергает рассказ о том, что он, посетив во время египетского похода госпиталь зараженных чумой, касался некоторых из них, желая ободрить их. Уже после написания стихотворения выяснилось, что «Мемуары Бурьена» подложны.

[^^^]

«Вначале жизни школу помню я...» (стр. 317). — В рукописи этот отрывок, написанный болдинской осенью 1830 г. и Пушкиным не печатавшийся, заглавия не имеет и до недавнего времени представлялся загадочным. Исследователи чаще всего склонны были истолковывать его как стилизованный «под Данте» (написан стихотворным размером «Божественной комедии» — терцинами) автобиографический рассказ поэта о своем детстве или школьных годах. Если Пушкин в ранние годы и сопоставлял иронически Лицей с монастырем, а себя с монахом, то подобная стилизация мало вяжется с художественным методом зрелого Пушкина. В то же время имеются основания видеть в этом наброске начало задуманной Пушкиным поэмы о молодом Данте до его «нисхождения в ад», подобно тому как Байрон написал (тоже от лица автора «Божественной комедии» и тоже терцинами) хорошо известную Пушкину поэму о Данте после его «возвращения» на землю — «Пророчество Данте». Но что бы ни представлял со-

бой этот отрывок, он является отнюдь не просто стилизацией, а одним из ярчайших проявлений замечательной способности Пушкина, не изменяя себе, проникаться философским и эстетическим мировоззрением и мышлением самых различных веков и народов. Недаром Белинский считал, что этот отрывок впервые ввел русских читателей в художественный мир и раскрыл им подлинное величие автора «Божественной комедии».

[^^^]

Двух бесов изображенья — статуи Аполлона и Венеры.

[^^^]

«Для берегов отчизны дальней...» (стр. 319). — Навеяно воспоминанием об Амалии Ризнич.

[^^^]

Отрывок («Не розу пафосскую...») (стр. 320). —
Город Пафос на острове Киферы, где, по мифу,
возникла из пены морской Афродита.

[^^^]

Роза феосская — от города Феоса (Теоса) — родины Анакреонта.

[^^^]

Из **Barry Cornwall** (стр. 320). — Из стихотворения Корнуолла взят только эпиграф, явившийся зачином пушкинского стихотворения.

[^^^]

Моя родословная (стр. 321). — Стихотворение не было разрешено к печати Николаем I, но получило широкое распространение в списках и нажило поэту множество врагов при дворе.

[^^^]

Меня зовут аристократом. — В 1830 г. Пушкин принимал ближайшее участие в «Литературной газете» Дельвига, издателя и сотрудников которой полемизировавшие с нею журналисты прозвали «литературными аристократами».

[^^^]

Не офицер я, не асессор, // Я по кресту не дворянин... — Согласно «табели о рангах», установленной Петром I в 1722 г., дворянином становился каждый произведенный в офицеры, достигнувший чина коллежского асессора или получивший за тридцатипятилетнюю службу орден — крест Владимира 4-й степени.

[^^^]

Не торговал мой дед блинами... — Имеется в виду кн. Меншиков, который, по преданию, мальчиком торговал на московских улицах пирогами; его правнук А. С. Меншиков был личным другом Николая I и занимал видные государственные посты.

[^^^]

Не ваксил царских сапогов... — Имеется в виду И. П. Кутайсов, бывший сперва камердинером Павла I, а затем возведенный им в графское достоинство и достигший высших чинов; его сын П. И. Кутайсов был сенатором.

[^^^]

Не пел с придворными дьячками... — Любовник (позднее негласный муж) императрицы Елизаветы гр. А. Г. Разумовский был придворным певчим, его племянник был при Александре I министром народного просвещения.

[^^^]

В князя не прыгал из хохлов... — намек на кн. А. А. Безбородко, одного из видных государственных деятелей времен Екатерины II.

[^^^]

И не был беглым он солдатом... — дед гр. П. А. Клейнмихеля, жестоко управлявшего военными поселениями. В противовес всему этому поэт вкратце рисует историю своих предков, в течение многих веков участвовавших в созидании русского государства.

[^^^]

Нижегородский мещанин — Кузьма Минин.

[^^^]

Страдальца сын — царь Михаил Федорович, отец которого, митрополит Филарет, был пострижен Борисом Годуновым в монахи и позднее провел много лет в польском плену.

[^^^]

Мой пращур — Федор Пушкин, казненный Петром I за участие в заговоре против него.

[^^^]

Мятежом поэт смело называет восшествие на престол бабки Николая I Екатерины II, в результате дворцового переворота 1762 г., во время которого его дед Лев Александрович Пушкин остался вместе с фельдмаршалом *Минихом* верен присяге, данной Петру III.

[^^^]

Гербовая печать — печать с изображением герба рода Пушкиных.

[^^^]

Я Пушкин просто, не Мусин... — В XVIII в. род Пушкиных захирел, а их боковая ветвь — Мусины-Пушкины получили графский титул и выдвинулись в первые ряды послепетровской знати.

[^^^]

И был отец он Ганнибала... — Иван Абрамович Ганнибал (1737 или 1736–1801), генерал-поручик, герой Чесменского боя, взявший турецкую крепость Наварин.

[^^^]

...он в Мещанской дворянин. — Мещанская — улица в Петербурге, известная в то время своими притонами, с которыми была связана в молодости жена Булгарина.

[^^^]

Цыганы («Над лесистыми берегами...») (стр. 323). — *Не пойдет уж ваш поэт.* — В бытность в ссылке в Кишиневе Пушкин однажды присоединился к кочующему цыганскому табору и провел в нем несколько дней.

[^^^]

«Перед гробницею святой...» (стр. 324). — Перед гробницей Кутузова в Казанском соборе в Петербурге.

[^^^]

Сей остатной — оставшийся, последний: Ку-
тузов выдвинулся уже во время Екатерины II,
в русско-турецких войнах 1770–1790 гг.

[^^^]

Клеветникам России (стр. 325). — Впервые — в брошюре «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» 1831 г. Написано, как и предыдущее стихотворение, в связи с польским восстанием 1830–1831 гг., которое Ф. Энгельс называл «консервативной революцией». Пушкин видел в нем угрозу целостности и безопасности русского государства, особенно в связи с ожесточенной антирусской кампанией, поднятой в иностранной, главным образом французской, прессе, и с враждебными выступлениями во французском парламенте, прямо призывавшими к войне с Россией. Против этих «клеветников, врагов России», мечтавших о реванше за 1812 г., в основном и направлено стихотворение.

[^^^]

Волнения Литвы — польское восстание.

[^^^]

Прага — укрепленное предместье Варшавы.

[^^^]

Того, под кем дрожали вы? — Наполеона.

[^^^]

Измаильский штык. — Одним из самых блистательных подвигов Суворова было взятие в 1790 г. штурмом турецкой крепости Измаил, считавшейся неприступной.

[^^^]

Бородинская годовщина (стр. 326). — Опубликовано в упомянутой выше брошюре, написано по получении известия о взятии русскими войсками Варшавы, которое произошло как раз в день годовщины Бородинского сражения — 26 августа 1831 г.

[^^^]

...послушных воле гордой... — воле Наполеона.

[^^^]

Мутители палат — ораторы французского парламента.

[^^^]

Куда отвинем строй твердынь? — Консервативные польские шляхетские круги требовали присоединения к Польше Украины.

[^^^]

Могучий мститель злых обид — фельдмаршал И. Ф. Паскевич, после смерти Дибича ставший во главе русских войск, действовавших против польских повстанцев.

[^^^]

Младого внука своего, — Известие о взятии
Варшавы привез Николаю I внук Суворова,
А. А. Суворов.

[^^^]

«Чем чаще празднует лицей...» (стр. 329). —
Написано к двадцатилетней лицейской годовщине.

[^^^]

Шести друзей не узрим боле... — К этому времени умерло шесть лицейстов первого выпуска: Ржевский, Корсаков, Саврасов, Костенский, Дельвиг и Есаков. Особенно потрясен был Пушкин смертью Дельвига, умершего 14 января 1831 г.

[^^^]

«И дале мы пошли...». «Тогда я демонов увидел **черный рой...**» (стр. 330). — Шутливые вариации на мотивы первой части «Божественной комедии» Данте «Ад». Проводником Данте по кругам ада был древнеримский поэт Вергилий.

[^^^]

Мальчику (*Из Катутла*) (стр. 332). — Перевод стихотворения римского поэта Катутла (I в. до н. э.) «Ad rosillatorem» («Виночерпию»), первая строка из которого дана в качестве эпитафа.

[^^^]

Фалерн — воспевавшееся римскими поэтами крепкое (выдерживалось около десяти лет) вино, обычно разбавлявшееся водой или медом.

[^^^]

В альбом А. О. Смирновой (стр. 332). — Пушкин убеждал А. О. Смирнову-Россет, которая была близка к царской семье и двору, писать «исторические записки» обо всем виденном и слышанном; с этой целью он подарил ей альбом, в качестве эпиграфа вписав данное стихотворение.

[^^^]

В альбом к ж. А. Д. Абамелек (стр. 332). — Анна Давыдовна *Абамелек* — поэтесса, переводчица и одна из прославленных петербургских красавиц. Пушкин нянчил ее двухлетним ребенком, будучи еще лицеистом.

[^^^]

Гнедичу («С Гомером долго ты беседовал один...») (стр. 333). — Ответ на восторженное послание Гнедича Пушкину по прочтении его «Сказки о царе Салтане».

[^^^]

Скрижали — мраморные доски, на которых, по Библии, были высечены десять заповедей Моисея, полученные им от бога на горе Синай; Моисей в гневе их разбил, застав народ поклоняющимся идолам.

[^^^]

Илион — Троя, осада и взятие которой греками описаны в «Илиаде» Гомера.

[^^^]

Красавица («Всё в ней гармония, всё диво...») (стр. 333). — Написано в альбом графине Елене Михайловне Завадовской (1807–1874).

[^^^]

(Из Ксенофана Колофонского) (стр. 334). — Стихотворение переведено из греческого сборника «Пир мудрецов» (с перевода его на французский язык Лефевром), составленного ученым Афением (III–II вв. до н. э.). Написано Ксенофаном из Колофона (VI–V вв. до н. э.).

[^^^]

«Бог веселый винограда...» (стр. 335). — Перевод взятого из того же сборника стихотворения поэта Эвбула (IV в. до н. э.).

[^^^]

Вино (*Ион Хиосский*) (стр. 335). — Перевод взятого из того же сборника стихотворения поэта Иона с острова Хиос (V в. до н. э.).

[^^^]

Гусар (стр. 336). — По мотивам украинского фольклора.

[^^^]

Будрыс и его сыновья (стр. 340). — Перевод баллады Мицкевича «Три Будрыса».

[^^^]

Паз — сын Ольгерда, великого князя литовского.

[^^^]

Кестут — воевода, брат Ольгерда.

[^^^]

Крыжаки — крестоносцы, члены Тевтонского ордена, с которым литовцы находились в постоянной борьбе.

[^^^]

Воевода (стр. 342). — Вольный перевод баллады Мицкевича «Засада».

[^^^]

«Когда б не смутное влеченье...» (стр. 344). —
В рукописи помета: «1833, дорога, сентябрь».

[^^^]

«Колокольчики звенят...» (стр. 344). — Песня цыганки, написанная Пушкиным для начатой его близким знакомым, композитором графом Михаилом Юрьевичем Виельгорским (1788–1856) оперы «Цыганы» (с пушкинской поэмой она не была связана).

[^^^]

Осень (Отрывок) (стр. 344). — Написано поэтом во время второй осени, проведенной им в Болдине в 1833 г., тоже творчески очень плодотворной, хотя и уступающей необыкновенному творческому подъему болдинской осени 1830 г., воспоминаниями о которой скорее всего и подсказаны заключительные (начиная с X) строфы. Эпиграф из стихотворения Державина: «Евгению. Жизнь Званская», тоже описывающего свой быт в имении «Званка».

[^^^]

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (стр. 349). — Единственное за все время семейной жизни обращение поэта к жене, упорно противившейся его стремлению бросить все и уехать из Петербурга в деревню, чтобы полностью отдаться литературному труду. Выходу поэта в отставку и его удалению от двора препятствовал и царь.

[^^^]

«Он между нами жил...» (стр. 349). — ...он, вдохновен был свыше... — Пушкина восхищала необыкновенная способность Мицкевича к литературным импровизациям. Одна из них была посвящена теме любви, которая должна соединить в будущем все народы. Позиция Пушкина в польском вопросе, отразившаяся в его стихах, связанных с польским восстанием 1830–1831 гг., вызвала чрезмерную отповедь Мицкевича в его стихотворении «Русским друзьям». Ответом на это последнее и является настоящее стихотворение, которое не было доработано и доведено до конца.

[^^^]

Песни западных славян (стр. 349). — Первые девять песен, входящие в состав цикла, и песни 13-я и 16-я — более или менее вольный перевод из сборника «Гузла» Проспера Мериме, хотя и бывшего мистификацией, но все же опирающегося на мотивы славянского фольклора. Песни 10-я, «Соловей», и 14-я, «Сестра и братья», переведены из сборника сербских песен Бука Караджича. Песня 12-я, «Воевода Милош», написана на основании книги Бука Караджича «Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича» (1825) и устных рассказов, слышанных Пушкиным в Кишиневе. Подлинник песни 15-й, «Яныш королевич», на который Пушкин ссылается в примечании, не обнаружен. Наконец, «Песня о Георгии Черном» полностью принадлежит самому Пушкину, который издавна интересовался его личностью (см. стих. «Дочери Карагеоргия») и, будучи в Кишиневе, собирал о нем сведения. Книжным источником послужило поэту «Путешествие в Молдавию, Валахию, Сербию» Д. Н. Бантыш-Каменского (М., 1810).

[^^^]

Фома I был тайно умерщвлен своими двумя сыновьями Стефаном и Радивоем в 1460 году. Стефан ему наследовал. Радивой, негодуя на брата за похищение власти, разгласил ужасную тайну и бежал в Турцию к Магомету II. Стефан, по внушению папского легата, решился воевать с турками. Он был побежден и бежал в Ключ-город, где Магомет осадил его. Захваченный в плен, он не согласился принять магометанскую веру, и с него содрали кожу (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

*Щиколодка, по московскому наречию щикол-
ка (примечание автора — верстальщик).*

[^^^]

Так называют себя некоторые иллирийские раскольники (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Фаланга, палочные удары по пятам (примечание автора — верстальщик).

[^^^]

Радивой никогда не имел этого сана; и все члены королевского семейства истреблены были султаном (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

*Кафтан, обыкновенный подарок султанов
(примечание автора — верстальщик).*

[^^^]

Анахронизм (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Трогательный обычай *братования*, у сербов и других западных славян, освящается духовными обрядами (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Неизвестно, к какому происшествию относится эта песня (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Потеря сражения приписывается далматам, ненавистным для вlahов (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Жи́ды в турецких областях суть вечные предметы гонения и ненависти. Во время войны им доставалось от мусульман и христиан. Участь их, замечает В. Скотт, походит на участь летучей рыбы. — Мериме (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Банялука, прежняя столица Боснийского пашалыка (примечание автора — верстальщик).

[^^^]

Селихтар, меченосец (примечание автора — верстальщик).

[^^^]

Все народы почитали жабу ядовитым животным (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Мицкевич перевел и украсил эту песню (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Влахи — сербская народность, живущая в горах Далмации.

[^^^]

Цехины — старинная венецианская золотая монета.

[^^^]

Долиман — турецкая длиннополая одежда.

[^^^]

Гайдук, глава, начальник. Гайдуки не имеют пристанища и живут разбоями (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Западные славяне верят существованию упырей (*vampire*). См. песню о *Марке Якубовиче* (примечание автора — верстальщик).

[^^^]

Мериме поместил в начале своей *Guzla* известие о старом гусляре Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он когда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание славянина-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla que j'aie vu, qui fût aussi poète; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poète est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa baliade intitulée *L'Aubépine de Veliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parents ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingénehs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent

en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart[37]. Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert: car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'eut pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitements. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérocher. Le moine qui l'avait rebaptisé l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'*ayan*. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade, qui

trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation[38].

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitants des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par coeur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterrements, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Scign, se souciant fort peu de ses parents, dont il ignore encore le destin car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poète et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche morlaque, nommé Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut

connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les mœurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parents pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des heyduques [39].

Il vécut longtemps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les pandours[40]. Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint

s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfants. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent, qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfants s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très facilement l'illyrique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas***, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son

nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'oeil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtements étaient assez vieux, mais encore très propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai quand je serai rassasié. Nous dinâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée,

remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelquesuns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux, une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle; mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeura depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui,

avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets, qu'il m'avait pris.

En 1817 je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfants et petits-enfants me sautèrent au cou et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

<Перевод:

Заметка об Иакинфе Маглановиче.

Иакинф Магланович — единственный мне знакомый гусяр, который в то же время был поэтом; большинство гусяров повторяют старые песни или самое большее — сочиняют подражания, заимствуя стихов двадцать из одной баллады, столько же из другой и связывая все это при помощи скверных стихов собственного изделия.

Поэт наш родился в Звониграде, как он сам говорит об этом в балладе «Боярышник рода

Велико». Он был сын сапожника, и его родители, по-видимому, не сильно беспокоились о его образовании, ибо он не умеет ни читать, ни писать. В возрасте восьми лет он был похищен *чинженегами*, или цыганами. Эти люди увели его в Боснию, где и обучили своим штукам и без труда обратили его в магометанство, исповедуемое большинством среди них[41]. Один «*айан*», или старшина, в Ливно отобрал его у цыган и взял себе в услужение, где он и пробыл несколько лет.

Ему было пятнадцать лет, когда один католический монах обратил его в христианство, рискуя быть посаженным на кол в случае обнаружения этого, ибо турки отнюдь не поощряют миссионерской деятельности. Юный Иакинф недолго задумывался над тем, чтобы покинуть своего хозяина, достаточно сурового, как и большинство босняков; но, уходя из его дома, он задумал отомстить за дурное обращение. Однажды ночью, в грозу, он ушел из Ливно, захватив с собой шубу и саблю хозяина, с несколькими цехинами, какие ему удалось похитить. Монах, окрестивший его, сопровождал его в бегстве, совершенном, вероятно,

по его совету.

От Ливно до Синя, в Далмации, не больше чем миль двенадцать. Беглецы скоро прибыли туда, под покровительство венецианского правительства, в безопасности от преследований айана. Здесь-то Магланович сочинил свою первую песню: он воспел свое бегство в балладе, которая привлекла внимание некоторых, и с нее-то началась его известность[42].

Но он был без средств к существованию, а по природе своей не слишком был расположен к труду. Благодаря морлацкому гостеприимству некоторое время он жил на подавания сельских жителей, оплачивая им пением какой-нибудь заученной им старой песни. Вскоре он сам сочинил несколько новых песен на случай свадеб и погребений, и его присутствие стало настолько необходимым, что праздник был не в праздник, если на нем не было Маглановича с его гузлой.

Так он жил в окрестностях Синя, мало беспокоясь о своих родных, судьба которых ему доныне осталась неизвестной, так как со дня похищения он ни разу не бывал в Звонигра-

де.

В двадцать пять лет это был красивый молодой человек, сильный, ловкий, прекрасный охотник и сверх того знаменитый поэт и музыкант, его уважали все, в особенности девушки. Та, которой он отдавал предпочтение, звалась Марией и была дочерью богатого морлака по имени Злариновича. Он легко добился взаимности и, по обычаю, похитил ее. У него был соперник по имени Ульян, нечто вроде местного сеньора, который заранее проведал о похищении. Иллирийские нравы таковы, что отвергнутый любовник легко утешается и не косится на своего счастливого соперника; но этот Ульян решил ревновать и препятствовать счастью Маглановича. В ночь похищения он явился с двумя слугами в ту минуту, когда Мария уже села на лошадь, чтобы следовать за возлюбленным. Ульян угрожающим голосом приказал остановиться. Соперники, по обычаю, были вооружены. Магланович выстрелил первый и убил сеньора Ульяна. Если бы у него была семья, то она поддержала бы его, и он не покинул бы страны из-за таких пустяков, но он был одинок,

против него — готовая на месть вся семья убитого. Он быстро пришел к решению и скрылся с женой в горах, где присоединился к гайдукам[43].

Он долго жил с ними и даже был ранен в лицо при схватке с пандурами[44]. Наконец, заработав кое-какие деньги, как я полагаю, не особенно честным способом, он оставил горы, купил скот и поселился в Каттаро с женой и детьми. Дом его около Смоковича, на берегу речонки или потока, впадающего в озеро Врана. Жена и дети заняты коровами и фермой, он же вечно в разъездах; часто посещает он своих старинных друзей гайдуков, но не принимает уже участия в их опасном промысле.

Я встретил его в Заре впервые в 1816 г. В то время я свободно говорил по-иллирийски и сильно желал услышать какого-нибудь известного поэта. Мой друг, уважаемый воевода Николай ***, встретил в Белграде — месте своего жительствова — Иакинфа Маглановича, ему ранее известного, и, зная, что он направлялся в Зару, снабдил его письмом ко мне. Он писал мне, что если я желаю послушать гусляра, то должен сперва подпойть его, ибо

вдохновение на него сходило лишь тогда, когда он бывал почти пьян.

Иакинфу было в то время около шестидесяти лет. Это — высокий человек, еще крепкий и сильный для своего возраста, широкоплечий, с необычайно толстой шеей; лицо его удивительно загорелое, глаза маленькие и слегка приподнятые по углам, орлиный нос, довольно красный от крепких напитков, длинные белые усы и густые черные брови, все это вместе дает образ, незабываемый для того, кто видел его хоть раз. Прибавьте к тому длинный шрам через бровь и вдоль щеки. Непостижимо, как он не лишился глаза при таком ранении. Голова у него была бритая, по почти всеобщему обычаю, и носил он черную барашковую шапку; платье его было очень поношенное, но притом весьма опрятное.

Войдя ко мне в комнату, он передал мне письмо воеводы и присел без стеснения. Когда я прочел письмо, он сказал тоном довольно презрительного сомнения: — Так вы говорите по-иллирийски. — Я отвечал немедленно на этом языке, что достаточно понимаю по-иллирийски, чтобы оценить его песни, ко-

торые мне очень хвалили. — Ладно, ладно, — отвечал он, — но я хочу есть и пить; я буду петь, когда поем. — Мы вместе пообедали. Мне показалось, что он голодал по меньшей мере дня четыре, с такой жадностью он ел. По совету воеводы, я подливал ему, и друзья мои, которые, услышав о его приходе, пришли ко мне, наполняли его стакан ежеминутно. Мы надеялись, что, когда этот необычайный голод и жажда будут удовлетворены, наш гость соблаговолит нам что-нибудь спеть. Но ожидания наши оказались напрасны. Вдруг он встал из-за стола и, опустившись на ковер у огня (дело было в декабре), заснул в пять минут, и не было никакой возможности разбудить его.

Я был удачливее в другой раз: я постарался напоить его лишь настолько, чтобы воодушевить его, и тогда он спел мне много баллад, находящихся в этом сборнике.

Должно быть, голос его был прежде хорош, но тогда он был немного разбит. Когда он пел, играя на гузле, глаза его оживали и лицо принимало выражение дикой красоты, которую художники охотно заносят на полотно.

Он расстался со мною довольно странным способом: пять дней жил он у меня и на шестой утром ушел, и я тщетно ждал его до вечера. Мне сказали, что он ушел из Зары к себе домой; но в то же время я заметил исчезновение пары английских пистолетов, которые, до его поспешного ухода, висели у меня в комнате. Я должен добавить, к его чести, что он мог равным образом унести и мой кошелек, и золотые часы, которые были раз в десять дороже, чем взятые им пистолеты.

В 1817 году я провел два дня в его доме, где он принял меня, выказав живейшую радость. Жена его и все дети и внуки окружили меня и обнимали, а когда я ушел от них, старший сын служил мне проводником в горах в течение нескольких дней, причем невозможно было уговорить его принять какое бы то ни было вознаграждение (*франц.*). > (*примечание автора — верстальщик*)

[^^^]

Вурдалаки, вудкодлаки, упыри — мертвецы, выходящие из своих могил и сосущие кровь живых людей (примечание автора — верстальщик).

[^^^]

Лекарством от укушения упыря служит земля, взятая из его могилы (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

По другому преданию, Георгий сказал товарищам: «Старик мой умер, возьмите его с дороги» (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания сербских песен Вука Стефановича (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Песня о Яньше королевиче в подлиннике очень длинна и разделяется на несколько частей. Я перевел только первую, и то не всю (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Вила — русалка в сербских поверьях.

[^^^]

(Из Анакреона). *Отрывок* («Узнают коней ретивых...») (стр. 380). — Из произведений древнегреческого поэта Анакреонта почти ничего не сохранилось. Позднее, около начала нашей эры, подражателями Анакреонта был составлен сборник «Анакреонтических стихотворений», получивший большую популярность, но Анакреонту на самом деле не принадлежавший. Из данного сборника Пушкиным и переведены это и два следующих стихотворения.

[^^^]

Полководец (стр. 382). — Посвящено Михайлу Богдановичу Барклаю-де-Толли (1761–1818), который в начале войны 1812 г. был главным командующим русской армии. Тактика Барклая — отступление в глубь страны — вызвала резкое недовольство в войсках и при дворе. Барклай был смещен, и на его место был назначен Кутузов, который продолжал ту же тактику. Поступивший к нему под начало Барклай участвовал в ряде сражений, появляясь во всех наиболее опасных местах. После Бородинской битвы он писал Александру I: «26 августа не сбылось мое пламеннейшее желание: провидение пощадило жизнь, которая меня тяготит».

[^^^]

Палата — «Военная галерея» бывшего Зимнего дворца, в которой помещены портреты участников войны 1812–1814 гг., написанные английским художником Доу.

[^^^]

Из А. Шенье (стр. 384). — Перевод стихотворения Шенье «Oeta, mont ennoblí par cette nuit ardente...» («Эта гора, облагороженная той пылающей ночью...»).

[^^^]

Алкид — одно из имен главного героя древнегреческих эпических преданий, Геркулеса — олицетворения физической мощи. По преданию, один из кентавров, смертельно раненный Геркулесом, решив погубить героя, подарил его жене ядовитую рубашку, омоченную в его крови. При этом он уверил ее, что, если любовь Геркулеса к ней ослабнет, она должна дать ему надеть эту рубашку. Жена так и сделала. Рубашка стала разъедать его тело. Мучимый ужасной болью, Геркулес взойшел на гору Эту, соорудил костер и бросился в него. Когда огонь запылал, герой на облаке, посланном к нему отцом его Зевсом, был вознесен на Олимп.

[^^^]

Палица — главное оружие Геркулеса.

[^^^]

Немейский лев — мифическое чудовище, задушенное Геркулесом, — первый из совершенных им подвигов.

[^^^]

«Кто из богов мне возвратил...» (стр. 384). —
Вольное переложение оды Горация «К Пом-
пею Вару».

[^^^]

Странник (стр. 385). — Сжатое переложение начала первой главы произведения английского иисателя-проповедника эпохи английской революции Джона Беньяна (1628–1688) «Путешествие странника из сего мира в грядущий».

[^^^]

«...**Вновь я посетил...**» (стр. 387). — Написано в связи с приездом осенью 1835 г. — последний раз в жизни — в Михайловское. Няня Пушкина умерла 31 июля 1828 г.

[^^^]

Иные берега, иные волны... — воспоминания
ссылного поэта о Крыме и Одессе.

[^^^]

На выздоровление Лукулла. *Подражание латинскому* (стр. 389). — Это стихотворение является уничтожающим сатирическим выпадом против одного из «столпов» николаевской реакции, министра народного просвещения, главы цензурного ведомства, президента Академии наук графа Сергея Семеновича Уварова (1786–1855). Под *Лукуллом* (имя римского полководца, славившегося необычайной роскошью своих пиров и празднеств — «лукулловы пиры») Пушкин подразумевает известного богача, графа Д. Н. Шереметева, который только что поправился после опасной болезни. Уваров, который должен был по жене наследовать бездетному Шереметеву, уверенный в его неизбежной смерти, поспешил опечатать его имущество. Эта скандальная история разнеслась по всему Петербургу. Стихотворение целиком принадлежит самому Пушкину, подзаголовок — «Подражание латинскому» — дан с целью провести стихи через цензуру. Это вполне удалось: стихотворение было напечатано и сделало Уварова од-

ним из злейших врагов поэта.

[^^^]

Пир Петра Первого (стр. 390). — В основе — исторический факт, засвидетельствованный Ломоносовым и отмеченный Пушкиным в подготовлявшейся им «Истории Петра»: «Петр простил многих знатных преступников, пригласил их к своему столу и пушечной пальбой праздновал с ними примирение». Особую выразительность стихотворению придавало то, что поэт открыл им первую книжку своего журнала «Современник», вышедшую в 1836 г., — десятилетие приговора над декабристами. Как и десять лет назад в «Стансах» 1826 г., поэт, ставя в пример Николаю Петра, призвал его быть «незлобным памятью» — амнистировать декабристов.

[^^^]

Брантов утлый бот. — Брандт — голландец, приехавший в Россию в 1669 г. в качестве подмастерья; по приказанию Петра I починил морскую лодку, ботик, привезенный в свое время англичанами в подарок царю Алексею Михайловичу и остававшийся долгое время без употребления. Ботик, послуживший как бы началом русскому флоту, в 1722 г. был перевезен в Петербург, где ему была устроена торжественная встреча.

[^^^]

Подражание арабскому («Отрок милый, отрок нежный...») (стр. 392). — Три последних стиха подсказаны строками из «Гюлистана» Саади Ширазского: «...я и друг мой жили будто два миндальные ореха в одной скорлупе».

[^^^]

Д. В. Давыдову («Тебе, певцу, тебе, герою!..») (стр. 392). — Обращено к прославленному поэту-партизану Денису Васильевичу *Давыдову* (1784–1839), стихи которого Пушкин очень ценил, считая его в числе своих литературных учителей и говоря, что он «дал ему почувствовать еще в Лицее возможность быть оригинальным». Послано вместе с дарственным экземпляром «Истории Пугачевского бунта». Первая строка — перевод стиха из дарственной надписи французского поэта Арно на книге, посланной им Давыдову.

[^^^]

Мирская власть (стр. 392). — По словам друга Пушкина, поэта П. А. Вяземского, стихотворение, «вероятно, написано потому, что в страстную пятницу в Казанском соборе стоят солдаты на часах у плащаницы».

[^^^]

(Подражание итальянскому) («Как с древа сорвался предатель ученик...») (стр. 393). — Вольный перевод «Сонета об Иуде» итальянского поэта Франческо Джанни (1760–1822) с французского перевода Антони Дешана.

[^^^]

(Из Пиндемопти) (стр. 393). — Ссылка на итальянского поэта И. Пиндемонте (1753–1828) преследует маскировочную цель: на самом деле стихотворение полностью принадлежит Пушкину.

[^^^]

«Альфонс садится на коня...» (стр. 394). — Вольное переложение одного из эпизодов французского романа графа Яна Потоцкого «Десять дней из жизни Альфонса Ван-Вордена» («Dix journées de la vie d'Alphonse Van-Worden». Paris, 1814). Месть повешенных разбойников объясняется в романе тем, что повешенные были несправедливо осуждены.

[^^^]

«Отцы пустынноики и жены непорочны...»
(стр. 395). — Вторая часть стихотворения —
переложение великопостной молитвы Ефре-
ма Сирина.

[^^^]

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (стр. 396). — Эпиграф — начальные слова оды Горация «К Мельпомене».

[^^^]

Александрийский столп — огромная гранитная колонна бывш. Дворцовой площади в Петербурге, сооруженная в память Александра I; в 1834 г. Пушкин специально уехал из Петербурга, не желая присутствовать на торжестве ее «освящения».

[^^^]

Художнику (стр. 397). — Обращено к скульптору Борису Ивановичу Орловскому (наст. фам. — Смирнов) (1796–1837), ученику Торвальдсена, автору памятников Барклаю-де-Толли и Кутузову перед Казанским собором в Петербурге.

[^^^]

«Была пора: наш праздник молодой...» (стр. 397). — Написано к двадцатипятилетней годовщине открытия Лицея; осталось неоконченным.

[^^^]

Чертог царицын — крыло царскосельского дворца, в котором помещался Лицей; на торжественном открытии Лицея 19 октября 1811 г. *Куницын* в присутствии царя и высшей знати произнес горячую и смелую либеральную речь об обязанностях гражданина и воина.

[^^^]

Наш Агамемнон — Александр I (Агамемнон в «Илиаде» Гомера — вождь царей, осаждавших Троию).

[^^^]

Новый царь — Николай I.

[^^^]

Новы тучи — революция 1830 г. во Франции;
польское восстание 1830–1831 гг.

[^^^]

На статую играющего в свайку (стр. 399). На
статую играющего в бабки (стр. 399). — Стихо-
творения посвящены произведениям моло-
дых скульпторов А. В. Логановского
(1810–1855) и Н. С. Пименова (1812–1864), пока-
занным осенью 1836 г. на выставке в Акаде-
мии художеств.

[^^^]

Дискобол — знаменитая статуя метателя диска, работы древнегреческого скульптора Мирона (V в. до н. э.).

[^^^]

ПОЭМЫ

Руслан и Людмила (стр. 403). — Поэма начата в 1817 г. и закончена 26 марта 1820 г., меньше чем за полтора месяца до высылки Пушкина из Петербурга на юг (за исключением эпилога, написанного уже на Кавказе).

Отрывки из поэмы были опубликованы вскоре же после ее окончания в журналах «Невский зритель» и «Сын отечества». Отдельным изданием поэма вышла из печати между 23 июля — 10 августа 1820 г.

Для второго издания поэмы, вышедшего в 1828 г., Пушкин добавил стихотворное введение «У лукоморья дуб зеленый...», первые строки которого представляют собой переложение эпизода из сказки, рассказанной поэту во время ссылки в Михайловском няней Ариной Родионовной.

[^^^]

Стр. 424. *Князь Тавриды* — фаворит Екатерины II, князь Г. А. Потемкин-Таврический.

[^^^]

Стр. 440. *Поэзии чудесный гений* — В. А. Жуковский, фабулу поэмы которого «Двенадцать спящих дев» (2-я часть «Вадим») Пушкин шутовливо пародирует в эпизоде пребывания Ратмира в замке дев.

[^^^]

Стр. 443. *Омер* — Гомер.

[^^^]

Стр. 444. ...лицемерная Диана // Пред милым пастырем своим... — Диана, богиня луны, считалась девственницей. Однако она каждый вечер спускалась в пещеру к погруженному ею в вечный сон возлюбленному — красавцу пастуху Эндимиону.

[^^^]

Стр. 446. *Лемноса хромой кузнец* — Вулкан.

[^^^]

Кавказский пленник (стр. 470). — Поэма начата в Гурзуфе в августе 1820 г. под непосредственным впечатлением от только что совершенной Пушкиным поездки на Кавказские минеральные воды. Сначала поэт хотел выдвинуть на первый план описание кавказской природы, быта и нравов горцев и предполагал назвать поэму «Кавказ». Однако затем в соответствии с основной задачей, поставленной им перед собой, непосредственно связал ее заглавие с образом героя. Поэма в основном была закончена в первой половине 1821 г. в Каменке. Критика встретила «Кавказского пленника» (не считая отдельных небольших замечаний) восторженно. Второе издание поэмы вышло в 1828 г. со следующим предисловием Пушкина: «Сия повесть, снисходительно принятая публикою, обязана своим успехом верному, хотя слегка означенному, изображению Кавказа и горских нравов. Автор также соглашается с общим голосом критиков, справедливо осудивших характер пленника, некоторые отдельные черты и

проч.». В издании «Поэм и повестей» 1835 г. (третья прижизненная публикация поэмы) это предисловие было снято.

Посвящена поэма другу Пушкина и его спутнику в поездке на Кавказские воды и в Крым, сыну генерала Раевского, Н. Н. Раевскому, который, будучи еще мальчиком, принял «вослед отца героя» участие в Отечественной войне 1812 г.

[^^^]

Бешту, или, правильнее, *Бештау*, кавказская гора в 40 верстах от Георгиевска. Известна в нашей истории (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Аул. Так называются деревни кавказских народов (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Уздень, начальник или князь (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Шашка, черкесская сабля (примечание автора — верстальщик).

[^^^]

*Сакля, хижина (примечание автора — вер-
стальщик).*

[^^^]

Кумыс делается из кобыльего молока; напиток сей в большом употреблении между всеми горскими и кочующими народами Азии. Он довольно приятен вкусу и почитается весьма здоровым (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Счастливым климат Грузии не вознаграждает сию прекрасную страну за все бедствия, вечно ею претерпеваемые. Песни грузинские приятны и по большей части заунывны. Они славят минутные успехи кавказского оружия, смерть наших героев: Бакунина и Цицианова, измены, убийства — иногда любовь и наслаждения (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Державин в превосходной своей оде графу Зубову первый изобразил в следующих строфах дикие картины Кавказа:

*О юный вождь, сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как с ребр там страшных гор ли-
ясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.*

*Ты зрел, как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь го-
рит;
Как глыба там сизо-янтарна,
Навесаь, смотрит в темный бор;
А там заря златобагряна*

Сквозь лес увеселяет взор.

Жуковский, в своем послании к г-ну Воейкову, также посвящает несколько прелестных стихов описанию Кавказа:

*Ты зрел, как Терек в быстром
беге
Меж виноградников шумел,
Где, часто притаясь на бреге,
Чеченец иль черкес сидел
Под буркой, с гибельным арканом;
И вдалеке перед тобой,
Одеты голубым туманом,
Гора вздымалась над горой,
И в сонме их гигант седой,
Как туча, Эльборус двуглавый,
Ужасною и величавой
Там все блистает красотой:
Утесов мшистые громады,
Бегущи с ревом водопады
Во мрак пучин с гранитных скал;
Леса, которых сна от века
Ни стук секир, ни человека
Веселый глас не возмущал,
В которых сумрачные сени
Еще луч дневный не проник,
Где изредка одни елени,
Орла послышав грозный крик,*

Теснясь в толпу, шумят ветвями,
И козы легкими ногами
Перебегают по скалам.
Там все является очам
Великолепие творенья!
Но там — среди уединенья
Долин, таящихся в горах,—
Гнездятся и балкар, и бах,
И абазех, и камуцинец,
И карбулак, и албазинец,
И чечереец, и шапсук;
Пищаль, кольчуга, сабля, лук
И конь — соратник быстроногий
—

Их и сокровища и боги;
Как серны скачут по горам,
Бросают смерть из-за утеса;
Или по топким берегам,
В траве высокой, в чаще леса
Рассыпавшись, добычи ждут;
Скалы свободы их приют.
Но дни в аулах их бредут
На костылях угрюмой лени:
Там жизнь их — сон; стеснясь в
кружок
И в братский с табаком горшок
Вонзивши чубуки, как тени
В дыму клубящемся сидят

*И об убийствах говорят,
Иль хвалят меткие пищали,
Из коих деды их стреляли;
Иль сабли на кремнях острят,
Готовясь на убийства новы.*

— (примечание автора — верстальщик.

[^^^]

Чихирь, красное грузинское вино (примечание автора — верстальщик).

[^^^]

Черкесы, как и все дикие народы, отличаются пред нами гостеприимством. Гость становится для них священной особою. Предать его или не защитить почитается меж ними за величайшее бесчестие. *Кунак* (т. е. приятель, знакомый) отвечает жизнью за вашу безопасность, и с ним вы можете углубиться в самую средину кабардинских гор (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Байран, или байрам, праздник разговенья. Рамазан, музульманский пост (примечание автора — верстальщик).

[^^^]

Мстислав, сын св. Владимира, прозванный *Удалым*, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. См. *Ист. Гос. Росс. Том II (примечание автора — верстальщик)*.

[^^^]

Гавриилиада (стр. 492). — Поэма, пародийно, в духе Вольтера и религиозных поэм Парни, вышучивающая христианский догмат о непорочном зачатии, писалась в Кишиневе в апреле 1821 г. Поэма была сочувственно встречена в декабристских кругах (см. письмо Пушкина к А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 г., из которого видно, что последнему «нравится Благовещение», т. е., очевидно, именно «Гавриилиада»). Жандармский генерал Бибииков в своем доносе на Пушкина Бенкендорфу от 8 марта 1826 г., т. е. в самый разгар следствия над декабристами, называет «Гавриилиаду» «бунтовскими стихами», которые, нападая «опасным и коварным оружием насмешки на святость религии — узды, необходимой для всех народов и, в особенности, для русских», тем самым «разносят пламя мятежа по всем классам общества» (подлинник по-французски). Однако донос Бибиикова был оставлен тогда без внимания. Между тем поэма получала все большее распространение в списках. В 1828 г. последовал донос петербургскому мит-

рополиту от крепостных некоего штабс-капитана Митькова, которые жаловались, что барин читал им «Гавриилиаду». На этот раз доносу был дан ход, и возникло специальное дело «о развращении отставным шт. — кап. Митьковым своих дворовых людей в понятиях христианской религии чтением рукописи стихотворения «Гавриилиады». По распоряжению Николая I дело было передано на рассмотрение особой следственной комиссии и проходило под непосредственным наблюдением самого царя. Пушкин дважды вызывался на допрос к петербургскому военному генерал-губернатору. Поэт отрицал свое авторство, показав, что ознакомился с «Гавриилиадой», которая «ходила между офицерами Гусарского полку», еще в Лицее, в 1815–1816 гг. и тогда же переписал ее, но впоследствии сжег свой список. Около этого же времени в письме к Вяземскому, которое было послано обычной почтой (и, как, вероятно, на это рассчитывал Пушкин, могло попасть в руки полиции), Пушкин назвал автором «Гавриилиады» умершего за четыре года до этого кн. Д. П. Горчакова, автора многих «колких» сати-

рических произведений, «презревших печать», т. е. ходивших в рукописи. Дело о «Гавриилиаде» могло угрожать Пушкину весьма тягостными последствиями, на что он и намекал в том же письме к Вяземскому: «Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее — «Прямо, прямо на восток». Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла, наконец, «Гавриилиада»; приписывают ее мне; донесли на меня...» (письмо от второй половины августа 1828 г.). Николай I не удовлетворился объяснениями Пушкина на допросах и прямо потребовал, чтобы он назвал автора поэмы. Тогда Пушкин попросил разрешения написать лично царю. Письмо это до нас не дошло, как не дошел и ответ на него царя. В письме к царю Пушкин, очевидно, признавал свое авторство. В конспекте Ю. Н. Бартенева, записавшего рассказы одного из членов следственной комиссии, кн. А. Н. Голицына, значится: «Гаврильяда Пушкина. Отпирательство Пушкина. Признание. Обращение с ним государя». После получения письма от Пушкина по распоряжению царя дело было прекращено.

Автограф «Гавриилиады» до нас не дошел. В черновиках Пушкина сохранился лишь набросок начала плана «Гавриилиады»: «Святой дух, призвав Гавриила, описывает ему свою любовь и производит в сводники. Гавриил влюблен. Сатана и Мария».

Печатающийся в настоящее время текст поэмы реконструирован по нескольким спискам, не всегда надежным.

[^^^]

Братья разбойники (стр. 505). — Уцелевший, видимо, вступительный отрывок большой поэмы, над которой Пушкин работал в 1821–1822 гг. Сохранились два наброска плана ее. Оба они связаны с мотивами народных «разбойничьих» песен, входящих в круг фольклора о Стеньке Разине; с песнями и сказаниями о Разине Пушкин мог познакомиться во время поездки с семьей Раевских летом 1820 г. по Кубани. Их специально собирал Н. Н. Раевский-сын. Кроме того, до нас дошел небольшой черновой набросок начала поэмы. Почти все остальное было то ли из-за неудовлетворенности написанным, то ли по соображениям политической небезопасности уничтожено Пушкиным, о чем он сообщал в письме к декабристу А. А. Бестужеву 13 июня 1823 г.: «Разбойников я сжег — и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского...»

«Братья разбойники», которые и являются этим уцелевшим отрывком, связаны с народной разбойничьей песней «Ах! далече, далече

в чистом поле» — о двух братьях разбойниках — «большом» и «меньшом», которых воспитали, не отец и мать, а «чернадальна сторона». Близок народным песням и ряд отдельных мест и выражений «Братьев разбойников». Интерес к разбойничьей теме, несомненно, подсказывался Пушкину его повышенным вниманием ко всем формам протеста против существовавшего в ту пору политического порядка вещей, даже к такой форме, как уход в разбойники. Поддерживался этот интерес и реальными впечатлениями окружающей действительности. Во время приезда Пушкина в мае 1820 г. в Екатеринославскую губернию там происходили серьезные крестьянские волнения. В бытность Пушкина в Кишиневе по всей Бессарабии шла усиленная борьба с разбойниками из беглых крестьян и повстанцев — борцов за национальную независимость. Писатель А. Ф. Вельтман, встречавшийся с Пушкиным в Кишиневе, считает, что пушкинская поэма о разбойниках связана с впечатлениями от знаменитого молдавского разбойника Урсула. В черновиках «Братьев разбойников» еще опре-

деленнее, чем в окончательном тексте, подчеркивается, что они взялись за свой опасный промысел, *таскуна барскою сохой*», то есть бежав из крепостной неволи. Самый эпизод с бегством двух братьев из городской тюрьмы также подсказан вполне реальным случаем, о чем свидетельствует сам Пушкин в письме к Вяземскому 11 ноября 1823 г.: «Вот тебе и Разбойники. Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы».

«Братья разбойники» были впервые опубликованы в альманахе «Полярная звезда на 1825 год», издававшемся А. Бестужевым и К. Рылеевым, и вышли отдельным изданием в 1827 г.

[^^^]

Бахчисарайский фонтан (стр. 511). — Поэма начата весной 1821 г., основная ее часть написана в 1821 г.; закончена поэма осенью 1823 г. Первоначально Пушкин хотел назвать ее «Харем». Эпиграф взят из стихотворения знаменитого персидского поэта XIII в. Саади. Сперва Пушкин хотел посвятить поэму Н. Н. Раевскому и набросал соответствующее вступление, позднее собирался посвятить ее П. А. Вяземскому. В основе сюжета лежит легенда о похищении крымским ханом Керим-Гиреем польской княжны Марии Потоцкой, еще до ссылки слышанная Пушкиным, по его собственным словам, от одной «молодой женщины», в которую он «был очень долго и очень глупо влюблен» (по новейшим биографическим разысканиям, гр. С. С. Потоцкая, вышедшая в 1821 г. замуж за генерала П. Д. Киселева). Описание Крыма и, в частности, Бахчисарая дано по непосредственным личным впечатлениям поэта. Поэма вышла в 1824 г. с предпосланной ей «вместо предисловия» программной статьей П. А. Вяземского «Разговор

между издателем и классиком с Выборгской стороны или Васильевского острова», в которой выдвигались и защищались основные принципы поэтики романтизма. Поэма была встречена единодушным восторгом критиков, в том числе и приверженцев классицизма, но вокруг статьи «издателя» Вяземского вспыхнула ожесточенная полемика, явившаяся одним из наиболее шумных проявлений тех боев между «классиками» и «романтиками», которые были так характерны для 20-х гг. прошлого века и возникали чаще всего именно вокруг творчества Пушкина. Сам Пушкин, к этому времени все решительнее вступавший на почву художественного реализма, остался в стороне от этой полемики, но в «Письме к издателю «Сына отечества» выразил свое одобрение статье Вяземского.

При подготовке поэмы к печати Пушкин выбросил из нее все то, что, как он сам выразился, «цензура выбросила бы и без меня». Однако поэт решительно возражал против каких-либо дальнейших уступок, «...сделай милость, не уступай этой суке цензуре, отгрызайся за каждый стих, и загрызи ее, если

возможно, в мое воспоминание», — писал Пушкин издателю поэмы Вяземскому.

Еще до выхода в свет поэма получила чрезвычайно широкое распространение. «В Петербурге ходят тысяча списков», — писал Пушкин брату 1 апреля 1824 г. При жизни Пушкина «Бахчисарайский фонтан» вышел еще двумя отдельными изданиями (1827 и 1830 гг.) и вошел в состав первой части «Поэм и повестей» 1835 г.

[^^^]

Цыганы (стр. 525). — Поэма начата в январе 1824 г. в Одессе, где были написаны вчерне первые три отрывка (145 стихов). Примерно через два месяца после приезда в Михайловское Пушкин возобновил работу над «Цыганами» и с исключительной быстротой завершил ее: остальные 394 стиха поэмы были написаны им вчерне за неделю (между 2 и 8 октября). К 10 октября черновик был перебелен и написан эпилог.

Образы поэмы и даже в известной мере ее сюжет подсказаны Пушкину реальными жизненными впечатлениями. В «Биографическом известии об А. С. Пушкине до 1826 года» А. С. Пушкин приводит один эпизод из кишиневского периода жизни брата: «Однажды Пушкин исчез и пропадал несколько дней. Дни эти он прокочевал с цыганским табором, и это породило впоследствии поэму «Цыганы». Сам Пушкин говорит об этом в эпилоге «Цыган»: «За их ленивыми толпами в пустынях часто я бродил...» В набросках к эпилогу были и такие строки: «Почто ж, безумец, меж-

ду вами // В пустынях не остался я, // Почто за
прежними мечтами // Меня влекла судьба
моя?» О том же Пушкин вспоминает и в VIII
главе «Евгения Онегина» и в стихотворении
1830 г. «Цыганы».

В уста старого цыгана Пушкиным вложено
преданье о «святом старике» изгнаннике, то
есть древнеримском поэте Овидии, с «уча-
стью» которого поэт так часто сопоставлял в
это время свою собственную судьбу. «Песня
Земфиры» представляет довольно близкую
переработку народной цыганской хоры (пля-
совой, хороводной песни) на молдавском языке
«Жги меня, жарь меня», которую Пушкин
неоднократно слышал и «дикий напев» кото-
рой в нотной записи был по его просьбе для
него сделан. Поэт послал эти ноты Вяземско-
му, и они были опубликованы вместе с тек-
стом «Песни Земфиры» в «Московском теле-
графе» (1825).

В рукописи Пушкиным были намечены
два эпиграфа к поэме: «Мы люди смирные, де-
вы наши любят волю — что тебе делать у нас.
Молд. песня» и «Под бурей рока — твердый ка-
мень, // В волненьях страсти — легкий лист.

Князь Вяземский».

В день окончания «Цыган» Пушкин сообщил П. А. Вяземскому: «Кстати о стихах: сегодня кончил я поэму «Цыганы». Не знаю, что об ней сказать. Она покамест мне опротивела» (письмо от 8 или 10 октября 1824 г.). Однако позднее поэт снова писал ему: «Я кажется писал тебе, что мои «Цыганы» никуда не годятся: не верь — я соврал — ты будешь ими очень доволен» (письмо от 25 января 1825 г.). В тот же день он отправил с И. И. Пущиным Рылееву отрывок из «Цыган» — первые 93 стиха, которые и были напечатаны в «Полярной звезде на 1825 год». Однако полностью печатать поэму Пушкин не спешил, считая, видимо, ее не вполне завершенной. В январе он снова вернулся к ней и начал было набрасывать совсем новый эпизод — монолог Алеко над колыбелью сына, но, несмотря на упорную работу (четыре редакции и ряд набросков отдельных мест), не закончил его.

Ходившая в списках поэма, проникнутая пафосом вольности и ненавистью к общественно-политическому строю того времени, «однообразному как песнь рабов», имела

огромный успех в кругах декабристов. «От «Цыган» все без ума», — писал Пушкину Рылеев в письме от 25 марта 1825 г. Обстановка, сложившаяся после 14 декабря 1825 г., видимо, заставила Пушкина отложить печатание «Цыган», и отдельное издание их, весьма сочувственно встреченное критикой, появилось только в 1827 г. (без имени автора и с указанием: «Писано в 1824 году»).

[^^^]

Граф Нулин (стр. 543). — Эта первая шутиливо-реалистическая поэма, точнее, повесть в стихах написана всего за два дня — 13 (дата в конце первого беловика) и 14 декабря 1825 г. В своей позднейшей заметке о «Графе Нулине» поэт подробно рассказывает о возникновении замысла своей стихотворной повести, которую сперва он назвал «Новый Тарквиний»: «В конце 1825 г. находился я в деревне. Перечитывая «Лукрецию», довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? Быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те. Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде. Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не

мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть».

Основой сюжета послужило действительное «происшествие», случившееся незадолго до того по соседству с Михайловским и являвшееся, при всей его анекдотичности, весьма характерным для тогдашнего дворянско-поместного быта. «Сделал посещение вроде «Графа Нулина», — записал несколько позднее в дневнике А. Н. Вульф, — с той только разницей, что не получил пощечины». Поэма была впервые опубликована в «Северных цветах на 1828 год», а в декабре 1828 г. вышла вместе с поэмой Баратынского «Бал» отдельной книжкой под общим названием «Две повести в стихах».

[^^^]

Стр. 546. *С ужасной книжкой Гизота...* — Франсуа Гизо (1787–1874) — выдающийся французский историк, выступавший в это время в своих брошюрах против реакционно-го министерства во Франции периода Реставрации, возглавлявшегося крайним монархистом Вилленом.

[^^^]

Пера — Ф. Паэра — директор итальянского театра в Париже.

[^^^]

Тальма Ф.-Ж. (1763–1826) — актер-трагик, выдвинувшийся в эпоху французской революции.

[^^^]

Марс (1779–1847) — комедийная актриса.

[^^^]

Потье Шарль (1775–1838) — актер, выступавший в это время с огромным успехом в модных легких комедиях и водевилях.

[^^^]

Д' Арленкур Шарль (1789–1856) — автор модных псевдоисторических романов «ужасов» и «приключений».

[^^^]

Ламартин Альфонс (1790–1869) — поэт, после выхода в 1820 г. сборника его стихов «Поэтические размышления» считавшийся главой французского романтизма. Сам Пушкин относился к его весьма модной тогда и на Западе и у нас поэзии чаще всего отрицательно и отказывал ему в праве называться романтиком.

[^^^]

Стр. 547. «*Мы получаем Телеграф*» — журнал «Московский телеграф», в котором для привлечения подписчиков печатались в красках образцы новых модных костюмов.

[^^^]

Полтава (стр. 552). — К работе над «Полтавой» Пушкин приступил весной (5 апреля) 1828 г. Первая песнь была закончена только 3 октября. С этого времени работа над «Полтавой» приняла чрезвычайно стремительный темп: за последующие две недели были написаны и перебелены вторая и третья песни (960 стихов). Именно к этому времени, очевидно, и относятся слова Пушкина в позднейшей заметке о «Полтаве»: «Полтаву написал я в несколько дней...» М. В. Юзефович, познакомившийся с Пушкиным во время пребывания его в действующей армии в лагере Паскевича, так рассказывает, со слов самого поэта, о двух октябрьских неделях работы его над «Полтавой»: «Это было в Петербурге. Погода стояла отвратительная. Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда, он ел на скорую руку что попало и убегал домой, чтобы записать

то, что набралось у него на бегу и за обедом. Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвертой части». Рассказ этот полностью подтверждается огромным количеством дошедших до нас черновых рукописей «Полтавы». Эпиграф к ней взят из поэмы Байрона «Мазепа». Сперва Пушкин хотел так же назвать и свою поэму. Не сразу было дано им и имя героине — Мария (дочь Кочубея на самом деле звалась Матреной); сначала он называет ее Натальей, Анной.

Предпосланное поэме посвящение написано уже после ее окончания, 27 октября 1828 г. В рукописи оно сопровождалось припиской «I love this sweet пате» («Я люблю это нежное имя»), характерно перекликающейся со стихами об умирающем казаке: «И имя нежное Марии // Чуть лепетал еще язык». Установление адресата посвящения вызвало много споров, но к настоящему времени можно считать почти полностью доказанным, что оно обращено к Марии Николаевне Вол-

конской.

«Полтава» вышла в свет отдельным изданием в конце марта 1829 г. (вторым изданием — в «Поэмах и повестях» Пушкина 1835 г., ч. 2).

[^^^]

Василий Леонтьевич Кочубей, генеральный судья, один из предков нынешних графов (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Хутор — загородный дом (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

У Кочубея было несколько дочерей; одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но ему отказали (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Предание приписывает Мазепе несколько песен, донныне сохранившихся в памяти народной. Кочубей в своем доносе также упоминает о патриотической думе, будто бы сочиненной Мазепою. Она замечательна не в одном историческом отношении (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Бунчук и булава — знаки гетманского достоинства (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Стр. 556. *Шведский паладин* — шведский король Карл XII, одержавший в начале русско-шведской войны победу над русскими войсками под Нарвой.

[^^^]

Новый, сильный враг. — Речь идет о Наполеоне и его походе на Москву, окончившемся его полным разгромом.

[^^^]

Смотр. *Мазену* Байрона (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Дорошенко, один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Григорий Самойлович, сын гетмана, сосланного в Сибирь в начале царствования Петра I
(*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Симеон Палей, хвастовский полковник, славный наездник. За своевольные набеги сослан был в Енисейск по жалобам Мазепы. Когда сей последний оказался изменником, то и Палей, как закоренелый враг его, был возвращен из ссылки и находился в Полтавском сражении (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Костя Гордеенко, кошевой атаман запорожских казаков. Впоследствии передался Карлу XII. Взят в плен и казнен в 1708 г. (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

20 000 казаков было послано в Лифляндию
(примечание автора — верстальщик).

[^^^]

Стр. 557. *Богдана счастливые споры* — освободительная борьба украинцев в XVII веке против польских помещиков, возглавленная Богданом Хмельницким и завершившаяся договором на собравшейся в 1654 г. Переяславской Раде о соединении Украины с Московским государством.

[^^^]

Мазепа в одном письме упрекает Кочубея в том, что им управляет жена его, *гордая и высокоумная* (примечание автора — верстальщик).

[^^^]

Искра, полтавский полковник, товарищ Кочубея, разделивший с ним его умысел и участь
(*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Езуит Заленский, княгиня Дульская и какой-то болгарский архиепископ, изгнанный из своего отечества, были главными агентами Мазепиной измены. Последний в виде нищего ходил из Польши в Украину и обратно (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Так назывались манифесты гетманов (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Филипп Орлик, генеральный писарь, наперсник Мазепы, после смерти (в 1710) сего последнего получил от Карла XII пустой титул малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Булавин, донской казак, бунтовавший около того времени (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Стр. 562. *За порогами Днепра.* — Имеется в виду Запорожская Сечь.

[^^^]

Тайный секретарь Шафиров и гр. Головкин, друзья и покровители Мазепы; на них, по справедливости, должен лежать ужас суда и казни доносителей (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

В 1705 году. Смотр. примечания к Истории Малороссии, Бантыша-Каменского (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Во время неудачного похода в Крым Казы-Гирей предлагал ему соединиться с ним и вместе напасть на русское войско (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

В своих письмах он жаловался, что доносителей пытали слишком легко, неотступно требовал их казни, сравнивал себя с Сусанною, неповинно оклеветанною незаконными старцами, а графа Головкина с пророком Даниилом (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Деревня Кочубея (*примечание автора — вер-
стальщик*).

[^^^]

Уже осужденный на смерть, Кочубей был пытан в войске гетмана. По ответам несчастного видно, что его допрашивали о сокровищах, им утаенных (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Стр. 574. *Забела, Гамалей* — украинские полковники, приверженцы Мазепы.

[^^^]

Войско, состоявшее на собственном иждивении гетманов (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Стр. 580. *Хитрый кардинал* — кардинал Монтальто (1521–1590), затем римский папа Сикст V, который до выбора его в папы выдавал себя за слабого, немощного старика, а едва был выбран, сразу же отбросил костыли и запел благодарственный псалом.

[^^^]

Сильные меры, принятые Петром с обыкновенной его быстротой и энергией, удержали Украину в повиновении.

«1708 ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки по обычаю своему вольными голосами выбрали в гетманы полковника стародубского Ивана Скоропадского.

8-го числа приехали в Глухов киевский, черниговский и переяславский архиепископы.

А 9-го дня предали клятве Мазепу оные архиереи публично; того же дня и персону (куклу) оногo изменника Мазепы вынесли и, сняв кавалерию (которая на ту персону была надеята с бантом), оную персону бросили в палачевские руки, которую палач, взяв и прицепя за веревку, тащил по улице и на площади даже до виселицы, и потом повесили.

В Глухове же 10-го дня казнили Чечеля и прочих изменников...» (*Журнал Петра Великого.*)

— (примечание автора — верстальщик).

[^^^]

Малороссийское слово. По-русски — палач
(*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Чечель отчаянно защищал Батурин против войск князя Меншикова (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Запорожский атаман — Костя Гордеенко, о котором Пушкин говорит в 11-м примеч. к поэме (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

В Дрезден к королю Августу. См.: *Voltaire. Histoire de Charles XII* (примечание автора — верстальщик).

[^^^]

— Ах, ваше величество! бомба!.. — «Что есть общего между бомбою и письмом, которое тебе диктуют? пиши». Это случилось гораздо после (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Ночью Карл, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, сидевших у огня. Он поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из собственных рук. Казаки дали по нем три выстрела и жестоко ранили его в ногу (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Стр. 583. *Розен, Шлипенбах* — шведские генералы, атаковавшие русские позиции, но отрезанные от своих и принужденные — сперва Шлипенбах, а затем прорвавшийся было Розен — сдаться.

[^^^]

Стр. 584. *Шереметев* Б. П. (1652–1719) — генерал-фельдмаршал, один из крупнейших военачальников петровского времени, во время полтавского сражения командовал центром русской армии.

[^^^]

Брюс Я. В. (1670–1735) — генерал-фельдцейхмейстер, начальствовал артиллерией.

[^^^]

Боур Р. Х. (1667–1717) — генерал от кавалерии, командовал правым флангом.

[^^^]

Репнин А. И. (1668–1726) — также один из крупнейших боевых генералов эпохи Северной войны.

[^^^]

Полудержавный властелин — один из ближайших сподвижников Петра, кн. А. Д. Меншиков, командовавший левым флангом и особенно отличившийся во время полтавского боя.

[^^^]

Стр. 586. *Войнаровский* Андрей— племянник Мазепы и его приверженец, герой поэмы Рылеева «Войнаровский».

[^^^]

Благодаря прекрасным распоряжениям и действиям князя Меншикова, участь главного сражения была решена заранее. Дело не продолжалось и двух часов. *Ибо (сказано в Журнале Петра Великого) непобедимые господа шведы скоро хребет свой показали, и от наших войск вся неприятельская армия весьма опрокинута.* Петр впоследствии времени многое прощал Данилычу за услуги, оказанные в сей день генералом князем Меншиковым (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

L'Empereur Moscovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чем и радоваться), recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère

Charles?..

.
 Alors prenant un verre de vin: A la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. — Vous, Messieurs les généraux Suédois; reprit le Czar. — Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.

Перевод:

Московский император, проникнутый радостью, которую он не давал себе труда скрывать... принимал на поле битвы пленников, которых ему приводили толпой, и то и дело спрашивал: «А где же мой брат Карл?»..

.
 Тогда, взяв

стакан вина, он сказал: «За здоровье моих учителей в военном искусстве!» Реншильд спросил его, кого он почтил таким славным титулом. «Вас, господа шведские генералы», — ответил царь. «В таком случае ваше величество очень неблагодарны, — ответил граф, — вы так дурно обошлись со своими учителями» *(франц.) (примечание автора — верстальщик)*.

[^^^]

Стр. 590. *Три... ступени // Гласят о шведском короле.* — После того как Карл XII был наголову разбит под Полтавой, он бежал в Молдавию, находившуюся тогда под турецким владычеством, рассчитывая с помощью турок, воевавших с Россией, возобновить борьбу против Петра. Однако Турция заключила мир с русскими и потребовала, чтобы Карл покинул страну; он сопротивлялся, был обезоружен, арестован и в 1714 г. вынужден был вернуться в Швецию.

[^^^]

Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы родственникам и похоронены в Киевской лавре; над их гробом высечена следующая надпись.

*«Кто еси мимо грядый о насъ
невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положены су-
щи,
Понеже намъ страсть и смерть
повѣлъ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти
вѣщати,
И за правду и вѣрность къ Мо-
нарсѣ нашу
Страданія и смерти испіймо ча-
шу,
Злуданьемъ Мазены, всевѣчно пра-
вы,
Посѣченны зоставше топоромъ
во главы;
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Мате-
ри Владычнѣ,
Подающа всѣмъ своимъ рабомъ
животъ вѣчный.*

Року 1708, мѣсяца іюля 15 дня, посѣчены
среди Обозу войсковаго, за Бѣлою Церковію
на Борщаговцѣ и Ковшевомѣ, благородный
Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ
Искра, полковникъ полтавскій. Привезены
же тѣла их іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ
обители святой Печерской на семь мѣстѣ по-
гребены» (*примечание автора — версталь-*
щик).

[^^^]

Тазит (стр. 593). — Вторая кавказская поэма Пушкина, над которой он работал вскоре после возвращения из Закавказья, в конце 1829 — начале 1830 г., непосредственно связана с вынесенными во время проезда через Кавказ впечатлениями поэта. В частности, открывающая ее картина похорон горца прямо подсказана осетинскими похоронами, при которых поэт присутствовал и которые описывает в «Путешествии в Арзрум». Неоконченная поэма, в рукописи заглавия не имеющая, была опубликована только после смерти Пушкина в «Современнике» 1837 г. под заглавием «Галуб» (неверно прочитанное Жуковским имя отца Тазита). В рукописях Пушкина сохранились наброски планов поэмы. В наиболее подробном из них, кроме первых восьми пунктов, соответствующих написанной части поэмы, вслед за пунктом «сватовство» следуют еще шесть: 9) Отказ, 10) Миссионер, 11) Война, 12) Сражение, 13) Смерть и 14) Эпиграмма. Это бросает некоторый свет на дальнейшее развитие пушкинского замысла: поэт на-

чал было начерно набрасывать стихи, относящиеся к девятому пункту, но на этом работа оборвалась. В дальнейшем Тазит, уже подготовленный к этому его воспитателем (он назван в плане «черкесом христианином»), очевидно, принял христианство, ушел к русским, участвовал на их стороне в войне с черкесами и погиб в бою (возможно, от руки своего отца — сурового и фанатически непримиримого Гасуба).

[^^^]

Стр. 593. *Адехи* — то же, что «адыге» — родовое название черкесов.

[^^^]

Вблизи развалин Татпартуба — место, считавшееся среди черкесов священным и потому обеспечивавшее безопасность всякому, кому удавалось укрыться туда от любого преследования.

[^^^]

Уздени — вассалы владетельных горских князей.

[^^^]

Стр. 594. *Азраил* — по магометанскому верованию ангел смерти.

[^^^]

Домик в Коломне (стр. 601). — Поэма написана в октябре 1830 г. в Болдине. Реально-бытовая стихотворная повесть из жизни петербургской окраины и быта маленьких людей явилась своего рода демонстративным ответом на ожидания реакционных журналистов, требовавших от Пушкина после его возвращения с фронта русско-турецкой войны 1829 г. создания произведений в казенно-патриотическом духе. По свидетельству Гоголя, поэт сначала даже хотел назвать ее «Кухарка». От всех предшествовавших поэм Пушкина «Домик в Коломне» отличается не только новым содержанием, но и новой стихотворной формой: написан пятистопным ямбом, разбитым на особые восьмистишные строфы (так называемые октавы).

Пушкин первоначально предполагал сразу же напечатать поэму, но анонимно. Однако она была опубликована только три года спустя, в 1833 г., в альманахе «Новоселье» за полным именем автора.

Коломной называлась одна из тогдашних

петербургских окраин, заселенных главным образом мелким трудовым людом. Пушкин описывает Коломну по непосредственным впечатлениям: в период между Лицеем и ссылкой он жил в Коломне на Фонтанке, у Калинкина моста, близ Покровского собора («У Покрова»), в доме Клокачева.

[^^^]

Стр. 601. *Шихматов богомольный*, — В 1830 г. поэт Ширинский-Шихматов постригся в монахи.

[^^^]

Стр. 602. *Пустить на пе.* — каламбурное применение карточного термина, обозначавшего удвоение ставки, — дать двойную рифму на «пе»: стопе — канапе.

[^^^]

Стр. 604. *Сочиненъя Эмина*. — Имеется в виду Ф. А. Эмин (ок. 1735–1770) — автор авантюрных романов, весьма популярных в свое время, или его сын Н. Ф. Эмин (ок. 1760–1814), автор чувствительных романов в письмах.

[^^^]

Стонет сизый голубок, // И Выду ль я на реченьку —
популярные песни на слова
И. И. Дмитриева и Ю. А. Нелединского-Мелецкого.

[^^^]

Стр. 606. *Графиня* — графиня Стройновская, урожденная Буткевич, которая ради спасения своей разорившейся семьи вышла восемнадцати лет замуж за семидесятилетнего старика-богача.

[^^^]

Стр. 607. *Гоф-фурьер* — придворный служитель, ведавший дворцовой прислугой.

[^^^]

...гроб на Охту отвезли. — Охта — одна из петербургских окраин, где находилось кладбище для бедноты.

[^^^]

Анджело (стр. 611). — Эта поэма-новелла и вместе с тем поэма-драма начата в феврале, закончена 27 октября 1833 г. в Болдине. В рукописи указано: «Анджело (повесть, взятая из шекспировской трагедии «Measure for measure» («Мера за меру»)). Пьеса Шекспира привлекла к себе сочувственное внимание Пушкина глубокой психологической разработкой образа Анджело. В одной из заметок 1835–1836 г., противопоставляя Шекспира Мольеру, Пушкин писал: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков. Обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера Скупой скуп — и только; у Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера лицемер волочится за женою своего благодетеля, лицемеря; принимает имение под сохранение, лицемеря; спрашивает стакан воды, лицемеря. У Шекспира лицемер произно-

сит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анджело лицемер, потому что его гласные действия противоречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!»

Сперва Пушкин собирался перевести пьесу, но затем вступил на путь свободной переработки, перенеся действие из Австрии в Италию (сам Шекспир заимствовал сюжет пьесы из итальянской хроники). Поэма была опубликована в 1834 г. (в альманахе А. Ф. Смирдина «Новоселье», ч. II).

Критикой, в том числе и Белинским, поэма была встречена резко отрицательно; но сам Пушкин, по свидетельству ближайшего друга последних лет его жизни П. В. Нащокина, ставил «Анджело» очень высоко. «Наши критики, — говорил он Нащокину, — не обратили внимания на эту пиесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучше я не написал».

[^^^]

Медный всадник (стр. 629). — «Петербургская повесть» написана осенью 1833 г. в Болдине (начата 9, закончена 31 октября). «Высочайший цензор» Пушкина, Николай I потребовал переделки ряда мест. 14 декабря 1833 г. Пушкин записал в дневнике: «Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя. Слово кумир не пропущено высочайшей цензурой. Стихи: «И перед младшею столицей // Померкла старая Москва, // Как перед новою царицей // Порфироносная вдова», — вымараны. Во многих местах поставлен (?)». Поэт предпочел отказаться от опубликования поэмы; позднее начал было вносить исправления, но бросил это. При его жизни была напечатана в 1834 г. лишь часть вступления под названием «Петербург. Отрывок из поэмы» в журнале «Библиотека для чтения».

«Медный всадник» был напечатан лишь после смерти Пушкина в «Современнике» 1837 г. (т. V, № 1) с рядом вынужденных, в соответствии с требованиями Николая I, поправок Жуковского (самой существенной было

устранение центрального эпизода — «бунта» Евгения против «самодержавного великана», что резко исказило основной смысл «петербургской повести»). Подлинный текст поэмы впервые полностью опубликован только в советское время.

Наводнение, описываемое в поэме, произошло 7 ноября 1824 г.; оно отличалось особенной силой и причинило огромные разрушения.

[^^^]

Стр. 629. *В. Н. Берх* (1781–1834) — историк и географ, автор книги «Подробные известия о всех наводнениях, бывших в Санкт-Петербурге» (СПб., 1826).

[^^^]

Альгаротти где-то сказал: «Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe»
(*примечание автора — верстальщик*) [45][46]

[^^^]

763

Смотри стихи кн. Вяземского к графине З***
(примечание автора — верстальщик).

[^^^]

Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший петербургскому наводнению, в одном из лучших своих стихотворений — Oleszkiewicz. Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было — Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польскою поэта (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

Граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф (*примечание автора — верстальщик*)
.

[^^^]

Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана — как замечает сам Мицкевич (*примечание автора — верстальщик*).

[^^^]

СКАЗКИ

Сказка о попе и о работнике его Балде (стр. 645). — Написана болдинской осенью 1830 г. Будучи в ссылке в Михайловском, Пушкин писал брату в середине ноября 1824 г.: «...вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!» Тогда же со слов Арины Родионовны Пушкин конспективно записал содержание некоторых сказок. Третья из этих записей легла в основу «Сказки о попе...».

Из всех сказок Пушкина эта наиболее народна и по своей форме: написана стихом рашника и так называемых народных «забавных листов». Это привело в восторг познакомившегося с ней и со «Сказкой о царе Салтане...» Гоголя: «У Пушкина... сказки русские народные — не то что «Руслан и Людмила», но совершенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая».

При жизни Пушкина его сказка по цензурным условиям не смогла появиться в печати и была опубликована только после смерти поэта Жуковским, который вынужден был заменить «попа» «купцом Кузьмой Остолопом», «попадью» — «хозяйкой»; «поповну» — «дочкой» и «попенка» — «сынком». Имя работница — Балда не носит оттенка порицания, что вступало бы в противоречие со всем содержанием сказки, а употреблено в первоначальном народном значении. В нижегородской губернии, где находилось пушкинское Болдино, это: «лесная кривулина, толстое корневище, палица, дубина» (словарь Даля).

[^^^]

Сказка о царе Салтане... (стр. 649). — Художественная переработка в сказку-поэму народной сказки, краткая запись сюжета которой была сделана Пушкиным еще в Кишиневе в 1822 г. В 1824 г. он снова, гораздо подробнее, записал его со слов няни.

В 1828 г. Пушкин начал перелагать эту запись в стихи, но написал только первые четырнадцать стихов, почти совпадающие с окончательным текстом, затем стал набрасывать для себя продолжение ее прозой (прием, неоднократно в творческом процессе им применяемый).

Полностью сказка была написана только в 1831 г. (датирована 29 августа) в порядке своего рода творческого соревнования с В. А. Жуковским, который написал в это время сказки «О спящей царевне» и «О царе Берендее».

[^^^]

Сказка о рыбаке и рыбке (стр. 673). — Написана второй болдинской осенью 1833 г. (датована 14 октября). В основе сказки — сюжет, широко распространенный в фольклоре разных народов. Непосредственным сюжетным источником ее послужила померанская сказка из знаменитого немецкого сборника сказок бр. Гримм «О рыбаке и его жене», но поэт полностью перенес ее на русскую народную почву. Поэтому он опустил написанный было еще один эпизод — о желании старухи стать «римскою папой».

Фольклористами сделан ряд записей пушкинской сказки из уст представителей народа. Написана тем же стихом, что и большинство «Песен западных славян».

[^^^]

Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях (стр. 678). — Написана, как и предыдущая, в Болдине (закончена 4 ноября). В основе ее — седьмая и последняя до нас дошедшая из записей народных сказок со слов Арины Родионовны.

[^^^]

Сказка о золотом петушке (стр. 691). — Написана третьей болдинской осенью 1834 г. (в рукописи дата окончания: Болдино, 20 сентября 1834 года, 10 часов 53 минуты). Сюжет подсказан «Легендой об арабском звездочете» из сборника «сказок Альгамбры» северо-американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783–1859), но этот литературный сюжет также разработан в духе русского народного творчества. Возможно, предвидя цензурные затруднения, поэт сам заменил в тексте стихи «Помолясь Илье пророку» и «Но с царями плохо вздорить» на «Сам, не зная, быть ли проку» и «Но с иным накладно вздорить». Последняя замена особенно знаменательна. Как раз в том же 1834 г. поэт во внешне шуточных топах, но по существу весьма серьезно писал в одном из писем к жене об их маленьком сыне: «Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил», — и многозначительно добавлял: «Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В

стихах он отца не перещегооляет, а плетью
обуха не перешибет» (письмо 20–22 апреля
1834 г.). Через два месяца Пушкин подал про-
шение царю об отставке, но последний встре-
тил это такими недвусмысленными угроза-
ми, что глубоко возмущенный поэт вынуж-
ден был взять свою просьбу обратно. Поэт от-
метил в своем дневнике (февраль 1835 г.):
«Цензура не пропустила следующие стихи в
сказке моей о золотом петушке: «Царствуй,
лежа на боку» и «сказка ложь, да в ней намек,
добрым молодцам урок». Времена Красовско-
го возвратились. Никитенко глупее Бируко-
ва». С цензурными искажениями сказка и по-
явилась в печати: «предосудительные» места
были заменены многоточиями.

Д. Благой

[^^^]